

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ВЕСТНИК СНО – 2026

Сборник студенческих научных работ

2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ВЕСТНИК СНО – 2026

Сборник студенческих научных работ

Белгород 2026

УДК 378:001.8
ББК 74.480.278(2…)
В 38

В 38 **Вестник СНО – 2026:** сборник студ. науч. работ / под ред. Я.В. Выродовой, Е.Н. Гнездиловой, Е.Г. Катуниной, М.С. Потаповой. – Белгород: ЦПП НИУ «БелГУ», 2026. – 369 с. – URL : http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/67615. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-4116-7

В сборнике представлены результаты научно-исследовательской работы студентов Белгородского государственного национального исследовательского университета по итогам 2026 года НИУ «БелГУ». В предлагаемом сборнике рассматриваются актуальные проблемы в области гуманитарных, технических и естественных наук.

Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 378:001.8
ББК 74.480.278(2…)

ISBN 978-5-9571-4116-7

© НИУ «БелГУ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. Гуманитарные науки

Асадуллаев А.Ю. КОНВЕРСАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА РЕГИОНАЛЬНОГО СМИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ FONAR.TV). Н. рук. Ушакова С.В. 9

Бахтыярова А. ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ. Н. рук. Шевченко Е.М. 14

Бец Е.В. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М. 17

Бивол Е.Е. ЛАТИНСКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ВИДЕОИГРАХ: ФУНКЦИИ, АДАПТАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ АУДИТОРИЕЙ. Н. рук. Колесникова А.А. 21

Бутримова Е. А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М. 24

Ванифатьева К.Е. ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Н. рук. Шевченко Е.М. 28

Васильчук К. Ю. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ Н. рук. Счастливенко Т.В. 32

Войлоков Б. М. ДИЛЕММА ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ В СОЧИНЕНИЯХ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО И ИОАННА ЗЛАТОУСТА. Н. рук. Литовченко Е.В. 35

Гайворонская С. А. ФИНАНСОВЫЕ КРИЗИСЫ XX ВЕКА: МИРОВОЙ ОПЫТ, КАНАЛЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ Н. рук. Счастливенко Т.В. 39

Грызлова А. Н. ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НА ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М. 43

Гузиёва В. С. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ: ПЕРЕХОД ОТ СИНТЕТИЗМА К АНАЛИТИЗМУ. Н. рук. Шевченко Е.М. 46

Дудникова Д. А. ЛЕКСЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ. Н. рук. Шевченко Е.М. 50

Дьякова А. И. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М. 53

Ерин С. В. УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ. Н. рук. Счастливенко Т.В. 56

Ермолович Р. А. К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОСТРОЙКАХ ГОРОДОВ ФРИГИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИЧНОГО ПОЛИСА. Н. рук. Болгов Н.Н. 60

Жарикова П.С. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Н. рук. Колесникова А.А. 63

Золотарева Н. М. РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ Н. рук. Счастливенко Т.В. 66

Иванова В. В. ПРИЁМ КОМПЕНСАЦИИ: ОБЗОР ПОДХОДОВ И АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН» Н. рук. Шейфель Н.А. 70

Колий А. В. ГЕОРГИЙ ГЕРАСИМОВИЧ ЧЕРНОВ (1916-1944) – ЗЕМЛЯК-ГЕРОЙ. Н. рук. Болгов Н.Н. 75

Лёвкина Е.А. ОТРАЖЕНИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПЕРЕВОДЕ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДВУХ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ). Н. рук. Шейфель Н.А. 77

Листвина Е. Б., Галич Д. В. ИНСТИТУТ АФФИДЕВИТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И КИПРА) Н. рук. Сахно Ю. А. 81

Минакова Ю.Д. СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Н. рук. Шевченко Е.М. 86

Моисеева Е.Д. СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОДИМ БЕЛГОРОДСКИЙ И СЛЕДЫ ЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛГОРОДЕ. Н. рук. Липич Т.И. 91

Муртазин И.А. ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ НА КРИТЕ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ. Н. рук. Болгов Н.Н. 94

Мухартов Н. А. ПОЛИТИКА УПРОЩЕНИЯ ИЕРОГЛИФОВ В КИТАЕ. Мокрищева В.С. 97

Мясоедова Е. А. ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА ПРИГРАНИЧЬЯ: БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ЭПИЦЕНТР ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ Т.В. Счастливенко....102

Назаренко П. Е. ЭВОЛЮЦИЯ КРЕДИТНЫХ ДЕНЕГ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА Счастливенко Т.В. 107

Нерубенко П.Р. АДАПТАЦИЯ РУССКИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ. Н. рук. Нерубенко Н.В. ..111

Нижник А.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И.А. ИЛЬИНА: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ. Н. рук. Зуева Е.А. 114

Осипова А. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. Н. рук. Шевченко Е.М. 119

Плетеник А. И. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ФОНЕ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ Счастливенко Т.В. 124

Подгорнева А. В. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Н. рук. Шевченко Е. М. 128

Семенихина С.А. ФЕТЫ И ИХ СТАТУС В ПОЭМАХ ГОМЕРА. Н. рук. Семичева Е.А. ..132

Силютина В. С. ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ. Н. рук. Счастливенко Т.В. 136

Сотникова Д.Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИАЛОГОВОЙ RAG-СИСТЕМЫ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИНСТРУКЦИЙ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЕ И ЧС. Н. Рук. Пупынина Е.В. 139

Уварова Е.А. ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕИСКРЕННОСТИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. Н. рук. Середина Е.В. 143

Углова Л. Д. БЕЗРАБОТИЦА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА, СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И ОЦЕНКА СКРЫТЫХ ФОРМ. Н. рук. Счастливенко Т.В. ...147

Фадеева А.А. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КНИЖНОГО ДИЗАЙНА Н. рук. Карпенко И.И. 151

Фролова Е.И. ПАТРИОТИЗМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ.
Н. рук. Семченко И.В. 155

Шевцова А. Ю. РАЗВИТИЕ МОБИЛЬНЫХ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ
ДЛЯ МОЛОДЁЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭФФЕКТ Н. рук. Семченко И.В.....157

Шинягин А. М. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ РЫНКА ТРУДА
И КОНТУРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ Счастливенко Т.В. 160

Шишкина А.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ
С МАРКЕРАМИ ЛЖИ. Н. рук. Середина Е.В. 164

Шубина Д. И. ИНВЕСТИЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ Н. рук. Счастливенко Т.В. 168

Раздел 2. Педагогические и психологические науки

Бабенко В. А. ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА
Н. рук. Гончарук С. В. 171

Баланова В.Э. ВЛИЯНИЕ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.
Н. рук. Мирошникова О.С.....175

Белик А.В. ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ
В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ Н. рук. Трикула Л.Н. 179

Беликова С. С. СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
ПРИ ПОМОЩИ ПОВЫШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ. Н. рук. Гончарук С.В. ..184

Богданова Г.И. ВЛИЯНИЕ ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ. Н. рук. Чернявских С.Д. 188

Бондарь А.А. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. Н. рук. Анохина С.В. 191

Быкова В.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ
ШКОЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА ПО БИОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ.
Н. рук. Чернявских С.Д. 196

Василевская А. М. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ. Н. рук. Гончарук С.В. 198

Гридчина Е.В. РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ПРАВОПИСАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ АЛГОРИТМИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ.
Н. рук. Рождественская Р.Л. 201

Гришакова О.В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ОТ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ. Н. рук. Еременко О.И. ..205

Губернаторова А.О. ГЕЙМИФИКАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ
В СИСТЕМУ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. Н. рук. Гончарук Я.А. 209

Гудкова Н.А. ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.
Н. рук. Яковлева Т.В. 212

Данилова Т.И. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВНИМАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.
Н. рук. Доронина Н.Н. 216

Журавлева Е.Е. ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧАТ-БОТОВ С ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКЕ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ. Н. рук. Беляева И.Н. 219

С.Н. Дебёлая, И.О. Иванов, И.Г. Комарова. АНАБОЛИЧЕСКИЕ СТЕРОИДЫ VS НАТУРАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ: ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ДАЁТ ДОПИНГ, ПОЧЕМУ ОН ЗАПРЕЩЕН И ЧЕМ ОПАСЕН....222

Кутепова О. С. ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТУЮ СИСТЕМУ Н. рук. Гончарук С. В. 226

Маркова В.В. ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ. Н. рук. Кузнецова Л.Б.....230

Мещерякова А.В. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ Н. рук. Трикула Л.Н. 234

Д.А. Краснова, Д.Н. Мироненко, И.Г. Комарова ОСНОВЫ ПРАВИЛЬНОГО ПИТАНИЯ ПРИ ЗАНЯТИЯХ СПОРТОМ....237

Недзельская В.В. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА КАК СРЕДСТВО ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАКТИКИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА Н. рук. Макотрова Г.В. ..240

Новикова А.Ю. МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СКОРОСТНО-СИЛОВЫХ КАЧЕСТВ У ДЕВОЧЕК СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ЗАНЯТИЯХ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКОЙ. Н. рук. Бывшева Д.В. 244

Пестова Д.А. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ. Н. рук. Гончарук Я.А. 248

Радушко А.Р. СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ. Н. рук. Полякова Ю.А. 251

Романова А.Е. ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ. Н. рук. Ткаченко Н.С. 255

Рыбцова А.А. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Ерошенкова Е.И.....258

Свиридова З. А., Биц Ю.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ Н. рук. Гончарук С. В. 262

Селютина Е.А. БАЗОВЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ, НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ПРИМЕНЯЕМЫЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н. рук. Беляева И.Н. 265

Урванцева Т. В. ПРИНЦИПЫ СВОБОДНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ. Н. рук. Маматов П.Г. 268

Уханёва Д.А. СИНДРОМ ЦИФРОВОЙ УСТАЛОСТИ (ZOOM FATIGUE) В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ. Н. рук. Гальцева О.А. 271

Халенко Т.Р. НЕПРЕРЫВНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИОННОЕ И ОСОБЕННОЕ. Н. рук. Кормакова В.Н.....275

Чекризова Е. А. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ: МЕТОДИКА РАБОТЫ С АРХАИЗМАМИ И ИСТОРИЗМАМИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. Н. рук. Еременко О.И. 278

М. А. Коноплева, Е. В. Черных, И. Г. Комарова ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА 282

Шайхутдинов Н.М. ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ БРОСКА В ПРЫЖКЕ
У ГАНДБОЛИСТОВ 12–15 ЛЕТ. Н. рук. Воронин И.Ю. 286

Шальнева А.С. СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ У СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. Н. рук. Худаева М. Ю. 289

Шмагаревская А.И. ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.
Н. рук. Кузнецова Л.Б. 292

Щуренкова Е.А. РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА.
Н. рук. Иващенко Е.В. 295

Раздел 3. Естественные науки

Григорьева О.В. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА АССОРТИМЕНТА
ЛЕЧЕБНЫХ ПЛАСТЫРЕЙ НА РОССИЙСКОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ РЫНКЕ.
Н. рук. Никитин Р.О. 299

Катунина Е.Г. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ФОТОСИНТЕТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДРЕВЕСНЫХ РАСТЕНИЙ
НА КАРБОНОВОМ ПОЛИГОНЕ НИУ «БелГУ» Н. рук. Голеусов П.В. 304

Nadia M. UNDERSTANDING GLOBAL LIFE EXPECTANCY: A COMPARISON
BETWEEN NATIONS. Sc. head Zhirova I.V. 310

Salim T.A ASSESMENT OF THE GLOBAL ARCHITECTURE OF PHARMACEUTICAL
INFORMATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SYSTEMS, SAFETY, AND
REGULATION. Sc. head Zhirova I.V. 313

Талджеббини А. АНАЛИЗ КАРБОНАТНЫХ ПРОФИЛЕЙ И pH В ВЫЩЕЛОЧЕННЫХ
И ТИПИЧНЫХ ЧЕРНОЗЕМАХ ЮГА СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ.
Н. рук. Чендев Ю.Г. 317

Хамхоева Д.А-Я. СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА
СРЕДСТВ ГОРМОНАЛЬНОЙ КОНТРАЦЕПЦИИ В УСЛОВИЯХ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ. Н. рук. Никитин Р.О. 321

Mahmoud H. CURRENT STATE OF PHARMACEUTICAL SUPPLY IN SYRIA.
Scient. Head Spichak I.V., Zhirova I.V. 325

Раздел 4. Медицина и педиатрия

Бахмудова Е.А., Водопьянов Р.А. ПОКАЗАТЕЛИ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ В РФ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПРОГРАММ (2014–2024 ГГ.). Н. рук. Амирханова Ч.Р. 329

Верикова К.В. ОЖИРЕНИЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ –
СКРЫТАЯ ЭПИДЕМИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. Н. рук. Шенцева И.Н. 332

Долгих С.А. МНОГОПЛОДНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ ПОСЛЕ ЭКО: ОСЛОЖНЕНИЯ
И РИСКИ. Н. рук. Демченко И.В. 336

Капаева А.Н. СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ В РАБОТЕ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ
ПРИ АЛЛЕГИИ У ДЕТЕЙ. Н. рук. Шенцева И.Н. 340

Колосова А.А. ЛЕЙКОЗЫ: ДЕТСКАЯ И ВЗРОСЛАЯ ОНКОГЕМАТОЛОГИЯ.
Н. рук. Шенцева И.Н. 345

Морозова Ю. А. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ЛЕЧЕНИЯ COVID-19
В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ. Н. рук. Калугина Д. В. 349

Ордынец М.А. СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ ПРИ ГЕЛЬМИНТОЗАХ У ДЕТЕЙ. Н. рук. Шенцева И.Н.....352

Фёдорова С.П. Серебренникова П.С. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЫРАЖЕННОСТИ ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОЙ СИМПТОМАТИКИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ Н. рук. Ромащенко О.В. Золотухин Д.И. 357

Раздел 5. Государство и право

Доронин М.А. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПОЧЕМУ ГУМАНИТАРНЫЕ «ИМПЕРАТИВЫ» ИМЕЮТ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ? Н. рук. Пасенов А.Н. 360

Раздел 6. Инженерные науки

Мурашко И.С. АВТОМАТИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА В КОНТУРЕ B2B-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПЛАТФОРМЕ 1С. Н. рук. Ключкина В.А. 365

Раздел 1. Гуманитарные науки

Асадуллаев А.Ю. КОНВЕРСАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА РЕГИОНАЛЬНОГО СМИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ FONAR.TV). Н. рук. Ушакова С.В.

В настоящее время имманентно присущее языку свойство непрерывного изменения проявляется в ускорении темпов и масштабов этих изменений, затрагивающих все его уровни, что обусловлено медиатизацией всех аспектов жизни общества. При этом всегда проблемными остаются вопросы принятия этих изменений языковым и профессиональными сообществами, поскольку изменения, наблюдаемые в тот или иной период, могут квалифицироваться как проявление отмеченной исследователями долгосрочной тенденции к узуализации каких-либо единиц и форм (вариант или обновление нормы), как нарушение нормы, как проявление низкой речевой культуры и даже как антинорма. Лингвистический мониторинг разных сфер коммуникативной деятельности показывает их разнообразие и различную интенсивность, зависящие от разных факторов, но наиболее репрезентативной областью остаётся медиасфера, в которой изменения отражаются наиболее концентрированно и в разных сегментах которой можно наблюдать тенденции, в значительной степени обусловленные такими типологическими характеристиками СМИ, как территория охвата, форма распространения и содержательно-тематический характер информации.

С этих позиций научный интерес представляет изучение характера языковых изменений, отражающихся в региональных СМИ, которые функционируют в локальном контексте и формируют собственные языковые практики на стыке литературной нормы, разговорной речи и цифрового сленга. Изучение этих процессов позволяет определить границы между естественным развитием языковой системы и явлениями, снижающими уровень речевой культуры.

Теоретической основой исследования послужили идеи В.Г. Костомарова, рассматривающего норму как динамическое явление и предлагающего сложную модель, включающую «норму – ненорму – антинорму», где под антинормой понимается «функционально не обусловленное употребление жаргонизмов, элементов просторечия и арго, вызывающее социальное неприятие» [3, с. 13]. В.Г. Костомаров подчёркивает, что развитие языка обусловлено потребностями общества, поэтому оценка инноваций должна учитывать их оправданность в конкретных условиях общения [3]. Скорость этих процессов сегодня столь высока, что, по утверждению М.А. Кронгауза, специалисты часто не поспевают за изменениями в языке, и «тем самым отчасти теряется, расползается понятие нормы» [4, с. 775]. В контексте лингвоэкологии, исследующей язык через призму экологического мировоззрения [6], медиасреда выступает «важнейшей формой существования общенародного языка» [5, с. 123], где оперативно фиксируются, комментируются и легитимизируются новые коммуникативные модели [5].

В качестве значимой тенденции, проявляющейся в русском языке с конца прошлого века, зафиксирована своеобразная демократизация синтаксиса: письменная в своей основе речь СМИ заимствует структуры устной речи [7], а значит, и их стилистическую окраску. В частности, в газетных и сетевых текстах распространяются парцелляция, элементы аналитизма, неполные и односоставные предложения, вводные и вставные конструкции, вопросно-ответные комплексы, то есть, с точки зрения коммуникативного синтаксиса, ресурсы импрессивной рематической доминанты и, соответственно, реактивного и репродуктивного коммуникативных регистров [2]. Интерпретируется это как проявление устойчивой тенденции к конверсализации – сближению с устной речью, что продиктовано установкой на быстрое восприятие контента и эмоциональное вовлечение аудитории, наглядно демонстрируемой региональными интернет-СМИ. Эмпирическим материалом, иллюстрирующим отмеченные процессы, в данной работе послужили публикации белгородского сетевого издания «Фонарь» (FONAR.TV).

Так, одним из ярких проявлений отмеченной тенденции является широкое использование неполных и односоставных конструкций для создания репортажного эффекта (то есть эффекта непосредственного присутствия). Так, в тексте к фоторепортажу используется цепочка номинативных предложений в составе сложного: *«Грязь, холод, неприятный запах, тяжёлая физическая работа – обычный рабочий день сотрудников аварийной службы»* (Невидимая часть городской жизни. Как в Белгороде прочищают засоры канализации. – Фонарь, 2025. – Режим доступа: https://fonar.tv/photorep/2025/10/07/nevidimaya-chast-gorodskoy-zhizni-kak-v-belgorode-prochischayut-zasory-kanalizacii). Вместо нейтрального описания автор использует цепочку таких предложений, создающих наглядность и экспрессию. В этой же публикации встречается элементарное нераспространённое двусоставное предложение *«Город задыхается»*. Данным олицетворением (разновидностью метафоры) автор заменяет стандартные формулировки общего вида «коммунальная система испытывает нагрузку», что позволяет обозначить важность проблемы через апелляцию к эмоциям за счёт образности.

Тенденция к конверсализации наблюдается и в обильном использовании вопросительных структур для диалогизации текста. Так, в личной истории о медиапроекте «ЕЛгород» (Галлямова П. «ЕЛгород». Как два журналиста из Белгорода превратили обзоры на еду в комедийное шоу. – Фонарь, 2025. – Режим доступа: https://fonar.tv/article/2025/07/18/elgorod-dva-zhurnalista-iz-belgoroda-prevratili-obzory-na-edu-v-komediynoe-shou), журналист в лиде использует риторический вопрос: *«Как выбирают заведения и зачем отказались от десертов?»*, предполагающий более активную реакцию аудитории, что подтверждает тезисы исследователей о стремлении журналистов эффективно воздействовать на читателя и применении «разговорных синтаксических элементов именно с этой целью» [7, с. 163].

Данный процесс проявляется не только на уровне предложения, но и на уровне словосочетаний и словоформ, наиболее ярко это выражено тенденцией к использованию предложно-падежных форм вместо беспредложных в синтаксическом управлении. Так, в приведённом тексте фиксируется

ненормативное *«обзоры на...»* при норме – беспредложной форме «обзор чего-либо», а также конструкции с предлогом «про», обозначающие предмет речи, характерные для устных форм: *«…не про гастрономическую критику, а про шутки»*.

Специфический региональный контекст также порождает новые синтаксические формы. В заголовке публикации о белгородских школьниках используется словоформа *«под сирену»*, которая выступает как разговорно-образное синтаксическое сокращение от «под звуки сирены» (Вергун А. «Когда началась СВО, мне было 11». Истории белгородских школьников, которые взрослели под сирену о ракетной опасности. – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/article/2026/05/26/kogda-nachalas-svo-mne-bylo-11-istorii-belgorodskih-shkolnikov-kotorye-vzrosleli-pod-sirenu-o-raketnoy-opasnosti). Кроме того, в том же тексте форма синтаксического управления *«сирена о..»*, возникшая по аналогии со словоформой «сигнал о..», отражает локальные речевые изменения последних лет. Здесь же фиксируется пример компрессии: *«занимались по видео»* вместо нормативных «по видеосвязи» или «дистанционно».

Анализ лексики региональных СМИ демонстрирует тенденцию к размыванию стилистических границ. Эта тенденция связана с широким использованием стилистически сниженной лексики с целью достижения «народной» стилистической окраски. Появляются маркеры сниженно-разговорной речи, такие как, например, конструкция с приложением *«мужики-работяги»* вместо нейтрального «рабочие» (Невидимая часть городской жизни. Как в Белгороде прочищают засоры канализации. – Фонарь, 2025. – Режим доступа: https://fonar.tv/photorep/2025/10/07/nevidimaya-chast-gorodskoy-zhizni-kak-v-belgorode-prochischayut-zasory-kanalizacii), регулярно используемая лексема *«легковушка»* вместо нормативного «легковой автомобиль» или номинация–марка автомобиля (Дискейн Е. Вячеслав Гладков рассказал о последствиях атак ВСУ на Белгородскую область 23 февраля. – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/news/2026/02/24/vyacheslav-gladkov-rasskazal-o-posledstviyah-atak-vsu-na-belgorodskuyu-oblast-23-fevralya). При описании рекордов используется разговорный глагол «дотянуть» в значении «достичь результата»: *«До рекорда Новороссийска… Белгород не дотянул»* (Как в Белгороде Екатерины и Кати вместе пели «Катюшу». – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/photorep/2026/05/12/kak-v-belgorode-ekateriny-i-kati-vmeste-peli-katyushu). Это создаёт в тексте эффект «народности».

В региональных СМИ наблюдается также тенденция к «эмпатизации» номинаций в материалах социальной тематики. В медиатекстах региональных СМИ наблюдается регулярное замещение нейтральных терминов родства («мать», «отец») номинациями, относящимися к личной сфере говорящего, но не экзегетического повествователя–автора публикации («мама»). Например, в новости о коммунальных спорах указывается: *«...прописаны мама и сестра Антона. Сначала долг выставили на... маму Антона»* (Дискейн Е. Белгородский ЦЭБ ответил на жалобу стипендиата президента из-за долгов за вывоз мусора. – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/news/2026/05/06/ceb-otvetil-na-zhalobu-stipendiata-prezidenta-iz-za-dolgov-za-vyvoz-musora). В нейтральной

форме нормой является дескриптор «мать». Аналогично в репортаже об исполнении песни «Катюша» та же номинация используется в ряду однородных подлежащих *«мамы, бабушки и совсем маленькие девочки»* (Как в Белгороде Екатерины и Кати вместе пели «Катюшу». – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/news/2026/05/06/ceb-otvetil-na-zhalobu-stipendiata-prezidenta-iz-za-dolgov-za-vyvoz-musora). Это создаёт атмосферу коллективной домашней близости, снижая официальную дистанцию сообщения.

Использование существительного из разговорной сферы «стройка», употребляемого вместо нейтрального «строительство» также отражает названную тенденцию: *«…первый этап стройки»* (Дискейн Е. Ремонт белгородского госпиталя для ветеранов войн подорожал до 859 миллионов рублей. – Фонарь, 2026. – Режим доступа: https://fonar.tv/news/2026/05/27/remont-belgorodskogo-gospitalya-dlya-veteranov-voyn-podorozhal-do-859-millionov-rubley). Слово «стройка» в норме применимо не к процессу строительства, а к существующему в пространстве объекте, на котором этот процесс происходит. Ещё один аспект конверсализации – употребление в медиатексте аббревиатур из профессионально-бытовой сферы, когда словосочетание трансформируется в однословную номинацию–сложносокращённое слово. Так, в той же новости используется слово «капремонт»: *«Ему предстоит… провести капремонт»*. В строго информационном контексте подобные слова создают стилистический диссонанс, замещая кодифицированные понятия «капитальный ремонт» и «строительство».

Язык белгородских медиа активно пополняется также заимствованиями из цифровой среды, поскольку именно новые медиа в настоящее время стимулируют новые тенденции, раздвигая прежние границы допустимого, что «играет важную роль в формировании языкового вкуса современников» [1, с. 11]. Медиаконтент насыщается терминами платформенной коммуникации: *«...определились с самым значимым белгородским инфлюэнсером»* (вместо «лидером мнений»), *«предновогодний лайк»* (Маслов А., Урсула В. Итоги 2025 года в Белгородской области. От громких арестов к тихим победам. – Фонарь, 2025. – Режим доступа: https://fonar.tv/article/2025/12/31/itogi-2025-goda-v-belgorodskoy-oblasti-ot-gromkih-arestov-k-tihim-pobedam-v-alfavitnom-poryadke). В ряде случаев стирание границ между профессиональным текстом и логикой соцсетей приводит к интеграции в ткань статьи иконических знаков, смайлов и междометий: *«Й – „Й“, – пусть это будет возглас, который мы направим в будущее:-)»*.

Проведённый анализ подтверждает, что современное региональное медиапространство Белгородской области можно рассматривать как зеркало языковых изменений. Основными векторами трансформации выступают демократизация и конверсализация синтаксиса, а также тенденция к конверсализации стилистической окраски текста с целью повышения его эмпатичности за счёт использования знаков, придающих ярко выраженную субъективную модальность, номинаций из разговорно-бытовой сферы и из сферы цифровых технологий. Данные процессы демонстрируют динамический баланс между стремлением к коммуникативной эффективности медиатекста и риском деградации традиционной речевой культуры.

Литература

1. Ермаковская Т.А., Сафонова Н.Н., Руднева О.В. Медиатекст в фокусе демократизации языка (лингвистический портрет времени) [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – №1 (Т.13). – С. 1-13. – Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/35FLSK122.pdf.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К, Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
3. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие нормы // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С. 13-19.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Электронный ресурс]. – М.: АСТ : CORPUS, 2017. – Режим доступа: https://books.yandex.ru/books /rZAaUgEW.
5. Полонский А.В., Глушкова В.Г., Ряполова М.А. Язык наших медиа // Мир науки. Серия «Социология, филология, культурология». – 2021. – № 2 (Т.41). – С. 123-130.
6. Трошина Н.Н. Экология языка: аналитический обзор. – М.: Центр гуманитарных научно-информационных исследований Отдела языкознания ИНИОН РАН, 2020. – 54 с.
7. Элатик Ахмед Атийях. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (Т.64). – С. 161-168. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-razgovornogo-sintaksisa-v-yazyke-sovremennyh-rossiyskih-elektronnyh-smi.

Бахтыярова А. ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ. Н. рук. Шевченко Е.М.

Освоение английского языка в начальных классах расширяет образовательные возможности ребёнка. Ранний старт обучения педагогически оправдан: возрастные особенности младших школьников позволяют продуктивно развивать языковые навыки. При этом ключевое место занимает восприятие речи на слух, поскольку именно оно служит опорой для общения и дальнейшего продвижения в языке.

При организации восприятия звучащей речи у младших школьников необходимо исходить из особенностей возраста. Им проще удерживать содержание, когда оно подкреплено наглядностью; однообразные действия быстро снижают внимание, тогда как игровые и эмоционально окрашенные формы поддерживают включённость. В силу чего далее рассматриваются последовательные приёмы работы с аудиоматериалом.

1. Этап до предъявления аудиотекста. На данном этапе предварительные действия нужны не сами по себе. С их помощью снимают вероятные затруднения, актуализируют уже знакомые единицы и заранее настраивают детей на содержание будущего прослушивания.

Рассмотрим основные приёмы.

• До включения записи полезно организовать короткую беседу по её теме. Опираясь на картинки, учитель задаёт простые вопросы на русском языке или в пределах уже усвоенного английского: «Who do you see?», «What is this?», «Where are they?», «Who is this?», «Is this your family?». Если запись связана с семьёй, уместно взять фотографии и обсудить их содержание. Подобный ход описан в работах Е. С. Моисеевой, А. В. Незамаевой [4].

• Когда в записи встречается новая лексика, её целесообразно ввести заранее через предмет, изображение или движение. Сначала учитель проговаривает нужные слова и добивается узнавания: «This is a dog», «A dog», «This is a cat», «A cat». Затем карточки раскладываются перед классом, дети закрывают глаза, одна убирается, после чего проводится игра «What’s missing?» и называется исчезнувшее слово. Такой способ рекомендуют З. Н. Никитенко, М. Л. Ибакаева, М. Л. Кусова [2;5].

• Ещё до прослушивания можно предложить детям догадаться о дальнейшем содержании. Основанием для прогноза становятся заголовок, иллюстрация или несколько опорных слов; иногда достаточно первой реплики, чтобы учащиеся высказали предположение о развитии сюжета. Такой вид подготовки согласуется с требованиями Федеральной рабочей программы (ФРП).

• Перед началом работы с записью ребёнок должен точно понимать, какое действие от него ожидается. Инструкция может быть сформулирована, например, так: «Listen and number the pictures from 1 to 3»; в этом случае внимание направляется на соотнесение услышанного и изображений в порядке «1 to 3» [1].

2. Этап во время прослушивания. На этом этапе важно не только уловить содержание текста, но и извлечь нужные сведения, а также закрепить языковые единицы, встречающиеся в записи.

Проиллюстрируем типичными заданиями.

• Первое предъявление записи обычно ориентируют на общее понимание. После него детям предлагают выбрать подходящую картинку, определить, верно ли утверждение, либо кратко передать основную мысль; возможен формат «True or False?» [3].

• При повторном обращении к аудиотексту работа становится более точной. Для языковой тренировки используются команды «Listen and repeat», задания на заполнение пропусков и поиск единиц с определённым звуком: «Listen and find the words with sound [s]», где внимание сосредоточено на [s]. Для выборочного понимания подходят вопросы о персонажах, например о Mary и John, поиск нужного варианта по отдельному признаку, а также задание «Listen and count». После короткого диалога возможна его парная репродукция. Такие виды работы упоминают К. В. Купрюхина, М. Ю. Белова [3;1].

• Ещё одно прослушивание может быть направлено уже не на детали, а на целостное осмысление и личную реакцию. Более подготовленным учащимся предлагают передать содержание своими словами; кроме того, допустимы вопросы об отношении к героям или обсуждение впечатления от прослушанной песни. Подобные задания предусмотрены ФРП для 4 класса.

3. Этап после прослушивания. После завершения работы с записью необходимо, с одной стороны, проверить точность понимания, а с другой – использовать полученную информацию как основу для последующих высказываний в устной и письменной форме.

Далее обозначены соответствующие виды работы.

• Проверка понимания может охватывать и общий смысл, и отдельные детали. Для этого подходят устные или письменные вопросы, упражнения с пропусками, выбор ответа из нескольких, соотнесение текста с картинкой, а также восстановление последовательности событий. Такой набор соответствует положениям ФРП.

• Следующее направление связано с переходом от восприятия к собственному высказыванию. Для развития устной речи применяются пересказ в упрощённом виде, описание по словам-опорам или изображениям, воспроизведение диалога по образцу и ролевое взаимодействие [5].

При обучении аудированию актуальны следующие рекомендации:

1. При отборе аудиоматериалов ориентируются на возрастные пределы, закреплённые в ФРП: для 2 класса уместна запись не длиннее 40 секунд. Для учащихся 3–4 классов верхняя граница увеличивается до 1 минуты.

2. В содержание занятий целесообразно вводить тексты, стихи и игровые задания, связанные с родным краем школьников.

3. Контроль выполнения задания рационально строить поэтапно.

- На первом этапе устанавливают, правильно ли ребёнок понял задание ещё до начала выполнения.
- Далее наблюдение ведут по рабочим тетрадям и промежуточным пометкам, внося коррекцию по ходу работы.
- Завершающий этап связан с итоговой оценкой; она может быть и устной, и письменной.

4. Чтобы восприятие иноязычной речи не оставалось статичным, полезно сочетать его с движением и игровыми командами. Для этого подходят Simon says, Listen and Do, а также короткие инструкции типа Touch your nose. Подобные формы, как отмечают Е. С. Моисеева, А. В. Незамаева, помогают дольше удерживать сосредоточенность детей [4].

5. Результативность обучения выше там, где поддерживается спокойная и доброжелательная атмосфера.

6. Полезно включать цифровые и наглядные средства: видео, анимацию, интерактивные форматы.

7. К учебному процессу стоит привлекать родителей через консультации, открытые занятия и совместные мероприятия.

Таким образом, важна не разрозненная практика, а выстроенная линия работы. При ее проектировании необходимо соотносить особенности младшего возраста с требованиями школьных нормативов. Регулярное применение таких приемов подготавливает дальнейшее освоение английского языка. Одновременно у детей младшего школьного возраста складываются предпосылки для общения.

Литература

1. Белова, М. Ю. Характеристика методов и средств использования аудирования как вида речевой деятельности в обучении иностранному языку в старшей школе / М. Ю. Белова ; Московский информационно технический университет – Московский архитектурно строительный институт, факультет лингвистики. – Текст : непосредственный // Вестник современной педагогики. – 2024. – № 5. – С. 112–118. – УДК 373.

2. Ибакаева, М. Л. Совершенствование умений аудирования младших школьников в учебной деятельности / М. Л. Ибакаева, М. Л. Кусова // Образование и наука. – 2020. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-umeniy-audirovaniya-mladshih-shkolnikov-v-uchebnoy-deyatelnosti (дата об-ращения: 02.04.2026).

3. Купрюхина, К. В. Методы формирования и развития навыков аудирования на уроках английского языка / К. В. Купрюхина ; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ростов на Дону, 15 апр. 2023 г. / редкол.: И. А. Петрова [и др.]. – Ростов на Дону : РИНХ, 2023. – С. 78–83. – УДК 372.881.111.1.

4. Моисеева, Е. С. Специфика обучения аудированию в начальной школе / Е. С. Моисеева, А. В. Незамаева // Интеграция науки, общества, производства и промышленности : сбор-ник статей Международной научно практической конференции (Тюмень, 17 мая 2019 года) : в 3 ч. – Уфа : ООО «ОМЕГА САЙНС», 2019. – Ч. 3. – С. 98–102.

5. Никитенко, З. Н. Иностранный язык в начальной школе: теория и практика : учебник для бакалавров / З. Н. Никитенко. – 4 е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 324 с. – ISBN 978-5-9765-3773-6.

Бец Е.В. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М.

Мышление, культура и вербальное пространство человека связаны неразрывно. В лингвистической науке язык давно перестали рассматривать как замкнутую знаковую систему, служащую только для передачи информации. Сегодня его понимают, как отражение национального сознания и человеческой души. Учёт культурного и эмоционального аспектов языка необходим для успешной международной коммуникации. Самым ярким, эмоциональным и по-настоящему вдохновляющим фрагментом этой языковой системы является фразеологический фонд, способный эффективно продемонстрировать механизмы взаимодействия языка, сознания и культуры.

При теоретическом описании языковых систем часто возникает противоречие между формальным грамматическим каркасом языка и его образным содержанием. Структурные подходы, как правило, ориентируются на анализ денотативных, линейных значений лексем. Фразеологические единицы при таком подходе остаются без внимания, поскольку их значение не сводится к сумме значений компонентов. Идиомы и устойчивые выражения представляют собой ядро народной мудрости. А они в свою очередь рождаются из эмоций, исторических потрясений и бытовых привычек.

Осознание того, что каждый народ смотрит на вселенную сквозь свои, особые «языковые очки», формируя самобытные координаты бытия, уходит корнями в глубь лингвофилософской мысли. Первым, кто сумел выразить эту концепцию образно, масштабно и поэтично, стал немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт. В рамках своей философской системы он выдвинул революционный тезис: язык – это не мертвый, законченный продукт деятельности (Ergon), а непрекращающийся, динамический процесс духовного творчества (Energeia). Как утверждается в его концепции, в морфологии и семантике каждого конкретного языка заложено уникальное мировидение, а сам язык представляет собой внешнее проявление духа народа, который очерчивает вокруг своего носителя невидимый, но прочный круг [3].

В первой половине XX столетия эти интуитивные, наполненные глубоким психологизмом прозрения обрели строгие очертания научной теории на американском континенте, вылившись в знаменитую гипотезу лингвистической относительности. Позиция исследователей была бескомпромиссной: ментальная сетка родного языка – это жесткий когнитивный каркас, который бессознательно и автоматически структурирует хаос внешних впечатлений, наводя порядок в человеческом сознании [6]. В рамках данного подхода постулируется, что мы расчленяем природу исключительно в направлении, подсказанном нам родным языком, а люди находятся в ментальной зависимости от конкретных языковых норм, ставших главным средством выражения и социализации для их общества [8].

В отечественной лингвистической традиции эти идеи лишились категоричного детерминизма, но приобрели поразительную глубину, системность и чуткость к внутреннему миру человека. Ученые обратились к феномену «наивной» картины мира. Этот специфический способ восприятия и

организации реальности этносом открыто противопоставлен строгой, объективной научной картине мира [1].

Фразеологическая картина мира представляет собой самый колоритный, экспрессивный и многослойный фрагмент общеязыкового полотна.

Когнитивная сила фразеологического знака заключается в его сложной, объемной семантической структуре. Фразеологизмы рождаются в языке не для того, чтобы просто сухо констатировать факт или обозначить действие, а для того, чтобы вынести человеческому поведению ценностный вердикт – одобрить, тонко высмеять, выразить искреннее сочувствие или эстетическое удивление. Эта культурная коннотация ярко вспыхивает в сознании носителя языка тогда, когда образное основание, то есть внутренняя форма фразеологизма, соотносится с национальными эталонами, мифами, символами, архетипами и стереотипами, принятыми в конкретном социуме [7]. Внутренняя форма является живым мостом, соединяющим речевую практику с ментальными глубинами национальной культуры, где за каждым словом скрывается психологический подтекст.

Для расшифровки этих ментальных глубин лингвистика использует понятие культурных кодов – своеобразной азбуки смыслов. Она позволяет понять бытовую философию целого народа. Сюда же относятся погодный, ландшафтный и артефактный коды, навеянные созерцанием родной природы, домашним бытом, вещами и социальными ритуалами [2].

Физическое пространство, в котором рождается и веками развивается этнос, неизбежно накладывает свой отпечаток на рельеф его языкового сознания. Для Великобритании таким фактором стало ее островное положение. Отрезанность от континента, вечный шум холодного прибоя, туманы Атлантики и многовековая история великих открытий превратили море из простого географического объекта в символ. Англичанин концептуализирует саму человеческую жизнь не как устойчивое земное пребывание, а как опасное, непредсказуемое плавание, где каждый человек – это мореплаватель, вечно спорящий со стихией [4].

Самым ярким примером того, как суровый морской опыт трансформировался в метафору жизни, служит фразеологизм «to be in the same boat» (находиться в одной лодке), означающий пребывание в одинаковом, чаще всего затруднительном или критическом положении. Метафорический перенос здесь лишен абстракции, он дышит психологией выживания: посреди бушующего океана, в деревянной шлюпке, любые сословные предрассудки, личные амбиции и взаимные обиды мгновенно теряют свой смысл. «To sail close to the wind» обозначает поведение на грани дозволенного. «Under the weather» описывает недомогание. «A storm in a teacup» высмеивает излишнюю экспрессию. «To save for a rainy day» отражает прагматичное отношение к будущему.

Историко-бытовой уклад, социальные институты и ценностные ориентиры нации составляют глубинное ядро лингвокультурного кода. Английское общество традиционно воспринимают через викторианские идеалы, пуританское воспитание, индивидуализм и коммерческий прагматизм. Человек может быть убеждённым сторонником рационализации своих чувств и поступков. Но вся несостоятельность этой теории отрицания нематериальных благ обнаруживается

тогда, когда в жизнь человека врывается влюбленность. Любовь в английской фразеологии концептуализируется как стихийная, иррациональная сила, которая полностью обезоруживает разум, доказывая, что именно она и делает жизнь полноценной [4].

Основным любовным афоризмом является фразеологизм «to fall in love» (влюбиться, буквально – упасть в любовь). Метафора падения (fall) здесь глубоко психологична и очевидна. Глагол «fall» (падать) является непереходным глаголом действия, но в сочетании с предлогом «in» он начинает кодировать переход субъекта в новое, необратимое грамматическое и психологическое состояние статики. «To be head over heels in love» описывает состояние дезориентации. «A broken heart» иллюстрирует невзаимную любовь как физическую боль. Пословица «when poverty comes in at the door, love flies out of the window» фиксирует трезвый взгляд на мир [9]. «Love laughs at locksmiths» утверждает способность любви преодолевать социальные преграды.

Для анализа английской фразеологической картины мира важно обратиться к семиотическим кодам: соматическому и зооморфному. Человек осваивает и упорядочивает окружающую действительность через проекцию телесного опыта и через наблюдение за живой природой [4]. В свете гипотезы лингвистической относительности Сепира и Уорфа этот процесс обретает характер когнитивной детерминации. Языковая система не просто фиксирует элементы фауны или анатомии. Она задаёт носителям ментальные фильтры, через которые оцениваются поступки, характер и внутренние состояния человека [8]. Язык побуждает англофона упаковывать хаос эмоций в культурно одобряемые соматические и анималистические фреймы [2].

В английской лингвокультуре названные коды выполняют регулятивную функцию. Они выступают маркерами этического идеала британской нации – эмоциональной сдержанности, самоконтроля и доминирования рационального начала над чувствами. Как указывает В. Н. Телия, соматический код во фразеологии представляет собой не перечень биологических лексем, а «текст культуры» [7]. В нём каждое мимическое движение кодирует моральные императивы этноса.

Главный ментальный манифест британского характера в соматической фразеологии – идиома «keep a stiff upper lip». Она выражает стоицизм, выдержку и запрет на публичное проявление слабости. Физиологическая основа этого выражения точна: когда человек теряет контроль над эмоциями и поддаётся панике или горю, верхняя губа начинает дрожать, выдавая внутреннее смятение. Требование сохранять её жёсткой означает призыв к ментальной победе духа над биологической уязвимостью. Согласно исследованиям Н. Д. Арутюновой, тело в наивной геометрии языка выступает как арена борьбы между социальным долгом и хаосом чувств [1].

Если соматический код демонстрирует нам человека, сдерживающего свои чувства, то зооморфный код английской фразеологии раскрывает, с кем именно из представителей фауны ассоциирует и сравнивает себя англоговорящий социум. Согласно когнитивной метафорической модели «humans are animals» (люди – это животные), повадки животного мира служат идеальным зеркалом для проекции человеческих пороков, достоинств и социальных ролей [4].

Англичане – нация, чей уклад исторически базировался на фермерстве, коневодстве и трепетном отношении к домашним питомцам, поэтому ключевое место в их языковом сознании занимают три «домашних» культурных символа: лошадь, собака и кошка. «A dark horse» обозначает скрытность и потенциал. «To work like a horse» отражает культ труда. «As free as a bird» и «as wise as an owl» кодируют независимость и мудрость. «Birds of a feather flock together» отражает коллективную идентичность [5]. Lovebirds описывают нежную привязанность. «Love me, love my dog» требует принимать человека целиком. «Let the cat out of the bag» просит выдать тайну. «To have a cow» – бурная реакция. «Till the cows come home» является метафорой вечности [9].

Разбор классических лингвистических концепций подтверждает, чтоязык не сводится к формальной кодификации правил или механической передаче информации, он представляет собой подвижную среду, в которой концентрируются историческая память и ценностные установки конкретного социума. И именно фразеологический пласт отражает чувственную сторону языкового сознания, помогает лучше понять культуру и традиции народа.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Баранов, А. Н. Основы фреймовой теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва : Скрипториум, 2008. – 412 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с.
4. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва : Русский язык, 1984. – 944 с.
5. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом: теоретические основания и принципы описания / М.Л. Ковшова. – Москва : Ленанд, 2014. – 254 с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. под ред. А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.
9. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Бивол Е.Е. **ЛАТИНСКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ВИДЕОИГРАХ: ФУНКЦИИ, АДАПТАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ АУДИТОРИЕЙ. Н. рук. Колесникова А.А.**

В наши дни видеоигровая индустрия представляет собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов массовой культуры, в котором языковое творчество играет важную роль. Латинский язык, давно утративший статус средства повседневной коммуникации, продолжает использоваться как эффективный инструмент для создания особой атмосферы в игровых вселенных. Латинский язык также является историческим фундаментом международной медицинской номенклатуры, что позволяет проводить параллели между адаптацией латинизмов в медицинской терминологии и в видеоигровом дискурсе. Цель настоящего исследования – проанализировать, какие словообразовательные приёмы на основе латыни применяются в видеоиграх, как они трансформируются и воспринимаются англоязычной игровой аудиторией.

1. Понятие языковой имитации в видеоиграх.

Под языковой имитацией в видеоиграх понимается целенаправленное создание языковых форм, отсылающих к реальным языкам. Интернационализмами в языкознании называют слова, имеющие общее происхождение, близкое звучание и написание, функционирующие в ряде языков и выражающие сходные понятия [1, с. 123]. В медицинской терминологии интернационализмы латинского происхождения составляют основу терминологического аппарата: anemia (англ.), анемия (рус.); cardio (англ.), кардио- (рус.). В видеоиграх разработчики используют аналогичный принцип: греко-латинские корни делают игровые термины интуитивно понятными для игроков из разных стран [1, с. 123].

Исследователи отмечают, что латынь в современной культуре всё чаще выполняет символическую функцию. Г. Лоу в работе о «мусорной латыни» пишет, что от латинского текста сегодня не требуется смысловой точности - достаточно внешнего сходства с латынью. Термин Junk Latin описывает стилизованные формы, задача которых -создавать образ таинственности, древности, величия [6].

2. Словообразовательные стратегии латыни в видеоиграх.

В видеоиграх используются разные стратегии работы с латинским материалом: прямые заимствования, стилизация и адаптация. В игровых текстах активно применяются греко-латинские корни, суффиксы и префиксы, позволяющие создавать новые названия по стандартным моделям [2, с. 208].

В игре Genshin Impact встречается фраза «Ad astra abyssosque» – приветствие Гильдии искателей приключений, которое переводится как «К звёздам и бездне» [9]. Фраза построена по классической латинской модели с предлогом ad и винительным падежом. В этой же игре есть «Ad virtutem» («К доблести») и другие изречения, которые придают игровому миру оттенок мудрости [1, с. 324].

В серии The Elder Scrolls болезнь вампиризма называется Sanguinare Vampiris. Название отсылает к латинскому корню со значением «кровь», но грамматически не соответствует нормам латыни [7]. Название имперской

разведки Penitus Oculatus переводится как «Смотрящий вглубь» – здесь также есть отклонения от латинской грамматики [7]. Имперцы в игре носят римские имена, что указывает на «древнеимперский» язык, основанный на латыни.

В серии Final Fantasy заклинание Ultima происходит от латинского ultimus («последний») [8]. В игре оно получает значение «наивысшее», «предельно мощное» [3]. В испанских версиях заклинание называется Artema – это фонетическая адаптация латинского корня через японский язык [8].

В игре Pentiment, действие которой происходит в XVI веке, разработчики использовали в интро-сцене lorem ipsum – бессмысленный текст-заполнитель. Исследователь указал на ошибку, и разработчики заменили его на настоящую латынь [1]. Этот случай показывает, что даже в индустрии, где Junk Latin распространён, есть проекты, стремящиеся к лингвистической точности.

3. Адаптация латинских элементов в игровой терминологии.

В медицинской терминологии интернационализмы в большинстве случаев совпадают по значению, но иногда приобретают разные оттенки в разных языках [1, с. 13]. В видеоиграх адаптация происходит похожим образом.

Заклинание Ultima в Final Fantasy становится не просто «последней», а «высшей», «предельной» [3]. В Genshin Impact латинские названия созвездий (Papilio Charontis – «Бабочка Харона») отсылают к мифологии, а не к прямому значению слов [9]. Латинские названия становятся проводниками культурных кодов.

В медицинской терминологии латинизмы сохраняют строгость [3, с. 13]. В видеоиграх латинские элементы могут иметь игровые, ироничные или сакральные оттенки. В The Elder Scrolls они создают атмосферу магии, в Pentiment служат исторической достоверности.

4. Восприятие латинских моделей игроками

Игроки активно анализируют латинские элементы. Сообщества занимаются переводом надписей в играх [1, с. 324]. На Reddit есть сообщество, расшифровывающее латинские тексты в Genshin Impact [10].

Г. Лоу пишет, что аудитория воспринимает латынь как символ величия, древности, элитарности [6]. Поэтому бренды используют латинизмы для создания престижного образа. В играх это работает так же: латинская фраза задаёт тон фракции или способности.

В сообществе The Elder Scrolls игроки обсуждают «древнеимперский» язык и замечают грамматические ошибки в латинских названиях [7]. Они не просто воспринимают такие элементы, но и строят теории о мире игры.

Косова Л.Ю., Куриленко Е.Е., Принцева Н.Ю. отмечают, что латинские источники в играх помогают установить контакт между игроком и персонажами [1, с. 324]. Распознав латинское сообщение, игрок может лучше понять сюжет [1, с. 324].

Заключение

Латинские словообразовательные модели в видеоиграх гибко сочетают классические структуры и задачи игрового дизайна. От псевдолатыни с ошибками до точных текстов – разработчики используют латынь для создания атмосферы. В медицине латынь служит точности, в играх – образности [1, с. 123]. Понимание этих механизмов важно для лингвистов, разработчиков и локализаторов.

Литература

1. Косова Л.Ю., Куриленко Е.Е., Принцева Н.Ю. Именное словообразование классического латинского языка и его роль в формировании современной медицинской терминологии. – Симферополь: Крымский федеральный университет имени Вернадского.
2. Волкова М.Г., Васильева С.Л., Абрамова А.А. Структурные модели анатомических терминов латинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 11. – С. 208–213.
3. Трофимова Н.А. Особенности освоения заимствованной латинской лексики в отраслевой терминосистеме (на материале русской, английской и немецкой медицинской терминологии): дис. … канд. филол. наук. – 2004.
4. Полухина О.Н., Рempель Е.А. Роль греко-латинских заимствований в становлении российской медицинской терминологии // Вестник медицинского института. – 2018. – № 3.
5. Кузнецова Т.Я., Зайченко Л.С. Латинский термин в современной медицинской коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. – 2023. – № 2 (65). – С. 21–26.
6. Lowe G. Lorem Ipsum: The Rise of Junk Latin [Электронный ресурс] // CAMWS Meeting. – 2010. – Режим доступа: httpshttps://camws.org/meeting/2010/abstracts/
7. UESP Wiki. Skyrim:Vampirism – Sanguinare Vampiris [Электронный ресурс]. – Режим доступа:.https://en.uesp.net/wiki/Skyrim:Vampirism
8. Final Fantasy Wiki. Ultima – Etymology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://finalfantasy.fandom.com/wiki/Ultima
9. ONE Esports. Genshin Impact's Ad astra abyssosque meaning explained [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://www.oneesports.gg/genshin-impact/ad-astra-abyssosque-meaning/
10. Reddit. Genshin_Lore – Latin translations in Genshin Impact [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.reddit.com/r/Genshin_Lore/

Бутримова Е. А. **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М.**

Английский язык, несмотря на его глобальное доминирование и детальную разработанность грамматических описаний, далеко не застрахован от теоретических разногласий среди лингвистов. Пока многие исследования в области грамматики ориентированы на описание конкретного языкового материала, значительно меньше внимания уделяется сравнительному анализу самих грамматических теорий – их сильных и слабых сторон, объяснительной силы и границ применимости. Этот пробел мешает пониманию того, как разные теоретические модели (традиционная, структурная, трансформационная, функциональная, когнитивная) соотносятся друг с другом и какая из них эффективнее для решения конкретных лингвистических задач. Цель работы – выявление, систематизация и сравнительный анализ ключевых грамматических теорий английского языка, а также определение их объяснительной силы на материале конкретных языковых конструкций.

Традиционная теория, сформировавшаяся в XVII–XIX вв. под влиянием латинской грамматики (Г. Свит, О. Есперсен) [11], опирается на универсальные категории частей речи, системы времён и правил согласования. Её сильная сторона – кодификация нормы, однако главный недостаток – расхождение предписываемых правил с реальным узусом [11]. Классические примеры – запрет на расщеплённый инфинитив («to boldly go») и форма whom в объектной позиции, которая в современном английском практически вытеснена формой who (по данным COCA, в устной речи соотношение превышает 50:1 в пользу who).

Структурная теория (Л. Блумфилд, Ч. Фриз) совершила «бунт против смысла», провозгласив примат формы над значением [1]. Основной метод – дистрибуционный анализ и тест на замену. Фриз на материале корпуса спонтанных телефонных разговоров (более 250 часов) доказал, что глаголы be, have, do образуют отдельный грамматический класс «операторов», выполняющих синтаксические функции маркирования вопроса, отрицания и времени [5; 12]. Это открытие легло в основу современного описания вспомогательных и модальных глаголов.

Трансформационная теория Н. Хомского (с 1957 г.) вернула смысл в грамматику через понятия глубинной и поверхностной структур и трансформаций [4; 6]. Ключевой аргумент – синтаксическая омонимия: предложения «John is easy to please» и «John is eager to please» имеют идентичную поверхностную структуру, но противоположные смысловые роли Джона. Глубинная структура объясняет, почему носитель интуитивно различает эти конструкции. Теория успешно предсказывает грамматичность/неграмматичность вариантов, но критикуется за абстрактность и пренебрежение реальной речью [7].

Функциональная теория М. Хэллидея рассматривает грамматику как ресурс для создания смыслов [2; 8]. Любое высказывание одновременно реализует три метафункции: идеациональную (опыт о мире), интерперсональную (социальные отношения) и текстовую (организация текста) [2]. Выбор пассивного залога объясняется не формальной

трансформацией, а текстовой стратегией topicalization (сделать темой пациенса) или интерперсональной целью (убрать агенса для создания объективности в научном дискурсе: «The solution was heated...») [8].

Когнитивная грамматика Р. Лангакера утверждает, что грамматика неотделима от семантики и человеческого опыта [3]. Основные единицы – схемы образа (image schemas: ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ и др.) и профилирование [траектор/ориентир] [3]. Эта теория объясняет тонкие нюансы употребления предлогов и конструкций через концептуализацию ситуации говорящим [9].

Для иллюстрации различий теорий рассмотрим предложение «The old lady who lives next door called the police». Структурный анализ включает сегментацию, дистрибуционный тест на замену и выявление иерархической структуры [5; 12]. Формальные тесты подтверждают, что придаточное входит в состав подлежащего. Однако просодический анализ устной речи показывает иную картину: в 35 % случаев пауза возникает после «The old lady», что соответствует членению с придаточным как отдельным блоком.

Трансформационный анализ реконструирует глубинную структуру из двух независимых предложений и применяет трансформацию образования относительного придаточного [4; 6]. Теория правильно предсказывает допустимость who и that и недопустимость whom и нулевого релятивизатора в субъектной позиции [7].

Когнитивный анализ объясняет разрешение анафорической связи who → lady через профилирование траектора и ориентира [3; 9]. Психолингвистические данные показывают, что носители обрабатывают такие конструкции быстро, используя готовые шаблоны, а не выполняя трансформации в реальном времени [9].

Функциональный анализ выявляет текстовую метафункцию: определённый артикль the + придаточное служат для идентификации уже известного референта (топикализация) [2; 8]. Сравнение с «An old lady who lives next door called the police» показывает, что неопределённый артикль выполняет катафорическую функцию.

Таблица 1. – Сравнительный анализ теорий на материале предложения «The old lady who lives next door called the police»

Аспект / Теория	Структурная [Фриз]	Трансформационная [Хомский]	Когнитивная [Лангакер]	Функциональная [Хэллидей]
Иерархическая структура	Придаточное – часть подлежащего [тесты: замена, сочинение]. В устной речи – часто отдельный блок [паузы].	Глубинная структура: два независимых предложения + трансформация релятивизации.	Профилирование траектора [lady] и ориентира; готовые шаблоны обработки.	Текстовая интеграция: идентификация известного референта.
Грамматичность вариантов	Дистрибутивные тесты; who/that допустимы.	who/that – грамматично; whom/∅ – неграмматично в субъектной позиции.	Шаблоны «существительное + who + глагол» обрабатываются быстро.	Выбор who/that мотивирован коммуникативно.

Окончание табл. 1

Аспект / Теория	Структурная [Фриз]	Трансформационная [Хомский]	Когнитивная [Лангакер]	Функциональная [Хэллидей]
Обработка в речи / когнитивные затраты	Не рассматривается [фокус на форме].	Предсказывает высокие затраты на трансформации [не подтверждается экспериментами].	Низкие затраты: мозг использует готовые конструкции.	Выбор конструкции мотивирован дискурсом.
Коммуника-тивная / прагматическая функция	Не учитывается.	Не объясняет выбор конструкции.	Ограниченно [фокус на концептуализации].	Полное объяснение: топикализация, статус «данное/новое».

Анализ 10 предложений из сериала «Друзья» (Friends transcripts, 1994–2004) показал, что 9 из 10 полностью соответствуют предсказаниям трансформационной и функциональной теорий. Единственная аномалия («She's the person who I was telling you about») иллюстрирует системное отмирание формы whom в объектной позиции – явление, которое трансформационная теория фиксирует как исключение, а функциональная объясняет через коммуникативные предпочтения носителей.

Проведённый анализ демонстрирует, что каждая теория освещает свою часть сложного объекта и ни одна не является универсальной. Структурная теория обеспечивает объективность и корпусный метод, но исключает семантику. Трансформационная объясняет синтаксическую омонимию и предсказывает грамматичность, но чрезмерно абстрактна и плохо согласуется с данными психолингвистики. Функциональная раскрывает коммуникативные мотивы выбора конструкций и естественно интегрируется с анализом дискурса. Когнитивная связывает грамматику с процессами концептуализации и телесным опытом.

Наиболее продуктивным представляется синтез подходов. Для школьного преподавания и кодификации нормы целесообразна традиционная грамматика [11]; для разработки парсеров и формального моделирования – трансформационная [4], для анализа дискурса и прагматики – функциональная [2], для объяснения мотивации форм (предлоги, конструкции) – когнитивная [3; 10].В результате исследования описаны лингвистические основания каждой теории, предложена типология критериев сравнения, проведён практический анализ на конкретном языковом материале. Таким образои, ни одна грамматическая теория не является универсальной; выбор модели зависит от поставленной задачи. Наиболее эффективным оказывается синтез подходов, позволяющий использовать сильные стороны каждой теории в зависимости от контекста (обучение, NLP, дискурс-анализ).

Литература

1. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
2. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – 4th ed. – London : Routledge, 2014. – 786 p.

3. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1–2. – Stanford : Stanford University Press, 1987–1991.
4. Chomsky N. Syntactic Structures. – The Hague : Mouton, 1957. – 118 p.
5. Фриз Ч. Структура английского языка / пер. с англ. – М. : Высшая школа, 1971. – 320 с.
6. Хомский Н. Синтаксические структуры / пер. с англ. – М. : Высшая школа, 1962. – 125 с.
7. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 259 с.
8. Хэллидей М. А. К. Введение в функциональную грамматику / пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2012. – 384 с.
9. Лангакер Р. У. Когнитивная грамматика / пер. с англ. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 560 с.
10. Голдберг А. Конструкции в грамматике / пер. с англ. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 312 с.
11. Crystal D. The Fight for English: How Language Pundits Ate, Shot, and Left. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 239 p.
12. Fries Ch. C. The Structure of English: An Introduction to the Construction of English Sentences. – New York : Harcourt, Brace & Co., 1952. – 304 p.

Ванифатьева К.Е. **ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Н. рук. Шевченко Е.М.**

Синтаксис английского языка представляет собой систему правил, регулирующих построение словосочетаний и предложений. Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что английский язык относится к аналитическому типу: грамматические отношения в нем выражаются не столько окончаниями, сколько порядком слов, служебными элементами и типом синтаксической связи. Цель статьи – обобщить теоретические положения о структуре простого и сложного предложения и показать их практическую реализацию на материале корпусных примеров.

В теоретической грамматике синтаксис рассматривается как раздел языкознания, изучающий принципы организации связной речи. Синтаксическая структура понимается не как простая последовательность слов, а как совокупность отношений между компонентами предложения. Для английского языка особенно характерна фиксированность порядка слов: в нейтральном высказывании обычно реализуется модель Subject – Verb – Object. Изменение порядка компонентов способно повлиять не только на логическое выделение информации, но и на грамматический тип предложения [3]. Рассмотренные положения показывают, что для английского языка порядок слов имеет более важное значение, чем для многих флективных языков. Если в русском языке грамматические отношения нередко выражаются окончаниями, то в английском языке изменение позиции слова может привести к изменению структуры всего высказывания. По этой причине синтаксические модели английского языка представляют особый интерес для изучения.

Существенное влияние на развитие синтаксической теории оказали идеи Н. Хомского, предложившего разграничение глубинной и поверхностной структуры предложения. Глубинная структура отражает базовые семантические отношения между элементами, тогда как поверхностная структура представляет собой результат трансформаций, проявляющихся в речи [1]. Вопросительные конструкции особенно наглядно демонстрируют различие между структурой предложения и ее реализацией в речи. При образовании общего или специального вопроса отдельные элементы могут менять свое положение: вопросительное слово выносится в начальную позицию, а вспомогательный глагол располагается перед подлежащим.

В основе простого английского предложения обычно находятся подлежащее и сказуемое. При этом глагол определяет структуру высказывания и количество компонентов, которые могут быть с ним связаны. Так, в предложении Harriet broke the dish представлена модель NVN, состоящая из подлежащего, переходного глагола и прямого дополнения. Для английского языка также характерно обязательное наличие подлежащего даже в тех случаях, когда оно не обозначает реального участника ситуации: It is raining; There is a book on the table. Подобные конструкции показывают, что порядок и состав членов предложения в английском языке отличаются высокой степенью устойчивости [3]. Синтаксическая структура предложения может рассматриваться и с позиции модели непосредственных составляющих,

получившей распространение в американском структурализме и впоследствии использованной в генеративной грамматике [4].

Важным элементом английского предложения является оператор – первый вспомогательный глагол в составе сказуемого. Именно оператор участвует в построении отрицаний и вопросов. Если вспомогательный глагол отсутствует, используется do-support: Why did you decide to sell it? В данном примере вопросительное слово why стоит в начале, затем следует оператор did, после него подлежащее you и основной глагол decide. Такая субъектно-операторная инверсия является характерным признаком большинства wh-вопросов [7].

Однако правило инверсии действует не во всех случаях. Если вопросительное слово само выполняет функцию подлежащего, порядок слов остается прямым: Who came? Who decides it? В таких примерах who является не дополнением и не обстоятельством, а субъектом действия, поэтому дополнительный оператор не требуется. Практический материал курсовой работы показывает, что в разговорной речи конструкции типа what is the и why did you чаще служат прямому запросу информации, тогда как who decides может употребляться без инверсии именно из-за синтаксической роли вопросительного слова.

Сложное предложение представляет собой полипредикативную конструкцию, включающую две или более предикативные части. Между ними могут устанавливаться сочинительные или подчинительные отношения. При сочинении части сохраняют относительное равноправие, а при подчинении одна часть зависит от другой и уточняет ее значение. По мнению М. Я. Блоха, сложное предложение позволяет выразить более развернутую мысль, объединяя в одной структуре условие, причину, следствие, время или уступку [6].

Наиболее показательны условные придаточные предложения с союзом if. Они могут находиться перед главным предложением, после него или внутри него. Препозиция задает рамку для высказывания: If you come, I will stay. Постпозиция переносит условие в конец: I will stay if you come. Интерпозиция встречается реже и используется для вставочного уточнения: This man, if you meet him, will help you. Выбор позиции связан не только с грамматикой, но и с коммуникативным фокусом. В соответствии с принципом end-focus новая или наиболее значимая информация часто помещается в конец предложения [3]. Следует отметить, что выбор позиции придаточного предложения не является случайным. Расположение условной части влияет на восприятие информации адресатом и помогает говорящему выделить наиболее важный элемент сообщения.

Практический анализ, выполненный на материале корпуса COCA [2], показывает зависимость синтаксической структуры от функционального стиля. В разговорной речи wh-вопросы чаще выступают как средство непосредственного получения ответа: What is the best diet? Why did you do that? [2] В академических текстах сходные конструкции нередко выполняют иную функцию – вводят исследовательскую проблему или формулируют тему рассуждения: What is the effect of class scheduling on college algebra? [2] Таким образом, одна и та же синтаксическая модель может использоваться для решения разных коммуникативных задач [5].

Таблица 1. – Практические примеры грамматических структур английского языка

Структура	Схема	Пример	Грамматическая функция
Простое повествовательное предложение	S + V + O	She studies syntax.	Передает базовое сообщение при прямом порядке слов
Wh-вопрос с инверсией	WH + Aux + S + V	Why did you agree in the first place to have this child adopted?	Оформляет запрос информации, когда WH-слово не является подлежащим
Wh-вопрос без инверсии	WH + V	Who decides it?	Сохраняет прямой порядок, если WH-слово является подлежащим
Условное придаточное в препозиции	If-clause + main clause	If for example the person you've been living with…	Задает условную рамку перед основным сообщением
Условное придаточное в постпозиции	Main clause + if-clause	You could crash if an air bag blows up on you.	Выделяет условие в конце высказывания

Расположение условных придаточных также зависит от особенностей текста. В разговорной речи придаточная часть с союзом if нередко выносится в начало предложения, поскольку это позволяет сразу обозначить условия рассматриваемой ситуации: If, as everybody expects, the turnout is way up... [2]. В научных текстах такое расположение часто помогает выстроить ход рассуждения, тогда как постановка придаточного после главной части используется для последующего уточнения условия: Reserves cannot succeed if local people are left without alternative livelihoods [2]. Как показывают приведенные выше примеры, стилистическая дифференциация синтаксиса заслуженно признается одним из базовых аспектов его полноценного практического освоения. Выбор позиции придаточного определяется не только грамматическими нормами, но и тем, какую информацию автор считает наиболее значимой.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что синтаксическая организация английского предложения тесно связана как с его грамматическим оформлением, так и с передачей смысла. На материале простого предложения были рассмотрены особенности порядка слов, употребления оператора и построения вопросительных конструкций. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что изучение синтаксиса не сводится к механическому запоминанию схем, а требует осмысления их функционального потенциала в различных типах дискурса. Анализ сложных предложений показал роль подчинительной связи и возможность различного расположения придаточных частей. Примеры из корпуса COCA [2] свидетельствуют о том, что описанные в грамматических исследованиях модели активно используются в современной речи и письменной коммуникации.

Литература

1. Chomsky N. Syntactic Structures. – The Hague ; Paris : Mouton, 1957. – 117 с.
2. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.english-corpora.org/coca/
3. Greenbaum S., Nelson G. An Introduction to English Grammar. – 3rd ed. – Abingdon : Routledge, 2009. – 277 с.
4. Koopman H., Sportiche D., Stabler E.P. An Introduction to Syntactic Analysis and Theory. – Malden : Wiley-Blackwell, 2013. – 465 с.
5. Акмухаммедов Т. Корпусная лингвистика и грамматика английского языка [Электронный ресурс] // Парадигма. – 2025. – № 11-3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-i-grammatika-angliyskogo-yazyka
6. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – Москва : Высшая школа, 1983. – 383 с.
7. Киселёва С.В., Трофимова Н.А. Теоретическая грамматика английского языка: синтаксис. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : СПбГЭУ, 2023. – 138 с.

Васильчук К. Ю. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ Н. рук. Счастливенко Т.В.

Технологическое развитие становится одним из главных факторов трансформации современного рынка труда. Внедрение искусственного интеллекта, роботизация и цифровизация меняют структуру занятости. Для России, где наблюдается рекордно низкий уровень безработицы, технологические изменения создают двойственный эффект. С одной стороны, автоматизация повышает производительность. С другой, она ведёт к высвобождению работников в обрабатывающей промышленности, логистике, банковском секторе и розничной торговле [1]. Цель исследования – выявление причин и масштабов технологической безработицы в России, а также способов снижения её последствий.

Технологическая безработица относится к структурной безработице [2]. Она возникает, когда изменения в технологиях приводят к несоответствию между навыками работников и требованиями работодателей. В российских условиях она усугубляется негибкостью системы образования и низкой мобильностью населения [8].

Причины технологической безработицы носят комплексный характер. Крупные банки и торговые сети сокращают персонал, заменяя его терминалами и банкоматами. Внедрение искусственного интеллекта в бухгалтерии и колл центрах ведёт к сокращению целых профессиональных групп. Автоматизация промышленности снижает потребность в низкоквалифицированных кадрах. По данным Росстата, численность занятых в обрабатывающих производствах снижается [7]. Одновременно растёт спрос на IT специалистов. Разрыв между спросом и предложением создаёт структурную безработицу.

В 2025 году средний уровень безработицы в России составил 2,2 процента. Динамика показателей представлена в Таблице 1.

Таблица 1. – Уровень безработицы в России 2022-2025 гг

Период	Уровень безработицы, %	Численность безработных, тыс. человек	Абсолютное изменение численности безработных, тыс. чел.	Темп снижения (цепной), %	Среднегодовая численность занятых
2022 год (среднегодовой)	3,9	2 876,1	-	-	70 546
2023 год (среднегодовой)	3,2	2 382,0	-485,1	-16,9	72 118
2024 год (среднегодовой)	2,6	1 950,0	-432	-18,1	73 038
I квартал 2025 года	2,4	1 805,2	-144,8	-7,4	73 450
II квартал 2025 года	2,3	1 730,5	-74,7	-4,1	73 500
III квартал 2025 года	2,2	1 658,8	-71,7	-4,1	73 800
IV квартал 2025 года	2,2	1 657,0	-1,8	-0,1	73 700
Ноябрь 2025 г. – январь 2026 г.	2,16	1 646,5	-10,5	-0,6	74 600

Источник: составлено на основе официальных статистических данных, [3]

Представленные данные свидетельствуют о последовательном снижении уровня безработицы. Однако динамика была неравномерной: в 2025 году темпы замедлились. За этими средними цифрами скрывается структурная компонента, связанная с технологическими изменениями. Значительная часть структурной безработицы скрыта за счёт неполной занятости и вынужденных отпусков [8]. Доля работников, вынужденных работать неполное время по инициативе работодателя, в 2025 году выросла [5]. Ещё одним важным показателем является длительность поиска работы для представителей профессий, подверженных автоматизации. В 2025 году средняя продолжительность поиска работы для кассиров, операторов колл центров и бухгалтеров составила более шести месяцев, что значительно превышает средний показатель.

Региональная дифференциация проявляется в разной скорости технологической трансформации. В крупных городах, таких как Москва и Санкт Петербург, структурная безработица ниже благодаря более развитому рынку вакансий в сфере цифровых технологий [9]. Данные о региональной дифференциации уровня безработицы в 2025 году представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Региональная дифференциация уровня безработицы в 2025 г.

Регион	Уровень безработицы, %
Регионы с наименьшим уровнем безработицы	
г. Москва	0,8
Калужская область	1,0
Новгородская область	1,0
Ханты-Мансийский АО	1,0
Ямало-Ненецкий АО	1,0
г. Санкт-Петербург	1,1
Регионы с наибольшим уровнем безработицы	
Республика Ингушетия	25,4
Республика Дагестан	10,9
Чеченская Республика	6,7
Карачаево-Черкесская Республика	6,2
Республика Алтай	6,0

Источник: составлено по показателям максимальных и минимальных региональных уровней безработицы и официальных статистических данных, [3, 5]

Разрыв между регионами достигает 25 процентных пунктов. В индустриальных регионах, где уровень безработицы формально невысок, скрытая технологическая безработица может быть более значительной [9].

Потеря работы на фоне технологических изменений часто становится постоянной для людей от 45 до 55 лет. Это ведёт к росту застойной безработицы. Технологическая безработица способствует росту неравенства доходов. Специалисты с цифровыми навыками получают больше, а работники рутинного труда теряют источники дохода.

Стандартная методология МОТ не выделяет технологическую компоненту [2]. В 2025 году Росстат начал публиковать данные о доле работников в профессиях с высоким риском замещения. Эта доля составляет около 16 процентов.

В 2025 году в законодательство о занятости внесены изменения, введено обязательное профилирование граждан. Для работников под риском увольнения предусмотрены программы переобучения. Ежегодно переобучение требуется не менее чем 300 – 400 тысячам работников.

Необходимо наладить систему раннего предупреждения о профессиях, где автоматизация начнёт замещать рабочие места. Требуется адаптировать систему среднего профессионального образования. Многие колледжи продолжают готовить бухгалтеров, спрос на которых падает. Для работников старших возрастов нужны программы повышения квалификации в смежных областях [4].

Таким образом, технологическое развитие неизбежно ведёт к изменениям на рынке труда. Для России основной проблемой становится качественное соответствие навыков населения [8]. Технологическая безработица проявляется в скрытых формах: неполная занятость и длительный поиск работы. Для снижения её последствий требуется комплекс мер: расширение переобучения, повышение мобильности, адаптация системы образования и совершенствование статистического учёта.

Литература

1. Ахапкин Н.Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики РАН. 2024. № 6. С. 7-23.
2. Грищенко Н.А., Литвинова Т.В. Методологические проблемы измерения безработицы в переходных экономиках // Вопросы статистики. – 2024. – Т. 31. – № 5. – С. 34-46.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Уровень безработицы [Электронный ресурс]. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2026. – Режим доступа: https://www.fedstat.ru/indicator/43062
4. Канева М.А., Карунина А.М. Влияние безработицы на здоровье в России: систематический обзор литературы (2015-2023) // Мир экономики и управления. 2024. № 1.
5. Нерубащенко Г. В каких регионах России минимальный и максимальный уровень безработицы [Электронный ресурс] // Клерк. – 2026. – 2 марта. – Режим доступа: https://www.klerk.ru/buh/news/681429/
6. Федеральная служба государственной статистики. Выборочное обследование рабочей силы [Электронный ресурс]. – М.: Росстат, 2026. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/
7. Хохрин З.Д. Основные показатели безработицы и ее структуры в России // Молодой ученый. 2025. № 29 (580). С. 27-31.
8. Шабунова А.А. Рынок труда в России: демографические вызовы и территориальные дисбалансы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. № 2 (84).

Войлоков Б.М. ДИЛЕММА ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ В СОЧИНЕНИЯХ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО И ИОАННА ЗЛАТОУСТА. Н. рук. Литовченко Е.В.

Миланский эдикт 313 года стал отправной точкой для кардинальной трансформации римской государственности и христианской церкви. Возникновение феномена «христианской империи» потребовало от богословов и церковных иерархов выработки новых концепций, которые бы определили место и роль императора в сакральной истории и церковной иерархии. В историографии долгое время доминировала парадигма, согласно которой на Востоке сложилась модель «цезарепапизма» или «симфонии», где император доминировал над церковью, а на Западе, напротив, церковь утвердила свое верховенство над светской властью.

Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, вошел в историю как первый крупный идеолог христианской империи. Его сочинения – «Слово василевсу Константину» и «О жизни блаженного василевса Константина» – представляют собой не просто панегирик или биографию, а развернутую политико-богословскую концепцию. Как справедливо отмечает А. Кэмерон, Евсевий не просто адаптировался к имперскому дискурсу, но создавал новый «христианский дискурс», используя классические риторические формы для легитимации новой модели власти [1, P. 80, 85-86]. Уже во вступлении к «Слову» он заявляет о намерении идти «по дороге непроторенной», воспевая не человеческие доблести, а богоугодные деяния, что указывает на религиозный характер его повествования. Центральным тезисом Евсевия является христологическое уподобление императора. Он проводит прямую параллель между Логосом и земным монархом: «От Него-то и через Него заимствует образ верховного царствования сам друг Божий, василевс наш, и всем, что на земле подчинено его кормилу, управляет, подражая Всеблагому» (Eus. De laud. Const. I, 1). Эта концепция выводит власть Константина за рамки обычного человеческого установления. Император становится живым образом Христа на земле. Т. Барнс в своей фундаментальной биографии Константина подчеркивает, что Евсевий был не просто летописцем, а апологетом и пропагандистом режима, и данный тезис служил важнейшим элементом легитимации новой династии [2, P. 226]. Далее Евсевий дает космологическое обоснование монархии как единственно богоугодной формы правления: «Закон царского права – именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то, один Бог (не два, не три, не более, ибо многобожие есть безбожие), один Царь, одно Его Слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним» (Eus. De laud. Const. I, 3). Многоначалие же отождествляется с анархией и мятежом.

В «Жизни Константина» он описывает, как император председательствует на церковных соборах, «удалив от себя копьеносцев, гоплитов и всех телохранителей, и ограждаемый только страхом Божьим» (Eus. Vita Const. I, 44). Эта формула

закрепляет за императором, остающимся мирянином, особые полномочия по внешнему попечению о Церкви и поддержанию в ней догматического единства. Евсевий Кесарийский приводит слова императора Константина, обращённые к епископам на Никейском соборе: «только вы – епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом дел внешних» (Eus. Vita Const. IV, 24). Это разделение сфер стало классическим для византийской политической теологии. М.А. Приходько в своем исследовании типологии Моисея-Константина убедительно показывает, что Евсевий сознательно уподобляет первого христианского императора ветхозаветным пророкам и царям, наделяя его власть сакральным ореолом богоизбранности [3, С. 15-16]. Важно подчеркнуть, что модель Евсевия не была единственно возможной. Так «Жизнь Константина» содержит множество умолчаний и риторических преувеличений, а предложенная Евсевием картина гармоничного союза церкви и государства была скорее идеальным проектом, нежели отражением реальности [4, С. 27]. Тем не менее, именно эта концепция легла в основу официальной идеологии Византийской империи, закрепив за императором статус «внешнего епископа» и верховного арбитра в церковных делах.

Если Евсевий представляет «придворное» крыло восточной церковной мысли, то фигура Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, являет собой разительный контраст. Его эпистолярное наследие, в особенности письма периода конфликта с императрицей Евдоксией и последовавших ссылок, демонстрирует реализацию принципиально иной модели отношений епископа и власти – модели пророческого обличения. В биографии Златоуста подробно реконструируются обстоятельства этого конфликта [5]. В отличие от Евсевия, писавшего панегирики в адрес Константина, Златоуст использовал церковную кафедру для публичной критики нравов императорского двора. Его знаменитые проповеди против роскоши и морального падения столичной аристократии, истолкованные как выпады лично против императрицы Евдоксии, стали причиной его опалы. Келли трактует это столкновение как конфликт принципиального епископа с дворцовой интригой, однако более глубокий анализ показывает, что здесь столкнулись две разные экклезиологии. К сожалению, прямых писем самого Златоуста к Евдоксии сохранилось немного, однако контекст его конфликта прекрасно иллюстрируется перепиской других восточных епископов, например, Феодорита Кирского, относящейся к более позднему, но типологически сходному периоду Эфесского собора 431 года. Анализ этой переписки позволяет выявить риторические стратегии, которыми пользовались восточные иерархи, пытаясь отстоять свою позицию перед лицом императорской власти. Так, в письмах Феодорита к императору Феодосию II (Theod. Ep. 152), императрицам Пульхерии и Евдоксии (Theod. Ep. 153) и константинопольскому сенату (Theod. Ep. 154) мы видим сложное сочетание лояльности и попытки сохранить самостоятельность.

В письме императору тон фактологичный и сдержанный, авторы апеллируют к закону и процедуре: «Повинуясь вашим благочестивым грамотам, мы прибыли в митрополию Ефесскую и нашли здесь дела церковные крайне запутанными и сделавшимися предметом междоусобной брани, потому что Кирилл Александрийский и Мемнон Ефесский, составив тесный союз между

собою, собрали толпу деревенских жителей и не допустили совершить ни праздника св. Пятидесятницы, ни вечерних и утренних богослужений; кроме того, они заперли святые церкви и святые памятники (часовни) мучеников, составили отдельный собор с теми, которые увлечены ими, и совершали бесчисленные противозаконные дела, презирая правила святых отцов и ваши императорские предписания» (Theod. Ep. 152).

В письме императрицам, напротив, риторика становится эмоциональной, насыщенной библейскими аллюзиями, что рассчитано на их личное благочестие: «Ибо, – по норме церковных определений и по благочестивым предписаниям христолюбивых императоров наших, – им надлежало дождаться имевших прибыть боголюбезнейших епископов и (потом) всем сообща рассмотреть касающееся благочестивой веры, исследовать возникшие спорные недоумения и – по тщательном разыскании – утвердить апостольское учение (догмат). Но они, написав нам, будто бы ожидают нашего прибытия, и узнав, что мы находимся за три переезда, составили между собою тираническое сборище и дерзнули на поступки нелегальные, противозаконные и исполненные всякого бесчиния» (Theod. Ep. 153).

Однако принципиально важно, что в момент конфликта все стороны – и сторонники Иоанна, и его противники – признавали за императором право созыва соборов и роль верховного арбитра. Спор шел о том, чья позиция более соответствует императорской воле. Именно в этом заключается уникальность позиции самого Златоуста. Формально признавая власть императора, он своим пастырским служением утверждал, что существует сфера, где голос епископа стоит выше придворного этикета и даже прямого императорского указа. Он брал на себя функцию, которую на Западе в это же время реализовывал Амвросий Медиоланский, но в ином, менее институционализированном ключе. П. Браун, анализируя социальные процессы в поздней Античности, отмечает, что фигура епископа в это время приобретала все больший вес именно как «патрона» и «защитника» города перед лицом имперской администрации [6]. В этом смысле конфликт Златоуста был не просто личной ссорой, а проявлением растущего самосознания епископата как самостоятельной социальной и моральной силы, даже в условиях восточного «цезарепапизма». Его ссылки и гонения на его сторонников показали, что власть императора в Константинополе была достаточно сильна, чтобы сломить отдельного епископа, но не смогла искоренить память о нем как о мученике за правду.

Сопоставление двух рассмотренных фигур позволяет сделать важный вывод о природе восточной политической теологии. Модель Евсевия, ставшая официальной, предполагала, что император, будучи помазанником Божьим, берет на себя ответственность за внешний мир Церкви, а епископы, в свою очередь, поддерживают его власть молитвой и лояльностью. Это идеал «симфонии», сформулированный значительно позже в VI веке в новеллах Юстиниана, но корнями уходящий именно в эпоху Константина. Однако фигура Иоанна Златоуста свидетельствует о том, что в самой восточной традиции сохранялся мощный альтернативный импульс. Этот импульс восходил к раннехристианскому идеалу мученичества и пророческого служения, когда церковь противостояла враждебному имперскому миру. В условиях

христианской империи этот импульс не исчез, а трансформировался. Он выражался в готовности отдельных епископов – «столпов церкви» – выступать с публичным обличением императоров, если те нарушали, с их точки зрения, законы Божеские и человеческие. Как отмечает Р. Маркус в своем исследовании августиновской концепции «saeculum», на Западе это противоречие привело к созданию дуалистической модели «двух градов», которая теоретически обосновывала автономию духовной власти [7]. На Востоке же такого теоретического оформления не произошло. Конфликт оставался на уровне личной драмы или внутрицерковной борьбы партий. Император, даже будучи грешником и гонителем, де-юре не переставал быть главой христианской империи. Тем не менее, как Э.М. Манукян отмечает, образ «идеального епископа» в поздней Античности включал в себя не только литургические и административные функции, но и функцию «печалования» – заступничества за паству перед сильными мира сего [8, С. 64, 69]. Эта функция требовала от епископа известной доли мужества и независимости, что вступало в противоречие с сервильной позицией придворных иерархов.

Существование двух полюсов – сакрализации императора и независимого морального суда над ним – создавало внутреннее напряжение в восточной модели церковно-государственных отношений. Оно не было снято теоретически, а существовало в форме динамического равновесия, нарушавшегося время от времени острыми конфликтами. Это позволяет утверждать, что противопоставление «свободного Запада» и «порабощенного государством Востока» является историографическим упрощением. Восточная традиция также знала примеры героического стояния епископов за правду, что делает ее исторический опыт более сложным и поучительным для понимания природы отношений духовной и светской власти.

Литература

1. Cameron, A. Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse / A. Cameron. – Berkeley: University of California Press, 1991. – 261 p.
2. Barnes, T.D. Constantine and Eusebius. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981. – 458 p.
3. Приходько, М.А. «Жизнь Константина» Евсевия Кесарийского как «священная история»: типология Моисея-Константина // Вестник ПСТГУ. – 2023. – Вып. 109. – С. 9-27.
4. Рицци, М. Евсевий о Константине и Никейском соборе: намерения и умолчания // Вестник ПСТГУ. – 2013. – Вып. 3 (47). – С. 18-29.
5. Kelly, J.N.D. Golden Mouth: The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop. – London: Duckworth, 1995. – 310 p.
6. Brown, P. Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350-550 AD. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 792 p.
7. Markus, R.A. Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine. Rev. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 254 p.
8. Манукян, Э.М. «Идеальные» епископы поздней Античности: визуализация образа // Disciplina. – 2017. – № 1. – С. 50-70.

Гайворонская С.А. **ФИНАНСОВЫЕ КРИЗИСЫ XX ВЕКА: МИРОВОЙ ОПЫТ, КАНАЛЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ**
Н. рук. Счастливенко Т.В.

Любая рыночная экономика периодически сталкивается с кризисами, но именно прошлое столетие продемонстрировало их наиболее разрушительные формы – от обвала на Уолл-стрит в 1929 году до долговых коллапсов конца века. Для российской хозяйственной системы, традиционно зависящей от экспорта сырья, внешних заимствований и поведения иностранных инвесторов, изучение природы и механизмов распространения мировых кризисов остаётся не просто академической, а вполне практической задачей. Особую актуальность теме придают современные вызовы: волатильность нефтяных цен, санкционное давление, периодически возникающий отток капитала. Цель статьи – на базе анализа крупнейших финансовых потрясений XX века выявить каналы их проникновения в российскую экономику и сформулировать уроки для повышения её устойчивости.

Финансовый кризис в современном понимании – это резкое ухудшение финансовых условий, проявляющееся в падении цен на активы, массовых банкротствах, сбоях в работе банковской системы и потере активами значительной доли своей номинальной стоимости [1, с. 45–47]. У каждого такого кризиса есть свой внутренний цикл, проходящий несколько этапов: от скрытого накопления диспропорций до острой фазы, когда доверие участников рынка рушится за считанные дни, и последующей стабилизации с помощью государства. Для оценки глубины кризиса экономисты используют систему показателей: падение ВВП (спад на 10–20 процентов и более считается серьёзным), рост безработицы до двузначных цифр, количество банкротств банков, объём «плохих» кредитов, а также динамику госдолга и отток капитала [2, с. 88–92].

В теоретическом плане за минувшее столетие сформировались три основных подхода к преодолению кризисов. Кейнсианский подход утверждает, что в глубоком спаде без активного государства не обойтись: нужно увеличивать бюджетные расходы, строить дороги и школы, выплачивать пособия безработным [3, с. 201–210]. Монетаристский подход, напротив, считает главной причиной кризисов ошибки центральных банков и предлагает сосредоточиться на контроле инфляции, допуская лишь экстренное предоставление ликвидности банкам [4, с. 55–60]. Структурный подход фокусируется на долгосрочных диспропорциях – сырьевой зависимости, слабых институтах, огромном внешнем долге – и видит выход в системных реформах [1, с. 76–80]. На практике эти подходы комбинируются, и именно такую комбинацию мы увидим на исторических примерах.

Переходя от теории к событиям, следует остановиться на двух самых показательных кризисах прошлого века – Великой депрессии и нефтяном шоке 1973 года, поскольку их природа кардинально различается. Великая депрессия, начавшаяся с биржевого краха 1929 года, представляла собой классический кризис перепроизводства и падения совокупного спроса. Причинами стали бесконтрольные биржевые спекуляции, отсутствие должного регулирования и

надувание огромных спекулятивных пузырей [5, с. 98–105]. Когда эти пузыри лопнули, промышленное производство в США сократилось почти наполовину, безработица достигла 25 процентов, разорилось более шестисот тысяч ферм [6, с. 12–18]. Избранный в 1932 году президент Франклин Рузвельт начал «Новый курс»: объявил банковские каникулы, провёл санацию банков, развернул масштабные общественные работы (строились больницы, школы, плотины, автострады) и принял закон о социальном страховании, вводивший пособия по безработице и пенсии [7, с. 201–215]. СССР, напротив, использовал западный кризис для закупки дешёвых технологий, что позволило форсировать индустриализацию [8, с. 298–305].

Совершенно иной механизм наблюдался при нефтяном шоке 1973 года. Здесь кризис пришёл со стороны предложения, вызванный внешним политическим событием – войной Судного дня. В ответ на поддержку США Израиля арабские страны – экспортёры нефти объявили эмбарго и резко повысили цены [9, с. 512–518]. За несколько месяцев цена на нефть подскочила с трёх до двенадцати долларов за баррель, а к концу 1974 года достигла почти тридцати. Западные экономики столкнулись со стагфляцией – одновременным спадом производства и высокой инфляцией, явлением, которое ранее считалось невозможным [2, с. 45–49]. Компании поднимали цены на свою продукцию вслед за ростом издержек, инфляция раскручивалась, а производство при этом падало. Во Франции ограничили отопление нежилых помещений, в Германии и Нидерландах запретили пользоваться автомобилями по выходным, в Великобритании ввели трёхдневную рабочую неделю [9, с. 530–540]. Главные уроки этого кризиса: сырьевая зависимость – смертельная уязвимость, а классические кейнсианские рецепты бессильны перед стагфляцией, что дало толчок монетаристской революции. Сравнение двух кризисов представлено в Таблице 1.

Таблица 1. – Сравнение Великой депрессии и нефтяного шока 1973 года

Параметр	Великая депрессия (1929–1933)	Нефтяной шок (1973 г.)
Главная причина	Обвал спроса, перегрев фондового рынка	Внешний шок предложения, резкий рост цен на нефть
Характер кризиса	Глубокий спад, дефляция, массовые банкротства	Стагфляция (спад + высокая инфляция)
Основной рецепт выхода	Активные госрасходы (кейнсианство), санация банков	Контроль инфляции (монетаризм), энергосбережение
Последствия для мировой экономики	Крах золотого стандарта, рост роли государства	Переход к плавающим курсам, отказ от кейнсианства

Источник: [9]

Из таблицы видно, что универсальных рецептов не существует. Этот вывод подводит нас к российской специфике. Для нашей страны на протяжении всего XX века были характерны три главных канала проникновения мировых кризисов. Первый – внешний долг. Ещё царское правительство активно брало займы за рубежом, а в 1970–1980-е годы СССР в эпоху дешёвых нефтедолларов начал активно занимать у западных банков. Когда в середине 1980-х цены на нефть рухнули с тридцати до десяти долларов, обслуживать долг стало нечем, что ускорило распад Союза [8, с. 298–305]. Второй канал – отток капитала.

В 1990-е годы бизнес массово выводил деньги за рубеж – по разным оценкам, от 15 до 25 миллиардов долларов ежегодно, что ослабляло рубль и подрывало инвестиционный климат [10, с. 176–180]. Третий канал – колебания сырьевых цен. Когда мировые цены высоки – бюджет полон, но как только они падают – начинаются проблемы. Самое опасное происходит, когда все три канала включаются одновременно, как в конце 1980-х и в 1998 году. Действие этих каналов показано в таблице 2.

Таблица 2. – Каналы проникновения глобальных кризисов в экономику России

Канал	Период наибольшей уязвимости	Последствия
Внешний долг	1910–1917, 1970–1980-е, 1990-е	Дефолт 1918 года, долговой кризис конца 1980-х, дефолт 1998 года
Отток капитала	1917–1922, 1990–1998	Ослабление рубля, падение инвестиций, потеря контроля над финансовой системой
Колебания сырьевых цен	1920–1930-е, 1970–1980-е, 1990-е	Экономический спад, нехватка валюты, давление на рубль

Источник: [8]

Последствия для страны были катастрофическими. ВВП России в 1990-е годы сократился почти вдвое, промышленное производство упало больше, чем в США в годы Великой депрессии, реальные доходы населения рухнули на 40–50 процентов, а гиперинфляция достигала 2500 процентов в год [1, с. 210–215]. Антикризисные меры 1990-х оцениваются неоднозначно. Либерализация цен 1992 года устранила дефицит, но ценой гиперинфляции и падения уровня жизни. Приватизация создала слой олигархов, но сопровождалась колоссальным ростом неравенства. Кредиты МВФ давали временную передышку, но часто уходили в отток капитала. Дефолт 1998 года, при котором рубль рухнул втрое, был чрезвычайно болезненным, но он обесценил внутренний долг и благодаря девальвации дал толчок росту в 1999–2000 годах [11, с. 245–250]. Оценка этих мер представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Эффективность антикризисных мер в России в 1990-е годы

Мера	Результат	Оценка
Либерализация цен (1992)	Гиперинфляция, падение доходов, но дефицит исчез	Неоднозначно (провал по социальным последствиям)
Приватизация (1992–1996)	Олигархи, неравенство, утечка капитала	Скорее неэффективна
Кредиты МВФ (1990-е)	Временная передышка, деньги уходили в отток	Малоэффективна
Дефолт (1998)	Коллапс банков, затем рост экспорта и экономики	Эффективен, но ценой нового кризиса

Источник: [1]

Из ошибок 1990-х были извлечены важнейшие уроки, определившие политику 2000-х годов. Во-первых, нельзя допускать бюджетной зависимости от одного экспортного товара – были созданы резервные фонды (Стабфонд, ФНБ). Во-вторых, внешним долгом нужно управлять осторожно – в 2000-е Россия досрочно погасила долги перед МВФ и Парижским клубом. В-третьих, отток

капитала необходимо контролировать – были введены механизмы валютного контроля. В-четвёртых, социальная стабильность важнее идеологических догм – государство вернулось к активной социальной политике. В-пятых, рынок сам по себе не панацея – государство должно регулировать банковскую систему и поддерживать системообразующие предприятия [2, с. 205–210].

Завершая анализ, можно сделать следующие выводы. Финансовые кризисы XX века – не случайные сбои, а закономерные явления рыночной экономики с повторяющимися стадиями и механизмами. Великая депрессия доказала необходимость активного государства – санации банков, общественных работ и социальной защиты. Нефтяной шок 1973 года показал уязвимость перед внешними шоками предложения и породил стагфляцию, против которой классические кейнсианские рецепты бессильны. Россия, оказавшись в точке пересечения трёх каналов – внешнего долга, оттока капитала и сырьевых цен, – пережила трансформацию глобальных кризисов в политические и социальные катастрофы. Из ошибок 1990-х выросли главные уроки, которые легли в основу более осторожной политики 2000-х. Сегодня, когда Россия вновь сталкивается с санкциями и волатильностью цен на сырьё, знание этих уроков приобретает сугубо практическое значение. Кризисы легче предотвращать, чем лечить, а для этого нужно вовремя замечать накапливающиеся диспропорции. Без понимания истории финансовых кризисов XX века невозможно выработать устойчивую политику на век нынешний.

Литература

1. Ануреев С.В. Денежно-кредитная и бюджетная политика, диспропорции и кризисы: монография. – 2-е изд. – М.: КноРус, 2020. – 589 с.
2. Кузнецов А.В. Финансовые кризисы: генезис и эволюционные трансформации: монография. – М.: КноРус, 2021. – 233 с.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. – М.: АСТ, 2021. – 448 с.
4. Фридман М. Количественная теория денег / пер. с англ. – М.: Дело, 2019. – 320 с.
5. Гэлбрейт Дж.К. Великий крах 1929 года / пер. с англ. – Минск: Попурри, 2009. – 256 с.
6. Согрин В.В. Экономический кризис 1929–1933 гг. в США и его преодоление // Мировой экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг.: история и современность. – М., 2009. – С. 7–30.
7. Бернстайн М.А. Великая депрессия: вчера и сегодня // Экономическая история. – 2015. – № 3. – С. 12–28.
8. Аникин А.В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. – М.: Олимп-Бизнес, 2002. – 448 с.
9. Йергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 960 с.
10. Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / пер. с англ. – М.: Эксмо, 2011. – 512 с.
11. Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или как человеческая психология управляет экономикой / пер. с англ. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 273 с.

Грызлова А.Н. ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НА ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М.

Вопрос о том, определяет ли язык мышление, остается одним из наиболее дискуссионных в лингвистике. В рамках теоретической грамматики особый интерес вызывает не лексика, а обязательные грамматические категории – те значения, которые носитель языка вынужден выражать в каждом высказывании. Цель данной статьи – на основе сопоставительного анализа языков показать, как различия в грамматическом строе коррелируют с различиями в восприятии времени, ассоциативных суждениях и стратегиях категоризации объектов.

Гипотеза Сепира – Уорфа в классическом виде утверждала, что структура языка определяет восприятие реальности. Сегодня большинство исследователей принимают слабую версию лингвистической относительности: язык не детерминирует мышление жестко, но направляет внимание носителя на те аспекты действительности, которые регулярно маркируются грамматикой [3].

Ключевым понятием выступает обязательность категории. Если в русском языке нельзя назвать существительное без указания числа, а в японском – можно, то носитель русского языка привыкает оценивать количество объектов, даже когда это не нужно для коммуникации. Именно этот механизм создает предпосылки для когнитивных различий.

Английский язык относится к темпорально-доминантным: глагол в личной форме обязательно маркирует время (прошлое, настоящее, будущее). Китайский язык традиционно считается аспектно-доминантным: грамматической категории времени нет, временная отнесенность выражается аспектуальными маркерами, контекстом и временными наречиями.

- 我吃饭。(Wǒ chī fàn.) – «Я ем / ел / буду есть рис» (вне контекста время не определено).
- 我吃了饭。(Wǒ chī-le fàn.) – «Я поел» (перфектив -le указывает на завершенность, интерпретируется как прошлое).
- 我在吃饭。(Wǒ zài chī fàn.) – «Я сейчас ем» (прогрессив *zài*).

В исследовании Л. Бородицкой [1] было показано, что различия в пространственных метафорах времени влияют на когнитивные предпочтения. В английском доминирует горизонтальная метафора (вперед = будущее, назад = прошлое), в китайском наряду с горизонтальной широко используется вертикальная метафора: 上个月 (shàng ge yuè) – «прошлый месяц» (букв. «верхний месяц»), 下个月 (xià ge yuè) – «следующий месяц» (букв. «нижний месяц»).

Эксперимент показал: англоговорящие быстрее отвечали на вопросы о времени после горизонтальных пространственных стимулов, китайскоговорящие – после вертикальных. Нейрофизиологические исследования [7] подтвердили, что аспектуальные маркеры в китайском обрабатываются сходными мозговыми механизмами, что и временные флексии в английском, т.е. мозг «компенсирует» отсутствие грамматического времени другими средствами.

Грамматический род относится к классифицирующим категориям: каждое существительное закреплено за определённым родом, и носитель не может это изменить.

- Французский: два рода (мужской/женский). *Le pont* (мост – м.р.), *la lune* (луна – ж.р.).
- Немецкий: три рода (мужской/женский/средний). *Der Mond* (луна – м.р.), *das Mädchen* (девочка – ср.р.).
- Русский: три рода, артиклей нет, род выражается окончанием и согласованием. *Стол* (м.р.), *книга* (ж.р.), *окно* (ср.р.).

В классических экспериментах [4] франкоговорящие приписывали неодушевленным объектам пол в соответствии с грамматическим родом (мост – мужской голос, луна – женский). Немецкоговорящие в ранних работах эффекта не показывали, однако более поздние исследования [8] выявили, что объекты среднего рода не провоцируют перенос гендерных характеристик – он выступает нейтральной зоной.

В русском языке носители оценивали грамматически мужские объекты (*стол*) как более «сильные», а женские (*дверь*) – как более «мягкие»; англоговорящие (без грамматического рода) таких различий не демонстрировали. Можно сделать вывод, что наличие среднего рода ослабляет влияние грамматики на гендерные ассоциации, тогда как двухродовая система дает наиболее устойчивые эффекты.

В категории числа и детерминации ключевым параметром выступает обязательность маркировки множественного числа.

- Английский: обязательная маркировка для исчисляемых существительных (cat – cats). Различие исчисляемых/неисчисляемых.
- Японский: классификаторный язык, маркировка числа факультативна. Существительные не изменяются по числу: *neko* может означать и «кошка», и «кошки».
- Турецкий: маркер множественного числа *-lar/-ler* существует, но не является обязательным при наличии числительного или контекста: *üç kitap* (три книги – без маркера), *kitaplar* (книги – маркер есть, но его можно опустить).

Эксперименты Дж. Люси [2] показали: в задаче на выбор сходного объекта англоговорящие ориентируются на форму (так как грамматика требует дискретной индивидуации объектов), а носители юкатекского майя (классификаторный язык) – на материал. Аналогичные результаты получены для японского языка [5].

Для счета разных типов объектов в японском языке используются разные классификаторы: *hon* (для длинных предметов), *mai* (для плоских предметов), *ko* (для малых предметов). Это направляет внимание на форму и материальные свойства, а не только на количество.

Исследования турецкого языка [6] показали промежуточный паттерн: когда количество было контекстуально важно, турецкие участники проявляли чувствительность, сравнимую с англоговорящими; когда нет – их поведение приближалось к японскому. Кроме того, билингвы с высоким уровнем владения

английским демонстрировали сдвиг когнитивных стратегий в сторону английского, что подтверждает пластичность когнитивных систем.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько обобщений. Влияние грамматики на мышление реально, но не абсолютно. Оно проявляется как «привычная направленность внимания», а не как жесткий детерминизм. Двухродовые системы дают более сильные эффекты, чем трехродовые; языки с обязательной маркировкой числа – более сильные, чем классификаторные языки. Наиболее надежные эффекты наблюдаются для семантически «близких» доменов (одушевленные объекты – род, дискретные объекты – число). Для абстрактных доменов (время, абстрактные существительные) эффекты слабее и сильно зависят от экспериментального контекста. Билингвальные данные свидетельствуют о том, что когнитивные привычки пластичны и могут модифицироваться под влиянием второго языка при достаточном уровне владения.

Таким образом, грамматический строй языка не является нейтральным кодом – он активно участвует в конструировании мысли, направляя внимание носителя на одни аспекты действительности и оставляя в тени другие. Исследование подтверждает слабую версию лингвистической относительности и открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке теоретической грамматики, психолингвистики и когнитивной науки.

Литература

1. Boroditsky L. Does language shape thought? Mandarin and English speakers' conceptions of time // Cognitive Psychology. 2001. Vol. 43. P. 1–22.
2. Lucy J.A. Grammatical Categories and Cognition. Cambridge, 1992.
3. Lucy J.A. The Scope of Linguistic Relativity // Rethinking Linguistic Relativity. Cambridge, 1996. P. 37–69.
4. Sera M.D. et al. Grammatical and conceptual forces in the attribution of gender // JEP: General. 1994. Vol. 123. P. 195–208.
5. Imai M., Gentner D. A cross-linguistic study of early word meaning // Cognition. 1997. Vol. 62. P. 169–200.
6. Athanasopoulos P. Effects of the grammatical representation of number on cognition in bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition. 2006. Vol. 9. P. 89–96.
7. Chen L. et al. Processing past time reference in a tenseless language // Journal of Neurolinguistics. 2021. Vol. 59. P. 1–12.
8. König A., Erickson M. The role of neuter gender in German speakers' conceptualization of objects // Cognitive Linguistics. 2019. Vol. 30. P. 143–162.

Гузиёва В. С. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ: ПЕРЕХОД ОТ СИНТЕТИЗМА К АНАЛИТИЗМУ. Н. рук. Шевченко Е. М.

В последние десятилетия в лингвистике значительно возрос интерес к диахроническому изучению языков. Понимание исторического развития грамматической системы позволяет глубже осознать специфику современного английского языка, который сегодня является одним из наиболее распространённых средств международной коммуникации. Современная грамматика английского языка с её аналитическим строем, фиксированным порядком слов и развитой системой вспомогательных глаголов сформировалась в результате длительной эволюции, начавшейся ещё в древнеанглийский период.

Многие особенности современного английского языка – фиксированный порядок слов SVO, преобладание аналитических конструкций для выражения времени и вида, утрата падежных окончаний – становятся понятными только при обращении к истории. Цель статьи – рассмотреть основные направления развития грамматической структуры английского языка в диахронии и проиллюстрировать эти изменения на материале текстов трёх периодов: древнеанглийского, среднеанглийского и новоанглийского.

Общепринятая периодизация истории английского языка включает три основных периода: древнеанглийский (V–XI вв.), среднеанглийский (XII–XV вв.) и новоанглийский (с конца XV в. по настоящее время). Данная схема, восходящая к работам Г. Суита [8] и развитая отечественными лингвистами [1], учитывает, как внутренние языковые изменения, так и ключевые исторические события.

Древнеанглийский период характеризуется синтетическим строем с богатой морфологией: развитой системой падежей (до четырёх у существительных), грамматическим родом, многочисленными флексиями и относительно свободным порядком слов [3]. Лексика в основном германского происхождения, хотя уже появляются латинские заимствования после принятия христианства.

Среднеанглийский период, начавшийся после Нормандского завоевания 1066 года, ознаменовался сильным французским влиянием на лексику и ускорением внутренних изменений: редукцией безударных гласных, упрощением склонения и спряжения. Язык активно переходил от синтетизма к аналитизму [4].

Новоанглийский период связан с введением книгопечатания (1476 г.), Великим сдвигом гласных и окончательным закреплением аналитических норм. Именно в это время порядок слов стал жёстко фиксированным, а грамматические значения стали выражаться преимущественно служебными словами и конструкциями [3].

Одним из наиболее ярких проявлений перехода к аналитизму стала радикальная перестройка падежной системы. В древнеанглийском языке существительное различало четыре падежа (именительный, родительный, дательный, винительный) и три рода. Склонение осуществлялось по типам основ (сильное, слабое, корневое) [3]. Примером сильного склонения может служить слово stān (камень, муж. р.): stān – stānes – stāne – stān (ед. ч.).

Уже в древнеанглийский период наметились тенденции к упрощению: совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных среднего рода, активное использование дательного падежа. Скандинавское влияние и особенно Нормандское завоевание ускорили процесс [3, 2]. К концу среднеанглийского периода большинство существительных утратило падежные окончания, сохранив лишь общий падеж и притяжательный (с окончанием -’s).

В новоанглийский период утвердилась двухпадежная система. Притяжательный падеж употребляется преимущественно с одушевлёнными существительными (the student’s book), тогда как для неодушевлённых предпочтительнее аналитическая конструкция с предлогом of (the roof of the house). Функции исчезнувших падежей взяли на себя предлоги (to – вместо дательного, of – вместо родительного) и фиксированный порядок слов [3, 2].

Глагольная система претерпела ещё более существенные преобразования. В древнеанглийском языке глагол различал сильные (с аблаутом) и слабые (с дентальным суффиксом) типы спряжения, имел категории лица, числа, времени (только настоящее и прошедшее), наклонения и вида (выражался префиксами). Сильные глаголы распределялись по семи классам (writan – wrāt – writon – written и др.) [3].

В среднеанглийский период начался активный переход сильных глаголов в слабые, появились первые аналитические конструкции перфекта с вспомогательными глаголами have(n) и be(n). У Чосера уже регулярно встречаются формы типа hath perced, hath y-ronne [6]. К концу периода система заметно упростилась.

В новоанглийский период количество сильных глаголов сократилось, формы прошедшего времени и причастия II у большинства глаголов стали образовываться по слабому типу с помощью -ed. Полностью закрепились аналитические времена и виды: Simple, Continuous (be + -ing), Perfect (have + Participle II). Вспомогательные глаголы be, have, will и чёткий порядок слов заняли центральное место в выражении грамматических значений [3, 6]. Именно поэтому современный английский язык считается одним из наиболее аналитических среди германских языков.

Порядок слов – наглядный индикатор перехода от синтетизма к аналитизму. В древнеанглийском периоде он был относительно свободным, поскольку грамматические отношения выражались окончаниями [5]. В поэзии («Беовульф») часто встречался синтетический порядок с сказуемым в конце предложения. Прямой порядок (подлежащее – сказуемое) преобладал, но допускались инверсии, особенно после обстоятельств времени (þā, nū) [3].

В среднеанглийский период, по мере ослабления флексий, порядок слов начал выполнять синтаксическую функцию. У Чосера уже доминирует структура, близкая к современному SVO, хотя в поэзии сохраняются инверсии ради ритма [4]. К началу новоанглийского периода порядок слов уже прочно утвердился в качестве основного средства выражения синтаксических отношений. Современный английский – язык с жёстким SVO-порядком в повествовательных предложениях; инверсия сохраняется лишь в вопросах, конструкциях there is/are, после некоторых наречий и в стилистически маркированных контекстах [3, 5].

Для наглядной демонстрации эволюции были проанализированы характерные отрывки из текстов трёх периодов [7].

Древнеанглийский текст (IX в., «Рассказ Охтхере»): Ōhthere sǣde his hlāforde, Ælfrēde cyninge, ðæt hē ealra Norðmonna norþmest būde. Здесь отчётливо видна богатая падежная система (his hlāforde – дат. п., ealra Norðmonna – род. п. мн. ч.), смешение сильных и слабых глаголов (sǣde – слабый, cwæð – сильный), относительно свободный порядок слов с возможностью вынесения обстоятельства вперёд [7].

Среднеанглийский текст (конец XIV в., Пролог «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера): Whan that Aprille with his shoures soote / The droghte of March hath perced to the roote… Уже заметно сильное упрощение: предлоги of, in, to берут на себя функции падежей; появляются аналитические перфектные формы с hath; порядок слов в целом соответствует SVO, хотя поэтический синтаксис допускает инверсии (engendred is the flour) [7, 4].

Новоанглийский текст (начало XVII в., «Гамлет» У. Шекспира): Full thirtie times hath Phebus cart gone round… Падежная система практически современная (womans loue – притяжательный, the teares of the moone – с предлогом of). Глагольные формы полностью аналитические (hath gone). Порядок слов – фиксированный SVO за исключением вопросительных конструкций и поэтических инверсий [7].

Таблица 1. – Сравнительный анализ грамматических особенностей текстов разных периодов

Аспект	Древнеанглийский (Охтхере)	Среднеанглийский (Чосер)	Новоанглийский (Шекспир)
Падежная система	4 падежа, богатое склонение: hlāforde (дат.), Norðmonna (род.)	Падежи заменяются предлогами: of March, in swich licour	Практически современная: womans loue, the teares of the moone
Глагольная система	Сильные и слабые глаголы с чередованиями: sǣde, cwæð, wīciað	Аналитические формы перфекта: hath perced, hath y-ronne	Полностью аналитическая: hath gone, Is this…?
Порядок слов	Относительно свободный: Hē sǣde þēah þæt…; обстоятельства перед глаголом	В основном SVO, инверсии в поэзии: engendred is the flour	Фиксированный SVO: We begge your hearing patiently

Анализ языкового материала в диахронии показывает, что главным направлением развития английского языка действительно стал постепенный переход от синтетического строя к аналитическому [3, 1]. В древнеанглийский период грамматические отношения выражались преимущественно флексиями и чередованиями. В среднеанглийский период под влиянием внутренних процессов (редукция окончаний) и внешних факторов (скандинавское и французское влияние) началось активное упрощение морфологии и рост роли аналитических средств. К новоанглийскому периоду система окончательно приобрела современный вид: двухпадежная система существительного, аналитическая глагольная парадигма и жёсткий порядок слов SVO [8].

Сравнение текстов трёх периодов хорошо иллюстрирует эти изменения: от сложной морфологии и относительно свободного синтаксиса древнеанглийского периода через промежуточное состояние у Чосера к почти современной грамматике Шекспира. Анализ показал, что наиболее заметные сдвиги произошли именно в среднеанглийский период, когда падежная система начала активно заменяться предлогами, а аналитические конструкции стали регулярно использоваться в глагольной системе. Очевидно, что языковые изменения носят постепенный характер: даже в начале XVII века в языке Шекспира ещё сохранялись отдельные архаичные черты, что свидетельствует о неравномерности и длительности процесса перехода от синтетизма к аналитизму.

Литература

1. Аракин В. Д. История английского языка: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Физматлит, 2003. – 272 с.
2. Василевская Л. А., Лаврентьев С. Г. Изменения падежной системы в английском языке на протяжении средневековья и нового времени [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/209250 (дата обращения: 20.05.2026).
3. Ильиш Б. А. История английского языка. – 5-е изд. – М.: Высшая школа, 1968. – 418 с.
4. Никитина Л. А., Зодбинова А. В., Джунгурова В. Н. Основные изменения в области морфологии и синтаксиса среднеанглийского языка (на примере произведения Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы») [Электронный ресурс] // Вестник Калмыцкого университета. – 2025. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-izmeneniya-v-oblasti-morfologii-i-sintaksisa-sredneangliyskogo-yazyka-na-primere-proizvedeniya-dzh-chosera-kenterberiyskie (дата обращения: 21.05.2026).
5. Петренко В. И. Традиционный порядок слов в английском предложении [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. – 2017. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-poryadok-slov-v-angliyskom-predlozhenii (дата обращения: 25.05.2026).
6. Радин А. М., Ильина Е. А. Возникновение и развитие неправильных глаголов в английском языке [Электронный ресурс] // Научное обозрение: электрон. журн. – 2019. – № 3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-nepravilnyh-glagolov-v-angliyskom-yazyke (дата обращения: 22.05.2026).
7. Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка. – М.: Высшая школа, 1953. – 173 с.
8. Sweet H. A New English grammar: logical and historical. – Vol. 1–2. – Oxford, 1892–1903. – 626 p.

Дудникова Д.А. ЛЕКСЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИИ. Н. рук. Шевченко Е.М.

Лексический уровень языка представляет собой открытую динамическую систему, подверженную изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов. Центральной единицей выступает лексема, изучение которой в диахроническом аспекте позволяет проследить механизмы языковой эволюции и выявить закономерности семантических изменений. Актуальность данного исследования обусловлена высокой динамикой лексического состава английского языка, отражающего социально-культурные, технологические и исторические трансформации общества, а также необходимостью сопоставления британского и американского вариантов. Цель статьи – выявить и сопоставить направления семантической эволюции лексем английского языка, используя корпусные методы анализа и установить сходства и различия между британским и американским вариантами.

В теоретической лингвистике лексема трактуется как абстрактная языковая единица, объединяющая все грамматические формы и семантические варианты одного слова. В синхроническом аспекте она рассматривается как элемент, обладающий относительно стабильной семантической структурой в рамках определённого временного среза. В диахронии лексема предстает как исторический объект, значение которого меняется со временем. Как отмечает К. М. Шилихина, диахронический анализ словарных дефиниций позволяет выявить способы описания представлений лексикографическими источниками и проанализировать трансформации семантической структуры лексем [2].

Периодизация истории английского языка выступает фундаментальным инструментом для понимания закономерностей развития его лексического состава. Традиционная схема, основанная на экстралингвистических факторах, делит историю языка на три основных периода: древнеанглийский (V–XI вв.), среднеанглийский (XI–XV вв.) и новоанглийский (с XV в. по настоящее время) [1]. Каждый из этих этапов характеризуется собственными процессами развития лексики. В древнеанглийский период происходили изменения германской основы словарного состава, в среднеанглийском этапе отмечена романизация лексики после нормандского завоевания 1066 года, а новоанглийский период отличается активными заимствованиями из латинского, греческого и языков колониальных территорий.

Исконная германская лексика представляет собой ядро словарного фонда, включающее наиболее употребительные слова (mother, father, hand, heart, sun, water). Значительную роль в обогащении словаря сыграли внешние источники. Как отмечает М.Я. Эльжуркаева, первой волной заимствований стали латинизмы, проникновение которых началось с римского завоевания Британии и распространения христианства. Вторым источником стала французская лексика после нормандского завоевания, а третьей волной – грецизмы, проникновение которых началось в эпоху Возрождения [3]. Скандинавские заимствования (sky, window, law, take) вошли в основной словарный фонд и сегодня воспринимаются как исконные [4]. Современный этап развития лексики характеризуется влиянием глобализации и цифровых технологий (hashtag, tweet, selfie, webinar).

Практический анализ, выполненный на материале двух крупных национальных корпусов British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA), позволил провести сопоставительное исследование семантической эволюции четырех лексем: nice, awful, smart и jealous. Выбор данных единиц объясняется их историей семантического развития, ярко выраженной полисемией и различиями в употреблении между британским и американским вариантами.

Анализ лексемы nice, которая, согласно Oxford English Dictionary, восходит к латинскому nescius («незнающий»), показал значительную семантическую трансформацию: от отрицательного значения «глупый, простодушный» (XIV–XVII вв.) к современному положительному значению «приятный, милый» (конец XVIII в.) [5]. Данные корпусов подтверждают, что в современном британском варианте преобладают коллокации nice little (334), nice young (66), nice old (54) [6]. В американском варианте чаще встречаются nice big (359), nice new (241), nice long (227). [7] Это свидетельствует о большей склонности американского варианта к сочетаниям, подчеркивающим новизну и размер. Положительная коннотация сохраняется в обоих вариантах, однако в американском английском слово звучит более нейтрально-разговорно, что может объясняться прагматичностью американской культуры.

Лексема awful, образованная от awe («благоговение») с помощью суффикса -ful, первоначально имела значение «внушающий благоговение, страх или уважение» (с конца XI в.) [5]. В XVIII–XIX вв. произошла пейорация, и значение сместилось в сторону «неприятный, плохой». В современном британском варианте лексема сохраняет преимущественно отрицательную коннотацию (коллокации awful long (35), awful bad (4), [6] тогда как в американском варианте она чаще используется как усилитель степени (наречие «очень») в сочетаниях awful good (61), awful nice (50). [7] Как результат, в американском английском слово приобретает более широкую функциональность, что может быть связано с экспрессивностью американского речевого поведения.

Лексема smart, являющаяся исконно германской, демонстрирует наиболее заметные различия между вариантами. Первоначальное значение «болезненный, острый, сильный» постепенно развилось в значения «сообразительный, быстрый», а также «элегантный, опрятный, модный» [1, 4]. В британском варианте (BNC) преобладает значение «элегантный, опрятный» (smart new (28), smart black (12), smart young (10), тогда как в американском варианте (COCA) значительно чаще представлено значение «умный, сообразительный, эффективный» (smart financial (36), smart political (47), smart strategic). Это различие отражает культурные приоритеты: в британском варианте акцент на внешнем виде и стиле, в американском же на интеллекте и инновациях. Такая дифференциация значений является классическим примером того, как социокультурные факторы влияют на семантическую динамику [3].

Проведённый анализ подтверждает, что лексемы английского языка продолжают активно развиваться. Семантические процессы, заложенные ещё в средние века, находят продолжение в современных национальных вариантах. Американский английский отличается большей динамикой, прагматичностью и экспрессивностью. Британский вариант сохраняет консервативность и стилистическую точность.

Таблица 1. – Семантическая эволюция и коллокации исследуемых лексем (на материале BNC и COCA)

Лексема	Этимология и Эволюция	Основные коллокации в BNC	Основные коллокации в COCA	Ключевые различия
Nice	От лат. Nescius «незнающий» = от отриц. к полож. (XIV–XVIII вв.)	nice little, nice young, nice old	nice little, nice big, nice new, nice long	Более нейтрально-разговорный; выше частотность с размером/новизной
Awful	От awe + -ful = «внушающий благоговение» = «крайне неприятный»	awful long, awful little, bloody awful	wful long, awful good, awful nice, awful bad	В AmE чаще как усилитель степени («очень»); экспрессивнее
Smart	Др.-англ. smeart «болезненный, острый» = «элегантный / умный»	smart new, smart black, smart young (элегантный)	smart financial, smart political (умный), smart strategic	В BrE – внешний вид/стиль; в AmE – интеллект/эффективность
Jealous	От ст.-фр. jalos = «ревностный» = преимущественно отриц. (ревнивый/завистливый)	jealous rival, jealous central	jealous little, jealous old, jealous crazy	Усиление с оценочными прилагательными в AmE

Корпусные данные BNC и COCA позволили объективно зафиксировать как общие тенденции развития лексики, так и национально-специфические особенности её функционирования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки лексем и изучением влияния цифровой коммуникации на семантическую динамику современного английского языка.

Литература

1. Ройс Е.В. Трансформация синтаксических структур английского языка на материале поэтических фрагментов англосаксонской хроники [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – 2025. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sintaksicheskih-struktur-angliyskogo-yazyka-na-materiale-poeticheskih-fragmentov-anglosaksonskoy-hroniki.
2. Шилихина К.М. Семантическая структура лексемы «beauty» в диахроническом аспекте (на материале словарей XVI–XX веков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 87. – С. 80-95.
3. Эльжуркаева М.Я. Сопоставление структуры заимствования слов в чеченском и английском языках [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – 2023. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-struktury-zaimstvovaniya-slov-v-chechenskom-i-angliyskom-yazykah.
4. Mishra S. The Evolution of English Vocabulary: Borrowings, Neologisms and Semantic Shifts // Journal of International English Research Studies. – 2023. – № 1. – С. 8-14.
5. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Режим доступа: https://www.oed.com.
6. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition) [Электронный ресурс]. – Oxford: Oxford University Computing Services, 2007. – Режим доступа: http://www.natcorp.ox.ac.uk/.
7. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс] / Mark Davies. – Provo (Utah) : Brigham Young University, 2008–. – Режим доступа: https://www.english-corpora.org/coca/.

Дьякова А.И. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Н. рук. Шевченко Е.М.

Несмотря на то что носители языка обладают высоким уровнем языковой компетенции и свободно используют язык в различных коммуникативных ситуациях, их речь не является идеальной. В современной лингвистике представляет интерес изучение грамматических ошибок, допускаемых носителями английского языка. Такие отклонения позволяют понять механизмы речепроизводства, функционирование языковой нормы и процессы языковых изменений.

Традиционно языковая норма понимается как совокупность правил употребления языковых единиц, закрепленных в литературном языке и признанных образцовыми. Современные исследователи отмечают, что норма не является статичной системой. Дэвид Кристал подчеркивает, что язык постоянно развивается под влиянием социальных и коммуникативных факторов, поэтому некоторые отклонения от правил со временем могут стать частью новой нормы [4]. Чтобы разобраться с этим в современной лингвистике различают два подхода к анализу языка- предписывающий (prescriptive) и описательный (descriptive). Первый рассматривает отклонения как ошибки, второй стремится объяснить причины их появления и место в реальном языковом употреблении [4].

Важным является разграничение понятий «ошибка» и «оговорка». Согласно концепции С.П. Кордера, систематические ошибки отражают недостаточное владение языковой системой и в основном характерны для изучающих иностранный язык [3]. Оговорки же возникают у носителей языка случайно и связаны с особенностями функционирования речевого механизма. Они могут быть вызваны разными причинами, такими как: усталость, эмоциональное напряжение, высокая скорость речи или особенности когнитивной обработки информации [2]. Большинство отклонений, встречающихся в речи носителей английского языка, следует рассматривать не как свидетельство незнания грамматики, а как результат временных сбоев в процессе производства речи.

Психолингвистические исследования показывают, что процесс порождения речи представляет собой сложную многоуровневую систему. В модели Уиллема Левельта речевая деятельность включает несколько последовательных этапов: формирование коммуникативного намерения, выбор лексических единиц, грамматическое кодирование, фонологическое оформление и артикуляцию [7]. Ошибки могут возникать на любом из этих этапов. Из-за этого, даже носители языка иногда употребляют неверные грамматические формы или нарушают правила согласования слов в предложении, например могут встречаться высказывания типа: «The key to the cabinets *are* missing.» вместо нормативного «The key to the cabinets is missing». В данном случае говорящий удерживает в памяти несколько существительных и автоматически согласует сказуемое с ближайшим словом *cabinets*, а не с подлежащим key.

Особое место в изучении речевых отклонений занимают работы Виктории Фромкин, посвященные оговоркам. Исследователь доказала, что ошибки в речи не являются хаотичными. Напротив, они подчиняются определенным

закономерностям [5]. Например, при замене слов существительные чаще всего заменяются другими существительными, а глаголы- глаголами.

Подобные случаи демонстрируют, что ошибки носителей языка не являются случайным набором нарушений, а отражают определенные закономерности организации языковой системы [5]. Особое значение для изучения речевых ошибок имеют оговорки, возникающие в процессе спонтанного речепроизводства. Так, В. Фромкин приводит пример неверного высказывания: «this spring has a seat in it» вместо нормативного «this seat has a spring in it», где существительные spring и seat меняются местами, однако грамматическая структура предложения остается правильной [5].

Обратимся к причинам грамматических ошибок. Одной из них является аналогия или перенос. Носители языка нередко распространяют продуктивные грамматические модели на случаи, которые являются исключениями. По мнению Стивена Пинкера, подобные ошибки возникают из-за стремления человеческого мозга упорядочить языковой материал и подчинить его общим правилам [8]. Например, в речи некоторых носителей встречается форма «childs» вместо нормативного «children». Говорящий распространяет наиболее продуктивную модель образования множественного числа с окончанием -s на существительное, которое относится к числу исключений. Также в качестве примера можно привести следующие строки: «I should have *wrote* a letter» вместо нормативной формы «I should have written a letter» [8]. В данном случае носитель языка переносит модель образования форм неправильных глаголов, у которых формы Past Simple и Past Participle совпадают (sit – sat – sat), на глагол write, формы которого различаются. Это пример стремления к упрощению и систематизации грамматических моделей.

Другой важной причиной является гиперкоррекция. Она возникает, когда говорящий стремится использовать нормативную форму, но применяет правило в неподходящем контексте. Гиперкоррекция демонстрирует, что даже хорошее знание грамматических правил не всегда гарантирует их правильное использование [6]. Классическим примером гиперкоррекции считается выражение «between you and *I*» вместо нормативного «between you and me» [6]. Говорящий знает правило использования местоимения «I» и стремится придерживаться литературной нормы, однако использует это правило там, где требуется объектная форма местоимения.

Социальные и коммуникативные условия нередко отражаются в выборе грамматических форм. Так, в разговорной речи носители английского языка, могут использовать конструкции, которые отклоняются от литературной нормы, но являются распространенными в повседневном общении. Например, встречается пропуск грамматически обязательных элементов, особенно вспомогательных глаголов: «*You* coming?» вместо «Are you coming?», что в письменной речи квалифицировалось бы как грубое нарушение нормы. В условиях быстрого речепроизводства возможны случаи нарушения согласования времен. Также в качестве примера можно привести данное предложение: «I was talking to him yesterday and he tells me...» вместо ожидаемого «he told me». Такое переключение временных форм обычно не затрудняет понимание и связано с особенностями организации спонтанной речи.

Современные лингвисты рассматривают некоторые отклонения не как ошибки в традиционном понимании, а как проявления языковых изменений. Многие конструкции, которые раннее считались ненормативными, постепенно получают широкое распространение в разговорной речи и начинают восприниматься как допустимые варианты [1, 4]. Это позволяет нам рассматривать язык как динамическую систему, постоянно адаптирующуюся к потребностям ее носителей. Так, например, может выглядеть ошибка: «*Here's* all the investment banks» вместо нормативного варианта «Here are all the investment banks. По мнению исследователей, форма here's все чаще функционирует как универсальный маркер представления объекта независимо от его числа, что может свидетельствовать о формировании новой разговорной нормы.

Грамматические ошибки в речи носителей английского языка представляют собой сложное и многогранное явление. Они возникают под воздействием когнитивных, психолингвистических и социальных факторов, отражая особенности речевой деятельности человека. Исследование подобных отклонений имеет важное значение не только для теоретической лингвистики, но и для преподавания английского языка, поскольку позволяет лучше понять механизмы функционирования грамматической системы и процессы развития языковой нормы.

Литература

1. Biber D., Conrad S., Leech G. Longman Student Grammar of Spoken and Written English. – Harlow: Longman, 2002. – 499 с.
2. Carroll D. W. Psychology of Language. – Belmont: Wadsworth Cengage Learning, 2008. – 487 с.
3. Corder S. P. The Significance of Learner's Errors // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1967. – № 4. – С. 161-170 .
4. Crystal D. The Fight for English: How Language Pundits Ate, Shot, and Left. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 257 с.
5. Fromkin V. A. (ed.). Speech Errors as Linguistic Evidence. – The Hague: Mouton, 1973. – 269 с.
Garner B. A. Garner's Modern English Usage. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 1056 с.
6. Levelt W. J. M. Speaking: From Intention to Articulation. – Cambridge, MA: MIT Press, 1989. – 584 с.
7. Pinker S. The Language Instinct. – New York: William Morrow & Co., 1994. – 496 с.
8. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М.: Высшая школа, 1971. – 199 с.

Ерин С. В. УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ. Н. рук. Счастливенко Т.В.

Экономисты долго оценивали богатство стран по одному способу – смотрели, сколько ВВП приходится на душу населения [2]. Метод старый, но в сегодняшних реалиях он просто не работает и дает осечку [15]. Нобелевский лауреат Амартия Сен в свое время точно подметил: прогресс – это не про склады с товарами и горы капитала, а про людей. Про то, есть ли у человека выбор и может ли он развивать свои таланты [13]. Сейчас российскую экономику штормит, идет полная перестройка всех процессов. И в такой момент мерить благополучие граждан по-старому – просто считая рубли в кошельке или стоимость продуктовой корзины – бессмысленно [12]. Жизнь устроилась гораздо сложнее.

Если посмотреть на российскую статистику последних лет, картина получается пестрой и спорной [14]. С одной стороны, номинальные зарплаты растут, и растут быстро. Бизнесу некуда деваться: людей в стране не хватает, демография просела, на рынке труда жесткий дефицит, приходится поднимать ставки, чтобы удержать персонал [10]. Но, с другой стороны, люди этого богатства особо не замечают. Цены в магазинах растут быстрее. Причем сильнее всего инфляция бьет по кошелькам тех, у кого и так мало денег, – получается своего рода «налог на бедность» [7]. Мы имеем дело с чистым парадоксом. Чтобы разобраться в нем, мы разделим сухие экономические показатели и реальные условия, в которых изо дня в день живут люди [3].

Посмотрим на конкретные цифры, которые дает нам Росстат за последнее десятилетие (2015–2025 гг.) [14]. Вся базовая статистика по уровню жизни собрана в таблице ниже [14].

Таблица 1. – Динамика основных социально-экономических показателей РФ в 2015–2025 гг

Год	Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	Индекс потребительских цен, %	Уровень бедности, %	Коэффициент Джини
2015	34 030	112,91	13,5	0,411
2016	36 709	105,39	13,3	0,411
2017	39 167	102,51	13	0,41
2018	43 724	104,26	12,7	0,414
2019	47 867	103,04	12,4	0,412
2020	51 344	104,91	12,2	0,406
2021	57 244	108,39	11,1	0,409
2022	65 338	111,94	9	0,398
2023	74 854	107,42	8,3	0,405
2024	89 069	109,52	7,1	0,41

За десять лет номинальная зарплата подскочила больше чем в два раза [14]. К 2025 году она в среднем доползла до 96 500 рублей. Безработица упала до минимума, компании открыли настоящую охоту за кадрами [10]. Но инфляция постоянно портила всю радость от прибавки [7]. Тяжелее всего пришлось в 2015

и 2022 годах. Цены тогда выросли на 12,91% и 11,94% соответственно [14]. Когда продукты и вещи первой необходимости резко дорожают, людям приходится перестраиваться. Одни затянули пояса и перешли в режим жесткой экономии, другие – набрали кредитов, просто чтобы доползти до зарплаты и не ронять привычный уровень жизни [12].

С социальным расслоением история отдельная [9]. Если верить отчетам, бедных в стране стало меньше чуть ли не вдвое: планка упала с 13,5% до 6,8% [14]. Сработали новые технологии. Государство оцифровало соцсферу, запустило адресные выплаты и стало прицельно помогать тем, кому тяжело, особенно семьям с детьми [12]. Коэффициент Джини стоит на отметке 0,40–0,41 [14]. Это значит, что пособия спасают людей от откровенной нищеты, но глубокий раскол в обществе никуда не делся. Деньги по-прежнему делятся несправедливо: основные доходы оседают в карманах верхушки списка, а пропасть между богатыми и бедными не уменьшается [9].

Чтобы наглядно показать, как связаны эти процессы, посмотрим на график (Рисунок 1):

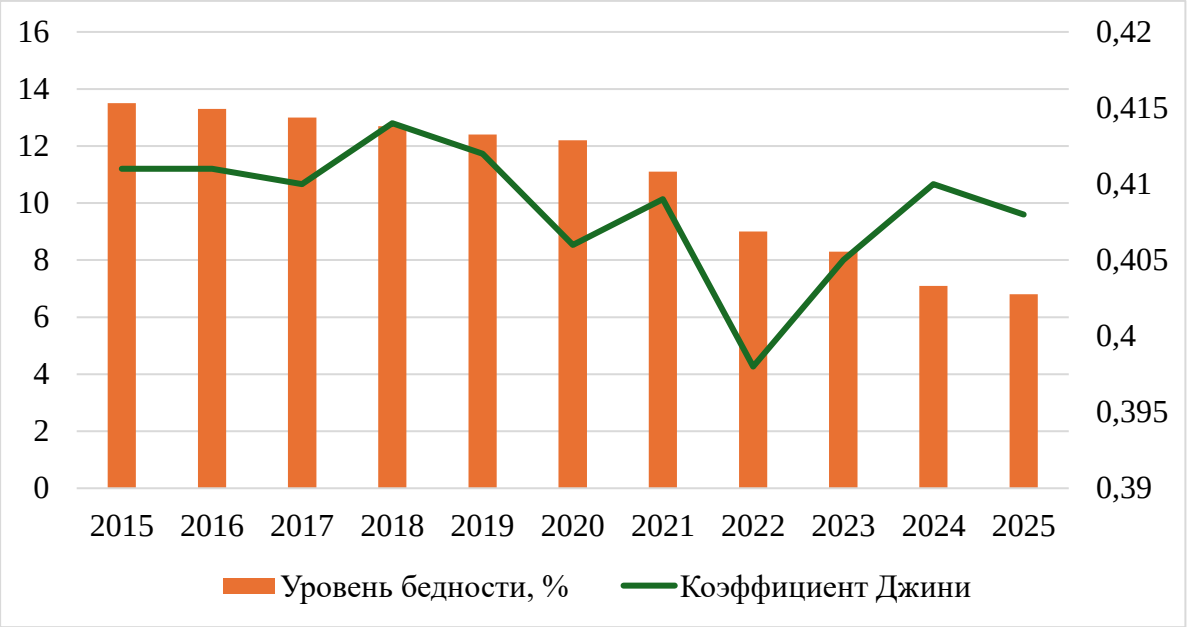

Рисунок 1. – Соотношение уровня бедности (%)
и коэффициента Джини в РФ в 2015–2025 гг

Если уйти от сухой денежной массы и оценить качество повседневной жизни, то российская социальная сфера показала удивительную выдержку [4]. ООН в своих докладах отмечает: Индекс человеческого развития (ИЧР) у нас в стране, несмотря на ковидный провал 2020 года (тогда скатились до 0,814) и кучу санкций, к 2025 году поднялся до 0,845 [6]. Россия прочно закрепилась в топе государств, где с человеческим потенциалом все очень даже неплохо [6].

Главный плюс тут заработало образование [14]. В 2025 году каждый третий в стране имел диплом вуза (31%), а если брать только работающих, то высшее образование есть у каждого второго (54%) [14]. Но тут же вылез побочный эффект – дипломы начали «обесцениваться» [5]. Бизнес теперь требует корочку вуза даже от обычных клерков и линейного персонала, где особая квалификация

вообще не нужна. Выходит, что интеллект нации используется вхолостую. Сами специалисты из-за этого выгорают и чувствуют себя не на своем месте [5].

Зато с жильем ситуация стала получше [14]. Года льготных ипотек принесли плоды: если в 2015 году на человека приходилось около 24–25 квадратов, то к 2025 году этот показатель вырос до 33 кв. м. Для миллионов семей это реальный шанс разъехаться с родственниками и выдохнуть [14].

Правда, экономика все равно наткнулась на невидимые барьеры [4]. Во-первых, когда пособия раздают просто так, без оглядки на то, как человек работает, включается «ловушка бедности» [1]. Людям становится невыгодно устраиваться «в белую» или просить прибавку. Зачем напрягаться, если из-за лишней тысячи рублей государство заберет субсидии? Во-вторых, стране не хватает больше двух миллионов рабочих рук, и это бьет по инфраструктуре [10]. Школы и поликлиники трещат по швам. Врачи и учителя уходят из-за диких нагрузок, очереди растут, и получить хорошую бесплатную помощь становится все труднее [10].

Плюс ко всему, регионы живут как на разных планетах [8]. Крупные города работают как огромные пылесосы: стягивают к себе все деньги и толковых ребят, а малые города и провинция продолжают потихоньку стагнировать [8]. Тяжелее всего сейчас приграничным районам, например Белгородской области. Там к обычным экономическим проблемам добавились постоянные риски для безопасности. Жить и вести бизнес там стало банально опасно, из-за чего специалисты массово уезжают вглубь страны [8].

Все это говорит об одном: старая тактика «заливания проблем деньгами» больше не работает. Нужно менять подход и действовать на опережение. В 2025 году наметились несколько реальных шагов в этом направлении:

Власти ввели сложную пятиступенчатую шкалу НДФЛ с максимальной ставкой 22%. Это позволяет немного раскулачить сверхбогатых [2]. При этом для многодетных семей налог, наоборот, срезали до 6% через систему вычетов, чтобы им было выгодно работать легально.

Государство постепенно сворачивает раздачу обычных пособий. Теперь деньги дают под конкретные обязательства: человек берет грант, но обещает выучиться на новую профессию или запустить свой микробизнес. Из иждивенца делают налогоплательщика.

Проект «Кадры» заставил университеты пересмотреть планы. Бюджетные места теперь выделяют не просто так, а строго под запросы местных заводов и предприятий, которым остро необходимы инженеры и техники.

Провинции списали две трети долгов перед Москвой. Но сэкономленные миллиарды нельзя пустить на текущие расходы – их жестко привязали к модернизации ЖКХ, ремонту гнилых труб и ремонту дорог. Это реальная попытка сделать жизнь в регионах сносной, чтобы молодежь не сбегала в столицу.

Экономическая стабильность и красивые места в международных рейтингах ИЧР – это хорошо, но они должны превратиться в нормальную жизнь для каждого человека. Эту задачу не решить, пока страна расколота по доходам и географии. Нужно модернизировать рабочие места и вкладывать деньги не в отчеты, а напрямую в людей [15].

Литература

1. Аганбегян А.Г. О преодолении бедности, сбережении народа и повышении качества жизни // Экономическая политика. – 2023. – № 2. – С. 8-29.
2. Агапова Т.А., Серегина С.Ф. Макроэкономика. – М.: Синергия, 2021. – 418 с.
3. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 33-42.
4. Бобков В.Н. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 278 с.
5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Рынок труда в условиях кризисов: механизмы адаптации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3. – С. 200-209.
6. Доклад о человеческом развитии [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: Программа развития ООН (ПРООН), 2024. – Режим доступа: https://hdr.undp.org.
7. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств [Электронный ресурс]. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2024. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru.
8. Зубаревич Н.В. Региональное неравенство в России: тенденции и механизмы сглаживания // Вопросы экономики. – 2023. – № 3. – С. 48-65.
9. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не надо мерить температуру // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 22-49.
10. Кашепов А.В. Структурные сдвиги на рынке труда и уровень жизни населения // Экономист. – 2024. – № 2. – С. 34-41.
11. Мареева С.В. Средний класс в России: особенности формирования и развития // Вопросы экономики. – 2022. – № 1. – С. 106-121.
12. Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С. Население России в условиях новых вызовов: доходы, потребление, социальная поддержка // Мир России. – 2023. – № 2. – С. 8-31.
13. Сен А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.
14. Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2024. – 312 с.
15. Суворов А.В. Проблемы оценки и прогнозирования уровня жизни населения // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 5. – С. 112-123.

Ермолович Р.А. К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОСТРОЙКАХ ГОРОДОВ ФРИГИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИЧНОГО ПОЛИСА. Н. рук. Болгов Н.Н.

Переходные процессы Поздней античности, происходившие на просторах восточной части империи, в нашем случае – центральной малоазийской исторической области Фригии, оставили значительное число свидетельств в области материальной культуры, неотъемлемой и наиболее визуально заметной частью которой выступают архитектурные сооружения.

Очевидной представляется мысль о том, что многочисленные базилики и паломнические места как новые типы таких памятников являются одним из наиболее важных и заметных маркеров *византинизации* городского пространства. Однако необходимо отметить, что переход от античного полиса к византийскому городу не являлся одномоментным. Трансформация объединила в одном месте черты этих двух разновидностей, что выразилось отчасти в том, что вместе с новыми постройками оставались и старые, изменившие свой функционал [2, с. 205-206].

Речь идет об общественных сооружениях, являющихся значимыми элементами структуры полисов, в том числе, в провинциях Малой Азии – термах, агорах, амфитеатрах – центрах притяжения публичной жизни того времени [об общей характеристике античной архитектуры см. 1; 9; 11].

Причины процесса изменения функционального назначения сооружений кроются в *христианизации* элементов городской жизни, что подкрепляется фактом того, что общественное пространство города было частью репрезентации античного языческого мировоззрения [12, p. 355].

Так, например, меняется облик и характер одной из агор Лаодикеи – Северной – почитающейся священной, о чем говорят языческие храмы Зевса и Афины, на ней расположенные и впоследствии разрушенные [13, p. 91-92]. На площади располагались статуи, которые в дальнейшем ставили на места канализационных люков, им отбивали головы или же рисовали на лбах кресты [15, p. 15]. В целом это говорит об активных попытках «десакрализировать» некогда важные в этом отношении места.

Другая тенденция – главные улицы и агоры теперь застраиваются мелкими магазинами и лавками [2, с. 205], иллюстрацию чего можно обнаружить на центральной агоре Лаодикеи. Упомянутые коммерческие постройки находились на её восточной и западной сторонах [14, p. 12].

На примере данного города прослеживается и то, что все термы так или иначе составляют с агорами единый комплекс основного публичного пространства; соответственно, выделяются восточный, центральный, северный и южный комплексы. Последний сыграл особую роль, поскольку в отличие от других площадей, выполняющих коммерческие функции, относился в большей степени к политической жизни, о чем говорят расположенные на нем булевтерий [βουλευτήριον] (административное здание для заседания булэ – муниципального совета граждан полиса), а также пританей [Πρυτανεῖον, Prytaneum] (административное здание – резиденция магистрата, места приема официальных гостей, хранилище очага общины) [13, p. 86].

Вероятной будет мысль о том, что термы в целом теряют свое значение ввиду изменений в мировоззрении, поскольку бани – неотъемлемый элемент языческого мира. До нас дошла огромная коллекция мозаичных изображений и фресок на тему языческих сюжетов из сооружений данного типа. В том числе, композиций, перекрытых более поздними работами периода доминирования уже христианского мировоззрения с геометрическими и растительными орнаментами [примером может служить мартирий апостола Филиппа в Гиераполе, сохранившего такие «наслоения» культурных пластов, подробнее об этом см.: 4; 5].

Пример, иллюстрирующий отношение Церкви к этому явлению общественной жизни, вполне можно найти у её отцов, приписывавших отказаться от купания в целях удовольствия [12, p. 355]. Соответственно, с изменением функционала как терм так и агор, теряется прежняя актуальность упомянутых комплексов, за малым исключением южного ввиду иного назначения.

Тем не менее, многие сооружения старого типа могли просто не восстанавливаться в случае разрушения, поскольку потребность в них была не столь велика как в новых. Данная тенденция прослеживается в случае Гиераполя. Основной причиной разрушения служит бурная сейсмическая активность, характерная для Фригии [о геофизических показателях в контексте данного вопроса см.: 10; сопоставительную таблицу наиболее крупных землетрясений см.: 8, p. 524].

Сейсмический толчок, произошедший в середине IV в., пришелся в большей степени на территорию северной агоры, в результате чего поврежденные постройки были разобраны окончательно на строительные блоки, послужившие материалом для возведения новых оборонительных сооружений [6, p. 40], которым после разделения империи отдавался приоритет по причине того, что ответом на внутренние и внешние вызовы для восточных городов была необходимость обеспечивать защитные рубежи самостоятельно [7, p. 197].

С амфитеатрами дело обстояло несколько иначе вследствие того, что полностью лишить человека зрелищ невозможно, но менялся их характер. Безусловно, выступления, имеющие отголосок языческих верований или гладиаторские бои, более не присутствовали на сцене. Людей больше интересовали скачки и в некоторых случаях бои животных, хотя это не согласуется с христианской моралью и осуждалось отцами Церкви [12, p. 296].

Во Фригии скачки имели место, что подтверждается наличием специального стадиона в юго-западной части Лаодикеи [13, p. 87]. Впрочем, в этом же городе сохранились два внушительных размеров амфитеатра и один в Гиераполе [3, p. 276], что говорит о том, что до момента гибели этих городов сооружения данного типа не были полностью разрушены или разобраны. Известно даже о случае реставрации одного из театров во время периода правления Констанция II (337-361 гг.). Лишние блоки, полученные в ходе работ, были направлены на строительство тех же крепостных стен [6, p. 40].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в переходный период старые общественные сооружения постепенно отходят в прошлое, уступая место новым. Это не происходит в один момент: какие-то памятники меняют свой функционал,

подстраиваясь под нужды времени, какие-то разбираются на новые постройки. Во Фригии так теряет свое значение связка агоры и терм, но они не подвергаются систематическому разрушению без внешнего воздействия природы. Амфитеатры же продолжают функционировать – меняется лишь характер выступлений.

Литература

1. Архитектура античного мира (Греция и Рим) // Всеобщая история архитектуры: в 12 тт. / под ред. В.Ф. Маркузова, Б.П. Михайлова и др. – М.: Изд-во литературы по строительству, 1973. – 739 с.
2. Болгов Н.Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. – 2023. – Т. 1. – С. 199-219.
3. Arthur P. Hierapolis of Phrygia: The Drawn-Out Demise of an Anatolian City // Vrbes Extinctae. Archaeologies of Abandoned Classical Towns. – Farnham: Ashgate. 2012. – P. 275-305.
4. Bozza S. The ionic portico of the Ploutonion in Hierapolis of Phrygia // Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in southwestern Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. – Bari: Edipuglia. 2016. – P. 373-387.
5. Cantisani E. Vettori S. Fragments of Painted Plaster from the Church of St Philip in Hierapolis: a Preliminary Archaeological and Archaeometric Study // Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. – Bari: Edipuglia, 2016. –P. 523-538.
6. Ismaelli T., Scardozzi G., Bozza S., Ungaro R. The early Byzantine city walls of Hierapolis in Phrygia: demolishing and recycling the Imperial era monuments // Acta Ad Archaeologiam et Artivm Historiam Pertinentia. – 2023. – № 23. –P. 39-69.
7. Jacobs I. Gates in Late Antiquity in The Eastern Mediterranean // Babesch. – 2009. – № 84. – P. 197-213.
8. Kumsar H., Aydan O., ŞimşekC., D'Andria F. Historical earthquakes that damaged Hierapolis and Laodikeia antique cities and their implications for earthquake potential of Denizli basin in western Turkey // Bulletin of Engineering Geology and the Environment. – Berlin: Springer, 2015. –P. 519-536.
9. MacDonald W.L. The architecture of the Roman Empire. – New Haven: Yale University Press. – Vol. 2. – 349 p.
10. Piccardi L. The AD 60 Denizli Basin earthquake and the apparition of Archangel Michael at Colossae (Aegean Turkey) // Myth and Geology. – London: The Geological Society of London, 2007. – P. 95-100.
11. Robertson D.S. Greek and Roman architecture. – London: Cambridge University Press, 1969. – 463 p.
12. Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century. Literary Images and Historical Reality. – Athens: Perpinia Publications, 2006. – 543 p.
13. Şimşek C. Laodikeia in the late antiquity // The Lykos Valley and Neighbourhood in Late Antiquity. – Istanbul: Yayinlari, 2018. – P. 81-117.
14. Şimşek C. The Ancient City of Laodicea (Introduction Guide-English). – Denizli, 2010. – 92 p.
15. Şimşek C. Urban Planning of Laodikeia on the Lykos in the Light of New Evidence // Landscape and History in the Lykos Valley: Laodikeia and Hierapolis in Phrygia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 1-51.

Жарикова П.С. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Н. рук. Колесникова А.А.

На сегодняшний день современная медицина развивается в условиях стремительной глобализации, объединения научных знаний и расширения межкультурных профессиональных контактов. Сам обмен опытом или публикация результатов исследований в международных просторах и точная интерпретация историй заболеваний невозможны без глубокого понимания законов функционирования медицинской терминологической системы.

Историческим фундаментом международной медицинской номенклатуры является латинский язык. Латынь на протяжении многих веков служила единым средством научной коммуникации в Европе, что стало основой для возникновения глобальной медицинской лексики. В этой терминологической системе преобладают интернационализмы. Интернационализмами в языкознании принято называть слова, имеющие общее происхождение, близкое звучание и написание, функционирующие в ряде языков и выражающие сходные научные, технические или культурные понятия.

Несмотря на общее латинское происхождение, многие интернационализмы в процессе интеграции в национальные языковые системы потерпели существенные структурно-семантические изменения. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ интернационализмов латинского происхождения в английской и русской медицинской терминологии, выявить сходства и различия в их значении и функционировании.

1. Понятие интернационализмов в медицинской терминологии

Интернационализмы – это слова, которые встречаются в нескольких языках с минимальными фонетическими и графическими изменениями, сохраняя при этом общее значение. В медицине интернационализмы латинского происхождения составляют ядро терминологического аппарата. Примеры: anemia (англ.), анемия (рус.); cardio (англ.), кардио- (рус.); inflammatio (лат.), inflammation (англ.), воспаление (рус.).

Латинский язык стал источником не только отдельных терминов, но и принципов словообразования: использование греко-латинских корней, суффиксов и префиксов позволяет создавать новые термины по единым моделям. Это облегчает взаимопонимание между специалистами разных стран. [1, с. 123]

2. Сходства в употреблении интернационализмов

В большинстве случаев интернационализмы латинского происхождения в английском и русском языках совпадают по значению и сфере употребления. Это связано с тем, что медицинская наука исторически развивалась по единым стандартам, а международные классификации болезней (например, МКБ) закрепляют единые термины. [2, с 1]

Примеры совпадения:

Arteria (лат.) – artery (англ.) – артерия (рус.) – кровеносный сосуд.

Neurologia (лат.) – neurology (англ.) – неврология (рус.) – раздел медицины.

Такие термины легко узнаваемы специалистами вне зависимости от родного языка, что способствует эффективному научному и профессиональному обмену.

3. Различия в семантике и употреблении

Несмотря на общее происхождение, некоторые интернационализмы приобрели в английском и русском языках разные оттенки значения или даже стали обозначать разные явления. Это связано с особенностями развития национальных медицинских школ, заимствованиями из других языков (например, греческого), а также с различиями в словообразовании. [3, с. 13]

Однако есть случаи, когда различия более существенны. Например, термин "clinic" в английском языке может означать как медицинское учреждение, так и учебную базу при больнице. В русском языке «клиника» чаще ассоциируется с лечебным учреждением определённого профиля или с клинической картиной заболевания.

3.1. Различия в словообразовании

В английском языке латинские корни часто сочетаются с германскими или французскими элементами, что приводит к появлению синонимов с разными стилистическими оттенками. В русском языке латинизмы обычно сохраняют свою научную строгость. [2, с. 1]

Пример:

Cardiac (англ.) – сердечный (в русском «сердечный» может быть бытовым, а «кардиальный» – строго медицинским).

Pulmonary (англ.) – лёгочный (в русском «лёгочный» – медицинский термин, но не всегда совпадает по употреблению с англ.).

3.2. Заимствования из греческого языка

В медицинской терминологии латинские и греческие корни часто конкурируют. В английском языке греческие термины встречаются чаще (например, neurology, psychology), в то время как в русском языке латинизмы иногда вытесняются греческими аналогами или наоборот. [4, с. 1]

Пример:

Neurosis (лат. /англ.) – невроз (рус., греч. корень).

Psychosis (лат. /англ.) – психоз (рус., греч. корень).

4. Причины различий

Исторические традиции: В России развитие медицинской терминологии шло под сильным влиянием латинского и немецкого языков, а позднее – французского. В Англии – латинского и французского, но с сохранением значительного пласта англосаксонских слов.

Национальные школы: Различия в подходах к диагностике и лечению приводили к закреплению разных терминов для одних и тех же явлений.

Языковая политика: В СССР происходила активная русификация терминологии, что приводило к замене некоторых интернационализмов на более «понятные» слова или к созданию новых терминов на основе славянских корней. [3, с. 13-14]

Заключение

Интернационализмы латинского происхождения составляют основу современной медицинской терминологии как в английском, так и в русском языке. Они обеспечивают взаимопонимание между специалистами разных стран и отражают единство научных подходов. Однако сравнительный анализ показывает, что семантика и употребление таких терминов могут различаться из-

за исторических, культурных и языковых факторов. Понимание этих различий важно для корректного перевода медицинских текстов, обучения специалистов и международного сотрудничества.

Литература

1. Косова Л. Ю., Куриленко Е. Е., Принцева Н. Ю. «Именное словообразование классического латинского языка и его роль в формировании современной медицинской терминологии» Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени Вернадского Симферополь Крым Российская Федерация.
2. «Судьбы латинизмов в русском и английском языках: семантико-прагматические аспекты» (М. М. Макаренко, 2016).
3. Трофимова Н. А. в диссертации «Особенности освоения заимствованной латинской лексики в отраслевой терминосистеме (на материале русской, английской и немецкой медицинской терминологии)» (2004)
4. «Роль греко-латинских заимствований в становлении российской медицинской терминологии» – статья О. Н. Полухиной и Е. А. Рempель.

Золотарева Н. М. РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ Н. рук. Счастливенко Т.В.

В условиях геополитической нестабильности и беспрецедентного санкционного давления, введённого в 2022-2025 гг., деятельность Центрального банка Российской Федерации приобрела ключевое значение для сохранения макроэкономической стабильности. Банк России, являясь конституционно независимым институтом, реализует функции эмиссионного центра, мегарегулятора финансового рынка и оператора платежной инфраструктуры [4]. В отличие от коммерческих банков, его главные цели – защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие банковской системы, стабильность национальной платёжной системы. В статье анализируется трансформация роли ЦБ РФ в организации денежно-кредитной политики (ДКП) в условиях блокирующих санкций, заморозки международных резервов и отключения от SWIFT.

С теоретической точки зрения центральный банк выступает главным проводником денежно-кредитной политики, инструментом, с помощью которого государство может «охлаждать» перегретую экономику или, напротив, стимулировать деловую активность в период спада. Банк России официально придерживается режима таргетирования инфляции (целевой ориентир 4%), однако с 2022 г. вынужден сочетать рыночные инструменты с административными мерами. Ключевым инструментом является ключевая ставка: её повышение удорожает кредиты, снижает совокупный спрос и давление на цены. В 2023-2025 гг. регулятор повысил ставку с 7,5% до 21% годовых, однако фактическая инфляция составила 7,4% (2023 г.) и 9,5% (2024 г.) [11]. Это свидетельствует о действии немонетарных факторов: нарушение логистики, дефицит рабочей силы, бюджетный импульс и адаптивные инфляционные ожидания (на уровне 10-12% в 2024 г.) [15].

Для наглядности динамика ключевых показателей денежно-кредитной политики представлена в Таблице 1.

Таблица 1. – Основные показатели денежно-кредитной политики Банка России в 2023–2025 гг.

Показатель	2023г.	2024г.	2025г. (I квартал)
Ключевая ставка (среднегодовая, %)	11,2	18,5	20,5
Инфляция (декабрь к декабрю, %)	7,4	9,5	6,8
Денежная масса М2 (прирост за год, %)	12,3	15,1	4,2
Курс рубля к доллару США (среднегодовой)	85,4	95,8	98,5
Объём кредитования экономики (прирост, %)	14,2	11,3	2,5

Источник: [2, 15]

Анализ таблицы 1 показывает, что повышение ключевой ставки в 2023-2024 гг. не привело к немедленному снижению инфляции из-за временных лагов

и немонетарных факторов, однако к I кварталу 2025 г. при среднегодовой ставке 20,5% инфляция замедлилась до 6,8%. Ослабление рубля продолжалось весь рассматриваемый период, а объём кредитования экономики последовательно снижался с 14,2% до 2,5%.

Особенностью современного этапа стала вынужденная трансформация инструментария. До 2022 г. Банк России опирался преимущественно на процентный канал и валютные интервенции. Заморозка около половины международных резервов (более 300 млрд долл. США) и отключение крупнейших банков от SWIFT сделали невозможным традиционное курсовое регулирование. В ответ регулятор перешёл к комбинированному подходу: плавающий курс рубля дополнен обязательной продажей валютной выручки экспортёрами, лимитами на снятие наличной валюты, комиссией за покупку долларов и евро. Кроме того, Банк России ускорил развитие альтернативной платёжной инфраструктуры – системы передачи финансовых сообщений (СПФС), число участников которой к 2025 г. превысило 500, включая банки из Китая, Индии и стран ЕАЭС [9].

Анализ эффективности ДКБ в 2023-2025 гг. показывает неоднозначные результаты. С одной стороны, регулятору удалось предотвратить банковскую панику: массового отзыва лицензий не произошло, вклады физических лиц застрахованы, система быстрых платежей (СБП) и национальная карточная система «Мир» функционировали без сбоев [4]. С другой стороны, главная цель – инфляция 4% – не достигнута. Более того, высокая ключевая ставка привела к сжатию кредитования экономики: прирост кредитного портфеля снизился с 14,2% в 2023 г. до 2,5% в I квартале 2025 г. Это создаёт дилемму: снижение ставки ускорит инфляцию и ослабит рубль, а её сохранение на высоком уровне тормозит инвестиции и экономический рост.

Роль ЦБ РФ в поддержании стабильности банковского сектора в условиях санкций можно разделить на три этапа [3]. Первый – экстренный (февраль–март 2022 г.): повышение ставки до 20%, введение ограничений на снятие валюты, беззалоговое кредитование банков. Второй – адаптационный (2022–2023 гг.): развитие СПФС, расчёты в юанях, операции РЕПО в дружественных валютах. Третий – системного укрепления (2024-2025 гг.): макропруденциальные требования (повышенные коэффициенты риска по необеспеченным потребительским кредитам, лимиты на ипотеку с низким первоначальным взносом). На каждом этапе Банк России действовал адекватно масштабу угроз, что позволило сохранить достаточность капитала банков (средний Н1.0 около 12% на начало 2025 г.).

Влияние внешнеэкономических факторов и санкций на ДКП носит системный характер. Во-первых, произошло сужение каналов трансмиссии: валютный канал частично заблокирован из-за заморозки резервов, кредитный – ослаблен высокой ставкой и санкционными рисками для контрагентов [7]. Во-вторых, цели политики дополнились задачей обеспечения финансового суверенитета: уменьшение зависимости от доллара и евро, перевод расчётов в рубли и юани, формирование альтернативной платёжной инфраструктуры. В-третьих, изменился сам характер принятия решений: ЦБ всё чаще использует неценовые инструменты и административные меры, что ранее не было характерно для режима таргетирования инфляции.

Перспективные направления ДКП на 2025–2027 гг., согласно официальным документам и экспертным оценкам, включают: 1) постепенное снижение ключевой ставки до нейтрального диапазона 5–7% по мере устойчивого замедления инфляции; 2) дальнейшее развитие СПФС и расширение корреспондентских отношений с банками дружественных стран; 3) усиление макропруденциального регулирования для предотвращения «пузырей» в розничном кредитовании без тотального повышения ставок; 4) управление валютным курсом через комбинацию плавающего курса и административных мер (обязательная продажа валютной выручки, комиссии); 5) активная коммуникационная политика для снижения инфляционных ожиданий (сейчас 10–12%) до целевого уровня; 6) координация с Министерством финансов по бюджетной дисциплине, отказ от прямого монетизирования дефицита через покупку ОФЗ.

Реализация этих направлений сопряжена с рисками. Главные из них – дальнейшее ужесточение санкций (в том числе вторичных в отношении китайских и турецких банков), высокая инфляционная инерция, а также риск политического давления на независимость ЦБ. Кроме того, структурная трансформация экономики требует не только денежно-кредитных, но и бюджетных, конкурентных и институциональных реформ, которые находятся за пределами компетенции Банка России.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Центральный банк России продемонстрировал высокую адаптивность в условиях санкционного давления 2022-2025 годов: ему удалось предотвратить системный кризис в банковском секторе, создать альтернативную платежную инфраструктуру и сохранить денежно-кредитный контроль. Однако основная цель денежно – кредитной политики – снижение инфляции до 4% – не была достигнута в краткосрочной перспективе из-за влияния немонетарных факторов и высокой инерции ожиданий. Эффективность политики следует оценивать как среднюю: наихудших сценариев (обвал рубля, дефолт банковской системы) удалось избежать, но проблема инфляции и структурного сокращения кредитования остается нерешенной. Дальнейшее повышение роли Центрального банка в организации денежно-кредитной политики возможно только при тесной координации с налогово-бюджетной политикой и осуществлении структурных реформ, направленных на расширение предложения товаров и услуг. Финансовый суверенитет, провозглашенный в качестве неофициальной цели, требует не только изоляции от недружественной инфраструктуры, но и создания достаточного объема внутренней ликвидности, развитого рынка капитала и устойчивого неинфляционного роста.

Литература

1. Конституция Российской Федерации с изменениями от 04.07.2020 г. – М.: Юристъ, 2021. – 64 с.
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
3. О валютном регулировании и валютном контроле : Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

4. О национальной платёжной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
5. Белоглазова Г.Н., Лаврушин О.И. Центральный банк и денежно-кредитная политика : учебник для вузов. – 5-е изд. – М.: КноРус, 2022. – 408 с.
6. Жуков Е.Ф., Зеленкова Н.М. Деньги. Кредит. Банки : учебник для вузов. – 6-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 783 с.
7. Мишкин Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков : пер. с англ. – М.: Вильямс, 2021. – 880 с.
8. Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Денежно-кредитная политика Банка России в условиях санкций // Банковское дело. – 2023. – № 7. – С. 12–19.
9. Березинская О.В. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики в современной России // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 45–58.
10. Ершов М.В. Проблемы реализации денежно-кредитной политики в условиях структурной трансформации // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29. – № 6. – С. 1252–1270.
11. Смыслов Д.В. Золотовалютные резервы Банка России: трансформация под влиянием санкций // Деньги и кредит. – 2025. – № 1. – С. 38–47.
12. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. – М.: Центральный банк РФ, 2024. – 112 с.
13. Банк России. Обзор финансовой стабильности. 2023–2024 гг. – М.: Центральный банк РФ, 2024. – 96 с.
14. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. 2024. – М.: Центральный банк РФ, 2025. – 88 с.
15. Росстат. Российский статистический ежегодник. 2024 : стат. сб. – М.: Росстат, 2025. – 720 с

Иванова В.В. ПРИЁМ КОМПЕНСАЦИИ: ОБЗОР ПОДХОДОВ И АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Б. ШОУ «ПИГМАЛИОН» Н. рук. Шейфель Н.А.

Вопрос о неизбежных потерях при переводе и способах их восполнения остаётся одним из центральных в современной теории перевода. В переводческой науке существует ряд приёмов, позволяющих минимизировать семантические и стилистические расхождения. Одним из таких приёмов является компенсация. При значительном интересе исследователей к данному феномену отсутствует единая типология переводческой компенсации, а критерии оценки её эффективности остаются дискуссионными. Настоящая статья представляет собой обзор теоретических подходов отечественных и зарубежных лингвистов к толкованию приёма компенсации и анализ его практического применения на материале переводов пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

В лингвистической литературе сложились различные подходы к определению переводческой компенсации, которые, несмотря на различия в формулировках, сходятся в понимании её функциональной сущности.

А. В. Фёдоров, рассматривая проблему переводимости, отмечал, что в практике перевода встречаются случаи, когда тот или иной элемент подлинника не воспроизводится совсем или заменяется формально далёким эквивалентом. Однако невозможность передать отдельный элемент не противоречит принципу переводимости, поскольку данный принцип относится к произведению как к целому [12, с. 157].

Анализ классификаций переводческих трансформаций показывает, что компенсация занимает устойчивое место в системах ведущих отечественных лингвистов. Л. С. Бархударов включает компенсацию в группу замен наряду с генерализацией, синтаксической заменой, заменой частей речи и конкретизацией [7]. В. Н. Комиссаров относит компенсацию к комплексным трансформациям, куда также входят экспликация и антонимический перевод [9]. Р. К. Миньяр-Белоручев причисляет компенсацию к группе семантических трансформаций наряду с антонимическим переводом, логическим развитием и синонимическими заменами [10].

Анализируя проблему перевода имен персонажей англоязычных мультфильмов Г.В. Миронова и Н.А. Шейфель отмечают, что «традиционно в переводоведении существует непреложное правило – не переводить имена собственные (относящиеся к безэквивалентной лексике)». Однако авторы считают, что «переводчику необходимо прибегать к применению приемов перевода для достижения соответствующей адекватности и эквивалентности имен», в том числе, приема компенсации [11, с. 199]. В качестве примера авторы анализируют использование данного приема для перевода названия авиапилота Скруджа Макдака «*Launchpad McQuack*» – в русском переводе «Зигзаг МакКряк». Для передачи слова «*launchpad*» «переводчики применили прием компенсации … и отразили в нем особенности пилотирования персонажа – он все время попадает в аварии, и практически не способен посадить самолет без приключений» [11, с. 200].

Таким образом, несмотря на различие трактовок и оснований классификаций, все перечисленные авторы признают компенсацию

самостоятельным переводческим приёмом, что свидетельствует о ее теоретической и практической значимости.

В зарубежном переводоведении проблема компенсации также получила разностороннее освещение. Наиболее детальная классификация предложена К. Харви, который выделяет четыре типа компенсации: по типу (*compensation in kind* – воссоздание эффекта исходного текста иными языковыми средствами), по месту (*compensation in place / displaced compensation* – перенос эффекта в другую часть переводного текста), посредством слияния (*compensation by merging* – конденсация нескольких элементов исходного текста в одну единицу перевода) и посредством разделения (*compensation by splitting* – развёрнутая передача значения исходной единицы) [3, p. 65–86].

П. Ньюмарк рассматривает компенсацию как средство восполнения потери смысла, созвучия, метафорического или прагматического эффекта в одной части высказывания за счёт усиления в другой его части или в смежном предложении [5, p. 90]. Э.-А. Гутт подчёркивает, что компенсация смещает фокус внимания с установления соответствий между отдельными словами и предложениями на более крупные единицы текста, что обуславливает целостный подход к переводу [2, p. 148]. М. Бейкер рассматривает компенсацию в рамках прагматического аспекта перевода как способ восполнения потерь на уровне импликатур (скрытый смысл высказывания) и коммуникативных интенций (цель высказывания) [1, p. 78].

Б. Хатим и И. Мейсон, развивая дискурсивный подход, определяют переводчика как медиатора между культурами и рассматривают компенсацию как одну из стратегий, позволяющих сохранить прагматическую и идеологическую нагрузку исходного текста [4, p. 144].

Обобщая приведённые подходы, под компенсацией мы понимаем переводческий приём, направленный на восполнение смысловых, стилистических или прагматических потерь, возникающих при переводе, путём использования средств языка перевода, отличных от тех, которые были задействованы в исходном тексте.

Одной из наиболее показательных областей применения компенсации является передача социальных и территориальных диалектов. Диалект кокни, которым пользуется цветочница Элиза Дулиттл в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», характеризуется фонетическими искажениями (выпадение звуков, ассимиляция, замена [θ] на [f]), грамматическими аномалиями (двойное отрицание, форма *ain't* для всех лиц) и лексическими особенностями [8, с. 3-4]. Поскольку русский язык не располагает аналогичными фонетическими средствами для передачи этих отклонений, переводчики вынуждены прибегать к компенсации, смещая акцент с утраченного фонетического уровня на лексический и синтаксический.

Материалом для практического анализа послужили два перевода пьесы Б. Шоу «Пигмалион» на русский язык: перевод Е. Д. Калашниковой (1948) и перевод П. В. Мелковой (2011). Сопоставление этих переводов позволяет проследить эволюцию стратегий компенсации при передаче диалекта кокни, а также выявить различия в подходах к решению данной переводческой задачи. В качестве оригинала используется английский текст пьесы по изданию «Антология, КАРО» 2006 года [13, 14, 6].

Рассмотрим несколько фрагментов, демонстрирующих различные стратегии компенсаторного перевода.

В оригинале просторечное booze (спиртное, выпивка) стилистически маркировано. Е. Д. Калашникова использует компенсацию на уровне глагола – «пропустит баночку», что передаёт разговорный характер высказывания. П.В. Мелкова усиливает экспрессивность за счёт глагола «долбанет» и просторечного «стаканчик-другой», создавая более грубоватый, фамильярный регистр, соответствующий речи персонажа (Таблица 1).

Таблица 1. – Пример 1. Передача экспрессивного просторечия

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод П. В. Мелковой
A drop of booze just takes that off and makes him happy.	А пропустит баночку, и все как рукой сняло.	А долбанет стаканчик-другой, горя как не бывало.

Фонетическое растяжение «Y-e-e-e-es» передаёт эмоциональное восклицание. В русском языке аналогичные фонетические средства не работают, поэтому переводчики компенсируют этот эффект на лексическом и синтаксическом уровнях: Е. Д. Калашникова – через уверенную конструкцию «Да не иначе, можете мне поверить», П. В. Мелкова – через эмоционально окрашенное «Факт!» с последующим риторическим восклицание (Таблица 2).

Таблица 2. – Пример 2. Передача фонетических искажений через экспрессивные восклицания

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод П. В. Мелковой
Y-e-e-e-es, Lord love you.	Да не иначе, можете мне поверить!	Факт! Боже ж ты мой.

В оригинале синтаксис и лексика отражают просторечный регистр. Е.Д. Калашникова использует компенсацию через просторечные слова «готова» (в значении «умерла»), «папаша» и разговорную конструкцию «давай + инфинитив». П. В. Мелкова усиливает эффект за счёт более экспрессивной лексики (крышка, очухалась) и просторечной конструкции «возьми да и начни», что создаёт яркий образ необразованной речи (Таблица 3).

Таблица 3. – Пример 3. Передача грамматических ошибок

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод П. В. Мелковой
Fairly blue with it, she was. They all thought she was dead; but my father he kept ladling gin down her throat till she came to so sudden that she bit the bowl off the spoon.	Совсем синяя уже была. Я сама видела. Все думали, что она уже готова, а папаша мой взял ложку и давай ей в глотку джин вливать, она и опомнилась, да так быстро, что даже ложку откусила.	Она аж посинела, я своими глазами видела. Все уж думали, ей крышка, а папаша мой возьми ложку да и начни ей в глотку джин лить, так она сразу очухалась и пол-ложки откусила.

Приведённые примеры демонстрируют, что компенсация может осуществляться на различных уровнях языка: лексическом (подбор

просторечных эквивалентов), синтаксическом (использование разговорных конструкций), фразеологическом (подбор просторечных фразеологизмов) и стилистическом (введение дополнительных маркеров просторечия для передачи общего регистра). Выбор конкретной стратегии зависит от переводческой установки: в переводе Е. Д. Калашниковой преобладает синтаксическая компенсация, в переводе П. В. Мелковой – лексическая и фразеологическая [8, с. 4]. Оба подхода, однако, реализуют единый принцип: компенсация позволяет сохранить прагматический эффект оригинала при неизбежной утрате формальных языковых средств.

Таким образом, несмотря на различия в классификациях (Бархударов, Комиссаров, Миньяр-Белоручев, Харви, Ньюмарк, Гутт, Бейкер, Хатим и Мейсон), исследователи сходятся в том, что компенсация не сводится к механической замене единицы исходного текста на единицу языка перевода, а предполагает перераспределение смысловых и стилистических элементов в рамках всего текста. Особенно показательной данная особенность становится при передаче социально маркированных диалектов, таких как кокни в пьесе Б. Шоу «Пигмалион».

Практический анализ переводов Е. Д. Калашниковой и П. В. Мелковой показал, что компенсация может реализовываться на разных уровнях языка – лексическом, синтаксическом, стилистическом. Выбор конкретной стратегии определяется переводческой установкой: ориентацией на формальную близость к оригиналу (преобладание синтаксической компенсации) или на достижение эквивалентного прагматического эффекта (лексическая и стилистическая компенсация). Оба подхода являются реализациями единого принципа и позволяют передать социокультурные характеристики персонажа.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку критериев оценки эффективности применения компенсации в различных жанрах и типах текста, а также на сопоставительный анализ компенсаторных стратегий в переводах с разных языковых пар.

Литература

1. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – London; New York: Routledge, 1992. – 304 p.
2. Gutt E.-A. A Theoretical Account of Translation – Without a Translation Theory // Target. – Amsterdam, 1990. – Vol. 2, No. 2. – P. 135–164.
3. Harvey K. A descriptive framework for compensation // The Translator. – Manchester, 1995. – Vol. 1, No. 1. – P. 65–86.
4. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. – London; New York: Longman, 1990. – 258 p.
5. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York; London: Prentice Hall, 1988. – 292 p.
6. Shaw B. Pygmalion. – СПб.: Антология, КАРО, 2006. – 285 с. (текст на английском языке)
7. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
8. Бордюкова А. В. Особенности передачи кокни и безэквивалентной лексики при переводе пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» с английского языка на русский [Электронный ресурс] // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2020». – Секция «Перевод и переводоведение». – М., 2020. – Режим доступа: https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2020_2/data/19336/110324_uid445279_report.pdf (дата обращения: 22.06.2026).

9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
11. Миронова Г. В., Шейфель Н. А. На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Научно-методический журнал. № 3(18). Киров 2020. Особенности имен персонажей мультфильмов и стратегия их перевода (на примере анализа имен мультсериала «Утиные истории»). – С. 198-202.
12. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
13. Шоу Б. Пигмалион / Пер. с англ. Е. Д. Калашниковой. – М.: Искусство, 1948. – 128 с.
14. Шоу Б. Пигмалион / Пер. с англ. П. В. Мелковой, Н. Л. Рахмановой. – М.: АРБОР, 2011. – 127 с.

Колий А.В. ГЕОРГИЙ ГЕРАСИМОВИЧ ЧЕРНОВ (1916-1944) – ЗЕМЛЯК-ГЕРОЙ. Н. рук. Болгов Н.Н.

Село Радьковка Прохоровского района имеет давнюю историю. Оно основано в XVII веке в ходе колонизации новых земель на краю «Дикого поля» [4, с. 85-102].

В XX веке село и его жители, как и весь наш край, пережили суровые испытания. Многие его жители стали настоящими героями.

Георгий Герасимович Чернов родился 25 ноября 1916 года в селе Радьковка в простой крестьянской семье. С ранних лет он рос среди живописных пейзажей родного села, которые пробудили в нем тягу к небесным просторам. Мечта о полетах и покорении воздушной стихии прочно поселилась в юном сердце. По мере взросления желание стать лётчиком только крепло. Упорство и целеустремленность привели его в Качинское авиационное училище в Крыму, где он прошел обучение и получил необходимые знания и навыки.

Когда началась Великая Отечественная война, 24-летний капитан Георгий Герасимович Чернов, штурман 232-го авиационного полка, уже находился на передовой.

В сентябре 1941 года он возглавил шесть боевых самолетов «Ил-2» и ринулся в бой без поддержки истребителей. В ходе вылета Чернов обнаружил конвой из более чем 200 военных автомобилей противника и отдал приказ атаковать их. В результате вся колонна была разбита и загорелась. Это была самая первая и важная победа советских летчиков.

За успешное выполнение боевого задания в декабре 1941 года Григорий Чернов был удостоен ордена Красного Знамени, а спустя два года ему был присужден орден Отечественной войны I степени.

Однажды в ходе вылета он обнаружил крупную колонну вражеских танков, направлявшихся к линии фронта. Немедля ни секунды, лётчик вместе со своим звеном атаковал противника, уничтожив несколько машин и обратив остальных в бегство.

В другой раз он сбил вражеский самолет в воздушном бою, продемонстрировав высочайший уровень мастерства и несокрушимый боевой дух.

Он воевал на 7 фронтах, сражался в небе Сталинграда, Мариуполя, Таганрога, Джанкоя, Херсона, Перекопа и многих других городов. На боевом счету летчика штурмовой авиации майора Чернова: 79 уничтоженных танков и бронемашин противника, 23 самолета, 215 автомашин с боеприпасами и военным имуществом, более 20 артиллерийских батарей, 12 складов с боеприпасами и горючим, более тысячи солдат и офицеров противника, а также другие объекты и военные припасы врага [1, с. 252-255].

22 апреля 1944 года за проявленные мужество и героизм Георгий Герасимович Чернов был удостоен звания Героя Советского Союза [2, с. 334].

Из наградного листа:

«Его самолёт всегда исправный и в любую минуту готов к выполнению боевого задания.

Имея богатый практический боевой навык, умеет быстро определить цель (танки, автомашины, артиллерию, минометы), как бы их не маскировал противник.

Эффективность его штурмовых ударов подтверждена многими телеграммами командования наземных войск».

К декабрю 1944 года на счету Чернова – уже 200 боевых вылетов. Командование и весь личный состав полка настояли на том, чтобы нанести юбилейную цифру на фюзеляж его самолета. В результате там появился орёл с распростёртыми крыльями, держащий в когтях число «200», на хвосте также красовалась «двухсотка».

За разрисованным самолетом стали охотиться вражеские истребители. 21 декабря группа из 10 самолётов во главе с Георгием Черновым вылетела на боевое задание. По команде ведущего вся группа вошла в пикирование на вражескую оборону. В это время её атаковали 12 немецких истребителей Фокке Вульф FW-190. Два немецких аса, выследив самолет Героя, открыли по нему огонь. От Ила отвалилось правое крыло, и он камнем упал в болото, находившееся в лесу. В течение пяти минут отважного лётчика не стало… Это произошло в районе города Салдуса, на латвийской земле.

Из воспоминаний И.С. Комова: *«Я знал Георгия Герасимовича, как бескорыстного, щедрого и благородного человека, служил я в его авиаэскадрилье. Он всегда учил нас, менее опытных летчиков, тактике и приемам воздушного боя и штурмовых ударов по наземным целям. И, как результат, мы имели незначительные потери. Я участник того боя, в котором погиб мой командир. Нам было приказано нанести удар по скоплению фашистских танков и другой техники. При подходе к цели нас атаковали вражеские истребители. Вот тогда-то и сбили Георгия Чернова, но фашисты понесли большие потери. Успех боя стоил нам командира…»*

Земляки свято хранят память о летчике. Радьковской средней школе присвоено его имя, а во дворе школы уставлен бюст Георгия Герасимовича Чернова.

Ежегодно, 21 декабря, здесь проводится торжественная линейка учащихся в честь Героя. Улица и переулок Чернова, расположенные в селе Радьковка, получили своё название в честь героя-земляка [3, с. 259-260].

Его бюст установлен на Аллее памяти Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы – уроженцев Прохоровского района – в центре поселка Прохоровка.

Литература

1. Герои-белгородцы. – 2-е изд., доп. – Воронеж, 1972. – С. 252-255.
2. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. – М.: Воениздат, 1988. – Т. 2. – С. 334.
3. Радьковка // *Осыков Б.И.* Села белгородские: энциклопед. изд. – Белгород: Константа, 2012. – С. 259–260.
4. Радьковская волость // *Овчарова Н.И.* Прохоровка: след в истории. – Белгород: Константа, 2013. – С. 85–102.

Лёвкина Е.А. **ОТРАЖЕНИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПЕРЕВОДЕ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДВУХ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).**
Н. рук. Шейфель Н.А.

В современном обществе существует довольно устоявшийся стереотип, что владение иностранными языками гарантирует полное взаимопонимание между представителями разных культур. Однако даже высокопрофессиональные переводчики и просто люди, хорошо владеющие иностранными языками, в устном общении сталкивались с ситуацией, что даже при максимально эквивалентном переводе акт коммуникации не состоялся. И связано это во многом с тем, что определенная часть информации передаётся невербально. Паралингвистические средства, такие как жесты, мимика, позы, интонация, паузы, междометия, являются неотъемлемой частью любого дискурса, их значение глубоко укоренено в национальной культуре. Расхождения в интерпретации этих средств часто приводят к коммуникативным сбоям, которые препятствуют полноценной передаче информации.

В данной статье рассматриваются трудности, возникающие при передаче паралингвистических средств с английского языка на русский, а также насколько они учитываются при переводе.

Невербальное общение – это вариант донесения мысли или эмоции с помощью звуков, мимики, жестов. Правило, выведенное профессором психологии Альбертом Меграбяном, гласит: «лишь 7% информации, которую мы хотим донести до собеседника, облекается в слова, в то время как 38% приходятся на интонацию, а 55% – на язык тела» [1].

Существуют различные виды невербальных средств общения: от позы и одежды до тончайших оттенков эмоций и даже расширения зрачков глаз во время беседы. К кинесике относятся мимика, позы, жесты, походка. Проксемика является пространственной подсистемой. Такесика означает взаимодействие, основанное на осязании. К паралингвистическим средствам относятся и интонация, темп, высота речи [2, 3].

Нами был проведён сравнительный анализ эквивалентности перевода паралингвистических средств на примере видеофрагментов из американских и английских фильмов. Отбор фрагментов осуществлялся по следующим критериям: целью отбора являлась демонстрация ситуаций, где ярко выражены паралингвистические средства, в особенности жестикуляция; учитывался вид жестов, их интенсивность, а также то, насколько они дополняют вербальную составляющую. В данных видеофрагментах были проанализированы дубляж и субтитры. В результате отбора было выделено 10 видеофрагментов.

Сцена из фильма «Сумерки» (2008)/ «*Twilight»*. В ней Эммет и Эдвард обмениваются жестом *fist bump* (для того, чтобы сделать этот жест, необходимо сложить руку в кулак и несильно ударить костяшками пальцев по кулаку собеседника), который является в данном случае дружеским подначиванием. Жестикуляция резкая, дополняет слова Эдварда «What are you doing?» – «Что ты делаешь?», сказанные с насмешкой и смехом. Слова и невербальные сигналы

дополняют друг друга. Русский перевод не исказил смысла, интонация сохранена. Перевод полностью отражает значение невербальных средств.

«Гарри Поттер и Кубок огня» (2005) / «*Harry Potter and the Goblet of Fire»*: в одном из эпизодов Фред и Джордж порывисто дают пять друг другу, радуясь, что они сумели перехитрить заклинание. Этот жест показывает их восторг, дополняя их улыбки, смех и победное междометие *"Yes!"*, сказанное радостно и уверенно, они знали, что смогут обойти заклинание. В русском переводе звучит «Да!», сохраняется восторг, но теряются нотки уверенности, которые показывают самоуверенность и заносчивость близнецов. Перевод в целом отражает значение невербальных средств коммуникации.

В фильме «Терминатор 2: Судный день» (1991)/ «*Terminator 2: Judgement Day»*: Терминатор показывает большой палец, говоря тем самым «всё хорошо, так надо», чтобы успокоить Сару Коннор и её сына. Жестикуляция не интенсивная, спокойная, что говорит о смирении. Этот жест подкрепляет слова Терминатора, сказанные Джону и Саре уверенно, спокойно и смиренно, когда Джон просит его не уходить: "*I have to go away*", "*Goodbye"*. – «Я должен исчезнуть», «Прощайте». В русском переводе теряется чувство смирения и лёгкой тоски, интонация не передаёт этого. Перевод отражает общий смысл невербальных средств коммуникации, однако утратил некоторые смысловые оттенки.

В фрагменте фильма «Гарри Поттер и Тайная комната» (2002)/ "*Harry Potter and the Chamber of Secrets"* Оливер Вуд читает распоряжение, которое ему дали слизеринцы, вслух, его повышенный тон не скрывает недовольства, при этом его брови поднимаются, выражая скепсис и негодование. В русском дубляже Оливер демонстрирует сдержанность и спокойствие, отчего теряются эмоции персонажа. Перевод искажает значение невербальных средств коммуникации, имеющихся в данном видеофрагменте.

В другом эпизоде фильма «Гарри Поттер и Тайная комната» (2002)/ "*Harry Potter and the Chamber of Secrets"* в сцене, где Драко идёт навстречу Крэбу и Гойлу, которые на самом деле являются Гарри и Роном, и Перси Уизли, мимика Драко достаточно яркая. Всем своим видом он показывает уверенность – уверенная походка, прямой взгляд, ровная осанка. Это подтверждается и его самоуверенным, несколько надменным тоном. Когда Драко спрашивает у Гойла "*Why are you wearing glasses?"* – «Почему ты в очках?» в словах Драко лёгкое недоумение, в то время как в переводе – изумление и полное непонимание. Когда Гойл отвечает "*I was reading"*- «Я читал», Драко спокойно, с лёгким сарказмом говорит "*I didn't know you can read"* – «Не знал, что ты умеешь», что в русском дубляже звучит с насмешкой. Эмоции в переводе показаны гиперболизировано, сделан акцент на заносчивости Драко. Перевод отразил лишь общий смысл невербальных средств.

Во фрагменте экранизации «Гарри Поттер и Орден Феникса» (2007) / *"Harry Porter and the Order of the Phoenix"* Джордж и Фред встречают Гарри жестом *fist bump*, заменяя этим приветствие. *"Harry, we have heard your voice"* – «Гарри, мы услышали твой голос» – говорит один из них, после чего они сразу переходят к делу. В оригинале фраза звучит просто как констатация факта, в то время как в переводе она звучит с повышенной интонацией, как приветствие, таким образом компенсируя для аудитории возможную потерю смысла жеста. Перевод достаточно полно отразил смысл невербальных средств коммуникации.

В фильме «Гарри Поттер и Принц-полукровка» (2009)/ *“Harry Potter and Half-Blood Prince”* в сцене, где Нарцисса и Беллатриса приходят к Северусу, Нарцисса молит о помощи Северуса – взгляд настороженный, поза закрытая – она чувствует себя неуверенно, она боится. Это передаёт и её растерянный голос, интонация которого совпадает и в оригинале, и в переводе. Беллатриса выражает презрение к Северусу и проявляет скепсис, объясняя Нарциссе, что на него нельзя полагаться. Об этом говорит насмешливая улыбка, поднятые брови. При переводе теряется интонация Северуса – в оригинале он сдержан и насторожен. При переводе его голос звучит более резко и громко, что искажает эмоции персонажа. Когда он даёт последнюю клятву, говоря *“I will”* – «Да», в оригинале интонация скорее смиренная, в то время как в переводе фраза звучит подчёркнуто уверенно. В оригинале фразу дополняет растерянный взгляд, в то время как при переводе наблюдается лёгкое несоответствие, что усиливает конфликт сказанных слов и чувств. Перевод реплик Нарциссы и Беллатрисы передают смысл невербальных средств коммуникации, в то время как перевод реплик Северуса искажает значение паралингвистических средств коммуникации.

Сцена из фильма «Сумерки» (2008)/ *“Twilight”*, когда Майк спрашивает Беллу, не хочет ли она пойти с ним на бал, она нахмуривается, прячет взгляд, думая, чтобы соврать. Чтобы потянуть время, она говорит *“Prom…Dancing…Not such a good idea for me”* – «Бал…Танцы… Я что-то как-то не очень», после чего, усмехнувшись, поднимает глаза на Майкла, когда уже собралась с мыслями. В оригинале речь звучит более спокойно, Белла пытается придумать, что сказать, в то время как в переводе Белла смущённо и неловко отказывает. В первом случае она думает о себе, как выйти из ситуации, в то время как во втором кажется, что она очень сильно не хочет обидеть Майкла. Перевод несколько искажает смысл невербальных средств коммуникации.

В фильме «Дьявол носит Prada» (2006) / *“The Devil Wears Prada”* Энди удивляется, когда Кристиан предлагает ей прислать ему свои работы *“I should read your staff. Why don’t you send it over?”* – «Так может, пришлёте мне что-нибудь почитать?». Она прикрывает ладонью рот, выражая таким образом своё изумление и в некотором роде смущение, что дополняет её ответ, сказанный растерянно *“That would be – Thank you. That would be great”* – «Спасибо, это было бы чудесно», после чего смущённо смеётся. Кристиан с ней флиртует, он мягко говорит свою фразу, в то время как в переводе Кристиан ведёт себя чересчур уверенно, словно говоря, что она обязана ему прислать свои работы. Энди в переводе тоже потеряла свою излишнюю смущённость, перевод не передал её запинок и растерянности. Это искажает эмоции персонажей. Перевод искажает смысл невербальных средств коммуникации Кристиана, но передаёт общий смысл паралингвистических средств, использованных Энди.

В фильме «Сумерки. Рассвет: часть 2» (2012) / *“Twilight. Breaking Dawn Part 2”.* Когда клан Денали видит Ренесми, они испуганно ахают, после чего делают шаг назад: *“The Volturi will come for all of us”, “You get this thing out of here”* – говорят девушки испуганным шёпотом. «Вольтури придут за нами» – в переводе говорит испуганно одна девушка, в то время как другая резко, громко бросает: «Убери отсюда эту тварь». Ужас, который испытывают девушки в оригинале, теряется. Перевод искажает значение невербальных средств коммуникации.

Анализ показал, что уровень соответствия перевода значению паралингвистических средств не всегда совпадает. При переводе паралингвистические средства зачастую не фиксируются в субтитрах. Это значительное упущение, так как при прочтении субтитров должно возникать полное понимание происходящего, включая чувства, эмоции персонажей и оттенки сказанных ими слов. Стоит отметить, что дубляж также неидеален. В большинстве случаев при переводе не учитываются в полной мере паралингвистические средства коммуникации, что приводит к искажению восприятия настоящих эмоций персонажей.

Литература

1. Mehrabian, Albert. Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/silentmessagesim00mehr/page/n5/mode/2up (дата обращения: 16.06.2026).
2. Мухамед А. Невербальный язык и проблемы межкультурной коммуникации // Молодой учёный : журнал. – 2024. – № 11 (510). – С. 56–58. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/510/112023 (дата обращения: 16.06.2026).
3. Янкина Н. В. Формирование коммуникативной компетентности в профессиональном образовании: опыт невербальной коммуникации в межкультурном общении// Научные исследования в образовании. 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-professionalnom-obrazovanii-opyt-neverbalnoy-kommunikatsii-v-mezhkultunom-obschenii/viewer (дата обращения: 16.06.2026).

Листвина Е.Б., Галич Д.В. ИНСТИТУТ АФФИДЕВИТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И КИПРА) Н. рук. Сахно Ю.А.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «аффидевит», однако использование нотариально удостоверенных свидетельских показаний в качестве доказательственной базы представляет собой определенную новацию в практике гражданского и арбитражного судопроизводства и уже достаточно распространенное явление.

Представляет собой институт приобщения свидетельских показаний без необходимости личной явки свидетеля в суд, который был заимствован российской практикой из иностранных правовых систем (преимущественно из англосаксонской семьи права). Аффидевит, как и иные заявления физических лиц, предполагает субъективный характер сообщаемых сведений. Он допускается в качестве доказательства, если отвечает критериям относимости и допустимости, а также нет оснований полагать, что данные под присягой письменные показания в установленном порядке не признаны ложными. Содержание аффидевита не должно опровергаться другими материалами дела, а изложенное соответствовать действительности (в том числе исходя из права государства, в котором сделан аффидевит).

Для стран общего права характерна особая форма истребования доказательств еще до этапов судебного разбирательства, когда любая сторона вправе затребовать у представителя другой стороны спорные документы и материалы. Эта процедура «истребования» (discoveru Verfahren) касается и предварительных свидетельских показаний, подтвержденных присягой, экспертных и иных письменных пояснений, в том числе аффидавитов [1, с. 419].

В правовых системах США и Великобритании под аффидевитом обычно понимается письменное заявление, приносимое под присягой либо подтверждаемое перед лицом, уполномоченным на ее принятие [2, с. 32]. Единой, строго установленной формы аффидевита как источника доказательств зарубежное право не предусматривает, однако письменные показания, представляемые в суд, должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к письменным доказательствам. В рамках зарубежной правоприменительной практики сложились следующие критерии, предъявляемые к аффидевитам:

– аффидевит должен содержать преамбулу, включающую личные данные, которые идентифицирует лицо, дающее показания (т. н. «аффианта»);

– аффидевит должен содержать указание, что лицо изложило данные показания под присягой в указанную дату;

– аффидевит должен содержать подписи уполномоченного лица (адвоката или присяжного поверенного) и лица, дающего показания под присягой [3, с. 56].

Характерной чертой зарубежного правоприменения является дискреция суда при оценке данного доказательства. Согласно позиции исследователей, ввиду специфики прецедентного права, аффидевит допускается к рассмотрению в качестве доказательства по усмотрению суда. В гражданском процессе аффидевиты, как отмечает В. О. Робышев, используются «для подтверждения оснований иска, обоснования ходатайств о предоставлении отсрочки или

приостановлении производства, а также для представления доказательств на слушаниях по вопросам, не требующим полного судебного разбирательства (interlocutory hearings)» [4, с. 76].

Процесс исследования и применения доказательств предопределен правилами происхождения доказательства, по действующему «родному» закону и регламенту.

Применение аффидевитов в ***Китайской Народной Республике*** (далее – КНР) имеет свои особенности, поскольку Китай, будучи социалистическим обществом, приоритетно относится к романо-германской правовой семье, а не к англо-саксонской, где аффидевиты входят в круг стандартных доказательств. Несмотря на споры об обоснованном применении как доказательств, аффидевиты в форме письменных показаний под присягой были задействованы в истории Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийский процесс) для ускорения процесса [5].

В Китае формирование основ гражданского процессуального права опиралось на сочетание заимствованного правового опыта зарубежных стран и китайских традиционных философских идей. Также имеет силу источника правовое толкование «Установления о судебных доказательствах в гражданском процессе», а с 2019 года активно задействованы как отдельная категория в судопроизводстве электронные доказательства. Согласно ст. 63 ГПК КНР, к доказательствам относятся: «документальные доказательства, вещественные доказательства, аудиовизуальные материалы, показания свидетелей, заявления сторон, заключения экспертов и протоколы инспекций» [6, с. 44-45].

В материковом Китае суды предпочитают непосредственные показания свидетелей в зале суда или через видеосвязь. И простого предоставления аффидавита часто недостаточно, если другая сторона оспаривает его содержание. Если аффидевит составлен за пределами КНР, он должен быть нотариально заверен и легализован (апостилирован) в стране составления, чтобы быть признанным китайским судом допустимым и полезным в споре. Поэтому некоторые китайские государственно-бюрократические структуры (например, Китайское бюро иностранных экспертов) могут не принимать аффидевиты, предпочитая им иные формы официальных заявлений.

В международных арбитражных разбирательствах Китая, например, в China International Economic and Trade Arbitration Commission – CIETAC (Китайская арбитражная комиссия по международной экономике и торговле), аффидевиты используются чаще и результативнее [7, с. 21]. Для принятия судом КНР аффидевит должен содержать чёткие факты, а не только мнения, и быть представлен в соответствии с требованиями Гражданского процессуального кодекса КНР [8]. Поскольку любые доказательства, представленные в суде, подвергаются перекрестному допросу представителями сторон.

Среди сфер применения можно выделить гражданские правоотношения: при заключении брака (когда требуется аффидевит о не состоянии в браке), бизнес-операции (например, подтверждение полномочий поверенного по доверенности в интересах регистрации компании или покупки недвижимости в Китае). Следует отметить, что китайско-гражданский процесс имеет свою специфику, основанную на национальных особенностях, культурных ценностях,

обычаях, исторических традициях КНР. Но вместе с этническо-национальными правилами, основные положения гражданского судопроизводства имеют очевидное сходство с российским гражданским процессом.

Кипрская независимая республика расположена в благоприятных географических условиях, на стыке трех континентов. В 2004 году Кипр включен в перечень стран Европейского Союза, поэтому правовая система государства включает традиции европейского права (Acquis Communautaire).

Кипрское право сочетает собственное (личное) прецедентное право. Однако в наследственном и семейном праве вопросы личного статуса сохраняет доминирующее значение религиозные нормы общин (церковное право у греческой общины, мусульманское – у турецкой). Действующая система процессуального правоприменения на Кипре по мнению Т. Д. Бузанова сочетает «элементы общего и континентального права, позволяет добиваться эффективного правового регулирования в различных областях права, заимствуя наиболее подходящие инструменты из разных правовых систем» [9, с. 89].

На Кипре, где преимущественно действует система английского права, аффидевит представлен письменным заявлением либо пояснением стороны и выступает в качестве юридически значимого доказательства в суде. Профессор университета Никосии Николас Кириакидес, анализируя реформы гражданской процессуальной базы Республики Кипр, акцентирует, что подобная дефиниция «используется в самых разных ситуациях: при подаче заявлений о заморозке активов (freezing orders или Mareva injunctions), где аффидевит является обязательным документом, а также при подаче заявления на "приказ Антона Пиллера" (Anton Piller order) для обеспечения доказательств – в этом случае документ должен максимально подробно описывать необходимость таких мер» [10, с. 240]. При таких мерах аффидевит служит защитой интересов ответчика, и служит превентивной мерой, поскольку заявитель (податель) за содержание Interrogatories (письменные факты) в документе несет уголовную ответственность за лжесвидетельство.

Аффидевиты применяются в корпоративных спорах и реструктуризации для раскрытия схем движения денежных средств, подтверждения долгов компаний или обоснования необходимости ликвидации. В сфере наследования и семейного права они нужны при получении наследства (особенно если документы иностранные), в бракоразводных процессах и при подтверждении семейного положения. Например, при смерти акционера за пределами Кипра для получения гранта на завещание требуется аффидевит от иностранного юриста, проживающего в стране последнего места жительства умершего: в нём, указывается, кто имеет право подавать заявление на получение административных писем и, кто – на получение активов в соответствии с законодательством этой страны [11]. В банковских и административных процедурах аффидевиты подтверждают источник средств (в рамках AML-процедур) или невиновность в финансовых махинациях. Кроме того, для выезда ребёнка за границу может потребоваться письменное и нотариально заверенное разрешение (аффидевит) от второго родителя или опекуна [12].

К ключевым требованиям к аффидевиту на Кипре относятся: подписание документа в присутствии уполномоченного лица (регистратор суда или нотариус/commissioner for oaths), точность сведений (ложные показания в

аффидевите являются уголовным преступлением) и апостиль, если документ составлен за пределами Кипра [13]. Согласно п. 9 главы 39 Закона Республики Кипр «Об удостоверяющих офицерах», заверения, сделанные должностным лицом, принимаются в качестве доказательства указанных в них фактов во всех судах Республики Кипр. Удостоверяющие офицеры (certifying officers) выполняют функцию, аналогичную статусу нотариуса в РФ [14].

Таким образом, анализ правовой природы аффидевита свидетельствует о том, что данный институт, заимствованный российской правоприменительной практикой преимущественно из англосаксонской системы права, остается непоименованным в отечественном законодательстве. Отсутствие легальной дефиниции не препятствует его широкому применению в гражданском и арбитражном процессе, где письменные показания, заверенные нотариально, фактически трансформируют традиционный подход к личному участию свидетеля, выступая процессуальной новацией.

Сравнительно-правовое исследование, охватывающее юрисдикции Кипра и Китая, показывает отсутствие универсального стандарта оформления аффидевита. Однако, несмотря на доктринальные различия между общим и континентальным (романо-германским) правом, установлено: общепризнанными критериями допустимости таких доказательств являются: обязательная письменная форма, идентификация личности аффианта (заявителя), подписание документа перед уполномоченным лицом (нотариусом или судебным регистратором), а также строгая ответственность за достоверность сообщаемых сведений. Общей тенденцией в изученных правопорядках выступает требование о легализации документа (посредством апостиля или консульской легализации) при его зарубежном использовании [15].

Процессуально-правовые системы Китайской народной и Кипрской республик не тождественны, но между ними есть определённые пересечения и общность, характерные юго-восточным странам.

За последние годы наблюдается активное взаимодействие в трансграничных спорах, когда приходится использовать правовые модели иностранных институтов стран общего и континентального права: стандартные процедуры привлечения доказательных средств, подтверждение допустимости (в том числе письменных) доказательств, смешенные групповые и косвенные иски удаленных заявителей, антиисковые и арбитражные запреты.

Безусловно, применение тех или иных доказательств в любой стране сводится к желанию добиться справедливости в интересах действующих сторон. Но одновременно учитываются местные процессуальные традиции и государственный суверенитет. Это особенно проявляется в ситуации, подчеркивает В. В. Ярков, когда «регулирование спора по местным нормам закона в судебном процессе приводят к диаметрально противоположному выводу в сравнении с нормами зарубежного права» [16, с. 19-20].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что генезис аффидевита как способа обеспечения доказательств основан на балансе между процессуальной экономией и необходимостью обеспечения публичной достоверности. Опыт применения аффидевитов в корпоративных, семейных и административных процедурах КНР и Кипра подтверждает высокую

юридическую эффективность данного инструмента при условии наличия строгих формальных требований к его удостоверению.

Для российской правовой системы актуальным остается вопрос законодательной регламентации данного понятия с целью гармонизации судебной практики и исключения правовой неопределенности при оценке нотариально заверенных письменных показаний в качестве доказательств.

Дальнейшее развитие этого института в российском праве может способствовать упрощению доказывания в трансграничных спорах и однозначному повышению эффективности судопроизводства.

Литература

1. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : В 2-х тт. – Том I. Основы : Пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 480 с.
2. Солтыс А.А. Допустимость доказательств, полученных в иностранной юрисдикции // Российское право: образование, практика, наука. – 2025. – № 2. – С. 29-36.
3. Аничкин Е.С. Основные судебные ошибки при применении норм международного частного права // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – №1. – С. 55-62.
4. Робышев В.О. Оценка доказательств в английском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Робышев В. О. – М., 2022. – 187 с.
5. Лестев А.Е. Использование аффидевита в практике Международного военного трибунала для Дальнего Востока // Политика и общество. – 2020. – № 1. – С. 38-43.
6. Гражданский процессуальный кодекс КНР / пер. с кит. ; под ред. С.А. Халатова. – Москва : Инфотропик Медиа, 2014. – 144 с.
7. Pisacane G. Arbitration in China. Rules & Perspectives. China Law, Tax & Accounting / G. Pisacane, L. Murphy, C. Zhang. – Singapore : Springer, 2016. – 213 p.
8. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Пекин, 19.06.1992) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.02.2013. – № 7. – Ст. 612.
9. Бузанов Т.Д. Правовая система Кипра как уникальный пример сочетания общего и континентального права // Российское право: образование, практика, наука. – 2025. – № 5. – С. 88-94.
10. Kyriakides N., Fisentzou I., Christodoulou N. Cyprus: Affordability and Accessibility of the Civil Justice System. – 2021. – Erasmus Law Review, 14(4). – P. 235-245.
11. Наследование акций кипрской компании / GSL. – Текст : электронный // GSL : официальный сайт. – URL: https://gsl.org/ru/press-center/press/nasledovanie-akcziy-kiprskoy kompanii/ (дата обращения: 21.05.2026).
12. Похищение детей родителями / AGPLAW. – Текст : электронный // AGPLAW : юридическая фирма. – URL: https://www.agplaw.com/похищение-детей-родителями/ (дата обращения: 22.05.2026).
13. Kyriakides N., M. Ahmed, N. Kyriakides, Y. Zentani. The Place of Alternative Dispute Resolution in the New Cypriot Civil Justice System. – 2023. International Journal of Procedural Law, 13(2). – P. 205-234.
14. Закон Кипра «Об удостоверяющих офицерах» / GSL. – Текст : электронный // GSL : официальный сайт. – URL: https://gsl.org/ru/translations/portfolio/zakon-kipra-ob-udostoveryayushhih-oficzer/ (дата обращения: 22.05.2026).
15. Сагасти С.С. Аффидевит как источник доказательств в гражданском и арбитражном процессе// Научная интернет-конференция Сибирского юридического университета «Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства». – 2023 [Электронный ресурс]. – URL https://conf.siblu.ru/stati-nauchnoy-internet-konferencii-aktualnye-problemy-grazhdanskogo-i-administrativnogo-0 (дата обращения 22.05.2026)
16. Yarkov V.V. Interaction and Competition of Legal Systems: a Study of Civil Procedure / V.V. Yarkov, K.L. Branovitskii, V.V. Dolganichev // European and Asian Law Review. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 16-23.

Минакова Ю.Д. **СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ**
В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
Н. рук. Шевченко Е.М.

Синтаксис художественного текста нельзя рассматривать только как набор грамматических правил. В литературном произведении он помогает автору управлять темпом повествования, выделять важные смысловые элементы, передавать эмоциональное состояние героя и выстраивать особую интонацию. Особенно наглядно это проявляется в английской классической литературе, где грамматическая форма часто становится самостоятельным средством художественной выразительности. В произведениях Уильяма Шекспира и Джейн Остин синтаксические конструкции выполняют разные, но одинаково значимые функции: у Шекспира они связаны с драматическим напряжением и риторической энергией, у Остин – с точностью наблюдения, психологической характеристикой и иронией.

Цель настоящей статьи состоит в кратком обобщении теоретических положений о синтаксических конструкциях и в рассмотрении их практической роли на материале произведений У. Шекспира и Дж. Остин. В центре внимания находятся инверсия, параллелизм, анафора, риторические конструкции, сложный синтаксический период и несобственно-прямая речь. Именно эти явления позволяют показать, как синтаксис выходит за рамки формальной грамматики и становится частью авторского стиля. Материалом послужили трагедия Шекспира «Гамлет», отдельные сонеты, а также роман Остин «Гордость и предубеждение» [6, 5].

В теоретической грамматике синтаксис определяется как раздел, изучающий способы соединения слов в словосочетания и предложения, а также закономерности построения связного высказывания. В английском языке особое значение имеет порядок слов, поскольку язык относится к аналитическому типу и не располагает такой разветвленной системой падежных окончаний, как русский. Поэтому позиция слова в предложении часто напрямую указывает на его синтаксическую функцию. Вместе с тем художественный текст показывает, что порядок слов может использоваться не только для передачи грамматических отношений, но и для создания выразительного эффекта [3, с. 9].

Синтаксические конструкции можно рассматривать в нескольких аспектах. Структурный аспект связан с типом предложения: простым, сложносочиненным или сложноподчиненным. Семантический аспект выявляет смысловые отношения между членами предложения. Стилистический аспект показывает, почему автор выбирает именно такую конструкцию, а не нейтральный вариант. Для анализа литературы этот последний аспект особенно важен, поскольку художественная речь часто строится на отклонении от привычной нормы. Инверсия, повтор, эллипсис или риторический вопрос воспринимаются читателем не как случайность, а как знак особой авторской задачи [1, с. 144].

К числу наиболее заметных средств стилистического синтаксиса относится инверсия. В современном английском языке прямой порядок слов обычно строится по модели Subject – Verb – Object. В силу этого перестановка элементов сразу привлекает внимание. В ранненовоанглийском языке, на котором писал

Шекспир, порядок слов был свободнее, однако и в его текстах инверсия выполняет не только грамматическую, но и художественную функцию. Она помогает сохранить стихотворный ритм, усилить смысловой акцент и придать реплике более торжественное или напряженное звучание.

В Сонете 18 строка «Rough winds do shake the darling buds of May» интересна не сама по себе, а тем, как грамматическая форма поддерживает звучание стиха [6]. Вспомогательный глагол do здесь воспринимается как усилитель действия: rough winds не просто колышут бутоны, а резко вторгаются в весенний образ. Кроме того, do помогает удержать ритм строки, поэтому грамматика работает вместе с метром. В строке «And summer's lease hath all too short a date» архаичная форма hath и образ «аренды лета» придают высказыванию сдержанную, почти афористичную завершенность.

В «Гамлете» инверсия и параллелизм особенно заметны в монологах. Начало «To be, or not to be, that is the question» построено на двух одинаковых по форме инфинитивных группах [6]. Между ними стоит смысловая пропасть, и именно эта симметрия делает колебание героя слышимым. Мысль Гамлета не движется по прямой: она останавливается между двумя возможностями, как будто проверяет каждую из них. Синтаксис в монологе, таким образом, не просто оформляет реплику, а передает сам ход внутреннего спора.

Риторические вопросы выполняют близкую функцию. Гамлет задает их не потому, что ждет ответа, а потому, что так выражается его сомнение. Вопросительная форма показывает состояние человека, который не может сразу принять решение и постоянно возвращается к исходной проблеме. Для драматического текста это особенно важно: зритель следит не за готовым выводом, а за тем, как этот вывод мучительно складывается.

В сонетах Шекспира важную роль играет и анафора. В Сонете 66 повтор союза And в начале строк создает ощущение тяжелого перечисления [6]. Каждая новая строка добавляет еще один пример несправедливости, поэтому текст звучит не как обычный перечень, а как нарастающая жалоба лирического героя. Одинаковое начало строк связывает разные явления и показывает, что они воспринимаются как части одной общей картины.

В Сонете 73 параллелизм организует уже не отдельную фразу, а все движение образа. В стихотворении последовательно появляются осень, вечер и догорающий огонь. Приведем текст сонета: “That time of year thou mayst in me behold / When yellow leaves, or none, or few, do hang / Upon those boughs which shake against the cold, / Bare ruin’d choirs, where late the sweet birds sang. / In me thou see’st the twilight of such day / As after sunset fadeth in the west, / Which by and by black night doth take away, / Death’s second self, that seals up all in rest. / In me thou see’st the glowing of such fire / That on the ashes of his youth doth lie, / As the death-bed whereon it must expire, / Consum’d with that which it was nourish’d by. / This thou perceiv’st, which makes thy love more strong, / To love that well which thou must leave ere long” [6]. Эти картины не повторяют друг друга буквально: каждая из них сужает масштаб и делает тему угасания более личной. Сначала речь идет о времени года, затем о конце дня, затем о последних вспышках пламени. Благодаря такому построению сонет развивается спокойно, но с нарастающей внутренней напряженностью.

У Джейн Остин синтаксис устроен иначе. В ее прозе почти нет открытой сценической экспрессии, характерной для Шекспира, зато очень заметны точность формулировок и ироническая дистанция. Предложение у Остин часто выглядит уравновешенным, даже немного сухим, но именно эта внешняя логичность помогает показать ограниченность светских правил и привычных представлений. Именно сложные периоды, параллельные построения и несобственно-прямая речь становятся для нее важными средствами характеристики персонажей [2, с. 210].

Первая фраза романа «Гордость и предубеждение» – «It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife» – давно воспринимается как пример синтаксической иронии [5]. Уже начало «It is a truth universally acknowledged» звучит подчеркнуто серьезно, словно речь пойдет об очевидном законе. Но дальнейшее содержание сразу снижает этот тон: перед читателем не объективная истина, а распространенный социальный предрассудок. Ирония возникает из разрыва между торжественной формой и бытовым смыслом. Так синтаксис с первых строк задает отношение автора к миру романа.

Сложные предложения Остин важны еще и потому, что они позволяют показать характер не напрямую. Придаточные части уточняют причины поступков, оговорки, скрытые мотивы и реакцию окружающих. В результате одно предложение может вместить и событие, и отношение к нему, и небольшую авторскую поправку. Такая манера хорошо подходит роману, где психологическая характеристика часто рождается не из прямого описания, а из деталей речи и повествовательной интонации [4, с. 947].

Несобственно-прямая речь помогает Остин соединять голос повествователя и сознание персонажа. Текст формально остается в третьем лице, но отдельные оценки, эмоциональные оттенки и даже логика фразы могут принадлежать герою. Например, фраза “It was a truth universally acknowledged” формально принадлежит повествователю, однако ее преувеличенная категоричность выдает иронию, направленную против самих персонажей, убежденных в этой “истине”. Аналогично в сцене знакомства с Дарси: “his manners gave a disgust which turned the tide of his popularity” суждение подано как объективное, но очевидно отражает реакцию местного общества, а не авторскую позицию. Благодаря этому читатель видит ситуацию близко к восприятию персонажа, однако не теряет авторской дистанции. В «Гордости и предубеждении» это особенно заметно в главах, связанных с Элизабет Беннет: ее взгляд на людей передается живо, но не всегда принимается автором без иронии [5].

Параллельные конструкции у Остин часто работают на комический эффект. Характеристика миссис Беннет «The business of her life was to get her daughters married; its solace was visiting and news» построена почти симметрично [5]. Благодаря этому «дело жизни» неожиданно оказывается рядом с визитами и новостями. Такое сопоставление не нуждается в прямом авторском комментарии: сама грамматика показывает ограниченность интересов героини. В этом отличие от Шекспира, у которого параллелизм чаще усиливает драматический пафос; у Остин он может становиться способом тонкой насмешки.

Если сопоставить двух авторов, становится видно, что одни и те же приемы меняют значение в зависимости от жанра. У Шекспира инверсия связана с ритмом стиха и звучанием реплики; у Остин подобные отклонения от обычного порядка слов встречаются реже и поэтому воспринимаются более заметно. Параллелизм в трагедии помогает передать внутренний конфликт или нарастание эмоций, а в романе чаще служит наблюдению за обществом и характером. Сложный период у Шекспира может передавать напряженное движение мысли, у Остин – точность социального и психологического анализа.

Таблица 1. – Синтаксические конструкции и их функции в произведениях У. Шекспира и Дж. Остин

Конструкция	Автор / произведение	Пример	Основная функция
Инверсия	У. Шекспир, Сонет 18	Rough winds do shake...	Выделяет действие и поддерживает стихотворный ритм
Параллелизм	У. Шекспир, «Гамлет»	To be, or not to be	Передает внутренний выбор и драматическое колебание
Анафора	У. Шекспир, Сонет 66	Повтор And в начале строк	Создает эффект накопления и эмоционального давления
Сложный период	Дж. Остин, «Гордость и предубеждение»	It is a truth universally acknowledged...	Формирует ироническую дистанцию
Несобственно прямая речь	Дж. Остин, «Гордость и предубеждение»	Передача взгляда персонажа без прямого ввода	Соединяет авторский голос и сознание героя
Параллельная конструкция	Дж. Остин, характеристика миссис Беннет	The business of her life...; its solace...	Создает комический эффект через сопоставление несоразмерных понятий

Практический материал позволяет сделать вывод, что синтаксис в английской классической литературе связан не только с грамматической нормой, но и с историческим развитием языка. У Шекспира еще заметна большая свобода ранненовоанглийского строя: порядок слов может подчиняться ритму, звучанию, логическому ударению. У Остин, напротив, синтаксис ближе к нормам современного английского языка, поэтому его выразительность проявляется не в резких перестановках, а в точной организации периода, в выборе подчинения, в соотношении авторского и персонажного голоса.

Важно также учитывать жанровое различие. Шекспир пишет для сцены и для поэтической формы, поэтому его синтаксис должен звучать, быть произнесенным, воздействовать на зрителя сразу. Монолог строится как речь, в которой мысль рождается на глазах. Остин работает в жанре романа, где синтаксис служит постепенному раскрытию характера. Ее предложения рассчитаны не на сценическое произнесение, а на внимательное чтение, при

котором становятся заметны скрытые смысловые повороты. Синтаксис обоих авторов нельзя оценивать по одной шкале: каждый из них использует грамматику в соответствии с задачами своего жанра.

Таким образом, синтаксические конструкции в английской классической литературе являются важной частью смысловой и стилистической организации текста. В произведениях Шекспира они усиливают драматизм, создают ритм и передают эмоциональные крайности. В прозе Остин они помогают раскрыть социальную и психологическую иронию, показать внутренний мир персонажей и отношение автора к изображаемому обществу. Сопоставление этих авторов подтверждает, что синтаксис художественного текста не является нейтральной оболочкой мысли: он сам участвует в создании художественного смысла.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. – 1779 p.
5. Austen J. Pride and Prejudice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gutenberg.org/files/1342/1342-h/1342-h.htm.
6. Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark; Shakespeare's Sonnets [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gutenberg.org/ebooks/1524; https://www.gutenberg.org/ebooks/1041.

Моисеева Е.Д. **СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОДИМ БЕЛГОРОДСКИЙ И СЛЕДЫ ЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛГОРОДЕ. Н. рук. Липич Т.И.**

Многие известные и великие деятели различных областей и сфер деятельности, прославившиеся на Белгородчине, не были рождены здесь, но белгородцами стали не по крови, а по духу, принося здесь пользу своими многочисленными талантами. Среди них мы можем назвать имена высокопоставленных церковных деятелей, так как обычно их распределяли по всем епархиям нашей необъятной Родины.

Не исключением был и родившийся в Архангельской губернии будущий епископ Никодим, а в миру Александр Михайлович Кононов. Он родился в 1871 году в селе Тельвиска Мезенского уезда в семье священника-миссионера. Вероятно, воспитание в христианском духе с самых юных лет сыграло не последнюю роль в решении молодого человека последовать по стопам отца и также стать священником [6, с. 4]. После обучения в духовной семинарии и в Санкт-Петербургской духовной академии в 1896 году он принял монашеский постриг с именем Никодим в честь преподобного Никодима Кожеезерского [2], далее был архимандритом, занимался преподавательской деятельностью в духовных училищах и семинариях [7, с. 3].

Задолго до назначения в Курскую губернию архимандрит Никодим занимался изучением подвижничества и монашества на русском Севере. Ему удалось собрать и переработать огромное количество материалов о жизни святых и монахов, прославившихся в тех краях, которые были изданы в виде множества научных статей и отдельных трудов [5]. Подобной работой он занимался и на Белгородчине.

Будучи назначенным епископом Рыльским Курской епархии в 1911 году, а затем переведенным на епископскую кафедру в Белгород в 1913 году, владыка Никодим проделал колоссальный труд по подготовке и проведению торжества прославления святителя Иоасафа в лике святых. Он изучал биографию святого, историю и особенности его почитания в народе, публиковал книги, посвященные его личности и событиям, связанным с ним. Кроме того, именно епископ Никодим создал в Белгороде первый музей, и посвящен он был святителю Иоасафу. Там экспонировались собранные владыкой личные вещи святого, а также те вещи, которые так или иначе были связаны с его личностью. Научный труд епископа Никодима «Святитель и Чудотворец Иоасаф, епископ Белоградский и Обоянский, и его причтение к лику святых» был издан в 1916 году. По сей день эта работа признается образцовой не только потому, что она была выполнена в результате огромного труда с осознанием важности и огромной ответственности поставленной перед автором задачи, но в нее была вложена часть его души, потому что он любил то, что изучал и жил этим. Кроме того, владыка составил акафист святителю Иоасафу, тем самым проявив себя не только как церковный историк, но и как православный поэт-гимнограф.

После Февральской революции 1917 года, когда курский архиепископ Тихон был отстранен от управления епархией, владыка Никодим временно исполнял обязанности архиерея всей Курской епархии. После Октябрьского переворота,

когда в городе царил революционный хаос, владыке Никодиму было суждено завершить свой жизненный путь мученической кончиной. Его проповеди, обличавшие насилие и убийства, не пришлись по душе большевикам, и он был арестован в праздник Рождества Христова прямо в алтаре храма. По просьбе верующих епископ был освобожден на один день, но после снова задержан и расстрелян [4]. После прихода в Белгород Белой армии его могила была вскрыта и найдено тело епископа Никодима со следами жестокого убийства. Его перенесли в Свято-Троицкий мужской монастырь и погребли близ раки святителя Иоасафа [3, с. 9]. В 2000 году епископ Никодим (Кононов) был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. В 2012 году были обретены мощи святого, теперь они находятся в здании Белгородской митрополии.

В настоящее время белгородцу или гостю города, желающему пройти и посетить все места в городе, связанные с личностью священномученика Никодима (Кононова), стоит начать с Преображенского кафедрального собора, где владыка некогда служил и где сегодня находится икона святого с тропарем. На этой иконе под стеклом можно увидеть вещи, принадлежавшие святому: две нательные иконки (образ Пресвятой Богородицы «Знамение» и святой великомученицы Варвары) и крест на широкой цепи. Кроме того, в соборе можно найти редкую икону «Собор святых новых мучеников и исповедников Белгорода», на которой среди других святых изображен и владыка Никодим.

Следующей остановкой на пути священномученика Никодима по праву можно назвать здание Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ БелГУ, находящееся напротив Преображенского собора. Здесь до революции находилась мужская гимназия, в которой владыка преподавал Закон Божий юным гимназистам. Старинное здание с той самой сохранившейся лестницей, по которой ступали ноги святого, теперь имеет и именную аудиторию, посвященную епископу Никодиму, снискавшему не только славу пастыря, ученого и писателя, но и преподавателя, педагога. Именная аудитория была открыта 26 ноября 2021 года, и это событие было приурочено к 20-летию со дня основания социально-теологического факультета НИУ БелГУ в историческом здании мужской гимназии.

Стоит отметить, что в настоящее время в Белгороде можно увидеть некоторые личные вещи епископа Никодима, а также его облачение, в котором он был погребен, и образец патрона, который извлекли из его тела. Они находятся в Духовно-просветительском центре во имя Святителя Иоасафа Белгородского, житие которого изучал владыка. Духовно-просветительский центр находится в центре города в историческом здании Римо-католического костела, он был освящен и открыт 1 июня 2004 года в День памяти новомучеников и исповедников Белгородских.

Очередным знаковым местом, связанным с жизнью епископа Никодима, является мемориал памяти новомучеников и исповедников земли Белгородской на месте бывшей городской тюрьмы, где был расстрелян владыка. Он был открыт 4 июля 2020 года, и центральным образом памятника стал погибший здесь священномученик Никодим. Автором монумента является белгородский скульптор Максим Баранов, а главная идея произведения – создать такую ситуацию, где прошлое соприкасается с настоящим, и для каждого человека есть

повод задуматься о самом главном, о вечном. Решетка и кирпичи в монументе – те самые, сохранившиеся после разрушения тюрьмы. В монументе владыка Никодим поднимаеся по символическим ступенькам к своей последней высоте и предстает перед нами с руками, протянутыми к голубю – символ стремления к Богу, чистоты и невиновности. Кроме того, в виде голубя в православной иконографии часто изображают Святого Духа.

Невозможно обойти вниманием и сегодняшнее место пребывания мощей святого – Белгородскую митрополию, на месте которой ранее находился Свято-Троицкий кафедральный собор мужского монастыря, настоятелем которого был владыка [1, с. 64]. В Свято-Троицком домовом храме митрополии верующие могут поклониться мощам владыки Никодима.

Таким образом, личность священномученика Никодима (Кононова) по праву занимает место в ряду выдающихся белгородцев. Сегодня он может служить примером настоящего христианина, до конца преданного своей вере и не отступившего от нее даже под страхом смерти. Владыка Никодим был талантливым во многих сферах, его достижениями и результатами его упорных трудов на ниве Божьей Церковь пользуется и сегодня.

Литература

1. Белгород 100 лет назад : фотоальбом / сост. : С.А. Губина, В.М. Жигалов, П.Ю. Субботин. – Белгород : КОНСТАНТА, 2016. – 168 с. : ил.
2. Кобец, О.Н. Подвиг святителя Никодима (Кононова), епископа Белгородского / О.Н. Кобец // Труды Белгородской духовной семинарии, 2015.
3. Кукушкин, К.В. Олонецкий период деятельности священномученика Никодима, епископа Белгородского (по материалам церковной периодики) / К.В. Кукушкин // Труды Белгородской духовной семинарии, 2017.
4. Священномученик Никодим (Кононов), Белгородский, епископ // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/days/sv-nikodim-kononov (Дата обращения: 03.11.2024)
5. Священномученик Никодим (Кононов), епископ Белгородский // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Belgorodskij/svjashhennomuchenik-nikodim-kononov-episkop-belgorodskij/#source (Дата обращения: 03.11.2024)
6. Субботин, П.Ю. Священномученик Никодим, епископ Белгородский: жизнь, трагическая гибель, обретение мощей / П.Ю. Субботин. – Белгород : Изд. дом Белгородской митрополии, 2018. – 135 с.
7. Шаляпин, С.О. Никодим Кононов: епископ, ученый, мученик / С.О. Шаляпин // Седьмые Иоанновские образовательные чтения. Секция №5. Новомученики и исповедники земли Архангельской.

Муртазин И.А. ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ НА КРИТЕ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ. Н. рук. Болгов Н.Н.

Императорский культ являлся для Рима одним из ключевых функций общественного влияния, способствовавших распространению политической пропаганды. Он был создан на основе эллинистического понимания божественности правителей, но основным аспектом являлась идеи о «римском мире». Все население Рима должно было сплотиться через культ римского императора, что, в последующем, давало определённую стабильность и обоснованность римского влияния [9, с. 371].

С правления Октавиана Августа проводится целенаправленное распространение культа в провинциях империи. С этого момента в провинциях восточной части империи, где было множество религий, появляется новый государственный культ императора в городах. Для божественных императоров строились отдельные храмы, а также возникли святилища в честь членов его семьи, которые появлялись во многих частях римского государства.

Особую роль в этом сыграли и союзы городов – койноны. Многие восточные полисы того времени объединялись в такие локальные союзы. Койноны имели разнообразные функции, но одной из них была религиозная. Союз полисов мог иметь главенствующий культ, который мог быть и императорским, а мог быть и локальным, посвящённым уже местному богу. При этом, проведением церемоний руководила зажиточная верхушка аристократии [11, с. 131].

Похожая система прослеживается на Крите, хотя в доримское время остров претерпевал влияние культов с Египта [3, p. 362], а основная группа культов была греческая.

Римский культ императора был достаточно универсален и адаптирован, и мог сочетать в себе местных богов и их функции [10, с. 41]. Это облегчало его принятие в провинциях.

Завоевание Римом острова с 69 по 67 гг. до н.э. было осуществлено Квинтом Цецилием Метеллом. А в 27 г. до н.э. была создана провинция, в которую входил сам остров Крит и Киренаика [5, p. 235]. Уже с правления Октавиана Августа начинается распространение императорского культа на весь Крит, что продолжилось и при последующих правителях.

Это подтверждают археологические остатки храмов, но стоит выделить главное. Существует мнение, что не был сформирован общий религиозный институт культа императора на Крите и Киренаике [7, p. 138-139]. Хотя провинция имела объединённый статус, обе территории всё-таки были довольно далеко отстранены друг от друга. Это, в свою очередь, даёт нам основание считать Крит в контексте его территориальных границ самостоятельной историко-культурной общностью.

Во время поздней республики на Крите существовали отдельные греческие культы – Зевса, Артемиды, Асклепия и Гермеса. Им поклонялись и приносили дары. В последующем, упомянутый пантеон смог войти в культ Domus Augusta [7, p. 141]. При этом, главную роль играл культ Зевса, который смог

положительно интегрироваться с новым императорским культом [4, p. 139]. Это в итоге привело к дальнейшему развитию римской пропаганды.

На Крите существовал союз городов, куда входили такие города как Гортина, Элефтерна, Аптера, Аркадес, Аксос, Херсонис, Кидония, Лаппа, Лато, Олоус, Ликт, Полиррения, Приам, Итан, Кисам и Иерапетра [5, p. 235]. Самым главным являлась Гортина, где и находят наиболее выразительные остатки императорского культа.

Гортина представляла для римской власти административно важный центр для контроля острова. Для самих римлян город был верен новой власти, при этом, сами местные жители были не против появления различных культурно-идеологических влияний из Рима, а также культа правителя [8, p. 78].

В Гортине в ходе археологических раскопок был найден в районе претория комплекс храма, который относился к императорскому культу в честь Августа; он был построен в I в. до н.э. – I в. н.э., а в последующем был перестроен уже при династии Антонинов. Также было выявлено несколько архитектурных памятников, посвященных Августу: на самой Агоре, севернее Агоры, в южной части, в восточной части, а также в Одеоне [3, p. 356].

Существует две надписи, относящиеся к самому Октавиану Августу. Одна из них относится к правлению Августа, а вторая к правлению Тиберия. Эти два текста часто выделяют как подтверждение существования императорского культа в Гортине [1, p. 265]. Ярко выделяется последняя надпись (InsCret IV, 269), сделанная при Тиберии, которая была найдена в храме: [– – Augus]to · sacrum.

«…Sacrum» здесь скорее всего означает «священное» или же «богослужение», поэтому это является прямым аргументом существования культа.

Вышеупомянутый эпиграфический текст является не единственным на территории Крита. Существуют и другие ярко выраженные подтверждения. Город Лисс, относящийся к койнону, имел надписи, отражающие наличие культа Августа. Текст, найденный к востоку от Асклепиона, относящийся к правлению Тиберия, описывает предложенные койноном дополнения к празднованию императорского культа [2, p. 439].

При этом, можно с уверенностью говорить, что на территории Гортины существовал, как традиционный жрец из койнона, так и новая должность – архиерей (*Archiereus*). Архиерей имел две задачи: заниматься экономическими делами, а также религиозными. Из таких дел главным являлось поклонение императорскому культу Августа [6, p. 159].

Почитание императора проводилось в двух видах, которые были традиционными в языческом ритуале: жертвоприношение и молитва [2, p. 420]. В то же время, проводились игры на стадионе, празднества. О первом можно привести достаточное количество эпиграфических свидетельств. Одна из надписей относится к сыну Леонтия Кирены Акастимона – Титу Флавию Харматию, где присутствует информация, что священные игры проходят раз в пять лет (InsCret I xviii 55).

В одной из своих работ Марта Балдуин отмечает, что празднование культа проходило ежемесячно с дополнительными подношениями жертвенных даров

[2, p. 418]. С этим можно согласиться, так как существует надпись, подтверждающая это (IC IV 416). Однако, по описанию оставшейся части надписи можно сказать, что имеется она в плохой сохранности, и можно только предполагать, действительно ли так всё было на самом деле [1, p. 391].

Однако, найдены и иные надписи в контексте данной темы. Был найден список, посвященный римским праздникам. Установил его Флавий Ктесион как завещание для гортинцев. Вот список основных дат: день основания Рима, день рождения Коммода, день восшествия на престол Антонина Пия, день рождения Луциллы и т.д. (IC IV 300). Таким образом, имеется важная надпись, проливающая определённый свет не только в отношении императорского культа, но и публичных празднеств на римском Крите.

Таким образом, императорский культ имел определённую роль на территории Римского Крита. Существует большое количество сведений того, что был распространено верование в честь императора. Это подтверждают археологические памятники, которые находят в городах острова. Главную здесь роль стоит отвести эпиграфическим источникам, через которые можно наблюдать уровень распространения культа, а также его особую значимость в обыденной жизни самих критян, например, через праздники.

Литература

1. *Baldwin Bowsky M.W.* Eight inscriptions from Roman Crete // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Vol. 108. 1995. S. 263-280.
2. *Baldwin Bowsky M.W.* Tiberius and the asklepieion at Lissos (Crete): petition and response, image and power // Mediterraneo antico econimie societa culture. T. XX. Fascicolo 1–2. 2017. P. 395-444.
3. *Baldwin Bowsky M.W.* The imperial cult: a Cretan perspective // Electrum. Vol. 30. 2023. P. 353-399.
4. *Cosentino S., Deligiannakis G.* When our world became Christian: Crete and Cyprus during Late Antiquity // Islands and Communities: Perspectives on Insularity, Connectivity, and Belonging. Oxbow Books, 2024. P. 137-151.
5. *Karambinis M.* The cities of Crete under Roman rule (1st-3rd centuries AD) // Journal of Greek Archaeology 7. 2022. P. 233-268.
6. *Lippolis E.* Roman Gortyn: from Greek polis to provincial capital // Roman Crete: new perspectives. Oxbow Books, 2016. P. 155-174.
7. *Rodriguez-Valdes P.* Captiva sub pede: iconography of imperial power in Roman Crete // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 51/1. 2025. P. 137-161.
8. *Sweetman R.J.* Roman Knossos: The Nature of a Globalized City // American Journal of Archaeology. Vol. 111, No. 1. 2007. P. 61-81.
9. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. 656 с.
10. *Корелин М.С.* Падение античного миросозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005. 192 с.
11. *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи / Вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. М.: Книжная находка, 2003. 160 с.

Мухартов Н. А. **ПОЛИТИКА УПРОЩЕНИЯ ИЕРОГЛИФОВ В КИТАЕ.**
Н. рук. Мокрищева В. С.

Актуальность исследования. Споры о реформе китайской иероглифики, начатой в 1950-х годах, не утихают до сих пор. С одной стороны, упрощение сыграло ключевую роль в ликвидации неграмотности и модернизации страны, с другой – создала культурный разрыв между поколениями и регионами, поставив под вопрос сохранность многовековой письменной традиции.

Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе не только лингвистических, но и бюрократическо-политических механизмов реализации реформы. Анализируются государственные документы, персональный состав комитета по реформе письменности и конкретные критерии отбора знаков. Такой подход позволил понять реформы как, хотя и противоречивый, но управляемый политический проект.

В 1950-м-1960-х годах правительство КНР провело масштабную реформу письменности, в результате которой была введена упрощенная система иероглифов (简化字). Это было одно из самых радикальных языковых преобразований в истории не только Китая, но и всего мира: за несколько лет изменился облик письменности, которой пользовались более полутора тысячи лет. Эта реформа, наряду с введением фонетического алфавита пиньинь (латинской транскрипцией), стала одним из важнейших языковых преобразований в истории Китая XX века. Однако до сих пор ведутся споры о последствиях этой реформы: была ли она необходимой мерой по ликвидации неграмотности или же привела к разрыву с многовековой культурной традицией? Спор этот не является чисто академическим – он имеет практическое значение для образования, культурной политики, издательского дела и даже для международных отношений Китая с Тайванем, Гонконгом и Макао, где по-прежнему сохраняется традиционная письменность.

Чтобы понять масштаб и значение реформы, необходимо рассмотреть исторический контекст. Китай на рубеже XIX-XX веков переживал глубокий кризис, который многие интеллектуалы связывали в том числе со сложностью письменности. В эпоху «движения за новую культуру» (1910 -1920-е годы) раздавались радикальные предложения полностью отказаться от иероглифов в пользу латиницы, подобно тому, как это сделал Вьетнам [2]. Важно отметить, что идеи упрощения письменности и даже перехода на латиницу активно обсуждались китайской интеллигенции задолго до образования КНР.

Как показывает в своих трудах В. М. Алексеев, именно в этот период были сформулированы ключевые аргументы в пользу модернизации письменности как необходимого условия для распространения грамотности среди народных масс. В. М. Алексеев подробно разбирает сочинения Ху Ши, в которых тот доказывал необходимость отказа от классического литературного языка в пользу разговорного и упрощения иероглифики [1].

Упрощение иероглифов стало своего рода компромиссом между сохранением культурной идентичности и необходимостью модернизации. Однако до образования КНР эти проекты оставались экспериментальными и не получили общегосударственного распространения.

На момент образования КНР в 1949 году уровень грамотности в стране составлял, по разным оценкам, лишь 10-20% населения [3]. Это означало, что подавляющее большинство китайцев не могли читать законы, газеты, официальные документы, не говоря уже о классической литературе. Помимо этого, правительство руководствовалось следующими причинами:

1. Идеологическая и мобилизационная необходимость. Для распро странения коммунистических идей, законов и указов требовалось, чтобы крестьяне и рабочие могли читать газеты и документы. Грамотность рассматривалась как ключ не только к модернизации, но и к успешной идеологической обработке масс.
2. Экономия ресурсов ускорения печати. Упрощенные иероглифы требуют меньше чернил и позволяют разместить больше текста на странице. В условиях послевоенной бедности и дефицита ресурсов это было весомым практическим преимуществом.
3. Отказ от «элитарности» письма. Выдающийся российский китаевед академик В. М. Алексеев подчёркивал, что традиционная система обучения иероглифике была элитарной по своей сути: она требовала многолетних занятий в отрыве от производительного труда [1]. Упрощение письменности, наряду с введением всеобщего обязательного образования, демократизировало грамотность, сделав её доступной для крестьян и рабочих – тех самых «народных масс», на которых опиралась новое правительство. Коммунистическое правительство, видевшее в грамотности ключ к модернизации и идеологической обработке масс, инициировало работу по упрощению наиболее частотных иероглифов.

Реформа была закреплена серией официальных постановлений. Ключевые документы, отражающие волю государства, представлены следующими:

- 1956 г. ««Проект упрощения китайской письменности» (汉子简化方案) – 515 упрощенных знаков.
- 1964 г. «Свод упрощенных иероглифов» (简化字总表) – 2236 знаков, закрепил официальный статус упрощенного письма.
- 1965 г. «Таблица форм общеупотребительных китайских иероглифов для печатных зданий» (**印刷通用**汉字子形表) – унификация шрифта.
- 1977 г. «Проект упрощения иероглифов (второй этап)» (**第二次**汉字简化方案) – радикальное урезание, отменен в 1986 г. из-за широкой критики.
- 1986 г. Корректировка «Свода упрощенных иероглифов» – окончательная стабилизация (2235 знаков), действует до сих пор.

Важно понимать, что упрощение иероглифов не было изобретением коммунистического правительства. Многие из упрощенных форм использовались в народной скорописи на протяжении столетий – их можно найти в рукописях династий Мин и Цин. Реформа лишь узаконила и стандартизировала те формы, которые уже существовали в неофициальном обиходе. Однако впервые в истории эти формы были поставлены выше традиционных, что вызвало шок традиционно настроенной интеллигенции.

Китайский комитет по реформе письменности руководствовался конкретной идеологией. Основным девизом стало цитата из Конфуция:

«Развиваем, но не сочиняем» (述而不作). Это означало, что предпочитали узаконивать уже существующие в народе формы, а не придумывать новые с нуля. Ключевые принципы были следующими:

- Следование простате и обычаям: в приоритете были те формы, которые исторически сложились в народной скорописи.
- Стандартизация и устранение вариантов: у каждого иероглифа оставляли только один вариант написания.
- Сохранение семантических свойств: по возможности старались сохранить логику, основанную на идеограммах (ключах), но часто в ущерб фонетику.
- Применение скорописи (行书): многие знаки были упрощены путём легализации курсивных форм.

Принципы упрощения были разными: некоторые иероглифы упрощались за счет использования скорописных (行书) форм (например, «书» вместо традиционного «書»– «книга, писать»); другие – за счёт замены сложного компонента простым (например, «对» вместо «對» – «правильно, напротив»); третьи – за счёт отказа от фонетического компонента или его замены (например, «体» вместо «體» – «тело»); в ряде случаев иероглифы сокращались до простых символов без сохранения исходной логики. При этом упрощения не всегда были последовательными: один и тот же упрощенный компонент мог использоваться в разных иероглифах по-разному, что создавало дополнительные трудности для изучающих язык.

Работу курировала мощная бюрократическая и научная структура, созданная специально для этой цели.

- Головная организация: Китайский комитет по реформе письменности (中国文字改革委员会), созданный в 1954 году как орган прямого подчинения Госсовету КНР.
- Инициатор создания: в 1949 году У Юйчжан (吴玉章) – видный революционер, лингвист и ректор Народного университета Китая, который направил письмо Мао Цзэдуну о необходимости реформы, что стало отправной точкой процесса упрощения иероглифов.
- Ключевые фигуры, входящие в состав комитета: Председателем стал У Юйчжан. В состав вошли такие китайское филологи, как Ван Ли (王力), Люй Шусян (吕叔湘), Чжоу Югуан (周有光), Ло Чанпэй (罗常培), а также писатели и деятели культуры Ху Юйчжи, Цзи Сяньлинь и другие.
- С 1985 года комитет был переименован в Государственную комиссию по языку и письменности (中国语言文字工作委员会), которая сейчас действует при Министерстве образования КНР.

Как отмечается в общих обзорах китайской письменности: «Традиционные китайские иероглифы в современном начертании появились во времена династии Хань, и более или менее стабилизировались с V века во времена правления южных и северных династий» [2, с. 117].

Другими словами, традиционная письменность имеет более чем полутора тысячелетнюю историю, тогда как упрощенная существует чуть более полувека.

Это разница в возрасте систем письма создает уникальную ситуацию: современный китаец, выросший на упрощенных иероглифах, не может без специального обучения читать книги, изданные в XIX веке или ранее. Культурный разрыв оказался сопоставимым с тем, если бы носитель современного английского языка не мог читать Шекспира из-за изменения в алфавите. Для классической китайской литературы и философии это создает серьезную проблему доступа.

Главный аргумент сторонников упрощения – резкое повышение уровня грамотности. К концу XX века уровень грамотности в КНР превысил 90%, и, хотя этот успех объясняется не только реформой письменности (развитием системы образования, обязательным начальным обучением), упрощение, несомненно, сыграло свою роль [2].

Однако критика упрощения также имеет веские основания. Упрощенные иероглифы часто теряют внутреннюю логику, разрушая связь между формой и значением, что была заложена в традиционных знаках. В традиционной иероглифике структура знака часто содержала подсказки о его значении и произношении: ключ указывал на семантическую категорию, фонетик – на звучание. Упрощение во многих случаях разрушило эту прозрачность. Традиционный иероглиф «愛» (ai, любовь) включает компонент «心»(сердце), указывающий на эмоциональную природу понятия; упрощенный «爱» этот сердечный компонент утратил. В результате иероглиф перестал говорить о своей внутренней связи с чувством.

Как отмечают российский лингвист В. И. Горелов: «Упрощение иероглифов привело к утрате не только семантической прозрачности, но и эстетической ценности традиционного письма, что особенно заметно при сопоставлении каллиграфических образцов разных эпох» [3]. Для каллиграфии упрощение стало настоящим ударом: многие модернизированные иероглифы имеют меньше черт и менее сбалансированную композицию, что делает их менее пригодными для высокого каллиграфического искусства. Именно поэтому современные каллиграфы часто продолжают использовать традиционные формы даже в материковом Китае, где официально принято упрощенное письмо.

Использование традиционных иероглифов на Тайване стало элементом идентичности, противопоставляющие себя материковому Китаю. В Гонконге, который вернулся под юрисдикцию КНР в 1997 году, традиционная письменность сохраняется в образовании и делопроизводстве, что создает определённые сложности для интеграции.

Таким образом, вопрос о том, является ли упрощение победой или потерей, не имеет однозначного ответа. С утилитарной точки зрения, упрощение достигло своей цели – повышение грамотности. С культурно-исторической точки зрения, оно привело к утрате части семантических и эстетических качеств иероглифики. Современная языковая политика КНР признает обе системы: упрощенные являются стандартом, но традиционное письмо не запрещено и используются в определённых контекстах (каллиграфия, академические здания, продукция для экспорта в Гонконг и на Тайвань). Спор о преимуществах каждой системы продолжается, и, вероятно, будет продолжаться ещё долго. Возможно, будущее за сосуществованием двух систем при доминировании упрощенной в

официальной и повседневной коммуникации и сохранении традиционной в культурной, художественной и академической сферах. Такой компромисс позволил бы сохранить и практическую пользу упрощения, и культурную глубину традиционной письменности.

Исходя из проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Реформа достигла своей главной утилитарной цели: к концу 20-го века уровень грамотности в КНР превысил 90%, а иероглифической письменность была адаптирована для массового обучения и дешёвого книгопечатания.
2. Успех был достигнут ценой частичной потери семантической прозрачности иероглифов и разрыва с культурным наследием, что сделало классические тексты недоступными для чтения без специальной подготовки.
3. Провал второго этапа упрощения (1977 г.) доказал наличие предела реформ: дальнейшее урезания черт делает письменность неясной и теряет связь с каллиграфической традиции даже для носителя языка.
4. В современной КНР сложилась модель сосуществования двух систем: упрощенная доминирует в официальной и повседневной сферах, а традиционная сохраняется в академической среде, каллиграфии и экспортной продукции.

Литература

1. Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1932. – 178 с.
2. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 2. – Москва: Восточная литературы, 2003. – 511 с.
3. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. – Москва: Просвещение, 1979. – 272 с.

Мясоедова Е.А. ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА ПРИГРАНИЧЬЯ: БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ЭПИЦЕНТР ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ. Н. рук. Т.В. Счастливенко

Современная демографическая ситуация в России складывается неравномерно по регионам. Белгородская область здесь занимает особое положение. Как приграничный субъект она долгое время служила форпостом и гуманитарным хабом. Однако с началом специальной военной операции добавились факторы физической опасности и экономической нестабильности. В результате регион оказался под тем, что можно назвать «двойной нагрузкой». С одной стороны, здесь фиксируется естественная убыль населения, с другой – интенсивный миграционный отток, который носит избирательный характер. Уезжают прежде всего студенты и высококвалифицированные специалисты. А это напрямую угрожает долгосрочному развитию территории.

До недавнего времени Белгородская область привлекала мигрантов – из северных регионов России и из стран Средней Азии. Развитая инфраструктура и высокий уровень урбанизации делали её регионом-акцептором. Сейчас картина изменилась. Эскалация конфликта в приграничных районах привела к тому, что область превратилась в донора, теряя в первую очередь коренное население [1, с. 45]. Статистика последних двух лет показывает устойчивый рост числа желающих сменить место жительства. Причём отток не хаотичен: он подчиняется определённой логике и имеет чёткие географические направления.

Основную массу уезжающих составляют студенты и молодые специалисты в возрасте от 17 до 30 лет. Как показывают исследования образовательных траекторий, абитуриенты всё чаще рассматривают белгородские вузы как запасной вариант или временную площадку [2]. Опросы старшекурсников подтверждают: дело не только в безопасности, но и в качестве перспектив. Многие считают, что диплом местного университета, даже при хорошем уровне преподавания, котируется на столичном рынке труда ниже, чем диплом московского или петербургского вуза. Кроме того, студенты жалуются на сужение возможностей для стажировок и практик в крупных федеральных компаниях – после 2022 года многие из них свернули свои программы в регионе [3].

География оттока делится на два основных направления. Западный вектор – Москва, Московская область и Санкт-Петербург. Там молодых специалистов привлекает рынок труда с принципиально другим уровнем зарплат. Для сравнения: начинающий IT-специалист в Белгороде получает 50–60 тысяч рублей, в столице от 90-100 тысяч при аналогичных обязанностях [4]. Южный вектор – Краснодарский край и Ростовская область. Туда едут из-за более мягкого климата и, как ни странно, ощущения большей стабильности – несмотря на относительную близость к зоне конфликта.

Проблема не ограничивается выпускниками. Уезжают и состоявшиеся профессионалы среднего возраста – так называемое ядро трудовых ресурсов. На предприятиях промышленного комплекса области за 2023 год число инженерно-технических работников сократилось на 7-9%, и этот дефицит не компенсируется выпускниками системы профтехобразования [5]. Работодатели фиксируют рост запросов на релокацию от сотрудников с уникальными

компетенциями. Причины понятны: психологическое выгорание из-за постоянной угрозы обстрелов и желание обеспечить безопасное будущее детям. Уехавшие специалисты часто трудоустраиваются в компаниях с распределёнными командами или переходят на удалённую работу с работодателями из центральных регионов. В итоге их связь с локальным рынком труда Белгородчины разрывается окончательно.

Отдельно стоит сказать о медицинских работниках и IT-специалистах. Отток в этих сферах особенно опасен, потому что именно они обеспечивают базовую социальную безопасность и цифровое развитие региона. По данным регионального министерства здравоохранения, в 2023 году число врачей, сменивших место работы с переездом за пределы области, выросло на 18% по сравнению с предыдущим годом. Узкие специалисты – анестезиологи-реаниматологи, хирурги, онкологи – уезжают в основном в клиники Москвы, Санкт-Петербурга и Краснодарского края [8]. В IT-отрасли картина не лучше. По оценкам регионального союза ИТ-компаний, в 2022–2023 годах область покинуло не менее 15% занятых в секторе. Это привело к закрытию нескольких стартапов и сокращению проектов по импортозамещению [9].

Региональные власти пытаются смягчить ситуацию. В здравоохранении действуют расширенные выплаты по программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер», компенсируется аренда жилья для молодых врачей. Для IT-компаний предусмотрены налоговые льготы, льготные офисы в Белгородском IT-парке, гранты на инновационные проекты. Но этих мер недостаточно. Чтобы закрепить медиков, нужны не только разовые выплаты, но и системное повышение окладов, а главное – гарантированное служебное жильё в населённых пунктах с наименьшим уровнем опасности. IT-специалисты в свою очередь ждут возможности удалённой работы с сохранением высокой зарплаты и бронирования от частичной мобилизации для критически важных сотрудников. Такие шаги могли бы стать весомым аргументом для тех, кто ещё не решил, уезжать или оставаться.

В целом региональное правительство разработало комплекс мер, направленных на удержание человеческого капитала. Одна из линий – создание так называемых тепличных условий для студентов и преподавателей. Введены повышенные стипендии для студентов дефицитных специальностей, а также губернаторские стипендии для тех, кто показывает высокие результаты в науке, но рассматривает вариант перевода в столичные вузы [6]. Однако мониторинги Министерства образования области показывают: финансовое стимулирование само по себе проблему не решает. Люди по-прежнему ориентируются на безопасность и бытовой комфорт. Поэтому правительство пошло на беспрецедентные меры: переоборудовало подвалы учебных корпусов и общежитий в укрытия, организовало дистанционное обучение на периоды обострения обстановки.

Особое внимание уделяется удержанию профессорско-преподавательского состава. Для учителей школ и преподавателей вузов действуют программы льготного ипотечного кредитования, выдаются жилищные сертификаты. Но эффективность этих мер снижается из-за того, что недвижимость в регионе, подверженном рискам, теряет инвестиционную

привлекательность [7]. Молодые учителя, получив квартиру по льготной программе и отработав положенный срок, зачастую продают её и уезжают, используя полученный капитал как стартовый для покупки жилья в более безопасных регионах.

Существенные возможности для стабилизации демографической ситуации и кадрового дефицита дают системные государственные программы – как федеральные, так и региональные. С 2025 года в России стартовал новый национальный проект «Кадры». Его главная задача – готовить специалистов под конкретные запросы работодателей через тесное взаимодействие образования, бизнеса и государства [10]. В Белгородской области в рамках этого проекта уже открыты программы переподготовки по востребованным IT-направлениям: «1С Разработчик», «Аналитик данных», «Обеспечение информационной безопасности в организации». Жители региона могут получить современные компетенции, не переезжая в столицу [10].

В июле 2025 года в области стартовал кадровый проект «ПРОкадры». Его организовала администрация губернатора совместно с Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Цель – сформировать управленческий резерв области, оценить потенциал работников органов власти и местного самоуправления. По итогам отбора 50 победителей включат в резерв управленческих кадров для последующего назначения на руководящие должности [11, 12].

Параллельно реализуется региональный проект «Сталь». Он создан по аналогии с федеральной программой «Время героев» и ориентирован на ветеранов специальной военной операции. Участники проходят обучение по программе «Государственное и муниципальное управление» на базе Белгородского государственного университета, затем стажируются и получают возможность трудоустроиться в органы власти [13].

Ещё один важный инструмент – государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. С 2020 года в Белгородскую область по этой программе вернулись около 1500 человек. Все участники имеют высшее или среднее профессиональное образование, что особенно важно для здравоохранения, образования, IT и промышленности. На период 2025–2029 годов регион планирует принять не менее 750 соотечественников, обеспеченных федеральным и региональным финансированием [14].

В долгосрочной перспективе ключевое значение будет иметь государственная программа по восстановлению и развитию приграничных территорий Белгородской области. Её инициировал губернатор, инициатива получила поддержку Президента РФ. Программа рассчитана до 2030 года, охватывает более 560 населённых пунктов в непосредственной близости от границы. Она предполагает комплексное решение задач по усилению безопасности, восстановлению инфраструктуры и социальной поддержке жителей. Общий объём финансирования не менее 157 млрд рублей. Это создаёт материальную основу для возвращения населения и закрепления кадров на территории [15].

Однако программно-целевыми методами проблему не исчерпать. Есть и другие перспективные подходы. Губернатор Белгородской области Вячеслав

Гладков не раз подчёркивал: регион последовательно повышает оплату труда, чтобы вакансии становились привлекательными для местных жителей. Такой подход позволил отказаться от массового привлечения иностранной рабочей силы и одновременно повысить мотивацию белгородцев работать на родной территории [16, 17]. Достойная зарплата, по мнению главы региона, фундаментальное условие удержания человеческого капитала.

Хорошо зарекомендовала себя и практика раннего закрепления студентов за предприятиями. В Шебекинском округе, например, промышленные компании вместе с учебными заведениями оформляют необходимые допуски и готовят будущих специалистов по рабочим профессиям, начиная со второго курса. Это заметно снижает риск оттока выпускников в другие регионы [18]. Индивидуальные образовательные траектории под запросы конкретного работодателя, когда теория сочетается с реальной деятельностью, создают у студентов устойчивую мотивацию трудоустраиваться именно в регионе.

Для врачей и учителей, помимо зарплаты, критически важен жилищный вопрос. Практика показывает: предоставление служебного жилья, а не единовременных компенсаций, действует гораздо эффективнее. Молодые специалисты охотнее остаются в относительно безопасных муниципальных образованиях, если получают не деньги, а конкретную квартиру или дом.

Комплексное применение этих подходов – от повышения зарплат до ранней профориентации и жилищного обеспечения – способно не только замедлить депопуляцию, но и сделать Белгородскую область привлекательной для квалифицированных кадров. Тогда удастся преодолеть долгосрочные негативные последствия «двойной нагрузки» приграничья.

Демографическая ситуация в Белгородской области сегодня – это индикатор глубинных проблем приграничных территорий в условиях геополитической нестабильности. Отток студентов и работников носит не столько количественный, сколько качественный характер: регион теряет именно ту часть населения, которая обеспечивает инновационное развитие и воспроизводство интеллектуального потенциала. Меры, которые принимает региональное правительство, направлены на купирование острейших проблем, они помогают учителям оставаться в профессии, студентам – заканчивать обучение на родине. Но пока эти меры скорее замедляют темпы депопуляции, чем кардинально меняют тренд. Чтобы справиться с «двойной нагрузкой», нужна не только локальная политика удержания, но и общефедеральная стратегия поддержки приграничных субъектов. Она должна включать реальные гарантии безопасности и экономические преференции, способные конкурировать с привлекательностью столичных агломераций.

Литература

1. Иванов А.В., Смирнова Л.Б. Трансформация миграционных процессов в приграничных регионах ЦФО в 2022-2023 гг. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2023. – № 4. – С. 42-51.
2. Петрова Е.С. Образовательные стратегии молодёжи Белгородской области в условиях неопределённости // Социологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 88-97.
3. Коваленко Д.В. Рынок труда и кадровая безопасность регионов нового приграничья // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 711-725.

4. Агентство по привлечению инвестиций Белгородской области. Аналитический отчёт о состоянии рынка труда за 2023 год. – Белгород, 2024. – 58 с.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Демографический ежегодник 2023: Стат. сб. – Белгород, 2024. – 210 с.
6. Постановление Правительства Белгородской области от 15.05.2023 № 215-пп «О мерах поддержки студентов образовательных организаций высшего образования» // Сборник нормативных актов Белгородской области. – 2023. – № 21. – С. 32-35.
7. Гребенщиков В.Н. Рынок жилой недвижимости в условиях СВО: региональный аспект // Финансы и кредит. – 2024. – № 2 (842). – С. 112-126.
8. Министерство здравоохранения Белгородской области. Отчёт о кадровом обеспечении медицинских организаций за 2023 год. – Белгород, 2024. – 34 с.
9. Белгородский региональный союз ИТ-компаний. Аналитическая записка о состоянии ИТ-отрасли в условиях приграничного региона. – Белгород, 2024. – 12 с.
10. Областное казённое учреждение «Центр занятости населения Белгородской области». С 2025 года стартовал новый национальный проект «Кадры» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.czn31.ru/news/s_2025_goda_startoval_novyy_natsionalnyy_proekt_kadry/ (дата обращения: 22.03.2026).
11. Администрация Ровеньского района. В Белгородской области стартовал региональный кадровый проект «ПРОкадры» [Электронный ресурс]. – URL: https://rovenkiadm.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_3479.html (дата обращения: 22.03.2026).
12. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 50 человек войдут в резерв управленческих кадров Белгородской области по итогам проекта при поддержке ВШГУ [Электронный ресурс]. – URL: https://gspm.ranepa.ru/novosti/50-chelovek-vojdut-v-rezerv-upravlencheskix-kadrov-belgorodskoj-oblasti-po-itogam-proekta-pri-podderzhke-vshgu/ (дата обращения: 22.03.2026).
13. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Участники программы «Сталь» перешли ко второму образовательному модулю [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--90aefy5b.xn--p1ai/bsu/news/news.php?ID=865254&IBLOCK_ID=123 (дата обращения: 22.03.2026).
14. Открытый Белгород. 1,5 тыс. человек вернулись на Белгородчину с 2020 года по программе переселения соотечественников [Электронный ресурс]. – URL: https://openbelgorod.ru/news/society/2025-01-11/1-5-tys-chelovek-vernulis-na-belgorodchinu-s-2020-goda-po-programme-pereseleniya-sootechestvennikov-425072 (дата обращения: 22.03.2026).
15. РБК Черноземье. «Нельзя откладывать будущее, решая сложнейшие текущие проблемы» [Электронный ресурс]. – URL: https://chr.plus.rbc.ru/news/694b9fb67a8aa90f9c2ce17d (дата обращения: 22.03.2026).
16. Аргументы Недели. Губернатор Белгородской области поведал о средстве обойтись без мигрантов [Электронный ресурс]. – URL: https://argumenti.ru/society/2025/10/969515 (дата обращения: 22.03.2026).
17. Myseldon. «Они нам не нужны»: Белгородская область учит обходиться без трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/336075670 (дата обращения: 22.03.2026).
18. Myseldon. В Белгородской области отток населения и низкая демография повлияли на нехватку кадров [Электронный ресурс]. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/335572399 (дата обращения: 22.03.2026).

Назаренко П. Е. **ЭВОЛЮЦИЯ КРЕДИТНЫХ ДЕНЕГ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА. Н. рук. Счастливенко Т.В.**

Трансформация денежного обращения в последние десятилетия происходит настолько стремительно, что теоретические конструкции не всегда успевают за практикой. Кредитные деньги, которые ещё полвека назад ассоциировались преимущественно с банкнотами и чеками, сегодня существуют в виде записей на банковских счетах, электронных кошельков, а теперь – и цифровых валют центральных банков. Этот процесс требует не только описания, но и системного анализа. Цель данной статьи – выявить основные особенности современного этапа эволюции кредитных денег на примере Российской Федерации, а также оценить перспективы и риски, связанные с внедрением новых форм.

С теоретической точки зрения кредитные деньги представляют собой долговые обязательства, создаваемые преимущественно коммерческими банками в процессе кредитования [5, с. 102]. В отличие от полноценных денег, обладающих собственной внутренней стоимостью, кредитные деньги являются знаками стоимости, чья покупательная способность поддерживается доверием к эмитенту и законодательным признанием их законным средством платежа. Ключевая особенность современной денежной системы заключается в том, что основная масса денег создаётся не центральным банком, а коммерческими банками – через механизм банковского мультипликатора. Каждая выдача кредита сопровождается одновременным увеличением как активов (кредиты), так и пассивов (депозиты) банка, что и приводит к эмиссии безналичных денег.

Историческая эволюция форм кредитных денег насчитывает несколько этапов. Первой формой стал вексель, возникший в Италии в XII–XIII веках как инструмент торгового оборота, позволявший осуществлять перевод денег без физического перемещения монет. В XVII–XIX веках распространение получили банкноты – сначала как расписки банков о принятии золота, затем как самостоятельные бумажные деньги, эмитируемые центральными банками. В XX веке на смену банкнотам частично пришли чеки, а во второй половине века – электронные деньги, представляющие собой записи на банковских счетах [7, с. 35]. Современный этап (с 2010-х годов) характеризуется появлением цифровых валют центральных банков (CBDC), которые представляют собой третью форму национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами.

В Российской Федерации цифровой рубль законодательно закреплён Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ. Его массовое внедрение начинается с 1 сентября 2026 года [1]. В отличие от безналичных денег, являющихся обязательствами коммерческих банков, цифровой рубль – это прямое обязательство Банка России, что обеспечивает более высокую степень сохранности средств. Принципиально важно подчеркнуть, что цифровой рубль не является криптовалютой: он остаётся централизованной и полностью регулируемой государственной валютой.

Для анализа текущего состояния кредитных денег в России обратимся к официальным статистическим данным Банка России за 2015–2025 гг. Денежная масса М2, включающая как наличные, так и все безналичные компоненты,

выросла с 32,1 трлн руб. в 2015 году до 129,6 трлн руб. в 2025 году, увеличившись в четыре раза [8]. Однако динамика была крайне неравномерной. В 2015–2019 гг. годовые темпы прироста М2 держались в диапазоне 10–12%. В 2020 году произошёл скачок до 19,2% (пандемийный шок, снижение ключевой ставки до 4,5%). В 2022–2024 гг. темпы ускорились до 15–27% вследствие адаптации к санкциям, роста бюджетных расходов и активного корпоративного кредитования.

Перелом наступил в 2025 году. Годовой прирост М2 замедлился до 10,6% – минимального значения с 2019 года. Причина – жёсткая денежно-кредитная политика Банка России: ключевая ставка достигла 18,4%, что сделало кредитные ресурсы дорогими и ограничило способность банков создавать новые деньги через мультипликатор. Розничное кредитование в 2024–2025 гг. пережило самое значительное сжатие за посткризисную историю: в ноябре–декабре 2024 года кредитный портфель физических лиц сократился на 1,1 трлн рублей, а в первом квартале 2026 года количество выданных кредитов уменьшилось на 44,9% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [9].

При этом объём наличных денег в обращении (агрегат М0) продолжает расти. На 1 января 2026 года он составил 19,45 трлн рублей, а в декабре 2025 года месячный прирост достиг 836,3 млрд рублей – рекордный показатель за 11 лет [8]. Возникает эмпирически подтверждённое противоречие: доля безналичных платежей в рознице растёт, но абсолютный объём наличных – тоже. Это объясняется, с одной стороны, формированием страхового запаса населения в периоды неопределённости, с другой – использованием наличных в теневом секторе.

Таблица 1. – Динамика денежной массы М2 в Российской Федерации 2015–2025 гг

Год	Объём М2 на конец года, трлн руб.	Годовой прирост, %	Средняя ключевая ставка, %
2015	32,1	10,8	12,0
2017	39,8	10,6	8,3
2019	49,0	10,9	6,9
2020	58,4	19,2	4,5
2022	75,0	15,0	9,5
2024	111,6	27,0	16,3
2025	129,6	10,6	18,4

Составлено по: [8]

Платёжная система России демонстрирует устойчивый рост цифровизации. Доля безналичных платежей в розничном товарообороте увеличилась с 31% в 2015 году до 88% в 2025 году, что вывело страну в пятёрку мировых лидеров по этому показателю [8]. Ключевыми элементами инфраструктуры выступают Национальная система платёжных карт (476,5 млн карт «Мир», рост на 18,9% за год) и Система быстрых платежей (225 банков-участников, 5,3 млрд платежей за товары и услуги в 2025 году) [4].

Наиболее значимый тренд 2024–2025 гг. – структурный сдвиг в пользу альтернативных способов оплаты. В 2025 году на долю СБП, электронных кошельков, QR-кодов и биометрии пришлось 14,1% всех безналичных транзакций, что на 4,5 процентного пункта больше, чем годом ранее [4]. Объём

операций через электронные кошельки достиг 13,3 трлн рублей, увеличившись в 1,6 раза. Оплата по биометрии за девять месяцев 2025 года составила 145,9 млн покупок на сумму 112,6 млрд рублей. Эти данные свидетельствуют о постепенном изменении потребительских предпочтений: инновационные платёжные инструменты, зачастую более удобные и быстрые, чем традиционные карты, занимают всё большую долю рынка.

Переход к новым формам кредитных денег сопряжён с рядом проблем для денежно-кредитной политики. Первая – потенциальный отток ликвидности из коммерческих банков при переводе средств населения и бизнеса на счета цифрового рубля. По оценкам аналитиков, при достижении доли цифрового рубля в денежной массе 10–15% банки могут потерять существенную часть ресурсной базы, что ослабит их кредитный потенциал [3]. Вторая проблема – риск «цифрового набега»: в кризисной ситуации население может мгновенно конвертировать банковские депозиты в цифровые рубли, создав дефицит ликвидности в банковской системе. Третья – кибербезопасность: централизованная платформа цифрового рубля становится потенциальной мишенью для хакерских атак, а сбои в её работе способны парализовать безналичные расчёты [6].

Четвёртая проблема связана с макропруденциальным регулированием. Банк России последовательно ужесточает требования к кредитованию (показатель долговой нагрузки, макропруденциальные лимиты). На начало 2026 года доля проблемной задолженности по необеспеченным потребительским кредитам составила 12,9%, а около 50% всей задолженности приходится на заёмщиков с тремя и более действующими кредитами [9]. С одной стороны, ограничения снижают системные риски. С другой – чем жёстче регулирование, тем меньше банки могут создавать новые кредитные деньги. Поиск оптимального баланса представляет собой нетривиальную задачу для регулятора.

Несмотря на перечисленные риски, перспективы цифровизации кредитных денег в России оцениваются как значительные. Массовое внедрение цифрового рубля начинается с 1 сентября 2026 года по поэтапному графику: системно значимые банки и крупные торговые предприятия (выручка более 120 млн руб.) обязаны обеспечить приём цифрового рубля с указанной даты; для банков с универсальной лицензией и предприятий с выручкой более 30 млн руб. срок установлен на 1 сентября 2027 года; для остальных участников – на 1 сентября 2028 года [2].

Таблица 2. – Прогнозные показатели развития платёжной системы Российской Федерации до 2030 года

Показатель	2025 (факт)	2030 (прогноз)
Доля безналичных платежей в рознице, %	88	>90
Доля некарточных способов оплаты в безналичных платежах, %	14,1	20–25
Доля наличных в денежной массе (М2), %	15	~10

Составлено по: [4, 8]

К 2030 году ожидается, что доля безналичных платежей в рознице превысит 90%, доля некарточных способов оплаты достигнет 20–25%, а доля

наличных в М2 снизится до примерно 10% [8]. При этом полное исчезновение наличных денег в стране с обширной территорией и социально разнородным населением считается маловероятным. Успех цифровизации будет зависеть от способности регулятора сохранить баланс между технологиче ных рисков.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, кредитные деньги в России находятся на стадии активной цифровой трансформации, что выражается в росте доли безналичных платежей до 88% и расширении доли некарточных способов оплаты до 14,1%. Во-вторых, современный этап характеризуется противоречием между расширением безналичного оборота и ростом абсолютного объёма наличных денег, что объясняется как страховыми мотивами населения, так и наличием теневого сектора. В-третьих, внедрение цифрового рубля создаёт новые возможности (снижение комиссий, прозрачность, смарт-контракты), но порождает и серьёзные риски для денежно-кредитной политики – отток ликвидности, «цифровой набег», киберугрозы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на количественную оценку этих рисков и разработку механизмов их минимизации.

Литература

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ : в ред. от 15.12.2025 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Основные направления развития наличного денежного обращения на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : утв. Банком России 15.12.2025 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] : утв. Банком России 24.10.2025 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
4. Банк России. Отчет о развитии национальной платежной системы за 2025 год. – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2026. – 95 с.
5. Катасонов В.Ю., Битков В.П. Деньги, кредит, банки: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 512 с.
6. Бердышев А.В. Экономическая природа современных кредитных денег: электронные деньги и виртуальные валюты // Финансы и кредит. – 2024. – № 12. – С. 45-58.
7. Янов В.В. Эволюция денег: от товарных к цифровым // Деньги и кредит. – 2023. – № 6. – С. 32-44.
8. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru.
9. Национальное бюро кредитных историй (НБКИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbki.ru.

Нерубенко П.Р. **АДАПТАЦИЯ РУССКИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.**
Н. рук. Нерубенко Н.В.

В условиях глобализации гастрономия приобретает статус важного инструмента культурной дипломатии, где русская кухня становится объектом повышенного внимания международного медиапространства [2, с. 112]. Адаптация лингвокультурных элементов, включая названия блюд и связанные с ними культурные коды, формирует новые интерпретации национальной идентичности России в зарубежном восприятии. Особую актуальность это явление получает в контексте расширения цифровых коммуникаций, где пищевые практики выступают маркером культурных границ и одновременно мостом для межцивилизационного диалога [3, с. 88]. Ключевая проблема исследования заключается в семантических трансформациях русских гастрономических концептов при их переносе в китайский медийный контекст, где культурные коннотации подвергаются редукции или замещению. Такие искажения, обусловленные различиями в гастрономических традициях и когнитивных моделях восприятия, способствуют формированию стереотипных представлений о русской культуре. Подобные упрощения создают барьеры для аутентичной интерпретации, ограничивая потенциал кулинарии как средства межкультурной коммуникации [1, с. 67]. Научная значимость исследования определяется разработкой сопоставительной модели анализа культурных трансферов, обогащающей теорию межкультурной коммуникации новыми когнитивными инструментами. Практическая ценность работы заключается в предложении механизмов сохранения смысловой целостности гастрономических лингвокультурем при их интеграции в глобальное информационное поле. Полученные результаты могут быть применены для оптимизации стратегий презентации национальных кулинарных традиций в международных медиа.

Гастрономическая лингвокультура представляет собой систему языковых маркеров, кодирующих кулинарные практики определенного этноса [1, с. 45]. Данный феномен формируется в результате взаимодействия языковых структур и культурно-обусловленных пищевых традиций. Языковые единицы, обозначающие гастрономические реалии, выступают носителями культурной памяти, отражая исторический опыт и социальные практики пищепотребления. Таким образом, гастрономическая лингвокультура функционирует как важный компонент национальной идентичности. В межкультурной коммуникации гастрономические лингвокультуремы выполняют функцию трансляторов ценностных смыслов [2, с. 205]. Особую значимость данный механизм приобретает в медиадискурсе, где адаптация гастрономических терминов становится индикатором глубины межкультурного взаимодействия [4, с. 3]. Эффективная интерпретация таких лингвокультурем способствует преодолению коммуникативных барьеров и формированию межкультурной компетенции.

Таксономия русских гастрономических лингвокультурем базируется на выделении лексико-семантических групп, объединяющих термины с общей денотативной направленностью [5, с. 10]. Ключевыми категориями выступают наименования традиционных блюд (щи, блины, пельмени), напитков (квас,

медовуха), кулинарных процессов (заквашивание, томление) и ритуальной пищи (кутья, пасха). Данные лексические единицы отражают уникальные пищевые реалии, сформированные под влиянием географических, исторических и социальных факторов. Их систематизация позволяет выявить глубинные связи между языковыми формами и культурными практиками русского народа.

Культурные коннотации гастрономических терминов образуют сложную систему символических значений, укорененных в национальном сознании. Например, блин ассоциируется с масленичными обрядами и цикличностью времени, а водка приобрела статус социокультурного маркера русской идентичности [1, с. 112]. Эти коннотативные слои формируются через фольклор, литературу и повседневные коммуникативные практики. Многоуровневость значений демонстрирует, как пищевые концепты транслируют этнокультурные коды и коллективные представления.

Анализ китайских онлайн-ресурсов продемонстрировал преобладание двух основных лингвистических стратегий передачи русских гастрономических терминов [6, с. 101]. Транслитерация применяется для фонетического воспроизведения названий блюд, таких как «борщ» (bóshì) или «блины» (bùlínní), что обеспечивает узнаваемость исходного концепта. Калькирование используется для описательных терминов, например, «красный суп» вместо «борщ», акцентируя визуальные характеристики [3, с. 92]. Традиционные русские блюда часто реинтерпретируются с учетом местных гастрономических норм, например, уменьшение жирности в рецептах для соответствия китайским представлениям о здоровом питании. Культурные коннотации также трансформируются: понятие «русской сытности» ассоциируется не с домашним уютом, а с экзотическим туристическим опытом [3, с. 95].

В китайском медиадискурсе наблюдается процесс культурной фильтрации русских гастрономических лингвокультурем, приводящий к их глубокой реинтерпретации. Данный феномен обусловлен необходимостью адаптации иностранных кулинарных концептов к традиционным философским принципам инь-ян и у-син [3, с. 97]. Китайские медиаресурсы активно переосмысливают энергетические свойства русских блюд, стремясь к балансу «холодных» и «горячих» компонентов согласно даосской традиции. Подобная трансформация демонстрирует, как культурные фильтры формируют альтернативные смысловые конфигурации исходных гастрономических явлений. Эмпирический анализ китайских кулинарных блогов выявил формирование гибридных гастрономических концептов через синтез русских рецептур с местными технологиями приготовления [6, с. 103].

Проведённое исследование подтвердило, что русские гастрономические лингвокультуры представляют собой сложные семиотические системы, требующие глубокого учёта историко-культурного контекста для корректной интерпретации [1, с. 130]. Разработанная классификация продемонстрировала их двойственную природу: с одной стороны, они выступают маркерами национальной идентичности, с другой – инструментами культурного трансфера [2, с. 218]. Это подтверждает их ключевую роль в процессах межкультурной коммуникации, где кулинарные термины становятся носителями ценностных смыслов. В китайском медиадискурсе адаптация русских лингвокультурем происходит через призму гастрономического

синкретизма, где элементы переосмысливаются по аналогии с местными традициями [3, с. 98]. Ярким примером служит интерпретация пельменей как вариации цзяоцзы, что создаёт гибридные формы, обогащающие локальные практики. Однако такой подход нивелирует уникальность исходных культурных кодов, подчиняя их знакомым гастрономическим парадигмам. Однако такой подход нивелирует уникальность исходных культурных кодов, подчиняя их знакомым гастрономическим парадигмам.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.
2. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. – СПб.: СПбКО, 2009. – 416 с.
3. Кошкарова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 87–100.
4. Кулигина Е.А. Лингвокультурные характеристики образа России в современном англоязычном медиатексте // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – № 4. – С. 1–8.
5. Морозкина Т.В., Антонова А.Ю., Шевечкова М. Лингвокультурный аспект гастрономического дискурса // Поволжский педагогический поиск. – 2021. – № 4. – С. 8–14.
6. Тюленева В.Н. Принципы адаптации заимствованной лексики в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 11. – С. 100–104.

Нижник А.А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И.А. ИЛЬИНА: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ. Н. рук. Зуева Е.А.

Иван Александрович Ильин (1883-1954) – один из наиболее известных правых русских философов XX века. В современном российском дискурсе его фигура остаётся предметом острой полемики. Консервативные круги рассматривают его как философа, внесшего значительный вклад в формирование истинно «русской идеи», тогда как оппоненты указывают на недопустимость позитивной рецепции наследия мыслителя, сотрудничавшего с нацистами и работавшего в институте, находившемся в ведомстве Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Германии [3]. Актуальность изучения его творчества была подчёркнута в 2023-2024 гг. полемикой вокруг создания Высшей политической школы имени И.А. Ильина на базе РГГУ.

При анализе мировоззрения Ильина следует учитывать разницу творчества двух периодов: первого – до формального размежевания с национал-социализмом (до 1938 года), и второго (1938-1957), охватывающего швейцарскую эмиграцию, публицистику под псевдонимами и критику нацизма без отказа от симпатий к правым авторитарным режимам.

И.А. Ильин с самого начала своей эмигрантской деятельности, будучи православным антикоммунистом, позиционировал себя как радикальный философ и агент белого движения в годы Гражданской войны, являясь политическим идеологом Русского Общевоинского союза (РОВС) [8, с. 14]. Основанная П.Н. Врангелем организация устраивала теракты на территории СССР [18, с. 3]; она составляла, по выражению Ильина, «кадр русской армии… и кадр непартийных политических деятелей, не служивших в армии, но верных России, духу Целого и белой борьбе за родину» [9, с. 201]. С 1927 по 1930 г. он издаёт «Русский колокол: Журнал волевой идеи», значительная часть материалов которого была посвящена конкретным вопросам борьбы, конспирации и поведения в условиях допросов и тюрьмы. Журнал был задуман «как углубление и развитие Белой идеи, в ее противопоставлении всяческому атеизму, интернационализму, социализму, революционности, большевизму и коммунизму» [14, с. 10-11].

В 1925-1926 гг. Ильин входил в редакцию газеты «Возрождение», где опубликовал «Письма о фашизме». Политику Муссолини он характеризовал как «пластичную» и «рельефную», утверждая, что им руководит «волевой миф, который может однажды стать реальнее самой действительности» [12, с. 243-244]. Фашизм он трактовал расширительно, относя к нему режимы Франко и Салазара [9, с. 89].

Первый период его творчества отмечен апологией итальянского фашизма и германского национал-социализма. В работе «Национал-социализм» (1933) он отказывался оценивать события в Германии «с точки зрения немецких евреев» и не считал возможным превращать их «душевное состояние» «в критерий добра и зла». Главной заслугой Гитлера он называл остановку «процесса большевизации в Германии» – «величайшую услугу всей Европе» [12, с. 316-317].

Защитники Ильина (например, публицист Е.С. Холмогоров) пытаются оправдать его позицию утверждением, что в 1933-1934 гг. нацизм ещё не

обнаружил своей сущности, и поддержка философа была якобы приемлемой [6]. Однако уже в 1933 году Германию вынужденно покидают 50 тысяч лиц еврейского происхождения [1, с. 13], создаётся первый концентрационный лагерь «Дахау», узниками которого становятся политические противники режима [23, с. 85]. Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии в январе 1933 г. [22, с. 183-184], однако после поджога Рейхстага и до июля 1933 года был осуществлен ряд мер, приведших к установлению однопартийной диктатуры, фактически означавшей полную узурпацию власти [7, с. 60-61].

В это время Ильин занимал должность профессора Русского научного института в Берлине. С 1933 года институт перешёл под контроль Имперского министерства народного просвещения и пропаганды [20, с. 97-98]; начались вызовы Ильина в гестапо, которые он позднее связывал с доносами из кругов русской эмиграции [11, с. 241-242]. У Ильина нашлись покровители, среди которых был Адольф Эрт, член НСДАП [5]. После публикации статьи «Национал-социализм», в которой приводились обвинения в адрес немецких газет, принадлежавших евреям, и оправдывались действия нацистов, Ильин был назначен руководителем института [20, с. 101]; показательно, что в этом же году для лекции «Голод в Советской России» он выбрал эпиграфом «Марксизм на практике» Гитлера [15].

Не вся русская эмиграция поддерживала Гитлера. Уже в 1934 г. А.И. Деникин отводит несколько страниц своего доклада планам нацистов по захвату восточных территорий [4, с. 7-9]. В 1948 г. Р.Б. Гуль в письме Ильину упрекал его в том, что после прихода Гитлера к власти философ стал «прогитлеровцем», рекомендовал русским не смотреть на гитлеризм «глазами евреев» и «пел сему движению хвалу», и отмечал, что в итоге «категорически оказались правы те русские, которые смотрели на Гитлера «глазами евреев» [21].

В 1934 году сотрудничество Ильина с нацистами прекращается. О его увольнении из института известно из переписки: он был уволен, по его утверждению, из-за нежелания нести антисемитскую пропаганду [11, с. 241]. Хотя, как нами было выявлено выше, антисемитизм и так присутствовал в работах Ильина. В письмах А. Эрта, извещавших Ильина об увольнении, сообщалось, что ввиду «чисто немецкого состава членства» адресат, «к сожалению», вынужден исключить философа из списков Союза, а в ходе необходимой чистки признать утратившим силу его назначение на работу; при этом право заниматься научной деятельностью «не затрагивается» [17, с. 113]. В 1934 году Ильин из Германии не уезжает, публикует книгу «О России: Три речи» и продолжает работу.

В 1938 году Ильин уехал в Швейцарию [11, с. 242-243]. Там ему было запрещено ведение политической деятельности, поэтому он работал как публицист под псевдонимом «Петер Юст» [19, с. 133]. Центральная линия его публицистики того периода – идея агрессивности советского режима, стремящегося к мировой революции [13, с. 11].

После начала Великой Отечественной войны позиция Ильина оказалась двойственной. Начиная с 1938 года, он открыто пишет о стремлении Германии захватить восточные пространства. Однако война для него оставалась борьбой «русского» и «немецкого» духа. Свою позицию он выражал в том, что Советское

государство вынуждено «вооружиться… и одновременно ослабить остальной мир» [13, с. 59]; положение русского народа он называл «напряжённым и трагичным» [13, с. 61], но выражал надежду, что война «рано или поздно сбросит голову медузы с большевизма» [13, с. 84]. Он подчёркивал: «коммунисты обороняются от национал-социалистов», а «Россия обороняется от Германии»; он был убеждён, что коммунисты падут – либо от поражения, либо от внутреннего переворота, а в случае временного господства завоевателей Германия «эту войну уже проиграла» [16].

Прогноз Ильина о неизбежном поражении СССР не оправдался, а в его публицистике, составившей сборник «Гитлер и Сталин», обнаруживается внутреннее противоречие: большевики, по мысли философа, одновременно представлялись как сила, ослаблявшая и разрушавшая Россию, и как сила, вооружавшая страну и противостоявшая нацизму. Ильин чётко делил население СССР на «коммунистов» и «русских», исключая возможность отождествления или сосуществования идентичностей. На этом строился его конфликт с Н.А. Бердяевым, который ещё в 1930-е годы в книге «Истоки и смыслы русского коммунизма» указывал на глубокую связь коммунистической идеологии с традициями и судьбой России. В статье «Кошмар злого добра» Бердяев характеризовал Ильина как мыслителя, «чуждого лучшим традициям нашей национальной мысли», называя его «чуждым человека, иностранца, немца», не способным к отрешённости и спокойному мышлению, и заключал, что Ильин «обречён быть философом и моралистом тех слоёв русского общества, которые отодвинуты в прошлое и принуждены злобствовать» [2, с. 115].

В послевоенный период Ильин, сохраняя прежний идеологический курс, начал критиковать Гитлера, однако его позиция оставалась двойственной. В работе «Наши задачи» (1948) он характеризовал фашизм как «явление сложное, многостороннее», в котором есть «здоровое и больное». По его мнению, фашизм возник как «реакция на большевизм» и был «явлением здоровым, необходимым и неизбежным». Более того, «фашизм был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства». Вместе с тем фашизм совершил «глубокие и серьёзные ошибки», поэтому для подобных движений следует избирать «другое наименование». В качестве образца он указывал на режимы Франко и Салазара [9, с. 86-88].

В разделе «Стратегические ошибки Гитлера» он стремился размежеваться с нацизмом, характеризуя эпоху как время «рекламы», когда мнимая гениальность вождя сводится к «системе самого беззастенчивого пронырства, обмана и насилия» [9, с. 26]. Ильин прямо указывал, что Гитлер пошёл на Россию, «не зная русского народа… и его социальных отношений», и пытался «бороться сразу и с коммунистами, и с русским народом» [9, с. 28]. Бороться, по его мнению, нужно было в первую очередь с коммунистами, ведь «после большевиков – Германия есть главный национальный враг России» [9, с. 12]. При этом Ильин утверждал, что Гитлер пришёл к власти, потому что реванш стал осуществим, а осуществить его могли только крайние правые, и реванш Германии начался «при лукавой провокации Иосифа Джугашвили» [10, с. 221-222].

Таким образом, несмотря на послевоенное дистанцирование Ильина от германского национал-социализма, его позиция сохраняла двойственный

характер. Философ не только поддерживал режимы Салазара и Франко, но и продолжал отстаивать правоту фашизма как «здоровой» и «охранительной» силы. К числу документально подтверждённых положений относятся: поддержка Ильиным национал-социализма на этапе его становления, сотрудничество с институтом пропаганды нацистской Германии и последующая попытка реабилитации фашизма как «здоровой» правой тоталитарной диктатуры. Обращение к наследию Ильина требует взвешенного научного подхода, учитывающего исторический контекст его деятельности и системный анализ его текстов.

Литература

1. Арад, И. Холокост. Катастрофа Европейского Еврейства (1933–1945 гг.) / И. Арад. – Иерусалим : Яд ва-Шем, 1990. – 156 с.
2. Бердяев, Н. А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») / Н. А. Бердяев // Путь. – 1926. – № 4. – С. 103–116.
3. В РГГУ прокомментировали петицию против названия центра имени Ильина [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2024. – 19 апр. – URL: https://ria.ru/20240419/dugin-1940988773.html (дата обращения: 19.08.2025)
4. Деникин, А. И. Международное положение, Россия и эмиграция / А. И. Деникин. – Париж, 1934. – 15 с.
5. Дмитриева, Н. «Ой ты, участь корабля...», или Снова о «Философском пароходе» [Электронный ресурс] / Н. Дмитриева // Скепсис. – 2009. – URL: https://scepsis.net/library/id_2690.html (дата обращения: 21.03.2026)
6. Егор Холмогоров в защиту Ивана Ильина [Электронный ресурс] // Readovka.news. – URL: https://readovka.news/news/188622 (дата обращения: 20.08.2025)
7. Зубов, В. В. Политический транзит в Германии в 20–30 годы XX века / В. В. Зубов // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 58–63.
8. Изергина, В. П. Иван Ильин и Русский Обще-Воинский Союз / В. П. Изергина // Социально-политические науки. – 2013. – № 1. – С. 14–18.
9. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Кн. 1 / И. А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 1993. – 496 с.
10. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Кн. 2 / И. А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 1993. – 480 с.
11. Ильин, И. А. Собрание сочинений : Переписка двух Иванов (1935–1946) / И. А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 2000. – 576 с.
12. Ильин, И. А. Собрание сочинений : Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / И. А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 2001. – 560 с.
13. Ильин, И. А. Собрание сочинений : Гитлер и Сталин: публицистика 1939–1945 годов / И.А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 2004. – 624 с.
14. Ильин, И. А. Собрание сочинений : Русский колокол: Журнал волевой идеи / И. А. Ильин ; сост. Ю. Т. Лисица. – М. : ПСТГУ, 2008. – 856 с.
15. Ильин, И. А. Лекция «Die Hungersnot in Sowjetrussland...» [Электронный ресурс] // Научная библиотека МГУ. – URL: https://nbmgu.ru/pdf/?filename=F47/47-1-424.pdf (дата обращения: 20.08.2025)
16. Ильин, И. А. «Сентябрь 1941». Тезисы о России и неизбежном поражении Германии [Электронный ресурс] // Научная библиотека МГУ. – URL: https://nbmgu.ru/pdf/?filename=F47/47-1-674.pdf (дата обращения: 19.08.2025)
17. Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы : фотоальбом / сост. Ю. Т. Лисица. – М. : Русская книга, 1999. – 189 с.
18. Ларионов, В. А. Боевая вылазка в СССР : записки организатора взрыва Ленинградского центрального партклуба (июнь 1927 г.) / В. А. Ларионов. – Париж : Борьба за Россию, 1931. – 71 с.

19. Лисица, Ю. Т. Жизнь и деятельность И. А. Ильина в эмиграции / Ю. Т. Лисица // Русское зарубежье. – 2011. – № 1. – С. 118–142.
20. Михальченко, С. И. Русский научный Институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции / С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 4 (34). – С. 94–103.
21. Народная правда = La Verite du Peuple : двухнедельник / ред. Р. Гуль. – Париж, 1948. – 4 с.
22. Ширер, У. Л. Взлет и падение Третьего рейха / У. Л. Ширер. – Нью-Йорк : Саймон и Шустер, 1960. – 1249 с.
23. Steinbacher, S. Dachau – die Stadt und das Konzentrationslager in der NS-Zeit / S. Steinbacher. – München : P. Lang, 1993. – 289 S.

Осипова А. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. Н. рук. Шевченко Е.М.

Вопрос взаимодействия синтаксической структуры и семантического содержания занимает важное место в современной лингвистике. Для английского языка данная проблема особенно актуальна, поскольку аналитический характер языка приводит к тому, что многие смысловые отношения выражаются не морфологическими средствами, а порядком слов и синтаксической организацией предложения. В результате одна и та же синтаксическая позиция может реализовывать различные семантические функции [6].

Интерес к данной проблеме восходит ещё к трудам античных грамматистов, однако систематическое изучение соотношения формы и значения началось в XX веке с развитием структурной лингвистики и генеративной грамматики. В рамках теории управления и связывания Н. Хомского было предложено различать глубинные (семантические) и поверхностные (синтаксические) структуры, что позволило формально описать механизмы трансформации смысла при изменении порядка слов. Позднее, в когнитивной лингвистике, акцент сместился на то, как сам процесс понимания предложения зависит от взаимодействия синтаксических ориентиров и семантических ожиданий слушающего [2].

Под семантическими ролями понимаются функции участников ситуации по отношению к действию или состоянию. Наиболее распространёнными являются роли агенса, пациенса, экспериенцера, бенефактива, инструмента и локатива. Синтаксические позиции, в свою очередь, представляют собой формальные места компонентов предложения. Несмотря на тесную взаимосвязь, семантические роли и синтаксические позиции не совпадают полностью [5].

Разработанная Ч. Филлмором теория падежной грамматики предложила универсальный набор глубинных падежей (семантических ролей), которые, по его мнению, являются базовыми для всех языков и не зависят от поверхностного синтаксиса. В этой модели именно семантические роли управляют валентностью глагола, а синтаксические позиции рассматриваются как вторичные, производные от глубинного смыслового каркаса. Хотя падежная грамматика в чистом виде не стала общепринятой, она оказала значительное влияние на последующие исследования в области лексической семантики и компьютерной обработки естественного языка.

Подлежащее и сказуемое образуют структурное ядро английского предложения. В классической модели SVO подлежащее обычно предшествует сказуемому и часто выражает агенса. Однако в современном английском языке наблюдается значительная вариативность. В пассивных конструкциях подлежащее может выполнять роль пациенса, а в предложениях восприятия – роль экспериенцера. Это свидетельствует о гибкости английской синтаксической системы [5].

Кроме того, в последние десятилетия лингвисты отмечают постепенный сдвиг в сторону так называемой «конструкционной» грамматики, где основой

анализа признаётся не отдельное слово или правило, а целостная синтаксическая конструкция, которая сама по себе несёт определённое семантическое значение. Например, конструкция с двойным объектом (V + NP + NP) регулярно интерпретируется как передача объекта от агенса к бенефактиву, даже если глагол сам по себе не предполагает такой семантики. Это подтверждает, что синтаксическая форма активно участвует в формировании смысла наравне с лексическим наполнением [5].

Дополнение играет важную роль в передаче объектных отношений. Прямые дополнения чаще всего обозначают объект воздействия, тогда как косвенные дополнения указывают на адресата действия. В современных англоязычных текстах наблюдается тенденция к усложнению объектных групп за счёт использования распространённых определений и уточняющих конструкций [5].

Примечательно, что в английском языке различие между прямым и косвенным дополнением часто маркируется не падежными окончаниями (которые почти полностью утрачены), а строгим порядком слов: косвенное дополнение обычно предшествует прямому без предлога (как в ‘give him a book’) либо следует за ним с предлогом (‘give a book to him’). Выбор между этими двумя моделями зависит от рематического акцента, то есть от того, какая информация подаётся как новая, а какая – как уже известная. Это явление активно изучается в рамках информационной структуры предложения, которая тесно пересекается с семантико-синтаксической проблематикой [3].

Атрибутивные отношения позволяют детализировать характеристику предметов и явлений. Для английского языка характерно активное использование как препозитивных, так и постпозитивных определений. Особенно заметно это в научных и публицистических текстах, где определения выполняют не только описательную, но и классифицирующую функцию.

С точки зрения семантического веса, препозитивные определения в английском языке склонны к идиоматизации и образованию устойчивых терминологических сочетаний (например, *‘language acquisition device’* или *‘machine learning algorithm’*), тогда как постпозитивные определения, особенно причастные обороты и относительные придаточные, чаще используются для временной, ситуативной или уточняющей характеристики. *Так, в книге Стивена Хокинга «Краткая история времени» встречается постпозитивное определение в предложении: «A complete, consistent, unified theory is only the first step: our goal is a complete understanding of the events around us, and of our own existence»* (Hawking, 1988, Chapter 11). *В художественной литературе, например, в романе Джорджа Оруэлла «1984», также можно наблюдать постпозитивное определение: «The Ministry of Truth, which concerned itself with news, entertainment, education and the fine arts»* (Orwell, 1949, Part I, Chapter 1*).* Это различие имеет не только формальный, но и когнитивный аспект: при препозитивной атрибуции слушающий обрабатывает признак до основного понятия, что требует удержания информации в рабочей памяти, тогда как при постпозитивной атрибуции признак поступает уже после идентификации референта [11, 4].

Обстоятельства обладают наибольшей мобильностью среди членов предложения. Их расположение зависит от коммуникативной задачи автора.

Перемещение обстоятельства в начало предложения позволяет акцентировать внимание на временном, причинном или пространственном аспекте ситуации. *Например, в научно-популярной книге Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» встречается предложение с обстоятельством в начале: «In the beginning there was simplicity» (*Dawkins, 1976, Chapter 2*). В публицистике, например, в книге Билла Брайсона «Краткая история почти всего на свете», можно найти обстоятельство в инициальной позиции: «Most of us, when we think of volcanoes, think of the classic cone shapes of a Fuji or Kilimanjaro»* (Bryson, 2003) [2].

Исследования корпусной лингвистики показывают, что в письменной речи обстоятельства времени и места значительно чаще выносятся в начальную позицию, чем в разговорной, где они тяготеют к концу предложения. Это связано с более высокой степенью планирования высказывания в письменном дискурсе, где автор заранее задаёт пространственно-временные рамки для последующей информации. Кроме того, в академических текстах обстоятельства причины и условия нередко занимают инициальную позицию для реализации логической аргументации, что превращает их из факультативных членов в важные организующие элементы текстовой структуры. *В книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» концептуальная метафора TIME AS SPACE (время как пространство) используется для объяснения того, как человек воспринимает время через пространственные категории* (Lakoff & Johnson, 1980) [9].

Рассмотрим пример: *'The research team developed a new method for language analysis*.' Подлежащее research team выступает агенсом, сказуемое developed обозначает действие, а дополнение method выполняет роль пациенса. В пассивном варианте 'A new method was developed by the research team' синтаксическая позиция подлежащего переходит к пациенсу, тогда как агенс выражается предложной группой. Подобные трансформации демонстрируют, что смысловые отношения сохраняются даже при изменении формальной структуры предложения.

Важно отметить, что выбор между активным и пассивным залогом в английском языке не является случайным или стилистически нейтральным. Он, как правило, определяется принципом топикализации, то есть выдвижением в позицию подлежащего того участника, который служит темой высказывания. Если в дискурсе уже шла речь о новом методе, то пассивная конструкция оказывается более естественной, поскольку позволяет сохранить тематическую непрерывность, не вводя нового агенса в сильную позицию. Таким образом, синтаксическая трансформация подчиняется более глобальным стратегиям организации дискурса, а семантические роли остаются неизменными на глубинном уровне.

В то же время наблюдается любопытный эффект обратного влияния: некоторые упрощённые синтаксические модели из цифровой среды постепенно проникают в менее формальные жанры письменной речи, такие как блоги, комментарии и электронная деловая переписка. Это приводит к появлению гибридных конструкций, где, например, отсутствие подлежащего в начальной позиции (‘Don’t know about that’) становится допустимым даже в письменных текстах, что раньше было характерно исключительно для разговорной речи. Такие

изменения вызывают активную дискуссию среди нормалистов и дескриптивистов, поскольку они затрагивают фундаментальное соотношение между синтаксической полнотой и семантической достаточностью высказывания.

Проведённый анализ показывает, что семантико-синтаксическая организация английского предложения представляет собой сложную систему взаимодействия формы и содержания. Синтаксические позиции не имеют жёсткой привязки к определённым семантическим ролям, что обеспечивает гибкость языковой системы. Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к изучению английского синтаксиса с учётом как структурных, так и смысловых характеристик [6].

Дальнейшие перспективы исследований в этой области связаны с применением методов машинного обучения и нейросетевых моделей, которые позволяют автоматически извлекать семантические роли из больших текстовых массивов на основе синтаксической разметки. Такие подходы, с одной стороны, подтверждают теоретические выводы о нежёсткости связей между позицией и ролью, а с другой – выявляют статистически значимые корреляции, которые ранее не были очевидны для лингвистов-интуитивистов. Кроме того, сравнительные исследования английского языка с другими аналитическими и синтетическими языками позволяют глубже понять, в какой степени описанная гибкость является универсальной, а в какой – обусловлена именно спецификой английской грамматической системы. Это открывает новые горизонты как для теоретической лингвистики, так и для прикладных областей, включая автоматический перевод и обучение иностранным языкам.

Таблица 1. – Соотношение синтаксических позиций и семантических ролей:

Синтаксическая позиция	Типичная роль	Возможные варианты
Подлежащее	Агенс	Пациенс, экспериенцер
Дополнение	Пациенс	Инструмент, результат
Определение	Характеристика	Классификация
Обстоятельство	Время/место	Причина, цель, условие

Литература

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 304 с.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 499 p.
4. Dowty D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection / D. Dowty // Language. – 1991. – Vol. 67, no. 3. – P. 547–619.
5. Fillmore C. J. The Case for Case / C. J. Fillmore // Universals in Linguistic Theory / ed. by E. Bach, R. T. Harms. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–88.
6. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
7. Брайсон Б. Краткая история почти всего на свете / Б. Брайсон ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2016. – 640 с. (Оригинал: Bryson B. A Short History of Nearly Everything. – London : Black Swan, 2003. – 624 p.)

8. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2018. – 512 с. (Оригинал: Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford : Oxford University Press, 1976. – 224 p.)
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с. (Оригинал: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 256 p.)
10. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М. : АСТ, 2020. – 320 с. (Оригинал: Orwell G. Nineteen Eighty-Four. – London : Secker & Warburg, 1949. – 312 p.)
11. Хокинг С. Краткая история времени / С. Хокинг ; пер. с англ. – СПб. : Амфора, 2001. – 268 с. (Оригинал: Hawking S. A Brief History of Time. – New York : Bantam Books, 1988. – 198 p.)

Плетеник А. И. КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ФОНЕ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ. Н. рук. Счастливенко Т.В.

В современной мировой экономике конкурентоспособность национального хозяйства всё меньше зависит от обладания природными ресурсами и всё больше – от способности создавать и внедрять новые знания и технологии. Конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, территорий, стран предстает, с одной стороны, главной характеристикой их жизнеспособности и эффективности в мировой экономике, а с другой – целевым ориентиром для национальных и региональных сообществ относительно уровня и качества жизни человека как потребителя благ, а не только как источника трудовых ресурсов [2, с.8]. В последние годы для России данная проблема приобрела особую значимость в условиях санкционных ограничений, нарушения сложившихся внешнеторговых связей и объективной потребности в структурной перестройке национальной экономики. По данным Международного института управления развитием (IMD), с 2021 по 2024 год Россия опустилась в мировом рейтинге конкурентоспособности с 45-й на 50-ю позицию [10]. Несмотря на сложности, российская экономика постепенно приспосабливается к новым реалиям. Промышленное производство, пострадавшее в 2022 году, в 2023–2024 годах демонстрировало устойчивый рост, особенно в обрабатывающих отраслях.

Важно понимать: экономика может расти количественно, но при этом не меняться качественно. Увеличение выпуска в одних отраслях и стагнация в других – не одно и то же, что структурная модернизация. Именно поэтому за макроэкономическими показателями нужно видеть, что происходит с технологиями, производительностью и инновациями.

Ключевым индикатором технологического развития страны является доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте. Данные Росстата за 2016–2025 гг. (табл. 1) свидетельствуют о положительной динамике: за десять лет показатель вырос с 21,3% до 25,3% [7]. Однако этот рост нельзя назвать устойчивым: после аномального скачка до 25,0% в пандемийном 2020 году (связанного с перераспределением спроса, а не с реальным технологическим прорывом) последовало снижение до 21,9% в 2022 году, и лишь затем началось постепенное восстановление. К 2025 году показатель достиг 25,3%, но этого явно недостаточно для преодоления разрыва с технологическими лидерами, где доля высокотехнологичных отраслей в ВВП составляет 30–40%.

Таблица 1. – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России (2016–2025 гг.), %

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022[1]	2023[1]	2024[1]	2025[1]
Доля	21,3	21,8	21,3	22,2	25,0	22,9	21,9	23,7	24,2	25,3

Источник: [7]

[1] 2022–2025 гг. – без учёта статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям.

Для наглядной оценки динамики доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России на рисунке 1 представлен линейный график, отражающий изменение показателя в 2016–2025 гг.

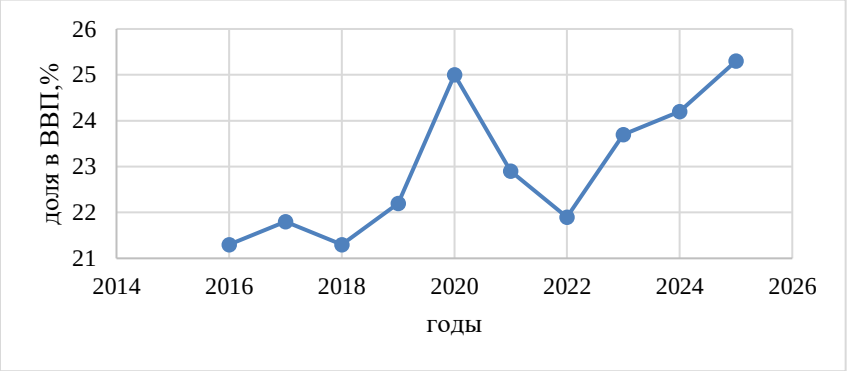

Рисунок 1. – Динамика доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России (2016–2025 гг.), %

Как видно из графика, тренд не является линейным: аномальный пик 2020 года (25,0%) сменился спадом в 2021–2022 гг., после чего началось постепенное восстановление. К 2025 году показатель достиг 25,3%, превысив допандемийный уровень.

Более детальную картину структурных изменений даёт анализ динамики обрабатывающих производств. По данным Института экономики РАН, в 2022–2024 гг. наблюдалась ярко выраженная дифференциация: одни отрасли демонстрировали кратный рост, другие – глубокий спад (табл. 2). Бесспорными лидерами стали производства, связанные с оборонно-промышленным комплексом: выпуск компьютеров и электронных изделий за три года вырос почти вдвое (индекс 196,0% к 2021 г.), готовых металлических изделий – почти в 2,6 раза (261,0%). Напротив, гражданские высокотехнологичные отрасли, такие как автомобилестроение, так и не восстановились после спада 2022 года (75,0% от уровня 2021 г.).

Таблица 2. – Лидеры и аутсайдеры обрабатывающих производств в России в 2022–2024 гг. (индексы производства, % к предыдущему году)

Отрасль	2022	2023	2024	2024 к 2021
Лидеры				
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	109,4	139,4	128,8	196,0
Производство готовых металлических изделий	113,4	126,4	135,3	261,0
Производство прочих транспортных средств (включая летательные аппараты)	–	125,5	129,6	164,0
Аутсайдеры				
Производство автотранспортных средств	55,8	116,0	116,5	75,0
Производство металлургическое	–	–	98,8	101,0
Производство табачных изделий	93,1	89,8	97,2	81,0

Источник: составлено по данным [4]

Как отмечается в докладе Института экономики РАН, структурные изменения в российской экономике в 2022–2024 гг. носили характер

вынужденной адаптации, а не системной модернизации. Наиболее заметный рост доли в валовой добавленной стоимости показало государственное управление и обеспечение военной безопасности – с 6,9% в 2021 г. до 8,7% в 2024 г. При этом доля обрабатывающих производств осталась на уровне 14,6%, а добычи полезных ископаемых снизилась с 13,3% до 11,8%. Таким образом, «как показал проведенный анализ, существенной структурной трансформации российской экономики пока не наблюдается. При этом происходящие структурные изменения нельзя рассматривать как результат реализации структурной политики, сориентированной на достижение стратегических целей развития» [4, с.65].

Модернизация российской экономики не может ограничиваться совершенствованием только техники и технологий, оптимизацией производственных процессов. Модернизация должна быть направлена и на структурные, управленческие, институциональные преобразования в национальной экономике, что будет способствовать повышению глобальной конкурентоспособности России [9, с.87].

Страны, заблаговременно наращивающие свой научно-технический и производственный потенциал в перспективных направлениях формирования нового технологического уклада, приобретают принципиальные конкурентные преимущества [5, с. 285]. Когда в мировой экономике разворачивается структурный кризис, сопровождающий смену технологического уклада, именно реализация этих преимуществ даёт странам и предприятиям шанс перейти к опережающему росту. Такой рост позволяет им не догонять конкурентов, а сразу их опережать – благодаря постоянно растущим конкурентным преимуществам.

Ключевыми проблемами остаются низкая инновационная активность (внутренние затраты на НИОКР составляют лишь 1,0% ВВП против 3,5% в США). Объем внутренних затрат на НИОКР в РФ должен увеличиться до 2% ВВП к 2030 году. Большую часть этой задачи (80%) придется решить отечественному бизнесу. Но это возможно только при условии государственной поддержки [8]. Кроме того, ощущается нехватка квалифицированных кадров и инвестиционных средств. Национальные проекты в сфере технологий и проекты по достижению технологического суверенитета призваны стать опорой для перехода к новой модели роста, но пока говорить об их реальной эффективности рано.

Россия располагает значительным потенциалом для опережающего развития: высокий уровень образования населения, квалифицированные кадры, собственные научные школы, крупные сбережения, подлежащие трансформации в инвестиции. Однако реализация данного потенциала напрямую зависит от институциональных условий. Без формирования предсказуемых правил для бизнеса, независимой судебной системы и эффективной конкурентной среды ни финансовые ресурсы, ни технологические разработки не обеспечат долгосрочного экономического роста.

Литература

1. Арзуманян А.Г., Арзуманян К.Р. Оценка конкурентоспособности российской экономики [Электронный ресурс] // Экономика и управление. – 2021. – № 3 (58). – С. 46–50. – Режим доступа: https://epomen.ru/issues/2021/58/05.pdf

2. Курнышева И.Р., Сеченова В.В. Россия в конкурирующем мире // Конкурентоспособность России как стратегическое направление развития / Под ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: Институт экономики РАН, 2010. – С. 8–33.
3. Курнышева И.Р., Сеченова В.В. Новые вызовы конкурентоспособности экономики России // Конкурентоспособность России как стратегическое направление развития / Под ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: Институт экономики РАН, 2010. – С. 33–43.
4. Ленчук Е.Б. Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации [Электронный ресурс]. – М.: Институт экономики РАН, 2025. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/2025/Lenchuk_paper_2025.pdf
5. Минченкова О.Ю. Факторы конкурентоспособности российской экономики [Электронный ресурс]. – М.: Институт экономики РАН, 2010. – Режим доступа: https://cntr.gov.ru/upload/iblock/079/079129d4d64d8eb71ce8a07710ebc627.pdf
6. Портер М. Конкурентоспособность на глобальном уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/lJH6avLnboqa.pdf
7. Росстат. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте Российской Федерации (по ОКВЭД2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru
8. Российская газета. Эксперты МАЭФ назвали технологии двигателем экономики [Электронный ресурс]. – 2026. – 31 мая. – Режим доступа: https://rg.ru/2026/05/31/vyjti-v-lidery.html
9. Чувакина В.С. Новая индустриальная модернизация и повышение конкурентоспособности российской экономики // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 84–88.
10. IMD World Competitiveness Center. World Competitiveness Ranking [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/

Подгорнева А. В. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Н. рук. Шевченко Е. М.

Морфология как раздел языкознания, изучающий структуру слова и систему его форм, остаётся ключевой областью теоретической и прикладной лингвистики. Особый интерес представляет морфологический строй английского языка, который в ходе исторического развития приобрёл ярко выраженные аналитические черты, отличающие его как от родственных германских языков, так и от большинства индоевропейских языков, включая русский [8]. Актуальность исследования обусловлена не только теоретической значимостью типологической характеристики английского языка, но и практическими потребностями преподавания, а также необходимостью систематического описания новых морфологических явлений, возникающих в современной коммуникации.

В работе использованы следующие методы: описательный метод, метод лингвистического анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод количественного подсчёта, а также элементы корпусного анализа (статистическая обработка словоформ, частотный анализ аффиксов и грамматических конструкций). Количественные данные получены путём ручной разметки и подсчёта единиц в сформированном мини-корпусе (820 словоупотреблений) с последующей верификацией по данным корпусов современного английского языка (COCA, BNC) [1, 2].

В типологической классификации принято разграничивать четыре основных морфологических типа: изолирующие (корневые), агглютинативные, флективные и инкорпорирующие (полисинтетические). Английский язык занимает промежуточное положение между изолирующим и флективным типами с явным преобладанием аналитизма [6]. Исторически древнеанглийский период (VI–XI вв.) характеризовался развитой флективной системой: существительные имели четыре падежа, три рода и два числа; глагол обладал разветвлённой системой личных окончаний. Однако под влиянием внешних факторов (скандинавские нашествия, нормандское завоевание 1066 года) произошло разрушение флексий, и к новоанглийскому периоду сформировалась современная морфологическая система. Грамматические значения времени, залога и наклонения передаются аналитическими конструкциями с вспомогательными глаголами, а синтаксические отношения выражаются порядком слов и предлогами [3; 4].

В системе частей речи традиционная грамматика выделяет существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, предлог, союз, артикль, частицу и междометие [7]. Существительные в английском обладают двумя морфологическими категориями: числом (единственное/множественное) и падежом (общий/притяжательный) [5]. Глагол имеет категории времени, наклонения, залога, лица и числа [6]. Артикль (определённый *the* и неопределённый *a/an*) отсутствует в русском языке.

Словообразовательная система английского языка отличается разнообразием и продуктивностью. Основными способами словообразования в английском языке являются аффиксация (присоединение приставок и

суффиксов), словосложение (образование новых слов из двух или более основ), конверсия (переход слова из одной части речи в другую без изменения формы), а также сокращение (аббревиация и усечение). Аффиксация включает продуктивные суффиксы существительных (*-tion/-sion, -ment, -ness, -ity*), прилагательных (*-able/-ible, -ful, -less*), глаголов (*-ize/-ise, -ify, -en*) и наречий (-ly). Префиксы выражают отрицание (*un-, in-/im-, dis-*), временные (*pre-, post-, re-*) и пространственные отношения (*over-, under-, inter-*) [9]. Словосложение, конверсия и сокращение обеспечивают постоянное пополнение лексического состава. Особую роль играет конверсия, которая обеспечивает образование значительной части новых слов в современном английском языке [10].

Материалом для практического анализа послужили две статьи публицистического стиля 2025 года (World Economic Forum и The Merchant's News) общим объёмом 820 словоупотреблений (448 уникальных лексем, 42 предложения). Количественный подсчёт проводился вручную с последующей проверкой на соответствие данным корпусов COCA и BNC [1, 2].

Формы множественного числа существительных. Из 79 форм множественного числа регулярные (*-s/-es*) составили 91,2% (72 случая: *innovations, costs, technologies, challenges*). Нерегулярные формы представлены 8,8% (7 случаев): *countries, economies, strategies* (чередование *-y → -ies*) и единичные исключения *analysis → analyses, crisis → crises*.

Глагольные формы. Из 165 глагольных словоупотреблений аналитические формы (с вспомогательными глаголами *is, are, have, will, would, could* и др.) составили 57,6%, синтетические (окончание -ed, форма 3-го лица ед. ч. на -s) – 42,4%. Наиболее частотны формы на *-ing* (50 случаев): *adding, creating, reshaping, transitioning*. Формы на *-ed* зафиксированы 26 раз. Высокая частотность вспомогательных глаголов (45 случаев) подтверждает аналитический характер языка.

Аффиксальный состав. Наиболее частотным оказался суффикс *-tion/-sion* (2,3% всех словоупотреблений): *action, adaptation, transition, transformation, innovation*. Далее следуют *-ly* (2,7%: *annually, economically, uniquely*), *-al* (2,2%: *global, environmental, artificial*), *-ity* (0,7%: *sustainability, uncertainty, complexity*). Среди префиксов доминирует *in-/im-*(4,4%: *impact, implications, interconnected*), затем *re-* (2,8%: *recovery, reduce, reshape*), *un-* (1,1%: *unpredictable, unlocking*). Преобладание латинских префиксов отражает высокую долю романо-латинской лексики в аналитическом и экономическом дискурсе.

Притяжательный падеж и сложные слова. Зафиксированы три формы притяжательного падежа (*world's, Europe's, country's*). Выявлены шесть дефисных сложных слов (*climate-friendly, net-zero, long-term, second-largest*), функционирующих в позиции препозитивного определения.

Сопоставление морфологических систем английского и русского языков выявляет принципиальные различия по ряду ключевых категорий.

Категория падежа. В русском языке шесть падежей, выражаемых разветвлённой системой флексий существительных, прилагательных и местоимений. В английском языке падежная система сведена к двум падежам: общему (не маркированному) и притяжательному (маркированному апострофом

и -s). Грамматические отношения, передаваемые в русском языке падежами, в английском выражаются порядком слов и предлогами.

Категория рода. В русском языке каждое существительное принадлежит к одному из трёх грамматических родов (мужской, женский, средний), что морфологически выражается окончаниями согласованных слов. В английском языке грамматический род у существительных отсутствует; выбор личного местоимения третьего лица определяется исключительно естественным полом референта (*he* – для мужчин, *she* – для женщин, *it* – для неодушевлённых предметов).

Глагольная система. Русский глагол изменяется по лицам, числам, временам, родам (в прошедшем времени) и видам (совершенный / несовершенный вид). Английский глагол имеет минимальные личные окончания (только -s в 3-м лице единственного числа настоящего времени), а категория, функционально близкая к виду, реализуется аналитическими формами Continuous и Perfect.

Категория артикля. Артикль (определённый *the* и неопределённый *a/an*) присущ английскому языку и полностью отсутствует в русском. Выбор артикля определяется сложной совокупностью факторов: контекстуальным статусом референта (новое / данное), его уникальностью, наличием определения и другими прагматическими условиями.

Герундий. Ещё одним специфическим явлением английского языка, не имеющим прямого аналога в русском, является герундий – отглагольная форма на *-ing*, совмещающая свойства глагола и существительного. Конструкции с герундием не имеют точных структурных параллелей в русском языке.

Проведённое исследование подтвердило, что современный английский язык является аналитическим по своему морфологическому типу: аналитические глагольные формы преобладают над синтетическими (57,6% против 42,4% в проанализированных текстах), регулярные формы множественного числа составляют 91,2%, а словообразовательная система демонстрирует высокую продуктивность аффиксов и конверсии [4, 5]. Сравнительный анализ с русским языком выявил ключевые различия в категориях падежа, рода, вида и артикля, которые должны учитываться в образовательном процессе.

Литература

1. BNC Consortium. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition). – Oxford: Bodleian Libraries, University of Oxford, 2007. – URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/
2. Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 560 million words, 1990–present. – URL: https://corpus.byu.edu/coca/
3. Stern N. Какова роль ИИ в климатическом переходе? / N. Stern, M. Romani // World Economic Forum. – 2025. – Режим доступа: https://weforum.org/stories/2025/01/artificial-intelligence-climate-transition-drive-growth/.
4. Prandelli G. Глобальная экономика в 2025 году: понимание мира торговых войн и борьбы за ресурсы / G. Prandelli // The Merchant’s News. – 2025. – Режим доступа: https://themerchantsnews.substack.com/p/the-global-economy-in-2025.
5. Абулайсова Н. А. Продуктивные способы словообразования в английском языке на основе конверсии / Н. А. Абулайсова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/produktivnye-sposoby-slovoobrazovaniya-v-angliyskom-yazyke-na-osnove-konversii.

6. Аматов А. М. Синергетический взгляд на морфологию английского языка / А. М. Аматов // Вестник Чувашского университета. – 2010. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskiy-vzglyad-na-morfologiyu-angliyskogo-yazyka.
7. Аматов А. М. Синергетические механизмы эволюции в морфологии английского языка / А. М. Аматов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskie-mehanizmy-evolyutsii-v-morfologii-angliyskogo-yazyka.
8. Бельмесова М. О. Различные классификации частей речи: теоретические аспекты (на материале английского языка) / М. О. Бельмесова // Colloquium-journal. – 2020. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-klassifikatsii-chastey-rechi-teoreticheskie-aspekty-na-materiale-angliyskogo-yazyka.
9. Ермоленко О. В. Морфологические средства выражения отрицания в английском языке / О. В. Ермоленко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskie-sredstva-vyrazheniya-otritsaniya-v-angliyskom-yazyke.
10. Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие / Л. А. Козлова. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-kozlova-l-a-sravnitelnaya-tipologiya-angliyskogo-i-russkogo-yazykov-uchebnoe-posobie-l-a-kozlova-barnaul-altgpu-2019.

Семенихина С.А. **ФЕТЫ И ИХ СТАТУС В ПОЭМАХ ГОМЕРА.**
Н. рук. Семичева Е.А.

В условиях глобализации исследователи всё чаще обращаются к социальной природе маргинальности и неравенства. М.Д. Напсо рассматривает процессы адаптации и интеграции маргиналов в новый социокультурный контекст как одну из наиболее актуальных проблем социального познания [5]. Для более глубокого понимания этих явлений целесообразно обратиться к античным источникам, в частности к поэмам Гомера, которые позволяют обнаружить исторические параллели в положении маргинальных групп. Особого внимания среди таких категорий населения заслуживают феты (от греч. θής – «пленный», «покорённый», а также λάτρις – «раб», «слуга») – категория зависимого населения в Древней Греции. Они находились в подчинённом положении и работали на владельцев, часто в качестве личных или сельскохозяйственных рабов. Терминология и употребление этих слов могли варьироваться в разных исторических контекстах, но все они обозначали людей, экономически и социально зависимых от своих хозяев.

В рамках классической для советской историографии модели К.М. Колобова и Л.М. Глускина в «Очерках истории Древней Греции» представляют фетов (θῆτες) как особую категорию зависимого населения, оказавшуюся вне рамок традиционной общинной структуры. Эти люди лишились земельного надела (клера) и правового статуса в общине, утратив возможность участвовать в народных собраниях и религиозных обрядах [3]. Их называли «безродными» и «чужаками» – они были социально маргинализированы, жили без постоянного жилья и прав, существуя за счёт подённого труда и случайных заработков. Причинами их положения могли быть бедность, долговая кабала или бегство из-за кровной мести. Они трудились на полях знати, выполняли домашнюю работу, а оплату получали преимущественно натурой. При этом хозяева нередко нарушали договорённости, что обостряло зависимость фетов (θῆτες) и толкало их к нищенству.

Похожие акценты делает Е. В. Свенцицкая, описывая фетов (θῆτες) как поденщиков, нанимавшихся за еду и одежду, прежде всего на сельскохозяйственные работы. Она подчёркивает крайнюю неустойчивость их положения: несмотря на формальную свободу, они были лишены защиты и правовых гарантий. Более того, по мнению Е. В. Свенцицкой, феты (θῆτες) находились в худшем положении, чем рабы (δοῦλοι), состоявшие под покровительством влиятельных хозяев, как, например, Евмей [6]. Этот парадокс формальной свободы и фактической уязвимости присутствует и в зарубежной историографии этого времени. В частности, М. Финли указывает, что статус свободного фета (θήτος) не обеспечивал ни стабильности, ни безопасности [1]. Напротив, раб (δοῦλος), включённый в ойкос (οἶκος), мог рассчитывать на защиту и определённый социальный порядок. Таким образом, личные связи и встроенность в хозяйственно-родовую систему часто оказывались важнее абстрактной свободы.

В работе И. А. Шишовой «Раннее законодательство и становление рабства в Древней Греции» подчёркивается, что термины фет (θής) и слуга (λάτρις)

обозначали свободных, но обедневших людей, вынужденных наниматься на работу за плату [7]. Эти категории населения занимали промежуточное положение между полноправными гражданами и рабами (δοῦλοι). Однако со временем слово слуга (λάτρις) приобрело пренебрежительный оттенок у знати, а позднее и сам термин «фет» (θής) стал ассоциироваться с униженным положением. Автор также отмечает, что с развитием социальной дифференциации и усилением крупного землевладения часть фетов (θητῶν) утрачивала реальную независимость, сближаясь с дворовыми рабами (οἰκέται) и пенестами (πενέσται).

В «Илиаде» и «Одиссее» феты (θῆτες) – это люди, оказавшиеся в зависимости, чаще всего в результате утраты свободы. Они не имели права на передвижение и использовались в различных сферах: от сельскохозяйственного и домашнего труда до сопровождения господ и участия в боевых действиях. Однако, в отличие от рабов (δοῦλων) более позднего времени, феты (θῆτες) могли сохранять некоторые права, например, быть вооружёнными и сражаться.

Ю. В. Андреев, исследующий структуру хозяйства гомеровской эпохи, отмечает, что феты (θῆτες, подёнщики) трудились в богатых ойкосах наряду с рабами (δοῦλοι) и слугами (θεράποντες). Однако, в отличие от раба (δούλου) или домашнего слуги (θεράποντος), фет (θής) не был встроен в хозяйство как постоянный его элемент, а его положение определялось скорее временной экономической зависимостью. Ю. В. Андреев подчёркивает, что упоминания фетов (θητῶν) в поэмах носят отрывочный и редкий характер, что затрудняет построение целостной картины их статуса [2]. Он осторожен в выводах и отмечает, что нет достаточных оснований считать фетов (θῆτας) оформленным классом эксплуатируемого населения. Их социальное положение остаётся промежуточным – между свободными и рабами (δοῦλοις), но не вполне устоявшимся ни в правовом, ни в экономическом отношении.

Эту позицию отчасти разделяет М. Ю. Лаптева, рассматривая фетов (θῆτας) как часть иерархически организованного ионийского общества, где наряду с аристократией и свободными земледельцами существовали различные категории зависимого населения [4]. По её мнению, феты (θῆτες) изображаются в гомеровских поэмах преимущественно в контексте сельскохозяйственного труда, что указывает на их интеграцию в хозяйственную жизнь полиса (πόλις). При этом М. Ю. Лаптева выделяет, что феты (θῆτες) не составляли отдельной социальной или профессиональной группы – они не вовлечены в торговлю или военное дело, а их отличие от рабов (δοῦλων) заключалось скорее в характере и условиях труда, чем в правовом статусе.

Таким образом, обе исследовательские позиции подчеркивают, что феты (θῆτες) были частью зависимых слоёв общества, выполнявших важные функции в аграрной экономике, но их правовой статус и социальная идентичность оставались неустойчивыми и слабо институционализированными.

Несмотря на скудность прямых упоминаний термина θής в поэмах Гомера, «Илиада» и «Одиссея» дают важный материал для реконструкции их положения. В этих эпических произведениях проявляется различие между полноправными членами общества и зависимыми людьми, которые занимают промежуточное положение между рабами (δοῦλοις) и свободными. Феты (θῆτες) – это те, кто по

нужде или по договору поступали в услужение к более сильному и богатому человеку.

Одним из наиболее ярких фрагментов, где упоминается фет, является речь Ахилла. Одиссей, спустившись в подземное царство, встречает тень Ахилла, который говорит:

«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик (θής), работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый».
(Hom. Od. XI. 487)

Здесь поденщик (θής) противопоставлен умершему герою. Смысл этого отрывка глубоко символичен: даже самое низкое, зависимое положение среди живых предпочтительнее славной, но бессильной посмертной участи. Этот эпизод является ключевым для понимания социальной иерархии в гомеровском обществе. Поденщик (θής) – это не раб (δοῦλος), но и не свободный член общины. Это человек, находящийся в услужении, выполняющий хозяйственные функции в обмен на кров и еду, лишённый земли и политических прав.

Показательно, что поденщик (θής) ассоциируется с нуждой, бедностью и отсутствием выбора. В этой связи важно отметить, что в «Одиссее» описано, как некоторые люди вынуждены поступать на службу к другим по добровольному договору, – зачастую из-за потери земли или невозможности содержать себя:

«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь».
(Hom. Od. XVIII. 357)

С другой стороны, термин λάτρις – более редкий в поэмах, но имеющий значение «слуга» или «работник». Он появляется, например, в «Илиаде», где говорится о людях, работающих в поле:

«Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники (λάτρις), острыми в дланях серпами сверкая».
(Hom. Il. XVIII. 550)

Исследователи отмечают, что термины слуга (λάτρις) и поденщик (θής) могли быть взаимозаменяемыми в гомеровскую эпоху, отражая не столько чётко установленный правовой статус, сколько социальную функцию.

Интересно также замечание о предпочтениях Одиссея при выборе людей в своё окружение: он особенно ценит Евмея и Филетия – преданных слуг, находящихся с ним не столько по принуждению, сколько из личной верности. Их можно сравнить с фетами (θῆτες), так как они живут при дворе, трудятся и получают пропитание и покровительство, но при этом не являются рабами (δοῦλοι) в прямом смысле. Исследователи указывают, что такие фигуры занимают промежуточное положение между свободой и рабством и воплощают ту категорию зависимых, которую Гомер обозначает термином поденщик θής [7].

Таким образом, анализ поэм Гомера позволяет утверждать, что феты (θῆτες) существовали как особая категория зависимого населения. Они

выполняли трудовые функции, получали за это кров и пищу, но не имели политических прав. Их положение носило личностный и договорной характер, отличаясь от рабского (δουλείας) тем, что они сохраняли определенную автономию, даже если экономически были несамостоятельны.

Упоминания поденщиков (θής) и смежных категорий в «Илиаде» и «Одиссее» выполняют не только описательную, но и символическую функцию. Они обозначают низшую ступень в социальной иерархии гомеровского мира, противопоставленную героизму и власти, но при этом не сводимую к рабству (δουλεία). Это указывает на существование в обществе Гомера промежуточных форм зависимости между свободой и полным порабощением.

В гомеровском обществе феты (θῆτες) представляли собой маргинализированную категорию населения, утратившую земельный надел и правовой статус в общине. Формально свободные, они трудились наравне с рабами (δοῦλοις), но без их защищённости и стабильности, что делало их положение зачастую более бедственным.

Несмотря на редкость упоминаний термина поденщик θής, поэмы Гомера, особенно эпизоды с речью Ахилла или персонажи вроде Евмея и Филетия, демонстрируют сложность статуса фетов (θητῶν) – от крайней маргинализации до сочетания подчинённости с верностью и правосубъектностью. Это демонстрирует незавершённость социальной стратификации в гомеровскую эпоху, когда чёткая правовая категория рабства (δουλείας) ещё не оформилась.

Литература

1. Finley M. I. The Ancient Economy. – London, 1973. – 219 p.
2. Из материалов защиты докторской диссертации 15 ноября 1979 года. Исторический факультет ЛГУ. [Выступления официальных оппонентов и ответы Ю. В. Андреева на их отзывы] к работе Ю. В. Андреева «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI–VIII вв. до н. э.». – С. 440.
3. Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. – Л.: Учпедгиз, 1958. – 347 с.
4. Лаптева М.Ю. Гомер и «Темные века» Ионии [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2008. – №4. Ч. I. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gomer-i-temnye-veka-ionii.
5. Напсо М.Д. Маргинальность как характеристика современного мира [Электронный ресурс]. // Социодинамика. 2019. №6. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-kak-harakteristika-sovremennogo-mira
6. Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее» [Электронный ресурс]. // Вестник древней истории. – 1976. – № 4. – Режим доступа: https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/15066/1/И.С._Свенцицкая_Вестник_1976_1.pdf
7. Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. – 224 с.

Силютина В. С. **ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.**
Н. рук. Счастливенко Т.В.

В последние годы система международных экономических отношений вступила в фазу глубокой трансформации. Либеральные подходы к организации мировой торговли постепенно уступают место усилению протекционистских тенденций. Как отмечается в исследовании Т.Е. Кочергиной, политика протекционизма, проводимая США, усиливает турбулентность в международной торговле и провоцирует изменение «правил игры» на мировой арене [12].

Под торговой войной в наиболее общем виде понимается ситуация, при которой два или более государства пытаются нанести ущерб торговле друг друга с помощью различных ограничительных мер. По мнению К.К. Вологжаниной, торговая война представляет собой соперничество государств на международной арене, носящее экономический характер [6]. Важно разграничивать торговую войну и обычные торговые споры: торговая война характеризуется эскалацией, взаимностью мер и намерением нанести ущерб.

Истоки торговых войн уходят в эпоху меркантилизма [20]. Политика протекционизма определялась как часть государственной экономической политики, направленная на обеспечение преобладания отечественной промышленности на внутреннем рынке [14]. Переломным моментом стала критика меркантилизма Адамом Смитом, приведшая к формированию фритредерства. Однако в XIX веке в большинстве стран Западной Европы и США был характерен «защитный» протекционизм, а позднее – «наступательный» протекционизм, нацеленный на завоевание внешних рынков [14].

Особый научный интерес представляет концепция «воспитательного протекционизма» Фридриха Листа, предполагавшая временную защиту молодых отраслей национальной промышленности до достижения ими конкурентоспособности. Как обосновывает Ю.П. Господарик, современный этап торговых противостояний отличается активизацией протекционистской политики вне прямой связи с циклическими кризисными явлениями [7].

Современные торговые конфликты реализуются с применением тарифных и нетарифных ограничений. К тарифным инструментам относятся импортные и экспортные пошлины, тарифные квоты. Т.Е. Кочергина отмечает, что тарифные меры проявляются в форме «тарифных пиков» – значительно повышенных ставок пошлин на отдельные товарные группы [12]. Нетарифные инструменты включают количественные ограничения, санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры, субсидирование, антидемпинговые пошлины, валютные ограничения и эмбарго.

С позиций экономической теории ключевой концепцией является «двойной удар» (double dividend): введение импортных пошлин приводит к перераспределению доходов, безвозвратным потерям общественного благосостояния и сокращению экспорта страны-инициатора в результате ответных мер.

Ключевые эпизоды современного торгового противостояния США и Китая (2018–2026 гг.) представлены в Таблице 1.

Таблица 1. – Основные этапы торгового противостояния США и Китая (2018–2026 гг.)

Период	Инициатор	Основные меры
Март-июнь 2018 г.	США	Пошлины на сталь (25%) и алюминий (10%), затем на продукцию по «Разделу 301» на 50 млрд долл.
Июнь-сентябрь 2018 г.	Китай	Ответные пошлины на товары США на 50 млрд долл., затем еще на 60 млрд долл.
2019 г.	США	Повышение пошлин до 25% на товары из Китая на 200 млрд долл.
2020–2021 гг.	Обе стороны	Подписание «Фазы 1» торгового соглашения
2022–2024 гг.	США	Расширение экспортного контроля, запреты на поставки полупроводникового оборудования
2025–2026 гг.	США	Введение всесторонних импортных пошлин

Источник: составлено автором по материалам [18,28,31].

Как свидетельствуют данные, торговое противостояние прошло этапы от классических тарифных войн к технологическому сдерживанию. Важной тенденцией является переход к концепции «декаплинга» – экономического разрыва между двумя ведущими державами [13]. Последствия конфликта не ограничиваются двусторонними отношениями. Доля Глобального Юга в мировом ВВП выросла с 18% в 1995 году до 30% в 2025 году, однако финансовая инфраструктура по-прежнему сосредоточена на Севере, что порождает структурную асимметрию [19].

Роль международных институтов в регулировании торговых споров неоднозначна. Согласно прогнозам ВТО, рост мировой торговли товарами замедлится с 4,6% в 2025 году до 1,9% в 2026 году [18]. Генеральный директор ВТО подчеркнула, что устойчивый рост цен на энергоносители увеличивает риски для глобальной торговли с потенциальными последствиями для продовольственной безопасности [18]. ЮНКТАД констатирует, что тарифы вновь оказались в центре глобальных политических дебатов, а неопределенность в области торговой политики достигла рекордных уровней [24]. МВФ предоставляет аналитический инструментарий для оценки макрофинансовых последствий фрагментации, включая исследование трансформации валютной структуры международных расчетов: государства, занимающие оппозиционную позицию к США, все чаще уклоняются от использования доллара [25].

Торговые войны оказывают комплексное воздействие на макроэкономические показатели. Как следует из прогнозов ВТО, темпы прироста мирового ВВП в 2026 году прогнозируются на уровне 2,8% против 2,9% в 2025 году [18]. Тарифы администрации США увеличивают налоговое бремя на американское домохозяйство в среднем на 1200 долларов в 2025 году и 1600 долларов в 2026 году. Дефицит торговли товарами и услугами США в октябре 2025 года сократился почти на 40% относительно предыдущего месяца, достигнув минимума с 2009 года, однако это сокращение сопровождалось снижением объемов морского импорта и экспорта, что указывает на сжатие внешнеторговой активности.

Неопределенность торговой политики негативно влияет на инвестиционные решения. Компании пересматривают планы капиталовложений и конфигурацию цепочек поставок [22]. Ответные меры Китая нанесли серьезный удар по сельскохозяйственному сектору США: экспорт американских соевых бобов в Китай практически прекратился [29].

Наиболее серьезным долгосрочным последствием является риск фрагментации мировой экономики на конкурирующие блоки. Более 90% мирового товарооборота функционально привязано к глобальной финансовой инфраструктуре, поэтому рыночная волатильность оказывает прямое воздействие на торговые потоки и промышленное производство [19]. Тарифная политика США способна нанести наиболее серьезный удар по уязвимым и бедным государствам, что приведет к ускоренной маргинализации развивающихся стран, не имеющих выхода к морю [23].

Таким образом, торговые войны трансформируют структуру глобальных цепочек поставок, перераспределяют торговые и инвестиционные потоки и создают риски фрагментации мировой экономики. Несмотря на встречные тенденции, большинство стран склоняются к укреплению международного сотрудничества и диалога для противостояния неопределенности [18]. Перспективы развития глобальной торговой системы зависят от способности международных институтов и национальных правительств восстановить доверие к многосторонней торговой системе, основанной на правилах.

Литература

1. Вологжанина К.К. Торговая война как феномен современной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 5-1. – С. 64-67.
2. Господарик Ю.П. Мировая торговая война: основные направления и особенности на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 6. – С. 9-21.
3. Господарик Ю.П. Торговая война США – КНР: влияние на мировую экономику // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – № 3. – С. 78-94.
4. Кочергина Т.Е. Влияние таможенно-тарифной конфронтации на мировую экономику // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 2659-2674.
5. Ли Н. Значение стратегического партнерства России и Китая в контексте американо-китайской торговой войны // Конфликтология / nota bene. – 2025. – № 4. – С. 15-29.
6. Протекционизм // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 21. – С. 541-542.
7. ВТО: рост мировой торговли замедлится в 2026 году [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. – 2026. – 20 марта. – Режим доступа: https://russian.dbw.cn
8. На пороге перемен: торговля, финансы и преобразование мировой экономики [Электронный ресурс] // Счетная палата РФ. – 2025. – 20 октября. – Режим доступа: https://repository.ach.gov.ru
9. Торговые войны: откуда они берутся [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2018. – 9 июля. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru
10. Demystifying Trade Patterns In A Fragmenting World [Electronic resource] / IMF. – 2025. – (IMF Working Paper No. 2025/129). – URL: https://www.imf.org
11. Economy in Brief [Electronic resource] / Haver Analytics. – 2025. – URL: https://www.haver.com
12. Global Trade Holds Steady but Financial Strains Loom [Electronic resource] // Outlook Business. – 2025. – 4 December. – URL: https://www.outlookbusiness.com
13. On the brink: Trade, finance and the reshaping of the global economy [Electronic resource] / UNCTAD. – 2025. – (Trade and Development Report 2025). – URL: https://unctad.org
14. Patterns of Invoicing Currency in Global Trade [Electronic resource] / IMF. – 2025. – (IMF WP No. 2025/178). – URL: https://www.imf.org
15. Trump, tariffs and trade turbulence [Electronic resource] // Air Cargo Week. – 2025. – 11 December. – URL: https://aircargoweek.com
16. U.S. Tariffs Yield Gains and Losses in Global Trade [Electronic resource] / Descartes Datamyne. – 2026. – 30 January. – URL: https://www.datamyne.com
17. Uncertainty is the new tariff [Electronic resource] / UNCTAD. – 2025. – 1 September. – URL: https://unctad.org

Сотникова Д.Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИАЛОГОВОЙ RAG-СИСТЕМЫ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИНСТРУКЦИЙ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЕ И ЧС. Н. Рук. Пупынина Е.В.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного переосмысления теоретических и методологических подходов к созданию интеллектуальных систем, способных генерировать не только грамматически корректные, но и прагматически точные инструкции, особенно в таких областях, как гражданская оборона и защита населения при чрезвычайных ситуациях.

Цель исследования: разработать и обосновать методы и механизмы, обеспечивающие сохранение жанрово-прагматических характеристик (императивных конструкций, структурированных перечней действий, чётких предписаний) исходных инструктивных документов при генерации ответов в RAG-архитектуре, с целью повышения прагматической эффективности генерируемых текстов.

В настоящее время в Российской Федерации функционирует несколько типов сервисов, обеспечивающих коммуникацию с населением в области гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций. Единственным специализированным сервисом, который по своей функциональности подобен разрабатываемой системе, является бот-спасатель МЧС России [2], запущенный в 2017 году. В ходе настоящего исследования была предпринята попытка верификации работоспособности данного сервиса. Установлено, что на момент проведения анализа (апрель 2026 года) бот @mchs_bot не функционирует. Принципиально важным обстоятельством является отсутствие в Белгородской области специализированных сервисов, функционально предназначенных для обеспечения процессов гражданской обороны и действий при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций, что создаёт дополнительную потребность населения в оперативном доступе к инструкциям.

Архитектура RAG представляет собой синтез двух компонентов: ретривера и генератора [5, 6, 7]. Ретривер, реализованный на основе методов плотного векторного поиска, выполняет функцию семантического извлечения релевантных фрагментов текста из внешней базы знаний. Генератор на основе исходного запроса и извлечённых документов продуцирует финальный ответ [5] (рис. 1).

Данный подход позволяет преодолеть ряд ключевых ограничений, присущих традиционным большим языковым моделям: решается проблема галлюцинаций, обеспечивается прослеживаемость информации, упрощается процесс актуализации знаний [1, 5, 6].

Для автоматизированного сбора текстовой информации с официального сайта МЧС России [2] был разработан парсер на языке Python с использованием библиотеки Beautiful Soup. В результате работы разработанного парсингового скрипта был сформирован набор данных объёмом 317 текстовых статей. Структурирование данных осуществлено в формате JSON.

На следующем этапе исследования была выполнена процедура очистки и нормализации текстовых данных, направленная на удаление артефактов парсинга и выделение исключительно содержательной части инструкций по безопасности. В результате применения описанных процедур был получен очищенный датасет,

пригодный для последующего анализа. Очищенный датасет RSChS_Belgorod [3] представляет собой структурированный коллекционированный корпус текстов, собранных с официального сайта МЧС России [2]. Общее количество документов – 317, суммарный объём текста – около 42 500 слов (примерно 265 000 символов), при этом длина отдельного документа варьируется от 16 до 1 576 слов при медианном значении 100 слов. Для последующего использования в RAG-архитектуре документы были сегментированы на 963 смысловых чанка со средней длиной 425 символов, причём максимальная длина чанка ограничена 512 символами для соответствия контекстному окну модели. Датасет хранится в формате JSON, источником данных является официальный сайт МЧС России [2], а сам корпус доступен в публичном репозитории Hugging Face [3]. Ключевая особенность датасета – его высокая достоверность и нормативная легитимность.

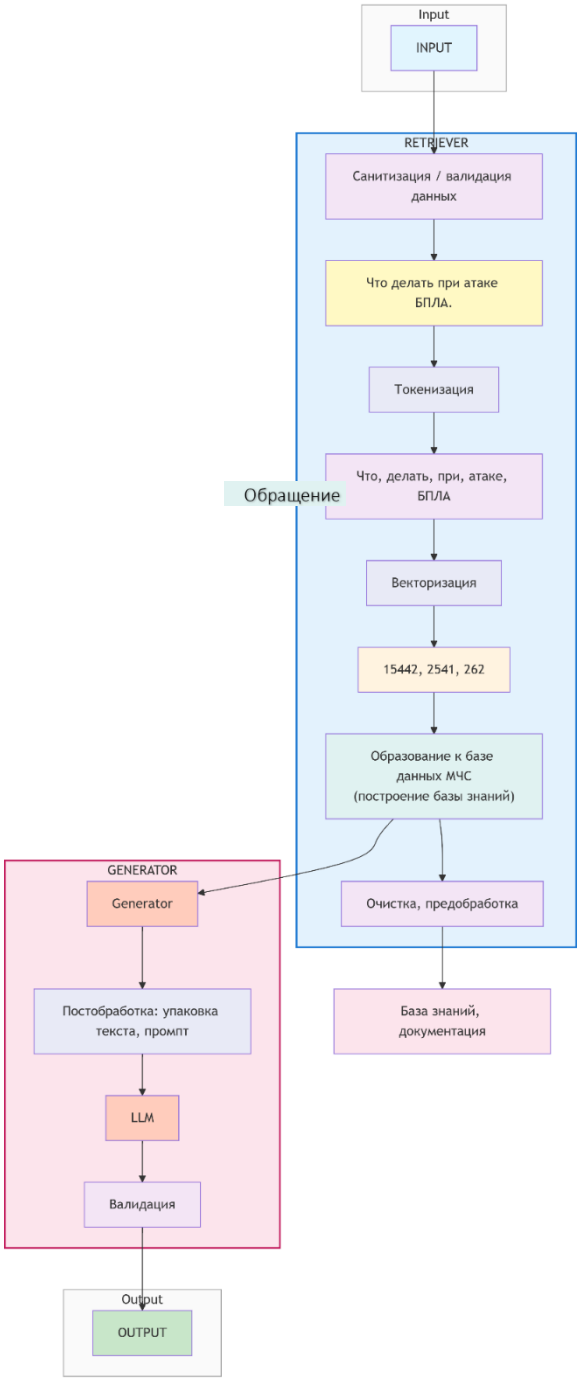

Рисунок 1. Функциональная схема работы RAG-системы для генерации инструкций по ГО и действиям при угрозе и возникновении ЧС

В ходе исследования были использованы библиотеки: llama_index (оркестрация), HuggingFaceEmbeddings (эмбеддинги модели sentence-transformers/all-MiniLM-L6-v2), ChromaDB (векторный поиск), YandexGPT API (генерация), deepseek/deepseek-v3.2 (языковая модель).

Для обеспечения прагматической эффективности генерации инструкций разработан системный промпт, задающий ролевую модель «диспетчер МЧС России». Системный промпт структурирован, включает в себя приоритет действий (рекомендации вызова 112 при угрозе жизни), строгие запреты (не переводить диалог, не задавать уточняющих вопросов, не ставить диагнозы), требования к стилю речи (короткие фразы, императивный стиль), единый шаблон ответа.

Для объективной оценки вклада каждого компонента архитектуры в прагматическую эффективность генерации инструкций было проведено сравнительное тестирование четырёх конфигураций на выборке из 20 запросов, охватывающих основные типы чрезвычайных ситуаций: от бытовых пожаров до угроз обстрелов. В качестве эталонных ответов использовались фрагменты из датасета RSChS_Belgorod [3]. Оценка производилась с использованием метрик RAGAS [4].

Исследование показало, что модель с RAG и системным промптом достигает фактологической точности F1 = 0,42, что в 4–6 раз превосходит конфигурации с одним компонентом. Значение Precision (0,47) превышает Recall (0,39), что свидетельствует о низкой частоте галлюцинаций. Answer Relevancy = 0,81 подтверждает семантическую адекватность ответов (таблица 1).

Таблица 1. – Сводная таблица результатов

Конфигурация	FactualCorrectness (Recall) ↑	FactualCorrectness (Precision) ↑	FactualCorrectness (F1) ↑	AnswerRelevancy ↑
Модель без промпта	0.00	0.00	0.00	0.58
Модель с системным промптом	0.10	0.08	0.07	0.62
Модель с RAG без промпта	0.16	0.12	0.11	0.68
Модель с RAG и системным промптом	0.39	0.47	0.42	0.81

Таким образом, разработанный прототип RAG-системы подтверждает принципиальную возможность автономной генерации прагматически корректных инструкций по ГО и ЧС на основе официальных источников без необходимости переобучения LLM. Основной вклад работы – методологическая демонстрация того, что лингвистическая настройка является самостоятельным фактором эффективности, сравнимым по значимости с качеством ретривера.

Литература

1. Мельников А.В., Николаев И.Е., Русанов М.А., Аббазов В.Р. Сравнительный анализ методов RAG для построения русскоязычных интеллектуальных сервисов // Bulletin of the South Ural State University. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 9-10. – DOI: 10.14529/ctcr250201.

2. МЧС России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mchs.gov.ru/ (дата обращения: 27.03.2026).
3. Сотникова Д.Ю. RSCHSBelgorod2026 [Электронный ресурс] // Hugging Face Datasets. – Режим доступа: https://huggingface.co/datasets/DariaDariaLLM/RSCHSBelgorod2026 (дата обращения: 27.03.2026).
4. Es S., James J., Espinosa-Anke L., Schockaert S. Ragas: Automated evaluation of retrieval augmented generation [Электронный ресурс] // arXiv preprint. – 2023. – Режим доступа: https://arxiv.org/abs/2309.15217.
5. Gao Y., Xiong Y., Gao X. et al. Retrieval-augmented generation for large language models: A survey [Электронный ресурс] // arXiv preprint. – 2023. – Режим доступа: https://arxiv.org/abs/2312.10997.
6. Izacard G., Lewis P., Lomeli M. et al. Few-shot learning with retrieval augmented language models [Электронный ресурс] // arXiv preprint. – 2022. – Режим доступа: https://arxiv.org/abs/2208.03299.
7. Shao Z., Gong Y., Shen Y., Huang M., Duan N., Chen W. Enhancing retrieval-augmented large language models with iterative retrieval-generation synergy [Электронный ресурс] // arXiv preprint. – 2023. – Режим доступа: https://arxiv.org/abs/2305.15294.

Уварова Е.А. **ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕИСКРЕННОСТИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.**
Н. рук. Середина Е.В.

Проблема выявления лжи по лингвистическим признакам разрабатывается в рамках лингвистики лжи – междисциплинарного направления, находящегося на стыке психолингвистики, дискурсивного анализа и судебной лингвистики. Как отмечает Ю.А. Горностаева, «вербальный маркер – это вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления» [5, с. 94]. Данное определение подчёркивает, что языковые средства могут служить индикаторами психологических и когнитивных процессов, в том числе обмана.

В зарубежной науке, как указывают Т.А. Литвинова и П.В. Середин, «в основном изучалась устная речь», тогда как письменная речь как носитель маркеров лжи «лишь недавно стала предметом изучения ученых и на Западе» [2, с. 3]. В российской лингвистике одной из наиболее цитируемых работ стала статья О.В. Терентьевой (2017), выполненная на материале письменных студенческих сочинений. Автор показала, что «правдивость сообщения характеризуется повышенным удельным весом «слов-«ссылок на себя», ложность – пониженным» [3, с. 221]. Под «словами-ссылками на себя» понимаются личные и притяжательные местоимения первого лица единственного числа: «я», «мой», «моя», «моё», «мои» во всех падежных формах. Этот феномен объясняется процессом дистанцирования: «небольшой удельный вес таких слов в ложных сообщениях отражает процесс дистанцирования авторов от своих высказываний, их диссоциации с ложью» [3, с. 220]. Однако, как отмечают зарубежные исследователи, механизмы лжи в устной и письменной речи могут существенно различаться, поскольку устная речь порождается в условиях дефицита времени и отсутствия возможности редактирования.

Устная спонтанная речь порождается в реальном времени, без возможности редактирования и сознательного контроля над выбором языковых средств. Как отмечает О.М. Попчук, одним из средств «объективации лжи является языковая проекция особенностей мышления лгущего коммуниканта, напрямую не связанных с эмоциями» [1, с. 79]. Эта проекция создаёт высокую когнитивную нагрузку, которая неизбежно отражается в речи. Лжец вынужден одновременно удерживать в памяти реальное положение дел и конструировать вымышленную версию, что приводит к сбоям на периферийных уровнях речевого производства. Именно эти сбои могут служить индикаторами обмана, однако каждый из них требует критической оценки с учётом контекста и индивидуальных особенностей говорящего.

На основе анализа научной литературы можно выделить четыре группы вербальных маркеров, которые потенциально релевантны для диагностики лжи в устной речи, однако степень их надёжности и условия применения существенно различаются.

Первая группа – местоимения первого лица («я», «мой», «моя», «моё», «мои»). Данный критерий подробно обоснован в работе О.В. Терентьевой для письменных текстов, которая отмечает: «М. Кнапп, Р. Харт, Х. Денис

предположили, что лжецы могут избегать демонстрации собственной принадлежности к тому, что излагается в сообщении, либо чтобы отмежеваться от своих слов, либо из-за отсутствия личного опыта» [3, с. 220, 7]. Далее Терентьева пишет: «Э. Дьюлани, М. Кнапп, А. Меграбян установили, что небольшой удельный вес таких слов в ложных сообщениях отражает процесс дистанцирования авторов от своих высказываний, их диссоциации с ложью» [3, с. 220, 6, 7, 8]. Однако в ряде современных работ (например, в исследованиях Дж. Пеннебейкера) показано, что употребление местоимений первого лица может отражать не только дистанцирование, но и эмоциональное состояние, уровень стресса, особенности самооценки и локуса контроля [9]. В условиях спонтанного устного говорения лжец не всегда успевает контролировать употребление местоимений, и частотность «я» и «мой» может варьироваться непредсказуемо. Таким образом, данный маркер требует осторожного применения и учёта индивидуальных речевых привычек говорящего.

Вторая группа – слова-заполнители («ну», «вот», «значит», «как бы», «короче», «типа», «прям», «вообще»). Эти единицы не несут пропозиционального значения, но выполняют важную дискурсивную функцию. Как отмечает С.В. Аникушин, заполненная хезитационная пауза «дает время для обдумывания» и поддерживает коммуникацию [4, с. 811]. В ситуации обмана говорящий испытывает дефицит времени на планирование высказывания, и слова-заполнители становятся «речевыми паузами», которые дают мозгу дополнительные миллисекунды для сочинения следующего фрагмента вымысла**.** Повышенная частота заполнителей рассматривается как один из индикаторов когнитивной нагрузки, связанной с продуцированием лжи. Однако этот маркер не является специфическим именно для лжи: слова-заполнители также характерны для состояния волнения, усталости, билингвизма (когда говорящий испытывает трудности с поиском слова на неродном языке), а также для ситуаций спонтанного говорения вообще. Для повышения диагностической ценности маркера необходимо сопоставлять частотность заполнителей в речи того же говорящего в нейтральной ситуации (получение индивидуальной нормы).

Третья группа – смена темпоральных форм, а именно немотивированный переход с прошедшего времени на настоящее. Этот феномен представляет собой грамматический сбой, при котором рассказчик, начавший повествование в прошедшем времени, неожиданно переключается на настоящее. Однако важно учитывать, что в психолингвистике известно явление «эффекта повторного переживания»: эмоционально значимые правдивые воспоминания также часто излагаются в настоящем времени, поскольку говорящий мысленно возвращается в ситуацию и заново её переживает. Таким образом, переход на настоящее время может быть признаком как лжи (когда лжец «проживает» выдуманную ситуацию), так и сильного эмоционального вовлечения в правдивое воспоминание. Для дифференциации этих случаев необходимо учитывать контекст и наличие других маркеров. Как подчёркивает О.М. Попчук, «не существует ни одного признака (выражаемого лингвистическими или паралингвистическими средствами), который бы единственно и сам по себе означал, что говорящий реализует ложное высказывание» [1, с. 74].

Четвёртая группа – модификаторы неуверенности («наверное», «кажется», «как будто», «вроде бы», «возможно»). Эти лексические единицы

выражают сомнение говорящего в истинности собственного высказывания. Лжец подсознательно сомневается в собственной выдумке, и это сомнение просачивается в речь через слова «наверное», «как будто», «кажется». Однако в русскоязычной коммуникативной культуре подобные слова выполняют также функцию эвфемизации и вежливости, особенно в ситуациях, когда говорящий не хочет звучать категорично. Кроме того, модификаторы неуверенности могут отражать реальную неопределённость (например, при описании событий, которые говорящий плохо помнит). Поэтому данный маркер также требует учёта контекста и сопоставления с другими признаками.

Таким образом, каждый из рассмотренных маркеров в отдельности не является абсолютным детектором лжи. Их диагностическая ценность возрастает при комплексном применении. Как справедливо указывают Т.А. Литвинова и П.В. Середин, «человек без специальной подготовки определяет ложность/истинность письменного сообщения с точностью, лишь на немногим превышающей случайную величину» [2, с. 3]. Для надёжной диагностики необходим комплексный анализ нескольких параметров, а также учёт индивидуального стиля говорящего, эмоционального состояния и контекста высказывания.

В зарубежной науке активно разрабатываются методы автоматического распознавания лжи по устной речи. Специалисты ФБР, как отмечают Литвинова и Середин, используют «анализ высказываний (statement analysis)», при котором «перед допросом агент просит подозреваемого сначала изложить на бумаге свою версию событий, читает ее, анализирует со следующих позиций: частей речи – это основа метода (лицо глаголов, местоимений и пр., при этом содержание текста не анализируется); с позиций речевой избыточности; с позиций появления слов категории возможности; тема-рематическая структура предложения» [2, с. 6]. Это подтверждает практическую значимость лингвистического анализа для правоохранительных органов. Т.А. Литвинова и П.В. Середин отмечают, что в диссертации сотрудницы ФБР С.Х. Адамс была построена регрессионная модель, «использовавшая языковые маркеры лжи, позволила классифицировать тексты с точностью 81,2%» [2, с. 6].

Перспективой дальнейших исследований является создание формализованных критериев для автоматизированного выявления описанных маркеров. Как отмечают Литвинова и Середин, «система для автоматизированного выявления лжи в письменном тексте может быть основана на методах машинного обучения» [2, с. 8]. Для устной речи аналогичная задача требует разработки акустических и лингвистических алгоритмов, способных распознавать не только лексические, но и просодические маркеры обмана (частоту и длительность пауз, изменения темпа и тона речи). Однако, как подчёркивают исследователи, «современное состояние науки пока еще не позволяет создавать эффективные программные средства для идентификации лжи в письменном тексте», но «математические методы и методы такой области наук, как обработка естественного языка, должны использоваться для анализа данных и установления корреляций» [2, с. 3].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в современной лингвистике выделяется четыре основных группы вербальных маркеров,

релевантных для диагностики лжи в устной речи: местоимения первого лица («я», «мой»), слова-заполнители («ну», «вот», «как бы», «короче», «типа»), смена темпоральных форм (переход с прошедшего времени на настоящее), модификаторы неуверенности («наверное», «кажется», «как будто»). При этом письменный и устный модусы требуют раздельного рассмотрения, поскольку механизмы контроля речи в них различны. Каждый из маркеров имеет ограничения и не является абсолютным индикатором лжи: местоимения первого лица могут отражать эмоциональное состояние, а не степень дистанцирования; слова-заполнители характерны для многих состояний, не связанных с обманом; смена времен может быть признаком эмоционального переживания правдивого воспоминания; модификаторы неуверенности выполняют функции коммуникативной вежливости. Для повышения надёжности диагностики необходим комплексный анализ нескольких параметров с учётом индивидуальной нормы говорящего и контекста высказывания. Выявленные маркеры могут быть использованы в судебной лингвистике, кадровой деятельности и других прикладных областях, однако их применение должно основываться на системном подходе, а не на изолированной интерпретации отдельных признаков.

Литература

1. Потапов В.В. 2011. 03. 015. Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации [Электронный ресурс]. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 204 с. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-015-popchuk-o-m-lingvisticheskie-i-paralingvisticheskie-sredstva-realizatsii-lozhnogo-vyskazyvaniya-v-akte-kommunikatsii .
2. Литвинова Т.А., Середин П.В. Поиск признаков лжи в письменном тексте: современные методы и подходы [Электронный ресурс] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2013. – № 1 (24). – С. 3-9. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-priznakov-lzhi-v-pismennom-tekste-sovremennye-metody-i-podhody .
3. Терентьева О.В. «Ссылка на себя» как показатель ложности/правдивости письменного сообщения [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 219-223. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ssylka-na-sebya-kak-pokazatel-lozhnosti-pravdivosti-pismennogo-soobscheniya .
4. Аникушин С.В. Исследование пауз хезитации в устной речи [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2018. – № 14. – С. 811-812. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pauz-hezitatsii-v-ustnoy-rechi .
5. Горностаева Ю.А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8-1 (86). – С. 92-96. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-vyyavleniya-verbalnyh-markerov-psihologicheskih-i-kognitivnyh-protsessov-v-lingvistike-k-istorii-voprosa .
6. Mehrabian A. Nonverbal betrayal of feeling // Journal of Experimental Research in Personality. – 1971. – № 5. – P. 64–73.
7. Knapp M. L., Hart R. P., Dennis H. S. An exploration of deception as a communication construct // Human Communication Research. – 1974. – № 1. – P. 15–29.
8. Dulaney E. F. Changes in language behavior as a function of veracity // Human Communication Research. – 1982. – № 9. – P. 75–82.
9. Pennebaker James W. The secret life of pronouns : what our words say about us. – New York : Bloomsbury Press, 2011. – P. 352.

Углова Л. Д. БЕЗРАБОТИЦА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА, СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И ОЦЕНКА СКРЫТЫХ ФОРМ.

Н. рук. Счастливенко Т.В.

На протяжении последних десятилетий безработица остаётся одним из наиболее чувствительных индикаторов состояния национальной экономики. Для Российской Федерации проблема занятости приобретает особую остроту в условиях внешнего санкционного давления, структурной перестройки хозяйства и демографических ограничений. Как отмечает А.А. Исаева российский экономист, исследователь проблем занятости**,** безработица представляет собой сложное социально-экономическое явление, выраженное в невозможности найти работу части трудоспособного населения, желающего трудиться и находящегося в активном поиске подходящей вакансии [7, с. 534]. При этом низкий спрос на рабочую силу приводит к тому, что часть работоспособного населения не участвует в процессе воспроизводства товаров и услуг, теряет покупательскую способность и вынужденно снижает потребление [3, 4, 5, 8].

Согласно официальным статистическим данным, в период с 2021 по 2024 год в России наблюдалось устойчивое снижение уровня безработицы. Если в 2021 году данный показатель составлял 4,9% (3,8 млн безработных), то к концу 2024 года он сократился до 2,5% (1,9 млн безработных). Численность занятых за тот же период увеличилась с 72,4 млн до 73,3 млн человек [6, с. 197]. Особенно показательным оказался 2023 год, когда количество безработных сократилось с 3,5 до 2,4 млн человек – наиболее резкое снижение за рассматриваемый период.

Таблица 1. – Статистические данные по безработице в России в 2021–2024 гг

Год	Рабочая сила (млн. чел)	Безработные (млн. чел)	Уровень безработицы (%)	Занятые (млн. чел)	Официально зарегистри-рованные (млн. чел)	Уровень официальной безработицы (%)
2021	76,2	3,8	4,9	72,4	0,8	1,0
2022	75,9	3,5	4,6	72,4	0,6	0,8
2023	75,4	2,4	3,1	73	0,5	0,7
2024	75,2	1,9	2,5	73,3	0,4	0,5

Источник: [6]

Динамика 2025–2026 годов подтвердила тенденцию к ужесточению рынка труда. По данным Trading Economics, уровень безработицы в России достиг рекордно низкого значения в 2,1% в феврале 2026 года, что соответствует самому низкому показателю за всю историю наблюдений [14]. За весь период статистического мониторинга (с 1992 года) средний уровень безработицы в России составлял 6,70%, достигая максимума в 14,60% в феврале 1999 года. Таким образом, текущие значения являются историческим минимумом.

Однако положительная динамика официальных показателей не должна вводить в заблуждение относительно реального состояния российского рынка труда. Как справедливо отмечают В.В. Бельченко и В.Е. Шиткин российские учёные в области экономической статистики, занимающиеся анализом рынка труда**,** «безработица имеет скрытые формы, которые не в полной мере

отражаются в официальной статистике» [2, с. 171]. По данным «Независимой газеты», в начале 2026 года каждый шестой сотрудник средних и крупных предприятий России работал на условиях неполной занятости [1]. Это означает, что около 16% от общего персонала крупных и средних предприятий являются частично занятыми и работают на неполную ставку.

Компания FinExpertiza опубликовала данные, согласно которым на конец 2025 года совокупная доля работников с неполной занятостью составила порядка 5,5 млн человек – рекордный показатель за период наблюдения с 2015 года. В целом скрытая безработица за 2025 год выросла на 12%, или на 610 тыс. человек, по сравнению со значением 2024-го [1]. В отраслевом разрезе наибольшее количество сотрудников с частичной занятостью наблюдается в обрабатывающих производствах, логистике, социальном обслуживании, медицине и образовании (рис. 1).

Рисунок 1. – Структура скрытой безработицы по отраслям в 2025 г., %

Причины сложившейся ситуации носят комплексный характер. Во-первых, продолжается процесс цифровизации и автоматизации производственных процессов. Как подчёркивает Н.А. Докукин автор исследований по цифровой трансформации экономики**,** «внедрение современных цифровых технологий во многих отраслях приводит к значительному увеличению производительности труда и, как следствие, к сокращению рабочих мест» [5, с. 145]. Однако, по мнению М.Н. Мочкаевой, изучающая влияние цифровых технологий на рынок труда, технологический прогресс не только замещает ручной труд, но и повышает эффективность его использования, создавая новые рабочие места в смежных отраслях [8, с. 96].

Во-вторых, существенное влияние оказывает демографический фактор. «Демографическая яма» 1990-х годов привела к сокращению численности трудоспособного населения, что наряду с призывом части граждан на военную службу в рамках специальной военной операции усилило дефицит кадров во многих секторах экономики [12].

В-третьих, продолжает сохраняться высокий уровень неформальной занятости. По оценкам специалистов, на конец 2024 года около 40% работников трудились в «сером» секторе [11]. Исследование Forbes показало, что если в

2022 году труд самозанятых и временно привлечённых работников использовали 33% российских компаний, то к концу 2024 года доля таких компаний превысила 57% [10]. При этом из 57% компаний, которые стали привлекать труд таких сотрудников, 37% сотрудничают с самозанятыми с начала действия специального налогового режима.

Отдельного внимания заслуживает феномен, получивший название «ловушка мотивации». Как сообщает «Независимая газета», около половины российских граждан трудоспособного возраста больше не желают выкладываться с полной отдачей даже при условии существенного увеличения оплаты труда [13]. Основной причиной называется критически высокий уровень нагрузок, а также несправедливость в оплате труда, о которой говорят почти две трети российских работников. Следствием «ловушки мотивации» стало снижение производительности труда в России, которая по итогам 2022 года сократилась на 3,6% при номинальном росте заработных плат почти на 12% [13, с. 1].

Значимой проблемой остаётся низкая доля заработной платы в ВВП (около 30%), что разрушает систему мотивации к труду. Кроме того, сохраняется существенная дифференциация оплаты труда как по отраслям экономики, так и между отдельными субъектами Российской Федерации [15].

Государственная политика в сфере занятости, как показал опыт 2020 года, в целом продемонстрировала свою эффективность. Меры поддержки рынка труда, включая выдачу грантов на выплату заработных плат, зарплатные кредиты под 0% и 2% с возможностью списания, отсрочку налоговых платежей, позволили избежать стремительного роста уровня безработицы. Как подчёркивает М.В. Пашковская**,** российский исследователь антикризисной политики на рынке труда**,** «меры поддержки позволили не допустить развития системного экономического кризиса и предотвратить взрывной рост безработицы» [9, с. 35].

Основные проблемы статистического учёта безработицы связаны, во-первых, с тем, что официально безработными признаются только лица, зарегистрированные в службе занятости. Период такой регистрации ограничен шестью месяцами, поэтому многие граждане, не нашедшие работу за это время, выпадают из статистики. Во-вторых, сохраняется высокий уровень теневой занятости, которую лишь частично удалось легализовать через режим самозанятости. В-третьих, существующие методики не в полной мере учитывают масштабы неполной занятости.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что официальная статистика безработицы в России фиксирует рекордно низкие значения (2,1% в начале 2026 года), однако реальная картина на рынке труда является более сложной. Рост скрытой безработицы и неполной занятости в промышленности, медицине, образовании и других приоритетных отраслях создаёт риски снижения уровня жизни населения и падения потребительского спроса. Требуется совершенствование методов статистического наблюдения, позволяющих более точно оценивать масштабы скрытой безработицы, а также разработка дополнительных мер государственной поддержки для перевода частично занятых работников на полный рабочий день.

Литература

1. Башкатова А. В России растет скрытая безработица [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2026. – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2026-02-10/1_9434_russia.html.
2. Бельченко В.В., Шиткин В.Е. Экономико-статистический анализ занятости и безработицы в регионах России за 2020–2022 годы [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – № 22 (469). – С. 170-173. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/469/103561.
3. Бурковский П., Мамий С.А., Бочкова Т.А. Безработица и ее типы. Проблемы безработицы в России [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 12(138). – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56657981.
4. Дамба А.В. Проблемы регулирования безработицы и занятости населения [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2023. – № 34 (481). – С. 47-49. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/481/105620.
5. Докукин Н.А. Рынок труда и некоторые его особенности в условиях цифровизации экономики [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2025. – № 4 (555). – С. 144-146. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/555/122063.
6. Жминько А.Е., Самойленко А.Д., Брусенская О.М., Федосова Ю.В. Исследование уровня занятости населения в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – С. 196-199. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-urovnya-zanyatosti-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii.
7. Исаева А.А. Безработица в современной России [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2022. – № 23 (418). – С. 534-536. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/418/92860.
8. Мочкаева М.Н. Влияние цифровизации на российский рынок труда [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2025. – № 48 (599). – С. 94-98. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/599/130796.
9. Пашковская М.В. Эффективность мер по снижению безработицы в условиях экономического кризиса и пандемии [Электронный ресурс] // Экономика строительства. – 2022. – С. 25-39. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-mer-po-snizheniyu-bezrabotitsy-v-usloviyah-ekonomicheskogo-krizisa-i-pandemii.
10. Постоянство в дефиците: число российских компаний, привлекающих самозанятых, выросло вдвое [Электронный ресурс] // Forbes. – 2025. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/biznes/489691-postoanstvo-v-deficite-cislo-privlekausih-samozanatyh-kompanij-vyroslo-vdvoe.
11. Рынок труда в России в 2024: аналитика, прогнозы, тренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a111/1071206.html.
12. Тенденции современного рынка труда и прогнозы на 3-5 лет по направлениям обучения в СПО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://volpt.ru.
13. Терехова А. Россияне попали в ловушку мотивации [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2023. – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2023-10-09/1_8847_trap.html.
14. Уровень безработицы в России [Электронный ресурс] // Trading Economics. – Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/russia/unemployment-rate.
15. Чуланова О.Л. Вызовы и тренды на рынке труда: синергия цифровизации и soft skills // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 66-72.

Фадеева А.А. **ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КНИЖНОГО ДИЗАЙНА**
Н. рук. Карпенко И.И.

Понятие дизайна появилось в середине XIX века, когда в 1849 был выпущен журнал с названием Journal of Design, основанный Генри Коулом, генералом-инспектором практического искусства и организатором Всемирной выставки в 1851 году в Лондоне. В предисловии одного из номеров журнала редактор Ричард Редгрейв размышлял о понятии дизайна: «Дизайн имеет двойственную природу. На первом месте – строгое соответствие назначению создаваемой вещи. На втором – украшение или орнаментирование этой полезной структуры. Слово “дизайн” для многих связывается чаще всего со вторым, с независимым орнаментом, противопоставленным полезной функции, нежели с единством обоих сторон» [1, с. 20]. В предисловии редактор определил главный конфликт понятия на следующий век, вопрос главенства эстетики или функциональности стоял остро.

В XX веке практичность становится важнее эстетики, в своих работах, В. Беньямин [3] и А. Лоос [8] поднимают темы масс и выносят вперед именно функциональность. В настоящее время появляются новые определения дизайна, это связано и с переосмыслением фундаментальных работ, и с развитием технологий.

На сегодняшний день дизайн является неотъемлемой частью создания каких-либо продуктов в разных сферах: урбанистика, мода, технологии, периодика и т.п. Одним из старейших продуктов, с которым связан дизайн, является книга.

«Дизайн книги понимается как графическое оформление внешнего вида обложки книги, а также художественное оформление элементов внутреннего блока книги (внутренних разворотов книги, расположенных непосредственно под обложкой)» [5]. Развитие дизайна книги напрямую связано с историей книгопечатания. Иоганн Гутенберг в 1440-ых годах создал печатный станок. Однако люди занимались производством различных письменных текстов и задолго до этого. «В древности формы бытования книги многообразны. В Индии и на Цейлоне использовались книги из пальмовых листьев, которые были скреплены в виде веера. В Месопотамии были распространены глиняные плитки с клинописным текстом. Древней формой книги, получившей широкое распространение, был свиток. Книги-свитки на склеенных концами листах папируса бытовали в Древнем Египте. Центром производства книг в средние века в Европе были мастерские-скриптории, работавшие при монастырях и при дворах влиятельных особ» [12, с. 175-177]. Также до появления станка, люди предпринимали попытки его создания. Так, до Гутенберга резчики гравюры на дереве пользовались такой технологией: пластинку твердого дерева шлифовали, на отдельном листе бумаги писали текст, а после отпечатывали его на дереве. После высыхания гравер убирал острием все части, которые не нужны для отпечатков. После работы нужно было намазать оригинал, т.е. клише, краской и положить на нее влажный лист [15, с.76-77]. После появилась техника печатания с металлическим клише, но она мало чем отличалась от предыдущей. «Гениальное изобретение Гутенберга состояло в том, что он изготавливал из

металла «подвижные» выпуклые буквы, вырезанные в зеркальном отображении, набирал из них строки и с помощью пресса, – поначалу он использовал обычный винный пресс, – делал оттиски на бумаге. Несмотря на нехватку инструментов, Гутенберг, тем не менее, достиг значительных успехов» [11, с. 52].

Тот вид, который сейчас имеют книги, – результат долгого совершенствования их дизайна. Так, еще до создания станка Гутенберга, книги оформлялись определенным образом. «Переплетное дело гораздо древнее книгопечатания и прототипом книжного переплета следует признать «диптих», то есть деревянные, костяные или металлические продолговатые дощечки, соединенные между собою шнуром, тесьмой или шарниром и сложенные вместе» [2, с. 13]. Однако появление переплета в нынешнем представлении связано с развитием книгопечатания и вклада Иоганна Гутенберга. Переплет состоит из трех частей: обложка, корешок, форзац. «Особенность ее состоит в том, что они объединяют в себе две функции: первая – утилитарная – состоит в том, чтобы предохранять книгу от повреждений, удлиняя срок ее эксплуатации; а вторая — являться элементами художественного оформления» [10, с. 194]. Согласно функциональному предназначению переплеты были окладные и обиходные. Последние являются самыми древними, изначально они изготавливались из дерева, а сверху обивались кожей. Это позволяло удерживать тяжелый бумажный блок, также для этого использовались застежки. Окладные переплеты украшались серебряным покрытием, золотым или медным с позолотой или серебрением. Использовались драгоценные камни, а качестве переплетного материала – дорогие ткани: бархат, атлас. «Мотивы и сюжеты оформления окладных переплетов соответствовали содержанию книги» [10, с.195].

Изначально книги хранились горизонтально, из-за их малого количества, но уже в эпоху Возрождения книги стали хранить привычным нам способом – вертикально.

«Книги на Руси в XV веке отличались кожаным переплетом, позже в XVII веке переплет выполнялся из особых сортов овечьей кожи, которую можно было окрашивать в различные цвета. Самыми распространёнными были красный и зеленый цвет» [13, с. 122]. Большое влияние на внешний вид книжной продукции повлияли реформы Петра I: книги обтягивались темной кожей без украшений, «исключение составлял корешок, который членился бинтами на несколько частей (от 4 до 10); членения заполнялись одним (в начале века) крупным ромбовидным штампом или пятью мелкими. В первом и втором членениях сверху помещался титул книги» [10, с.196].

Привычный современном человеку переплет появляется в конце XVIII века. «Широкое распространение уже в этот период получает полукожаный издательский переплет (или переплет «в корешок»), а также переплет «в папку» – картонный переплет, корешок и крышки которого покрыты бумагой» [13, с. 110].

Дизайн внутри книги еще один аспект, который нам предстоит разобрать. Стоит сказать о двух важных составляющих – книжной иллюстрации и оформлении текста. «Первые печатные книги не имели иллюстраций. Но во второй половине XV в. ксилографированные рисунки стали украшать немецкие нравоучительные сочинения» [9, с. 58]. Дальнейшее развитие книжной

иллюстрации связано с французским мастером Николаем Иенсоном и итальянским мастером Альдом Мануцием. До появления этих мастеров самым распространённым стилем был особый готический шрифт, который выработался в северной Франции и западной Германии. Он отличался «в изменении характера шрифтов, а именно: гармонично закругленные формы латинского шрифта сменились в новых рисунках готического шрифта угловатыми, с резко выраженными удлиненными подсечками» [6, с. 63].

«Иенсон – первый печатник, отошедший от общепризнанной красоты рукописной книги и создавший прекрасные произведения печати. Вся красота этих произведений состояла в рисунке шрифтов, их подборе и в расположении набора. В качестве образца для своего шрифта Иенсон взял не современный латинский шрифт рукописей, как делали все печатники его времени; он заимствовал рисунок букв из «каролингского» шрифта X века» (Рисунок 1) [6, с. 63].

В 1494 году начала работу типография Альда Мануция. Его имя связано с двумя нововведениями в области книжного дизайна. Первое – создание стандартного размера книг, привычного современному человеку. «Как правило, владельцы типографий сами являлись и распространителями первых печатных изданий. Это были фолианты (издания в 2/2 бумажного листа, in folio, A3), издания в четвертую долю листа (in quarto, A5), в одну двенадцатую долю листа (диодецимы)» [7]. Второе нововведение – создание нового типа шрифтов. «Франческо да Болонья по поручению Альда Мануция создал рисунок наклонного шрифта, известный под названием курсива» [6, с. 66]. Создание курсива было ключевым фактором стандартизирования формата. «Благодаря курсивному шрифту, мелкому и убористому, удалось обширные тексты уместить в книжечках небольшого формата и этим значительно удешевить книгу. С самого начала своей деятельности Альд ставил перед собой эту цель. Беззаветно любивший античную литературу, он хотел распространить ее как можно шире. Создавая маленький формат, Мануций хотел, чтобы каждый ученый или ученик мог взять с собой в путешествие любимые книги, сложив их в сумку своего седла» [6, с. 66].

Также важно отметить, что Альд Мануций первый, кто использовал знаки препинания при печати. Он ввел их из соображений удобства. До него знаки препинания использовались в церковных писаниях, поскольку при чтении вслух важны паузы и изменения выражения.

Что касается книжный размеров на Руси, для обозначения формата использовалась условная единица – десть.

«Получили распространение следующие форматы книжной бумаги:

– в дестный лист, или в полный лист – формат целого листа;

– в десть, или в лист – формат листа, сфальцованного (согнутого) пополам (1/2); высота блока 25–27 см;

– в полдесть, или в четверку – формат листа, сфальцованного в два сгиба (1/4); высота блока 20–24 см;

– в четверть десть, или в осьмушку – формат листа, сфальцованного в три сгиба (1/8) высота блока 19–20 см и т. д.» [4].

Впоследствии книжное дело развивалось на протяжении веков, но основные элементы верстки остались прежними. Как и в XV веке внешний облик

книги состоит из обложки, корешка и форзаца. До сих пор ключевыми аспектами внутреннего дизайна остаются шрифт и книжные иллюстрации. Однако дизайнеры изменяют каноны и вводят новые варианты верстки изданий.

Литература

1. HeskettJ. Industrial Design – New York: Oxford University Press, 1995. – 216 p.
2. Анисимов В.И. Книжный переплет: краткий конспект по истории и технике переплетного дела, с рисунками на отдельных листах – Петроград: Гос. из-во, 1921. – 129 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Судьба и характер: эссе / Вальтер Беньямин; пер. с нем. И. Алексеевой, Н. Бакши, А. Белобратова и др. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 448 с.
4. Гоголев А. К. Форматы русских рукописных книг; соотношение систем измерения основных форматов книг [Электронный ресурс] – Встарь, или, как жили люди. – 2015. – Режим доступа: https://www.lifeofpeople.info/LibraryOwnData/Conspect/22_76_21_s1.pdf
5. Депсамес Л. П., Яковлева С. И. Роль графического оформления книги в восприятии произведений художественной литературы // Карельский научный журнал. – 2019. – №4 (29). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-graficheskogo-oformleniya-knigi-v-vospriyatii-proizvedeniy-hudozhestvennoy-literatury
6. Кацпржак Е. История письменности и книги Москва: изд. «Искусство», 1955. – 358 с.
7. Корниенко М. А. Книгопечатание как событие культуры и способ формирования интеллектуального генома [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение – 2025. – №59. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/knigopechatanie-kak-sobytie-kultury-i-sposob-formirovaniya-intellektualnogo-genoma-1
8. Лоос А. Орнамент и преступление (1908): пер. В. Г. Калиша / Иконников А. В. Мастера архитектуры об архитектуре. Москва: изд. «Искусство», 1972. – 343 с.
9. Маркин В. В., Сошина Н. А. Методологические основы книжной иллюстрации: исторический и теоретический аспекты // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2022. – №. 4. – С. 57.
10. Пешина Т. В. Книжный переплет как неотъемлемая часть искусства книги: проблемы изучения и описания / Т. В. Пешина // Библиотека в XXI веке: деятельность, инициативы и результаты : Материалы XV Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов, Минск, 20 февраля 2024 года. – Минск: ИВЦ Минфина, 2024. – С. 193-198.
11. Помелов В. Б. Основоположник книгопечатания Иоганн Гутенберг. К 625-летию со дня рождения // Историко-педагогический журнал. 2025. № 2. – 2026. – Т. 48. – №. 1. – С. 48-58.
12. Попова А. В. Книга как целостный организм: история и современные тенденции / А.В. Попова, Е. С. Пашко // Материалы докладов 56-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов : В ДВУХ ТОМАХ, Витебск, 19 апреля 2023 года. Том 2. – Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2023. – С. 175-177.
13. Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII столетие включительно: Тексты. Материалы. Снимки: собрал и примечаниями снабдил Павел Симони. – Санкт-Петербург, 1903. – С. 122.
14. Тараканова О. Л. Из истории отечественного переплетного дела XVIII века [Электронный ресурс] // Вестник МГУП. 2015. №4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-perepletnogo-dela-xviii-veka
15. Щелкунов М. Искусство книгопечатания в его историческом развитии. – Москва: Издание Московского института журналистики, 1923. – С.76-77

Фролова Е.И. ПАТРИОТИЗМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ. Н. рук. Семченко И.В.

В современных условиях изучение темы патриотизма является особо актуальной, как никогда. Патриотизм представляет собой любовь, преданность и привязанность к своей Родине. Еще в древности начал изучать данную тему. Цицерон, Сократ и Платон заложили основы гражданского долга и любви к Отечеству. Жан-Жак Руссо, Никколо Макиавелли и Томас Гоббс связывали патриотизм с идеей свободы, государства и общественного договора. важно то, что он также выступают фактором, объединяющий людей между собой: общая история, любовь к государству, уважение к предкам и их заслугам.

Современные конфликты на международной арене подчеркивают ценность сплоченности общества в это непростое время для государства, да и общества время в целом. Патриот должен не только любить, но и поддерживать свое государство несмотря ни на что.

Мамедов Б.М., Тованчова Е.Н. и Тлепцеришева С.А. в своей работе «Культура патриотизма и ее формирование ее в современной России» говорят о важности изучения и развития патриотизма. Государство всегда стремилось рассказать молодому поколению о истории и красотах своего края. Сейчас это особенно важно: многие стараются переписать историю и забыть о заслугах прошлых поколений, стараются разжечь межкультурные и межгосударственные конфликты, оправдать фашизм. В следствие этого патриотическое воспитание молодежи должно еще больше входить в нашу жизнь. Также патриотизм формирует человека, а он в свою очередь создает общество. В условиях глобализации люди все больше перенимают на себя западную культуру, меняя свою идентичность. В этом случае патриотизм служит средством защиты государственной идентичности и единства русского народа. [2].

Дмитрий Плынов в своем труде «Современный патриотизм. Особенности формирования патриотических ориентиров российской молодежи» говорит о важности патриотического воспитания среди молодежи. Он выделяет аспекты патриотического воспитания молодежи. Изучение истории и культуры своей страны помогает сформировать национальную идентичность и дает возможность лучше понимать традиции и передавать их другим поколениям. Понимание прошлого дает возможность продолжить будущее. Изучая открытий своей страны, помогает молодым людям развивать гордость за свою страну. Знакомство с новыми культурами помогает молодым людям развивать уважение к другим народам. Развитие гражданской позиции способствует формированию осознанию своей причастности к национальной истории и культуре государства. Это создает заинтересованность в делах государства. [3].

Рассмотрев различные стороны такого явления, как патриотизм, стоит обратить внимание на патриотизм в условиях миграции. Для этого нужно для начала исследовать сущность миграции и миграционных настроений в нашем обществе. Миграция – перемещение людей между различными регионами, странами или населенными пунктами, связанное со сменой места жительства.

Многие люди часто меняют свое место жительства, будь то переезд из села в город или из одной страны в другую. Существуют разные причины переезда:

семейные обстоятельства, поиск или смена работы, получение образование, поиск личной безопасности и другие. Многие причины побуждают людей сменить место жительства. И вот с одной стороны, край может оскудняться, терять трудовые ресурсы, а с другой люди переносят свою культуру с одного места в другое. То есть они несут идентичность в массу.

Можно ли жить в другой стране, но при этом оставаться патриотом? Рассмотрим разные точки зрения. Первой из них является, что нет, ведь патриот должен жить на родине, разделять ее судьбу. Он живет за территорией и развивает другую страну, не переживает одну судьбу с гражданами своего государства. И в целом, можно говорить, что он сбежал из своей страны, в сложный для нее момент, переложив бремя на других людей.

Но также существуют и другие точки зрения. Патриотизм – любовь к своей культуре и стране. Он живет в другой стране, но прививает своим детям родной язык, традиции государства. Он несет с собой культурный код и можно даже говорить, что расширяет границы своей страны. Можно привести в пример писателей мигрантов 20 века: Рахманинов, Стравинский. Они покинули свою страну, но продолжали прославлять и создавать русскую культуру за рубежом.

Сергея Рахманинова также можно назвать патриотом в миграции. После революции он уехал, но до конца жизни сохранял российский паспорт и отказывался принимать американское гражданство. Когда началась Великая Отечественная война он делал отчисления от своих концертов и помогал советской армии. Перед смертью он оставил свою русскую музыку и говорил, что, если бы не родина, он бы никогда не стал великим. Федор

Также существуют разные причины для миграции. Во-первых, следует разделять временную и постоянную миграцию. Ученые, студенты, дипломаты уезжают за границу за новыми знаниями, которые вскоре вернут к себе на Родину. Есть же постоянная миграция, которая часто связана с нежеланиями жить на территории данного государства. Федор Шаляпин жил в Париже, но всегда носил русскую одежду и пел русские песни. Он отказывался от зарубежных контрактов, если они требовали переделки под западный лад. Перед смертью он просил привести горсть русской земли, чтобы ее положили в его могилу (просьбу выполнили).

Таким образом, патриотом является человек, который любит свою Родину, ее традиции и культуру. Тот, кто действует в интересах своего государства. Если человек не вредит своей стране, оставляет связь с корнями, то его можно считать патриотом. А если он стыдится своего происхождения, никогда не планирует возвращаться обратно и не любит свою страну, то его уже нельзя называть патриотом.

Литература

1. Батурина О.С. Патриотоведение. Учебное пособие
2. Мамедов Б.М., Тованчова Е.Н. и Тлепцеришева С.А. Культура патриотизма и ее формирование ее в современной России
3. Плынов Д.Г. Современный патриотизм. Особенности формирования патриотических ориентиров российской молодежи
4. Фролова Е.И. Миграционные стратегии и установки сельской молодежи

Шевцова А. Ю. **РАЗВИТИЕ МОБИЛЬНЫХ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ ДЛЯ МОЛОДЁЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНЦЕПЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭФФЕКТ**
Н. рук. Семченко И.В.

Современные тенденции урбанистики и молодёжной политики демонстрируют запрос на гибкие, трансформируемые форматы работы с подрастающим поколением. Для Белгородской области, где значительная часть молодёжи сосредоточена не только в областном центре, но и в малых городах и районных центрах, особенно актуальным становится создание мобильных креативных пространств. Цель данной статьи – обосновать концепцию, выявить перспективы и оценить социокультурный эффект от внедрения мобильных креативных пространств для молодёжи Белгородской области.

Понятие «мобильное креативное пространство» трактуется нами как временная или перемещаемая физическая среда, оснащённая необходимым оборудованием (коворкинг, лекторий, мастерские, медиазона), которая позволяет организовать творческую, образовательную и коммуникативную деятельность молодых людей в любом муниципальном образовании. В отличие от стационарных молодёжных центров, такие пространства обладают высокой адаптивностью и низким порогом входа. Как отмечается в исследованиях по креативной экономике, «мобильность становится ключевым фактором доступности культурных благ для периферийных территорий» [1, с. 45]. Кроме того, мобильные форматы позволяют оперативно реагировать на актуальные молодёжные запросы: от уличного искусства до IT-хакатонов, а также минимизируют затраты на аренду и содержание недвижимости, что особенно важно в условиях ограниченных бюджетов муниципальных образований.

Важной характеристикой таких пространств является их событийная природа: они не существуют как постоянная точка притяжения, а «оживают» в определённое время и в определённом месте, создавая эффект новизны и повышая вовлечённость молодёжи. Это позволяет избежать эффекта «старения» инфраструктуры, когда привычный центр перестаёт вызывать интерес у аудитории. В мировой практике известны успешные примеры мобильных креативных пространств: «Creative Bus» в Финляндии, передвижные лаборатории Fab Lab в Германии, а также российский проект «Лаборатория путешествий» в Республике Татарстан [5, с. 112]. Во всех случаях ключевым результатом стало не только расширение охвата, но и формирование новых локальных сообществ, продолживших свою деятельность уже без мобильной платформы.

Концепция развития мобильных креативных пространств для Белгородской области базируется на трёх основных принципах: модульность (быстрая сборка/разборка), инклюзивность (доступность для разных групп молодёжи, включая сельскую) и событийная насыщенность (частная смена форматов). Принцип модульности предполагает использование унифицированных конструкций, которые можно перевозить в стандартном автомобильном прицепе и собирать силами 2–3 человек не более чем за 40 минут. Инклюзивность означает адаптацию пространства для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья (пандусы, тактильные элементы,

специальное ПО), а также для разных возрастных подгрупп (14–17 лет, 18–25 лет, 26–35 лет) с соответствующим наполнением контента. Событийная насыщенность подразумевает смену форматов каждые 2–3 дня: например, в понедельник – лекторий, во вторник – мастерская 3D-моделирования, в среду – киноклуб, в четверг – питч-сессия проектов, в пятницу – открытый микрофон.

Предлагается использовать два типа мобильных решений. Первый – «Креативный автобус»: трансформируемый микроавтобус (на базе Ford Transit или аналоги), в котором предусмотрены раскладные столы, встроенные экраны, акустическая система, точка доступа Wi-Fi и мини-типография для печати наклеек, футболок или буклетов. Маршруты строятся по принципу «треугольника»: большой город (Белгород) – районный центр – сельское поселение, с возвратом на базу каждые 3 дня. Запланированная периодичность – 2–3 выезда в неделю в разные муниципальные районы (проектный охват – 12 районов за полугодие). Второй тип – «Креативный конструктор»: набор лёгких модулей (раскладные стулья-трансформеры, складные сцены, передвижные перегородки, ноутбуки и проекторы), которые можно устанавливать в любом помещении (ДК, школа, библиотека) на срок до 2 недель. Модули упакованы в систему «умный чемодан» (каждый весит до 15 кг), что позволяет доставлять их даже в отдалённые сёла на попутном транспорте.

Аналогичный опыт в соседних регионах показал, что мобильные форматы увеличивают охват молодёжи в 2–3 раза по сравнению со стационарными точками [2]. Например, в Воронежской области проект «Креативный десант» за 2024 год охватил 8 районов, привлёк более 1 500 участников при бюджете в 20 раз меньшем, чем строительство одного молодёжного центра. В Липецкой области передвижная мастерская «Арт-Колесо» за 6 месяцев работы позволила запустить 14 локальных творческих проектов на селе, три из которых впоследствии получили грантовую поддержку [6, с. 47]. Эти данные подтверждают целесообразность масштабирования подобной практики в Белгородской области с учётом её специфики: высокой плотности сельских населённых пунктов, развитой транспортной сети и наличия активной молодёжной аудитории в каждом районе.

Перспективы внедрения в Белгородской области видятся следующими. Во-первых, сокращение неравенства в доступе к креативным индустриям между Белгородом и районами (в частности, Алексеевский, Валуйский, Шебекинский городские округа). Во-вторых, формирование сети «точек входа» для проектной деятельности молодёжи без необходимости ехать в областной центр. В-третьих, возможность оперативно реагировать на актуальные запросы: от айти-интенсива до арт-терапии. По оценкам департамента молодёжной политики Белгородской области, потенциальная аудитория мобильных форматов составляет 45-60 тыс. человек в возрасте 14–35 лет, проживающих за пределами 10-километровой зоны от Белгорода [3, с. 112].

Социокультурный эффект от внедрения мобильных креативных пространств может быть измерен через ряд индикаторов: увеличение доли молодёжи, участвующей в культурно-досуговых мероприятиях на селе (целевой показатель – +25% за 2 года); рост числа локальных молодёжных проектов, запущенных после работы мобильной площадки; снижение миграционной

активности среди молодёжи малых городов. Кроме того, такие пространства выполняют важную интегративную функцию: они становятся местом встречи волонтёров, студентов, молодых предпринимателей и творческих специалистов. Как справедливо утверждается в работе по молодёжной политике, «именно средовые факторы, а не только экономические стимулы, формируют долгосрочную привязанность молодого человека к месту жительства» [4, с. 78].

Однако существуют и риски, которые необходимо учитывать при проектировании мобильных пространств: недостаток квалифицированных тьюторов для работы на выезде, сезонная ограниченность (например, невозможность использования неотапливаемых модулей зимой), необходимость постоянного технического сопровождения. Частичное решение этих проблем мы видим в партнёрстве с Белгородским госуниверситетом и учреждениями СПО, где можно готовить мобильных волонтёров-модераторов, а также в использовании гибридного формата (офлайн + онлайн-трансляции мастер-классов).

Таким образом, развитие мобильных креативных пространств для молодёжи Белгородской области представляет собой социально востребованную и экономически целесообразную стратегию. Предложенная концепция позволяет повысить равномерность молодёжной инфраструктуры, стимулировать локальную креативность и снизить отток молодых людей из периферийных территорий. Дальнейшие исследования должны быть направлены на пилотное тестирование прототипов мобильных пространств в 2-3 муниципальных районах с последующей оценкой эффективности по заявленным индикаторам.

Литература

1. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и перспективы. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. – 312 с.
2. Миронова Е.А. Мобильные креативные пространства как инструмент развития территорий // Урбанистика и региональная политика. – 2024. – № 2. – С. 55-61.
3. Доклад о положении молодёжи в Белгородской области за 2025 год [Электронный ресурс] / Департамент молодёжной политики Белгородской области. – Белгород, 2026. – 145 с. – Режим доступа: https://belmolod.ru/reports/2025.pdf.
4. Ильинский И.М. Молодёжь и молодёжная политика: философия, история, теория. – М.: Голос, 2020. – 696 с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
6. Землянский В.Л., Калинина М.Р. Креативные пространства в малых городах: российский и зарубежный опыт // Региональные исследования. – 2023. – № 4. – С. 42-51.
7. О Стратегии развития молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р (ред. от 15.04.2026). – Режим доступа: http://government.ru/docs/all/102345/.
8. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 520 с.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2020. – 432 с.

Шинягин А. М. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ РЫНКА ТРУДА И КОНТУРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ. Н. рук. Счастливенко Т.В.

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью международной трудовой миграции в глобальной экономике и необходимостью формирования эффективной миграционной политики России. Миграция рабочей силы влияет на структуру рынков труда, демографические процессы и социально-экономическую стабильность [8]. Цель работы – комплексный анализ предпосылок, масштабов миграции и механизмов её регулирования с акцентом на российскую практику.

Международная трудовая миграция – процесс перемещения трудоспособного населения через границы с целью трудоустройства. Согласно неоклассической теории, миграция вызвана разницей в зарплатах: работники едут из регионов с низкой оплатой в более богатые. Теория двойственного рынка труда акцентирует спрос развитых стран на низкоквалифицированную рабочую силу, от которой отказывается местное население. Важную роль играют миграционные сети – родственные и дружеские связи, снижающие издержки переезда.

Среди экономических причин миграции главное место занимает разрыв в заработной плате (5–10 раз между развитыми и развивающимися странами), а также высокая безработица и демографическое давление. Экономические последствия миграции неоднозначны. Для стран-экспортеров главный позитивный эффект – денежные переводы (в 2025 году их глобальный объём составил около 656 млрд долл. США). Однако есть и издержки: «утечка мозгов», структурные диспропорции, социальные проблемы [11]. Принимающие страны компенсируют дефицит рабочей силы, но в низкоквалифицированных сегментах приток мигрантов может давить на зарплаты местных работников [6].

Российская Федерация занимает одно из ведущих мест в мировой системе трудовой миграции. По данным МВД РФ, в 2024 году на миграционном учёте состояло 9,8 млн иностранных граждан (+12,4% к 2023 г.). Основной поток идёт из стран Центральной Азии (около 75%): Узбекистан – 3,6 млн, Таджикистан – 1,9 млн, Кыргызстан – 1,1 млн [5]. Причины: разрыв в зарплатах в 4–6 раз, безвизовый/упрощённый режим, русский язык и развитые диаспоры. Трудовые мигранты сосредоточены в строительстве (35–40%), торговле (25–30%), обрабатывающих производствах (15–18%) [9]. При этом в 2024 году официальные разрешения имели лишь 3,2 млн человек, а доля нелегальной занятости оценивается в 40–60% [3].

Для системного анализа масштабов миграционных процессов целесообразно рассмотреть динамику основных показателей за последние годы, включая предварительные данные за 2025 год. Данные представлены в Таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в 2025 году численность иностранных граждан на учёте сократилась на 41,8% из-за ужесточения контроля, тогда как объём денежных переводов вырос на 12,2%, а эмиграция снизилась до 500 тыс. человек, что говорит о стабилизации миграционной ситуации.

На основе данных таблицы 1 построен график (Рисунок 1), отражающий динамику четырёх ключевых показателей миграции за 2022–2025 годы. Это

позволяет наглядно сопоставить разнонаправленные тренды: рост переводов на фоне сокращения миграционного учёта и стабилизацию эмиграции.

Таблица 1. – Основные показатели международной миграции в Российской Федерации в 2022–2025 гг

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Численность иностранных граждан на миграционном учёте, млн чел.	8,2	8,7	9,8	5,7
Численность иностранных работников с разрешительными документами, млн чел.	2,8	3,0	3,2	2,3
Эмиграция из России, тыс. чел.	480	870	650	500
Объём денежных переводов из России в страны СНГ, млрд долл. США	18,5	19,8	21,3	23,9

Источник: [9].

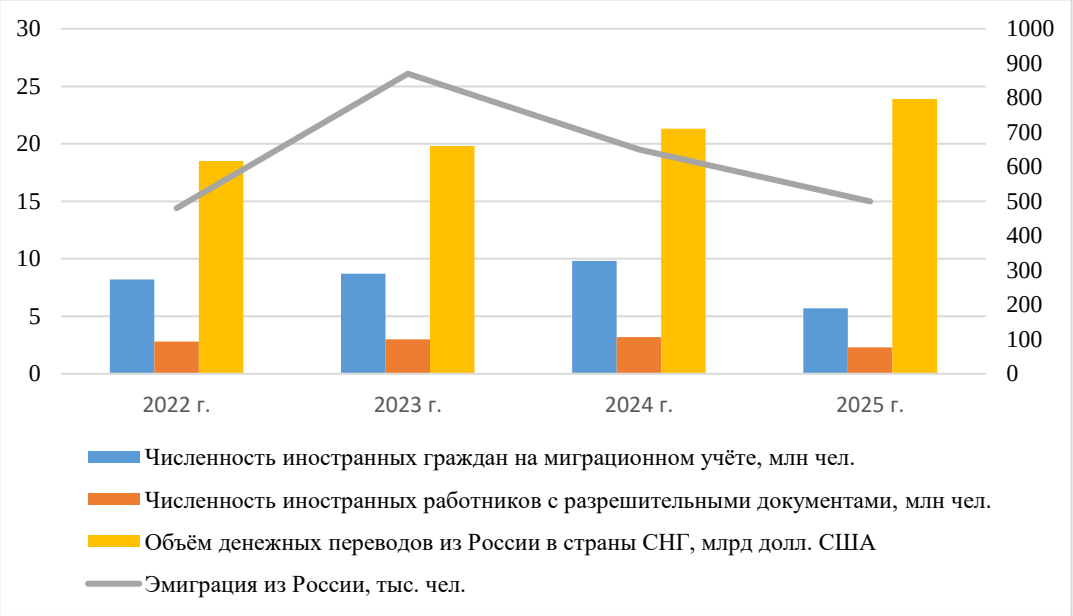

Рисунок 1. – Динамика основных показателей международной миграции в РФ в 2022–2025 гг

Рисунок 1 наглядно демонстрирует: несмотря на резкое падение числа иностранцев на учёте в 2025 году, объём денежных переводов продолжал расти, а эмиграция снизилась до 500 тыс. человек. Таким образом, структурные изменения миграционных потоков не привели к ослаблению экономической активности легально работающих мигрантов.

Одновременно Россия сталкивается с эмиграцией высококвалифицированных специалистов. В 2022–2023 гг. из страны выехало от 700 тыс. до 1 млн человек (IT-специалисты, финансисты, учёные), что создаёт дефицит кадров в инновационных секторах [7].

Ситуация на российском рынке труда характеризуется рекордно низкой безработицей (2,6% в 2024 г.). Дефицит рабочей силы вырос с 650 тыс. в 2022 г. до 1 180 тыс. в 2024 г., коэффициент напряжённости упал до 0,9 чел. на вакансию [4]. Численность трудоспособного населения сокращается (за 2022–2024 гг. на 500 тыс. чел., к 2030 г. – ещё на 3,7%). Внутренние резервы рабочей силы исчерпаны.

Государственное регулирование миграции включает комплекс мер. Правовую основу составляют федеральные законы №115-ФЗ, №62-ФЗ, №109-ФЗ. Административные инструменты – визы, патенты, квоты. Экономические – налоги и фиксированный авансовый платёж по патенту (от 4 200 до 9 000 руб./мес.). Для работодателей – штрафы от 250 до 800 тыс. руб. [1]. Для высококвалифицированных специалистов действует упрощённый порядок (зарплата от 2 млн руб./год) [2]. От мигрантов требуется сдача экзамена по русскому языку, истории и законодательству [8]. Однако эффективность многих инструментов невысока: миграционный контроль страдает от нехватки ресурсов и коррупции, нелегальная занятость растёт [10].

Демографические прогнозы говорят о росте потребности в мигрантах. По базовому сценарию, к 2030 г. численность легально работающих иностранцев может вырасти до 4,5 млн чел., доля высококвалифицированных специалистов – до 8,5%, уровень легализации – до 72% [10]. Предполагается диверсификация географии: доля мигрантов из Центральной Азии снизится с 73,5% до 68,5%, из Юго-Восточной Азии вырастет до 8,2% [11].

Международная трудовая миграция сложна для однозначной оценки – она приносит как преимущества, так и значительные издержки. С одной стороны, денежные переводы способствуют сокращению бедности в странах происхождения. С другой стороны, эмиграция квалифицированных работников ослабляет их долгосрочный экономический потенциал. В странах назначения приток мигрантов заполняет существующие пробелы на рынке труда, но одновременно усиливает давление на заработную плату низкоквалифицированных работников.

Россия находится в двойственной ситуации. Страна привлекает работников из Центральной Азии, но одновременно теряет своих высококвалифицированных специалистов. В то же время на российском рынке труда наблюдается острая нехватка рабочей силы (уровень безработицы составляет 2,6%, в среднем 0,9 безработных на одну вакансию). В этих условиях миграционные потоки имеют важное значение.

Государственное регулирование не может ограничиваться отдельными мерами. Необходим комплексный подход, сочетающий правовые, административные и экономические инструменты. К наиболее перспективным направлениям миграционной политики относятся: поддержка иммиграции высококвалифицированных специалистов, диверсификация стран происхождения мигрантов, углубление сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), усиление контроля за нелегальной занятостью и цифровизация системы регистрации. Реализация этих мер позволит снизить негативные последствия миграции и более эффективно использовать ее позитивный потенциал.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482345/

2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей)

иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов, дающих право на получение вида на жительство в упрощенном порядке» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – 2025. – Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1809953/
3. Более 850 тыс. нелегальных мигрантов включены в реестр контролируемых лиц в РФ в 2025 г. [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2026. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/1078583
4. В России заработал реестр контролируемых лиц для иностранцев [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2025. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/1006320
5. В Управлении по вопросам миграции подведены итоги деятельности за 2025 год [Электронный ресурс] // МВД России. – 2025. – Режим доступа: https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/77470099/
6. МВД назвало число депортированных из России мигрантов в 2025 году [Электронный ресурс] // РБК. – 2025. – Режим доступа: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/20/11/2025/691edba39a7947a9c140d9c7
7. Миграция ИТ-специалистов перестала влиять на софтверную индустрию РФ [Электронный ресурс] // ko.ru. – 2025. – Режим доступа: https://ko.ru/news/migratsiya-it-spetsialistov-perestala-vliyat-na-softvernuyu-industriyu-rf/
8. Новое в российском законодательстве (ежедневно) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/review/fed/fd2025-10-17.html
9. Росстат назвал регионы России с самым большим количеством мигрантов [Электронный ресурс] // MySeldon. – 2025. – Режим доступа: https://myseldon.com/ru/news/index/338939397
10. Совфед одобрил закон о праве мигрантов работать по патенту в двух регионах [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2025. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/politics/sovfed-odobril-zakon-o-prave-migrantov-rabotat-po-patentu-v-dvukh-regionakh.html
11. Через страны СНГ проходит все меньше денег россиян. Что изменилось [Электронный ресурс] // РБК. – 2026. – Режим доступа: https://pro.rbc.ru/demo/698084c69a7947028608a370/
World Migration Report 2024 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration (IOM). – 2024. – Режим доступа: https://worldmigrationreport.iom.int

Шишкина А.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ С МАРКЕРАМИ ЛЖИ. Н. рук. Середина Е.В.

Ежедневно люди сталкиваются с ложью: в социальных сетях, в новостях, в разговоре с друзьями. При этом большинство из нас уверены, что легко распознают обман, однако исследования показывают, что точность распознавания лжи у обычного человека около 54% [11]. Особенно сложно распознать ложь в разговоре, когда у нас нет времени анализировать каждое слово собеседника.

Несмотря на то, что каждый человек интуитивно понимает, что такое ложь, не существует однозначного научного определения. Одно из наиболее авторитетных определений принадлежит американскому психологу Полу Экману, который считал ложь «намеренным решением одного человека ввести в заблуждение другого, без предварительного уведомления о своем намерении» [9, с. 12]. Отечественный ученый В.В. Знаков определяет ложь как осознанное искажение субъектом истины. [2, с. 315]. Оба ученые отмечают ключевой признак – интенциональность, осознанное намерение обмануть. Если же человек сообщает недостоверную информацию, искренне считая ее истинной, такое высказывание квалифицируется не как ложь, а как заблуждение.

В процессе коммуникации информация передается как вербально, так и невербально. В лингвистике, различают невербальные и вербальные признаки лжи. Вербальные маркеры принято рассматривать на двух уровнях: лексическом и грамматическом.

На лексическом уровне наиболее частотными маркерами являются модификаторы/квалификаторы. К ним относятся модальные слова и частицы: *наверное, возможно, кажется, вероятно*, а также разговорные маркеры «типа», «как бы», «вроде». Последние особенно интересны тем, что в обычной речи они могут быть просто словами-паразитами. Однако в контексте ложного сообщения их частота резко возрастает, поскольку говорящий подсознательно смягчает категоричность своего утверждения. Другую группу составляют слова-заполнители, указывающие на неуверенность в правильности высказывания.

На грамматическом уровне выделяется несколько маркеров. Один из них – избегание личного местоимения «я». Вместо активной конструкции «я сделал» лжец может использовать страдательный залог («было принято решение») или безличные обороты («пришлось пойти»). Это позволяет снизить личную ответственность за неправду. Другой маркер – смена темпоральных форм. В русском языке это может проявляться как необоснованный переход из настоящего в прошедшее время при описании недавних событий, что свидетельствует о спонтанном конструировании истории. Также к грамматическим маркерам относят простые предложения и сложные громоздкие конструкции. Синтаксис предложения также может выдавать обман. Простые конструкции часто свидетельствуют о стремлении говорящего избежать детализации и быстрее завершить рассказ. Сложные конструкции, напротив, указывают на попытку замаскировать ложь избыточными подробностями. Такая тактика помогает заполнить паузы и дает говорящему дополнительное время на размышление, а также создает видимость достоверности [4].

Корпус текстов в лингвистике представляет собой совокупность текстов, собранная с определенными принципами для языкового анализа. В зависимости от целей исследования корпус может быть размечен на разных уровнях: морфологическом, синтаксическом, семантическом или прагматическом. «Процесс создания базы эмоциональной речи является долгим и трудоемким, поскольку при создании такой базы необходимо не только собрать речевой материал, но и провести разметку сигналов и их систематизацию» [1, с. 2].

В данном исследовании используется корпус текстов с маркерами лжи, собранный под руководством Балабановой Татьяны Николаевны зав. кафедры автоматизированных систем и технологий НИУ «БелГУ» в рамках работы над стратегическим технологическим проектом «Разработка гибридных технологий анализа речевых сигналов».

Для верификации теоретических положений о вербальных маркерах лжи было проведено исследование на материале устных высказываний студентов. В исследовании были проанализированы ложные истории учащихся НИУ «БелГУ». Каждому участнику было предложено представить устный рассказ, который мог быть как правдивым, так и вымышленным. Все рассказы были зафиксированы с помощью аудиозаписи и впоследствии транскрибированы. Анализ проводился по двум категориям маркеров: лексическим (слова неуверенности, хеджи, модификаторы/квалификаторы) и грамматическим (смена темпоральных форм, отсутствие личного местоимения «я»).

Для репрезентации результатов из общего корпуса студенческих рассказов были отобраны шесть показательных примеров: три от студентов младших курсов и три от студентов старших курсов. Данный доклад представляет собой пилотный этап исследования. В дальнейшем работа будет продолжена с привлечением большего объёма материала и углублённым анализом выявленных закономерностей.

В рассказах студентов младших курсов наиболее выраженными оказались грамматические маркеры, в частности смена темпоральных форм. В нескольких историях фиксировался переход от прошедшего времени к настоящему в кульминационных фрагментах повествования. Подобное употребление настоящего времени для описания событий прошлого свидетельствует, что говорящий не воспроизводит реальное событие по памяти, а конструирует его в момент речи. По синтаксической структуре у младших курсов преобладали простые предложения. Рассказчики не стремились к избыточной детализации. Их повествование было относительно лаконичным, что может указывать на желание быстрее завершить ложную историю и снизить риск противоречий.

Среди лексических маркеров у младших курсов преобладали эмоциональные усилители и слов-заполнители. В рассказах встречались такие единицы, как *никогда, абсолютно всё, вообще всё.* В одном из рассказов было зафиксировано многократное использование «очень», которое в контексте анализа выступало в роли усилителя-заполнителя. Также были зафиксированы хеджи, в том числе, *наверное, какая-то, временами*.

В рассказах студентов старших курсов грамматические маркеры практически отсутствовали: участники демонстрировали устойчивый контроль над временной структурой повествования. При этом лексические маркеры были выражены значительно ярче.

В рассказах старших курсов регулярно встречались хеджи *как будто бы, какие-то, что-то такое* и минимизаторы *слегка, особо не почувствовал.* Наиболее показательным маркером оказалась избыточная детализация. Рассказчики включали в повествование многочисленные второстепенные подробности (имена, числовые данные, описания нерелевантных действий), предположительно, с целью повышения правдоподобности сообщения. Правдивые нарративы, как правило, более лаконичны, тогда как избыточная детализация чаще сопровождает ложные сообщения.

На основе анализа для наглядного сравнения частотности маркеров лжи у студентов младших и старших курсов была выполнена диаграмма (Рисунок 1).

Рисунок 1. – Диаграмма

Сопоставление двух групп позволяет сделать следующие наблюдения.

Общее количество маркеров выше у студентов младших курсов. Их сообщения содержат больше смен времен, простых предложений, эмоциональных усилителей и модификаторов. Данное различие может объясняться более высокой когнитивной нагрузкой, которую испытывают первокурсники при конструировании ложного сообщения, а также недостаточным развитием навыков речевого самоконтроля.

Во-вторых, у младших курсов преобладают грамматические сбои, тогда как у старших курсов доминируют лексические маркеры (хеджи, избыточная детализация). Старшекурсники успешнее удерживают формальную структуру повествования, но выдают себя через лексический состав речи.

В-третьих, среди старших курсов наблюдается более высокая вариативность: один участник продемонстрировал минимальное количество маркеров, другой – высокую частотность. Это может свидетельствовать о том, что с возрастом и накоплением коммуникативного опыта одни говорящие совершенствуют способность контролировать речь при неискренности, тогда как другие вырабатывают компенсаторные стратегии, в частности сверхдетализацию.

Таким образом, проведённое исследование показало, что в русском и английском языках существуют устойчивые вербальные маркеры лжи, проявляющиеся на лексическом и грамматическом уровнях.

Анализ теоретического материала и студенческих рассказов позволил выявить как общие, так и специфические особенности неискренней речи.

Результаты практического исследования показали, что у студентов младших курсов чаще встречаются грамматические маркеры, прежде всего связанные с особенностями построения высказывания, тогда как

старшекурсники используют более сложные лексические стратегии, включая хеджи, преуменьшения и избыточную детализацию. При этом именно избыточная детализация оказалась наиболее универсальным маркером лжи в обеих группах.

Важно отметить, что ни один из выделенных признаков не может рассматриваться как абсолютное доказательство неискренности. Однако их совокупность позволяет более точно анализировать речевое поведение и может быть полезна в лингвистических и психолингвистических исследованиях.

Литература

1. Балабанова, Т. Н. Использование нейронных сетей для распознавания агрессии по речевому сигналу / Т. Н. Балабанова, К. В. Абрамов, Д. И. Гайворонская // Научно-технический журнал. – 2024. – № 2(142). – С. 2.
2. Знаков, В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – Москва, Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 315.
3. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009. – С. 44 – ISBN 978-5-388-00425-3
4. Кулешова, О. А. Вербальный и невербальный уровень диагностики лжи [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://golnk.ru/zxk91.
5. Рахматуллин, Р. Ю. Истина как философская категория / Р. Ю. Рахматуллин // Молодой ученый. – 2014. – № 13 (72). – С. 332-335. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/72/12329.
6. Рыжова, Мария. Почему люди врут: как различать ложь и правду [Электронный ресурс] // Московский институт психологии. – 2025. – Режим доступа: https://mip.institute/journal/pochemu-lyudi-vrut-kak-razlichat-lozh-i-pravdu.
7. Скляр, О. Ю. Проблема выявления вербальных и невербальных маркеров лжи в межличностном общении / О. Ю. Скляр // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 655-659. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/105/24785.
8. Шунейко, А. А. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов / А.А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – Москва: Владос, 2018. – ISBN 978-5-906992-91-8.
9. Экман, П. Психология лжи / Пол Экман. – 2009. – С. 12, 59. – ISBN 978-5-4461-0918-0.
10. Lakoff, D. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1972. № 2(4). P. 458–508. DOI 10.1007/BF00262952
11. Vrij, A. Reading Lies: Nonverbal Communication and Deception / A. Vrij, M. Hartwig, P.A. Granhag // Annual Review of Psychology. – 2019. – Vol. 70. – P. 295-317. – DOI 10.1146/annurev-psych-010418-103135. – PMID 30609913.

Шубина Д. И. ИНВЕСТИЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Н. рук. Счастливенко Т.В.

В свете введения масштабных санкционных ограничений в отношении Российской Федерации наблюдается прекращение странами Запада экономических связей с Россией. Данная тенденция представляет угрозу для экономической безопасности России и ставит перед государством задачу структурной трансформации экономики. Перелом в экономической системе приводит к снижению уровня инвестиционной безопасности, поскольку отсутствие стабильности сдерживает приток капитала [1, 2].

В рамках данного исследования под инвестиционной безопасностью понимается способность национальной экономики привлекать и эффективно использовать инвестиционные ресурсы в объёмах, достаточных для расширенного воспроизводства, технологической модернизации и устойчивого роста, при минимизации угроз и защите прав инвесторов. Как отмечает В.К. Сенчагов, «инвестиционная безопасность обеспечивает экономически безопасное обновление и воспроизводство основного капитала» [3]. По мнению Э.В. Рогатенюк, инвестиционная безопасность защищает инвестиционные ресурсы, способствуя инновационному обновлению капитала [4].

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [1], ключевыми индикаторами являются: доля инвестиций в основной капитал в ВВП (порог – не менее 25%); доля инвестиций в машиностроение (порог – не менее 20%); отношение чистого вывоза капитала частным сектором к ВВП (порог – не более 5%); степень износа основных фондов в промышленности (порог – не более 40%).

Инвестиции в основной капитал являются наиболее информативным индикатором инвестиционной безопасности. Рассмотрим динамику этого показателя в России за 2021–2025 гг. [6] (Таблица 1).

Таблица 1. – Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в 2021-2025 гг.

Год	Объём инвестиций, млрд руб.	В % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	Доля в ВВП, %
2021	22945	107,7	19,2
2022	27892	104,6	18,7
2023	34036	110,9	19,5
2024	39454	108,4	19,7
2025*	38565	97,7	19,3

*2025 год – предварительная оценка Росстата.

Источник: [6].

В 2025 году впервые за пять лет инвестиции сократились на 2,3%, а доля в ВВП снизилась до 19,3%, не достигнув порога 25% [1, 6]. Это свидетельствует о хроническом недоинвестировании экономики.

Структура инвестиций по видам экономической деятельности [6] (Таблица 2) показывает устойчивый перекос в пользу добывающих отраслей.

Таблица 2. – Структура инвестиций в основной капитал по отдельным видам экономической деятельности в 2023-2025 гг. (в % к итогу)

Вид деятельности	2023	2024	2025*
Добыча полезных ископаемых	17,8	18,5	18,9
Обрабатывающие производства	16,7	17,2	16,8
в том числе машиностроение	11,9	12,6	12,3
Транспортировка и хранение	14,4	14,1	13,8
Деятельность в области информации и связи	3,5	3,7	3,6

*2025 год – оценка на основе оперативных данных.

Источник: [6].

Доля добывающих отраслей выросла до 18,9%, а доля машиностроения снизилась до 12,3% при необходимых 20% [1, 6]. Это создаёт прямую угрозу технологической безопасности. В Китае доля инвестиций в обрабатывающие производства превышает 30% [9].

Взаимосвязь между инвестиционной безопасностью и экономическим ростом носит двусторонний характер. Эмпирические исследования показывают: увеличение доли инвестиций в ВВП на 1 п.п. даёт прирост ВВП на 0,3–0,5% [5]. Для России 2021–2025 гг. эта связь прослеживается отчётливо (Таблица 3).

Таблица 3. – Темпы роста ВВП и инвестиций в основной капитал в РФ в 2021-2025 гг. (в % к предыдущему году)

Год	ВВП	Инвестиции в основной капитал
2021	105,9	106,7
2022	97,9	106,7
2023	103,6	110,9
2024	104,1	107,4
2025*	101,0	97,7

*2025 год – оценка.

Источник: [6].

В 2025 году падение инвестиций до 97,7% привело к замедлению роста ВВП до 1,0% [6, 7]. Отток капитала за 2021–2025 гг., по данным ЦБ РФ, превысил 300 млрд долл. [8]. Высокая ключевая ставка (16–20%) снизила долю кредитных средств в инвестициях с 17% до 10–11% [7].

Прогноз ключевых индикаторов на 2026–2027 гг. В рамках данного исследования на основе официальных данных Росстата [6] и ЦБ РФ [8] за 2021–2025 гг. с использованием метода экстраполяции трендов (линейная экстраполяция по фактическим данным последних трёх лет, 2023–2025) были рассчитаны прогнозные значения. Расчёт выполнялся в табличном процессоре: для каждого индикатора строился линейный тренд, затем полученное уравнение использовалось для экстраполяции на 2026 и 2027 годы. В результате (инерционный сценарий, без учёта возможных резких изменений внешней среды) получены следующие прогнозные показатели. Доля инвестиций в ВВП в

2026 году составит около 19,5%, в 2027 году – 19,3–19,5% (пороговое значение 25% не достигается). Доля машиностроения в общем объёме инвестиций – около 12,4% в 2026 году и 12,3–12,5% в 2027 году (порог 20%). Степень износа основных фондов в обрабатывающей промышленности, по расчётам, достигнет 50,1% в 2026 году и 51,0% в 2027 году (превышение порога 40%). Чистый вывоз капитала сохранится на уровне 28–30 млрд долл. ежегодно, а прямые иностранные инвестиции – 8–10 млрд долл. в год, что в 6–7 раз ниже уровня 2013 года (около 69 млрд долл.) [8]. Таким образом, при сохранении текущих тенденций все ключевые индикаторы инвестиционной безопасности останутся в зоне риска как минимум до конца 2027 года. Достижение пороговых значений без активного государственного вмешательства невозможно [1].

На основе проведённого анализа сформулированы рекомендации по повышению уровня инвестиционной безопасности России к 2030 году [2, 1, 6, 7]. Необходимо увеличить долю инвестиций в ВВП до 22–23% за счёт бюджетных вливаний и субсидирования кредитных ставок до 8–10% [5]. Повысить долю машиностроения до 18–20% через отраслевые квоты и Фонд развития промышленных инвестиций (500 млрд руб.) [6]. Сократить отток капитала до 15–20 млрд долл. в год путём валютного контроля и страховки рисков [8]. Снизить износ фондов до 45% с помощью ускоренной амортизации и льготного лизинга [6]. Стабилизировать ПИИ на уровне 20–25 млрд долл. за счёт работы с азиатскими инвесторами [7]. Снизить ключевую ставку до 5–7% для роста доли кредитных средств до 15–18% [7].

Таким образом, в 2021–2025 гг. инвестиционная безопасность России находилась в зоне риска. Реализация предложенных рекомендаций позволит приблизить индикаторы к безопасным значениям и обеспечить устойчивый экономический рост [2, 1, 6].

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 .
2. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России. – М.: Институт экономики РАН, 1999. – 211 с.
3. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. – М.: Финстатинформ, 2002. – 368 с.
4. Рогатенюк Э.В. Сущность и основные компоненты инвестиционной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2018. – Т. 4 (70), № 3. – С. 159–170.
5. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Инвестиции как фактор долгосрочного роста // Экономическая политика. – 2020. – № 5. – С. 40–67.
6. Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в России. 2025: статистический сборник. – М.: Росстат, 2025. – 180 с.
7. Министерство экономического развития РФ. Обзор инвестиционной активности в Российской Федерации за 2024–2025 годы. – М., 2025. – 45 с.
8. Центральный банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора [Электронный ресурс]. – 2026. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/ .
9. Всемирный банк. World Development Indicators 2024 [Электронный ресурс]. – 2026. – Режим доступа: https://databank.worldbank.org/ .

Раздел 2. Педагогические и психологические науки

Бабенко В. А. ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА Н. рук. Гончарук С.В.

Современное общество характеризуется устойчивым ростом гиподинамии – недостатка физической активности, которая становится глобальной проблемой, способствуя развитию целого ряда неинфекционных заболеваний и ухудшению здоровья населения в целом [5]. По оценкам экспертов, низкая физическая активность является одним из ведущих факторов риска смертности от сердечно-сосудистых осложнений, диабета 2-го типа, ряда онкологических заболеваний, деменции и депрессии [6]. Несмотря на широкую пропаганду здорового образа жизни, значительная часть населения, особенно в развитых странах, не выполняет минимальные рекомендации по объёму двигательной активности.

Эта проблема носит многогранный характер, затрагивая не только физическое, но и психическое, и социальное благополучие человека. Снижение двигательной активности ведёт к детренированности основных функциональных систем организма, снижению адаптационных резервов, ухудшению обмена веществ и, как следствие, к росту заболеваемости и преждевременному старению. В связи с этим, остро встаёт вопрос о всестороннем научном осмыслении механизмов положительного влияния физической культуры и поиске эффективных путей её интеграции в повседневную жизнь человека для улучшения качества жизни и увеличения её продолжительности.

Целью работы является анализ и обобщение современных научных данных о многогранном влиянии физической культуры на организм человека, включая изучение физиологических механизмов, эффектов воздействия на ключевые системы организма и обоснование её роли как важнейшего фактора укрепления здоровья и профилактики заболеваний [2, 4].

В основе всех положительных эффектов физической культуры лежит фундаментальное свойство организма – адаптация. Регулярные и дозированные физические нагрузки вызывают в организме сложные физиологические и биохимические изменения, которые носят приспособительный характер [8].

В процессе адаптации принято выделять два ключевых этапа: срочную и долговременную адаптацию. Срочная адаптация возникает непосредственно во время выполнения физического упражнения. Она характеризуется мобилизацией функциональных резервов: учащением пульса, повышением артериального давления, усилением дыхания, активацией обмена веществ и выделением гормонов (например, адреналина). Эти изменения позволяют организму «здесь и сейчас» справиться с повышенной метаболической потребностью, вызванной мышечной работой.

При систематическом повторении нагрузок формируется долговременная адаптация. Она основана на морфологических, метаболических и функциональных перестройках в различных органах и тканях, а также на совершенствовании нервной и гуморальной регуляции функций [7].

Результатом долговременной адаптации является:

1. Усиление максимальных функциональных возможностей организма (например, рост максимального потребления кислорода).

2. Повышение эффективности (экономичности) работы систем организма. Это проявляется в том, что для выполнения одной и той же стандартной работы тренированному организму требуется меньше энергии и напряжения функций (снижение частоты сердечных сокращений (ЧСС) и потребления кислорода в покое и при стандартной нагрузке).

Именно долговременная адаптация лежит в основе оздоровительного и профилактического эффекта физической культуры.

Влияние на сердечно-сосудистую и дыхательную системы

Сердечно-сосудистая система (ССС) является одной из главных «мишеней» для физических упражнений.

Регулярные тренировки оказывают мощное тренирующее и защитное воздействие [1, 7]:

1. Укрепление сердечной мышцы. Подобно скелетной мускулатуре, миокард под воздействием регулярной нагрузки гипертрофируется, становится более сильным и выносливым.

2. Повышение эффективности работы сердца. Тренированное сердце за одно сокращение перекачивает больший объём крови, что позволяет ему работать в более экономичном режиме с более низкой ЧСС в покое и при нагрузке.

3. Улучшение состояния сосудов. Физические упражнения способствуют повышению эластичности сосудистой стенки, нормализации артериального давления, снижению уровня «плохого» холестерина (ЛПНП) и повышению «хорошего» (ЛПВП) [6]. В совокупности эти эффекты ведут к значительному снижению риска развития атеросклероза, ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда и инсульта.

4. Увеличение электрической стабильности миокарда. Регулярные физические нагрузки снижают риск возникновения опасных нарушений ритма сердца.

Дыхательная система работает в тесной связке с сердечно-сосудистой. Физические упражнения тренируют дыхательные мышцы, увеличивают жизненную ёмкость лёгких (ЖЕЛ) и максимальную лёгочную вентиляцию [9]. Это повышает способность организма поглощать и транспортировать кислород, что является ключевым фактором аэробной выносливости. У тренированных людей наблюдается более низкая частота дыхания в покое и более эффективный газообмен.

Влияние на опорно-двигательный аппарат и обмен веществ

Физическая культура является основным средством поддержания и развития опорно-двигательного аппарата (ОДА). Систематические упражнения, особенно силовой и скоростно-силовой направленности [2]:

1. Укрепляют мышцы, кости, сухожилия и связки. Это повышает общую физическую работоспособность, улучшает координацию движений и является лучшей профилактикой травматизма в быту.

2. Увеличивают плотность костной ткани. Регулярная нагрузка на скелет стимулирует процессы костеобразования, что является важнейшим фактором в профилактике остеопороза, особенно у женщин в постменопаузе.

3. Улучшают подвижность в суставах. Упражнения на растяжку и гибкость помогают сохранить амплитуду движений, предотвратить возрастные изменения в суставах и улучшить питание хрящевой ткани [4].

Физическая активность играет ключевую роль в нормализации обмена веществ. Она способствует увеличению расхода энергии, что в сочетании с рациональным питанием является самым эффективным методом контроля веса и профилактики ожирения. Регулярные тренировки повышают чувствительность тканей к инсулину, что является мощным фактором профилактики сахарного диабета 2-го типа [7]. Данные мета-анализа показывают, что у людей, проходящих 7000 шагов в день, риск развития диабета 2 типа снижается на 14% [10].

Влияние на нервную систему и психическое здоровье

Влияние физической культуры не ограничивается только соматическим здоровьем. Не менее значимым является её воздействие на центральную нервную систему (ЦНС) и психику [3]:

1. Снижение уровня стресса и тревожности. Во время физической активности в мозге вырабатываются эндорфины и другие нейромедиаторы (дофамин, серотонин), которые обладают естественным антидепрессивным и анксиолитическим эффектом. Результаты крупных исследований демонстрируют, что достаточный уровень физической активности ассоциируется со снижением симптомов депрессии на 22% [6].

2. Улучшение когнитивных функций. Регулярные упражнения улучшают кровоснабжение мозга, стимулируют нейрогенез (образование новых нервных клеток) и способствуют сохранению когнитивных способностей в пожилом возрасте. Это подтверждается снижением риска развития деменции на 38% у физически активных людей [11].

3. Повышение устойчивости к неблагоприятным факторам. Тренированный организм демонстрирует повышенную сопротивляемость к перегреванию, переохлаждению, гипоксии и другим стрессовым воздействиям.

Профилактический потенциал и социальные аспекты.

Физическая культура является мощным и экономически эффективным инструментом профилактики. Крупное исследование, проведённое в России, показало, что фактор «систематически занимается физической культурой и спортом» статистически значимо снижает вероятность наличия 12 видов заболеваний, включая все изученные сердечно-сосудистые патологии [5]. Регулярная физическая активность также ассоциирована со снижением риска развития рака толстой кишки и некоторых других онкологических заболеваний.

Нельзя игнорировать и социальный аспект физической культуры. Занятия в группах, командные виды спорта способствуют социализации, укреплению социальных связей и формированию коммуникативных навыков. Исследования показывают, что виды спорта с высокой социальной вовлеченностью (теннис, бадминтон) дают наибольший «прирост» к ожидаемой продолжительности жизни – до 10 лет [11]. Это подчеркивает, что польза физической культуры выходит далеко за рамки чисто физиологических эффектов и включает важные психосоциальные компоненты.

Таким образом, физическая культура является не просто одним из компонентов здорового образа жизни, а его системообразующим фундаментом [3, 4]. Её влияние на организм человека носит комплексный, многоуровневый характер, затрагивая все функциональные системы, от молекулярного до социального уровня. Регулярная и рационально дозированная физическая

активность запускает каскад адаптационных перестроек, приводящих к экономизации работы органов, повышению функциональных резервов, укреплению иммунитета, улучшению психоэмоционального состояния и, как следствие, к значительному снижению риска развития хронических неинфекционных заболеваний и увеличению продолжительности жизни [5, 11]. В условиях глобальной проблемы гиподинамии популяризация и внедрение физической культуры во все сферы жизни человека являются приоритетной задачей как для системы здравоохранения, так и для общества в целом.

Литература

1. Владимирский, В. Е. Значение физических нагрузок в реабилитации больных сердечно-сосудистыми заболеваниями / В. Е. Владимирский, Е. В. Владимирский, А.Н. Лунина [и др.] // Вестник восстановительной медицины. – 2020. – № 5 (99). – С. 104–112.
2. Еськова, К. В. Влияние спорта на здоровье человека / К. В. Еськова // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 146–148.
3. Ильюшин, О. В. Физическая культура как ключевой элемент успешного образа жизни: исследование психологических и физиологических аспектов / О. В. Ильюшин, Н.И. Абзалов, П. О. Ильюшина // Казанская наука. – 2024. – № 5. – С. 52–54.
4. Коморова, В. П. Медико-биологические аспекты оздоровительной и адаптивной физической культуры и спорта / В. П. Коморова // Инновационные формы и практический опыт физического воспитания детей и учащейся молодежи : сб. науч. ст. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 339–343.
5. Маношкина, Е. М. Связь систематических занятий физической культурой и спортом и риска возникновения заболеваний взрослого населения России / Е. М. Маношкина, В. И. Климко, В. А. Медведев [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. – 2024. – № 2. – DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-2-14.
6. Польза от физических нагрузок // Справочник MSD Версия для потребителей. – 2023. – URL: https://www.msdmanuals.com/ru/home
7. Сущевич, Д.С. Влияние физических упражнений на метаболизм и ремоделирование сердечно-сосудистой системы / Д.С. Сущевич, И.В. Рудченко, В.А. Качнов // Наука молодых (Eruditio Juvenium). – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 433–443.
8. Общие физиологические принципы занятий физической культурой и спортом // Инфоурок. – URL: https://infourok.ru/teoreticheskaya-chast-obshie-fiziologichnskie-principy-zanyatij-fizicheskoj-kulturoj-i-sportom-4372832.html.
9. Полевая, Т. Н. Физическая активность как составляющая здорового образа жизни, влияющая на дыхательную систему подростков / Т. Н. Полевая // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 276–278.
10. 7000 шагов может быть вполне достаточно // Национальный медицинский исследовательский центр кардиологии имени академика Е. И. Чазова. – 30.07.2025. – URL: https://www.cardio.ru/news/cardiology/7000-shagov-hodba-smertnost/.
11. Спорт для долголетия: некоторые виды спорта могут способствовать увеличению продолжительности жизни // Лечащий врач. – 14.08.2025. – URL: https://amp.lvrach.ru/news/15438297.

Баланова В.Э. ВЛИЯНИЕ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА. Н. рук. Мирошникова О.С.

Современный ребенок с ранних лет погружен в медиапространство, важнейшую часть которого составляют анимационные фильмы. Мультипликация, будучи одним из самых любимых и доступных видов искусства для детей, не только развлекает, но и служит мощным инструментом трансляции культурных норм, ценностей, образцов поведения и моделей мира. В условиях глобализации и свободного доступа к контенту различных стран проблема влияния анимации на формирование личности ребенка приобретает особую остроту и актуальность [9, с. 105].

Анимационные фильмы являются важнейшим фактором социализации, особенно на этапе младшего школьного возраста, когда закладываются основы мировосприятия, характера и моральных установок [11, с. 152]. Исследования показывают, что длительный и бесконтрольный просмотр низкокачественных анимационных продуктов, перенасыщенных сценами агрессии, может приводить к росту тревожности, агрессивности, искажению ценностно-смысловой сферы [12, с. 34]. В противовес этому, качественные мультфильмы способствуют развитию эмоционального интеллекта и формированию нравственных понятий [13, с. 144]. Возникает противоречие между огромным воспитательным потенциалом анимации и отсутствием системных знаний о механизмах ее влияния на личность, а также четких критериев отбора контента [3, с. 190].

Цель настоящего исследования – теоретическое обоснование и эмпирическое изучение психологических особенностей влияния анимационных фильмов на формирование личности детей младшего школьного возраста.

Объект – личность ребенка 7–10 лет.

Предмет – особенности и механизмы влияния анимации на эмоциональную, когнитивную и ценностно-смысловую сферы.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между предпочтением определенного типа анимационных фильмов и уровнем личностной тревожности, а также характером ценностных ориентаций у детей младшего школьного возраста; дети, предпочитающие зарубежные анимационные фильмы с динамичным сюжетом, демонстрируют более высокий уровень тревожности по сравнению с детьми, ориентированными на отечественную анимацию классического типа.

Теоретико-методологической основой работы послужили культурно-историческая концепция Л.С. Выготского [1], теория социального научения А. Бандуры [17], концепция возрастной периодизации Д.Б. Эльконина [4], а также современные исследования в области психологии медиавоздействия Е.О. Смирновой и В.С. Собкина [6].

Анимационное кино представляет собой уникальный феномен современной культуры. Слово «анимация» происходит от латинского «anima» – душа, что указывает на глубинную сущность этого явления: «одушевление» неподвижных образов. Это свойство находит мощный отклик в детской психике,

которая, по утверждению Ж. Пиаже, характеризуется анимизмом – склонностью приписывать душу и намерения неодушевленным предметам [3, с. 32]. Данное совпадение делает мультипликацию наиболее понятным для ребенка видом экранного творчества. В современной психологии выделяют три основных вектора влияния анимации: когнитивный (формирование образа мира), эмоциональный (развитие эмпатии и уровня тревожности) и поведенческий (усвоение моделей действий) [17, с. 30]. Механизм идентификации, описанный А. Бандурой, заключается в том, что дети усваивают новые модели поведения через наблюдение за значимыми персонажами [11, с. 153].

Восприятие анимационного фильма – это активный процесс, опосредованный возрастом. В младшем школьном возрасте (7–10 лет) с поступлением в школу картина восприятия существенно меняется. Развивается словесно-логическое мышление, ребенок учится отделять реальность от вымысла, однако эмоциональная вовлеченность остается высокой. Ребенок начинает воспринимать мультфильм как текст, который можно анализировать. Именно в этом возрасте влияние мультфильмов наиболее сильно сказывается на формировании ценностных ориентаций и морально-нравственной сферы [7, с. 105]. Исследования Е.О. Смирновой и В.С. Собкина показали, что современные младшие школьники все чаще ориентируются на зарубежную анимацию, в которой часто размыты границы добра и зла [6, с. 4]. Классические для отечественной педагогики ценности коллективизма и взаимопомощи замещаются ценностями индивидуализма и гедонизма.

Эмпирическое исследование проводилось на базе МБОУ «Мешковская СОШ». В исследовании приняли участие 50 детей младшего школьного возраста (учащиеся 1–3 классов, 7–9 лет). Был использован комплекс из двух методик: «Анкета для изучения предпочтений анимационных фильмов» (модифицированный вариант анкеты М.А. Муртазиной и Л.В. Оконечниковой, 2019) [7] и «Методика диагностики страхов у детей „Страхи в домиках“» (А.И. Захаров и М. Панфилова) [18].

Все испытуемые были разделены на две группы на основе анализа их ответов о любимых мультфильмах. Группа А (44% испытуемых) – «Любители классической и отечественной анимации» («Ну, погоди!», «Винни-Пух», «Король Лев», «Бременские музыканты»). Группа Б (56% испытуемых) – «Любители современной массовой анимации» («Щенячий патруль», «Холодное сердце», «Человек-паук», «Том и Джерри», аниме-сериалы). Анализ возрастной динамики показал, что к 8–9 годам мальчики почти поголовно уходят в супергероику и аниме (более 70%), девочки – в сериалы о моде и магии, при этом интерес к советской классике у большинства отсутствует, что согласуется с данными Собкина и Смирновой [6, с. 4].

Самым ярким отличием между группами стала глубина идентификации с героем. Дети из Группы А при ответе на вопрос «Почему он тебе нравится?» в 70% случаев называли личностные и моральные качества: «он добрый», «он заботливый», «он помогает друзьям». Дети из Группы Б в 85% случаев называли внешние, статусные или функциональные атрибуты: «он сильный», «он круто стреляет паутиной», «у нее красивое платье». На вопрос «Что бы ты сделал на его месте?» дети из Группы А давали конструктивные ответы («поговорил бы»,

«попросил бы прощения»), а дети из Группы Б – агрессивно-действенные («ударил бы», «убил бы», «победил бы всех») [7, с. 106].

Результаты по методике «Страхи в домиках» представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Распределение уровня тревожности в группах А и Б

Уровень тревожности (количество страхов)	Группа А («Классика»)	Группа Б («Масс-маркет»)
Низкий (менее 7 страхов)	12 %	4 %
Средний (норма, 7–15 страхов)	76 %	48 %
Высокий (более 15 страхов)	12 %	48 %

Как видно из таблицы, в Группе А преобладает средний уровень тревожности (76%), что соответствует возрастной норме. В Группе Б почти половина детей (48%) демонстрируют высокий уровень тревожности, что является отклонением от нормы и требует психологического внимания [6, с. 82]. У детей из Группы Б значительно чаще встречались иррациональные страхи, прямо связанные с мультипликационными образами: «боюсь суперзлодеев», «боюсь монстров», «боюсь, когда в мультике кто-то умирает или кричит». У детей из Группы А страхи носили преимущественно бытовой характер: «боюсь темноты», «боюсь уколов», «боюсь потеряться». Как отмечает Н.Г. Кривуля, такие иррациональные страхи могут напрямую внедряться в бессознательное ребенка, становясь источником ночных кошмаров и фобий [6, с. 89]. Корреляционный анализ показал прямую связь между просмотром динамичной массовой анимации (более 1 часа в день) и высоким уровнем тревожности ($r = 0,67$, $p < 0,01$), а также обратную связь между совместным просмотром с родителями и уровнем тревожности ($r = -0,54$, $p < 0,05$).

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Существует прямая взаимосвязь между содержанием предпочитаемых детьми анимационных фильмов и уровнем их тревожности. Дети, ориентированные на современную массовую анимацию, в 4 раза чаще демонстрируют высокий уровень тревожности (48% против 12% в группе классики). Механизм идентификации в массовой анимации зачастую работает на примитивном уровне, формируя стремление к внешним атрибутам, а не к усвоению моральных качеств. Риски воздействия анимации не являются фатальными: дети, которые смотрели мультфильмы вместе с родителями и обсуждали их, имели значительно более низкие показатели тревожности [13, с. 145].

На основе полученных данных разработаны психолого-педагогические рекомендации. Родителям необходимо придерживаться принципа возрастного соответствия и осуществлять совместный просмотр с последующим обсуждением. Рекомендуется использовать технологию «стоп-кадр» с вопросами: «Что чувствует герой?», «Как бы поступил ты?». Временные нормы для детей 7–9 лет – не более 30–40 минут в день. При выборе мультфильма следует обращать внимание на наличие моральной дилеммы и конструктивное разрешение конфликта. Высоким развивающим потенциалом обладает создание собственных мультфильмов (из пластилина, аппликации), что переводит ребенка из позиции пассивного зрителя в позицию творца.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что анимационные фильмы являются значимым фактором социализации и личностного развития. Ключевым результатом стало подтверждение глубокой связи между предпочтениями в анимации и эмоциональным состоянием ребенка. Дети, имеющие опыт осмысленного просмотра качественных мультфильмов, демонстрируют более низкий уровень тревожности, реалистичные страхи и глубинную идентификацию с героем. Полученные результаты могут быть использованы в практике психолого-педагогического сопровождения семейного воспитания и организации медиабезопасности в образовательных учреждениях.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Academia, 2005. – 352 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
4. Эльконин Д.Б. Детская психология. – М.: Академия, 2011. – 384 с.
5. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2018. – 400 с.
6. Смирнова Е.О., Соколова М.В., Собкин В.С. Мультфильмы в современном детстве // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 4–89.
7. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Макалатия А.Г. Восприятие детьми дошкольного и младшего школьного возраста образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – № 3. – С. 105–123.
8. Собкин В.С., Смирнова Е.О. Исследование возрастной адресации мультфильмов // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 8–19.
9. Собкин В.С., Скобельцина К.Н. Представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей-дошкольников // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 105–115.
10. Кривуля Н.Г. "Страшные" мультфильмы современной анимации // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 70–79.
11. Шаханская А.Ю. Влияние мультипликации на развитие детей // Наука и современность. – 2010. – № 5-1. – С. 152–156.
12. Мартыненко М.Н. Осмысливание мультфильма как фактор развития способности к символическому опосредствованию в дошкольном возрасте // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2015. – № 8. – С. 34–39.
13. Сердюкова М.А. Развитие культуры просмотра мультфильмов младших школьников как фактор позитивного развития их эмоциональной сферы // Актуальные проблемы психологии и педагогики. – 2017. – С. 144–158.
14. Маховская О.И. Как влияют визуальные образы на детей. – М.: Эксмо, 2010. – 256 с.
15. Шариков А.В., Айгистова Ю.В. Место анимации в жизни младших дошкольников // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 20–27.
16. Мелик-Пашаев А.А. Создание мультфильмов как творческая деятельность детей // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 80–89.
17. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
18. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб.: Речь, 2004. – 320 с.
19. Панфилова М.А. Игротерапия общения: Тесты и коррекционные игры. – М.: ГНОМ и Д, 2008. – 160 с.
20. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 98–108.

Белик А.В. ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ Н. рук. Трикула Л.Н.

Все больше в последнее время в школьной практике используются возможности интегрированного обучения. Это определяется тем, что глобальные проблемы современности (экологическая, энергетическая, социально-экономическая, национально-эпическая и т.д.) сегодня оказывают интегрирующее влияние на человечество, осознающее взаимосвязь, взаимозависимость, общность судеб, природных и социальных процессов. В связи с этим коренным образом меняется картина мира, общая ориентация человека, возникает потребность формирования такого способа миропонимания, в котором мир предстает как единство, состоящее из взаимосвязанных частей, как интегрированная целостность [2].

Эти знания могут быть получены только основе интеграции гуманитарных, фундаментальных и технических наук. Поэтому в теории и практике обучения наблюдается тенденция к интеграции учебных дисциплин (интегрированные курсы, интегрированные уроки), которая позволяет учащимся достигать межпредметных обобщений и приближаться к пониманию общей картины мира.

В интеграции образовательного процесса можно выделить два ключевых аспекта:

а) горизонтальную целостность – дополнение знаний из взаимодействующих дисциплин. Это означает, что учащиеся получают возможность объединять и интегрировать информацию из разных областей, что способствует формированию единого целостного понимания мира.

б) вертикальную целостность – преемственность между разными уровнями образования. Она подразумевает, что все ступени образовательной системы соединены в единый последовательный поток, который охватывает все этапы личностного и профессионального развития индивида [5].

География – это единственный предмет, дающий учащимся целостное представление о Земле, как о планете людей. Это обуславливается своеобразием географии в общей системе знаний: предмет имеет два ответвления: социально-экономическое и природное, от чего он тесно связан с гуманитарными, техническими и естественными областями знаний.

Дисциплина способна формировать общую культуру, исходя из слияния направлений, в том числе экологическую. Изучение географии необходимо учащимся для формирования знаний географических объектов, изменений, которые они претерпевают, отдельных регионов и явлений, характерных для них, а также особенностей взаимодействия природы и человека. Образование в области географии – это основа для формирования ответственного и рационального отношения учащегося к планете, формирующегося на базе знания и понимания ее характерных черт и особенностей [4, с. 51].

История, в свою очередь, играет важную роль в системе общего образования, в связи с тем, что способствует формированию гражданско-патриотических качеств учеников, их социализации путем приобщения к национальным и мировым культурно-историческим традициям и общекультурному развитию [6].

В процессе изучения истории происходит формирование образов различных исторических эпох и событий, представления об исторических деятелях прошлого. Учащимися изучаются подробности формирования и развития государственности, культурных и национальных традициях и историческом пути народов. Изучение курса истории важно ни сколько для знания прошлого мира, сколько для формирования понимания современных событий, происходящих в нём и способности ориентироваться в этих событиях [6].

Интегрирование этих предметов в системе общего образования логично объясняется тем, что практически все физические и общественные процессы имеют свои историю и географию, из-за чего в системе гуманитарных, естественных и технических наук возрастает значение пространства и времени.

Ключевыми тематическими блоками интеграции истории и географии в школе являются следующие:

- Историческая география и краеведение: изучение «малой Родины» через связь названий культурных памятников, истории и географии местности, освоение страны и строительство острогов.
- Влияние природной среды на историю: анализ того, как климат, рельеф и наличие ресурсов определяют занятия населения и ход исторических событий.
- География исторических процессов и событий: картографирование путешествий, войн и торговых путей.
- Комплексное страноведение: создание историко-географического образа стран мира, его экономических регионов.

Одним из основных полей взаимодействия для учителей географии и истории в рамках интегративного обучения является использование картографических систем, используемых как в первой, так и во второй дисциплинах, через приёмы их скоординированного применения. Межпредметные связи истории и географии, построенные на изучении системы картосхем, могут быть дополнены и связями с другими дисциплинами, например, с иностранными языками или литературой [3].

Например, на картах Киевской Руси в 9-12 в. Выделяются как сходства, такие, как расположения природных объектов: озёр и рек, в соответствии с Рисунком 1, так и различия, заключающиеся в обозначении ареалов распространения народов на карте или же направлении военных походов, в соответствии с Рисунком 2.

Географические карты служат источником сведений о природных условий на отдельных территориях: с помощью них можно получить информацию о некоторых отличительных особенностях территории, что важно в процессе проведения уроков истории. Для осуществления определения этих особенностей учебным процессом предполагается прием сопоставительной характеристики территории с ранее изученными. Использование географических карт играет ключевую роль в определении экономического потенциала территорий: с помощью них производится анализ информации о климатических условиях, о наличии полезных ископаемых, рельефе территории, которые представлены на карте, определяя тем самым экономические возможности региона [3].

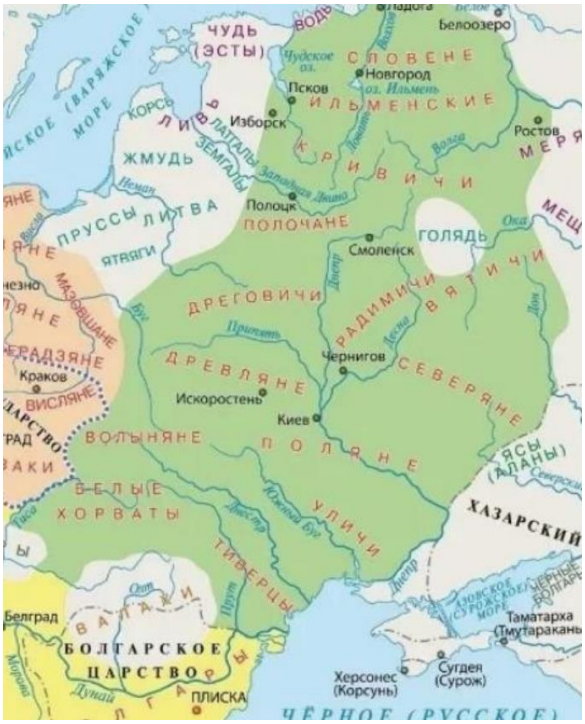

Рисунок 1. – Картосхема размещения народов на территории Киевской Руси [6]

Рисунок 2. – Военные походы на территории киевской Руси [6]

Интегрированные уроки формируют системное мышление и научное мировоззрение через понимание связей природы, процессах размещения населения и ведения мирового хозяйства. Они активизируют мыслительные операции, учат работать с информацией, повышают мотивацию и снижают утомляемость. Групповая работа и проекты развивают коммуникативные навыки и метапредметные умения. Одновременно закладываются основы мировоззрения, правовых и этических норм [2]. Изучение родного края

воспитывает патриотизм, любовь к малой родине и экологическое сознание. Интеграция материалов формирует толерантность, критическое мышление и приобщает к исследовательской деятельности.

Не смотря на большой развивающий и воспитательный потенциал совмещения дисциплин в процессе географического образования, внедрение интеграции в учебный процесс на сегодняшний день претерпевает трудности: многие педагоги испытывают сложности в практической реализации межпредметных связей из-за отсутствия опыта совместной разработки проектов, незнания специфики смежных дисциплин и недостатка методической поддержки. Усложняет интеграцию дисциплин и перегруженность учебных планов большинства школ обязательными дисциплинами, что ограничивает возможность введения специализированных межпредметных модулей и комплексных заданий. Вместе с этим прослеживается и хронологическое несовпадение изучения содержания курсов: последовательность освоения материала не только по истории, но и по другим дисциплинам, в большинстве случаев не совпадает с последовательностью изучения курса географии.

Интеграция географии и истории в учебном процессе требует специальных технических решений, например, использования мультимедийных инструментов, онлайн-карт и баз данных для визуализации исторических событий и культурных феноменов в географическом пространстве, что в настоящее время труднодоступно во многих учебных заведениях.

На сегодняшний день основу для системной интеграции создают ФГОС и ФООП, закрепляющие требования к метапредметным результатам. Ключевое направление внедрения интеграции в учебный процесс – переход от отдельных уроков к целостным курсам, например, «Историческая география», и разработка междисциплинарных учебно-методических комплексов с усилением краеведческой составляющей.

Актуальна цифровая трансформация: внедрение ГИС, интерактивных атласов, технологий виртуальной и дополненной реальности для моделирования пространственно-временных процессов. Важно формирование метапредметных навыков и функциональной грамотности учащихся. Отмечается необходимость методического сопровождения педагогов через обмен опытом и создания банков междисциплинарных заданий.

Интеграция географии и истории в школьном образовании –эффективный педагогический подход, позволяющий преодолеть предметную разобщённость и сформировать у учащихся целостную картину мира. Объединение знаний о природе и обществе, о пространстве и времени способствует развитию системного мышления, критического анализа и функциональной грамотности, что соответствует современным требованиям к образовательным результатам. Несмотря на организационные и методические сложности, внедрение межпредметных связей открывает широкие возможности для повышения мотивации, формирования гражданской идентичности и подготовки учащихся к решению реальных жизненных задач. Таким образом, интеграция географии и истории становится не просто желательным, а необходимым условием обновления содержания школьного образования в условиях глобализации и цифровой трансформации.

Литература

1. Глинская Е.А. Межпредметные связи в обучении. – Тула: Инфо, 2007. – С.12-15.
2. Гриценко Л.И. Интегрированные процессы в современном образовании: проблемы воспитания целостного человека // Интеграция образования – №4 – 2012. – С. 58-63.
3. Куликов И.Р. Особенности реализации межпредметных связей на уроках истории и географии: историко-географический подход к обучению. – 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://scienceforum.ru/2022/article/2018031064
4. Попова А.В. Воспитание учащихся в процессе интегрированного изучения географии, истории и обществознания. – 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/shkola/geografiya/library/2016/09/12/vospitanieuchashchihsya-v-protsesse-integrirovannogo
5. Пучкина В.П. Интеграция в учебном процессе. – 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/files/intieghratsiia-v-uchiebnom-protsiessie.html
6. Яковлева В.Ф. Место истории в школьном образовании. – 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/shkola/istoriya/library/2014/10/21/mesto-istorii-v-shkolnomobrazovanii

Беликова С. С. СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ПОМОЩИ ПОВЫШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ. Н. рук. Гончарук С.В.

Младший школьный возраст – это период адаптации к систематическому обучению, новым социальным требованиям и нагрузкам. Именно в это время у многих детей возникает повышенная тревожность: страх ошибки, боязнь оценки, неуверенность в себе, трудности в общении с одноклассниками. Как показывают наблюдения педагогов и психологов, тревожные дети чаще болеют, хуже усваивают материал, избегают активных игр. В связи с этим актуальным становится поиск доступных и эффективных способов снижения тревожности, и одним из таких способов выступает повышение физической активности.

Изучить возможность снижения уровня тревожности у младших школьников путём целенаправленного повышения их физической активности.

В психологической науке тревожность рассматривается как индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека переживать эмоциональный дискомфорт, вызванный ожиданием неблагополучия. В отличие от страха, который всегда связан с конкретной, реальной или воображаемой угрозой, тревожность носит более диффузный, беспредметный характер [2].

Впервые состояние тревоги было выделено З. Фрейдом в 1926 году в его монографии «Торможения, симптомы, беспокойства». Он описывал тревогу как эмоциональное состояние, включающее переживание ожидания, неопределённости и чувство беспомощности [2]. Позднее К. Хорни и другие представители психоаналитического направления подчёркивали, что тревожность может возникать даже в отсутствие реальной внешней опасности, являясь следствием внутренних конфликтов [3].

Н.Д. Левитов определял тревожность как психическое состояние беспокойства, возникающее в ситуациях неопределённости, ожидания неприятных событий или неудач. Д. Льюис в книге «Научные принципы психологии» рассматривал тревожность как форму невротической реакции, включающей условный страх [2].

Особого внимания заслуживают исследования тревожности у детей. А.М. Прихожан, посвятившая проблеме детской тревожности многие годы, показала, что у младших школьников тревожность чаще всего проявляется в учебных ситуациях: при проверке знаний, при ответе у доски, при выполнении контрольных работ. Также большое значение имеют межличностные страхи – боязнь отвержения сверстниками, страх конфликта, боязнь осуждения со стороны учителя [5].

А.И. Захаров, изучая страхи у детей разных возрастов, отмечал, что у младших школьников доминируют так называемые «школьные страхи»: опоздать, сделать что-то не так, не справиться с порученным делом, потерять контроль, быть не собой, стать объектом насмешек. Он также выделял страхи одиночества, наказания и даже войны, что говорит о высокой чувствительности детей этого возраста к любым тревожным сигналам извне [5].

В современной психологии принято выделять два вида тревоги: мобилизующую и расслабляющую. Мобилизующая тревога предусматривает импульс к деятельности, помогает сосредоточиться и избежать опасности. Расслабляющая же, напротив, снижает эффективность деятельности вплоть до полного прекращения, вызывает чувство беспомощности и апатии [7]. У тревожных младших школьников, как правило, преобладает именно расслабляющий тип тревоги, что отрицательно сказывается на успеваемости, поведении и физическом здоровье [5].

Двигательная активность является одним из главных условий сохранения здоровья и успешной социальной адаптации. Для детей младшего школьного возраста подвижные игры, физкультура, прогулки – это не просто способ потратить энергию, но и мощный регулятор эмоционального состояния. В процессе физической нагрузки в организме вырабатываются эндорфины – «гормоны радости», снижается уровень кортизола (гормона стресса), улучшается кровоснабжение мозга [4]. Кроме того, регулярные занятия спортом помогают ребёнку почувствовать своё тело, повысить самооценку, отвлечься от тревожных мыслей [1].

Особую обеспокоенность вызывают негативные последствия недостаточной двигательной активности современных младших школьников. При изучении двигательной активности у младших школьников анализы исследований за последние года показывают, что большинство детей не обеспечены оптимальным функционированием основных физиологических систем организма, в следствии этого не создаётся условий для укрепления здоровья. Большинство детей, когда приходят со школы, садятся за гаджеты, делая домашние задания в статичной позе. Это приводит к росту патологий, снижению работоспособности и, в последствии, повышению тревожности [6].

При тревоге у детей младшего школьного возраста, а тем более если присутствует избыточная тревожность, рекомендовано выполнять любые нагрузки, направленные на развитие выносливости, силы и гибкости. Для младших школьников особенно полезны: подвижные игры на свежем воздухе, эстафеты, бег, прыжки через скакалку, плавание, езда на велосипеде, простые элементы йоги и стретчинга, а также командные виды спорта, развивающие не только мышцы, но и навыки общения [2].

Исходя из гипотезы и знаний темы тревожности младших школьников, было проведено исследование с участием 50 человек начальных классов, возрастом 7-10 лет, для выявления взаимосвязи между уровнем физической активности и уровнем тревожности. Исследование проводилось на базе одной из общеобразовательных школ г. Белгорода в период с января по апрель 2026 года. Приняло участие 28 девочек и 22 мальчика.

Уровень тревожности проверяли версией шкалы Спилбергера-Ханина, адаптированной для детей младшего школьного возраста. Данная методика показывает ситуативную и личностную тревожность. А также измерили физическую активность, с помощью методики Ромашиной, в неё входит опросник для родителей и дневник самонаблюдения ребёнка.

В первой половине января (5 января) мы провели первый этап нашего исследования- констатирующий. Он включал в себя первичное тестирование.

Для каждого ребёнка был составлен бланк-опросник физической активности, который он заполнил. А также все родители заполнили бланки о своих детях, учитывая их активность со стороны. При обработке результатов были получены следующие показатели.

Среднее арифметическое уровня тревожности по группе составило 24,8 балла (при норме до 20 баллов для данного возраста). Это указывало на повышенный уровень тревожности у большинства детей. 32 ребёнка (64% выборки) имели высокие показатели тревожности (выше 25 баллов), 14 детей (28%) – средние, и только 4 ребёнка (8%) – низкие.

Средний показатель физической активности составил 5,9 балла по методике Ромашиной (при максимально возможных 15 баллах). Это значение значительно ниже возрастной нормы. Лишь 6 детей (12%) имели уровень активности выше 10 баллов, остальные вели преимущественно малоподвижный образ жизни. На основе полученных данных мы построили диаграмму распределения показателей. Ниже приведена диаграмма первичных результатов (Рисунок 1).

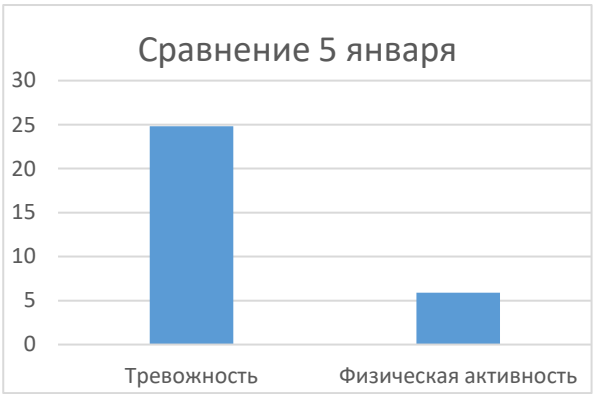

Рисунок 1. – Диаграмма

В периоде с февраля по март был проведён второй этап. На формирующем этапе, была проведена работа, направленная на целенаправленное повышение уровня физической активности младших школьников. Работа проводилась в течение 3 месяцев (январь, февраль, март) и включала в себя следующие мероприятия: пропаганда здорового образа жизни, с проведением внеклассных мероприятий; занятия в спортивном зале; спортивные квесты на свежем воздухе; тренинги и игровые занятия.

Третий этап мы провели в апреле (5 апреля). На контрольном этапе было повторное тестирование тех же детей по тем же методикам. Условия тестирования были полностью идентичны первичным. Обработка результатов показала существенные изменения.

Средний уровень тревожности снизился до 18,3 балла, что соответствует нормальным значениям для младших школьников. У 36 детей (72%) тревожность стала низкой или нормальной, у 12 детей (24%) осталась на среднем уровне, и только у 2 детей (4%) сохранилась высокая тревожность. При этом многие дети отмечали, что стали меньше бояться отвечать у доски, легче находить общий язык с одноклассниками, лучше засыпать по вечерам.

Средний уровень физической активности вырос до 8,2 балла. 28 детей (56%) показали активность выше 9 баллов, 15 детей (30%) – среднюю активность, и только 7 детей (14%) сохранили низкий уровень активности (в основном по

причине частых простудных заболеваний в период исследования). Ниже приведена диаграмма для сравнения результатов первого и третьего этапов (Рисунок 2).

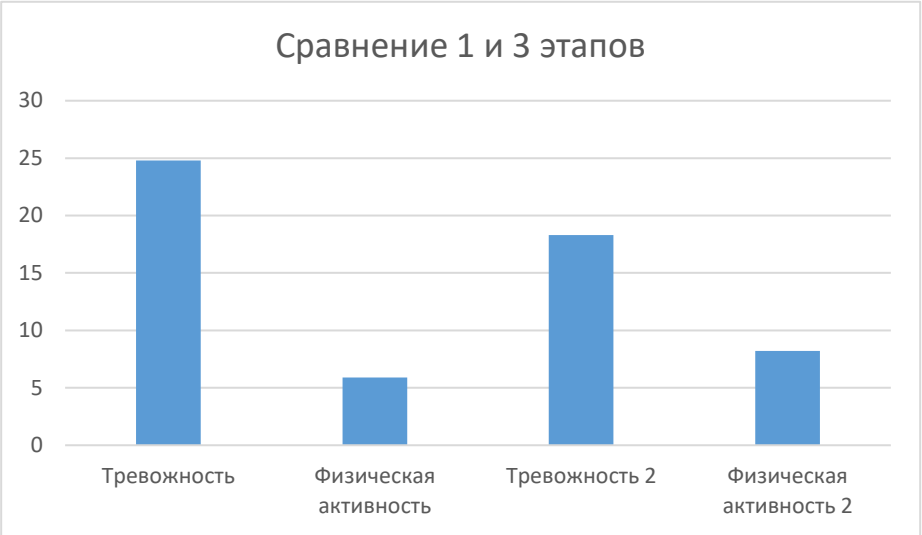

Рисунок 2. – Диаграмма

Результаты проведённого нами исследования подтвердили выдвинутую гипотезу. Мы выяснили, что целенаправленное повышение уровня физической активности через систему бесед, тренингов, спортивных занятий и квестов приводит к значимому снижению уровня тревожности у младших школьников. Причём этот эффект проявился как на уровне самооценки детей (они сами сообщали о снижении страхов и беспокойства), так и на объективных показателях (улучшение успеваемости, снижение конфликтности, повышение активности на уроках физкультуры). Родители и учителя также отметили положительные изменения: дети стали более спокойными, уверенными, реже жаловались на головные боли и усталость.

Таким образом, физическая активность является не только средством физического развития, но и эффективным инструментом психологической коррекции. Для младших школьников, чья психика находится в стадии активного формирования, регулярные физические нагрузки могут стать надёжной профилактикой тревожных расстройств.

Литература

1. Костина Л. М. Игровая терапия с тревожными детьми. – СПб.: Речь, 2011. – 98 с.
2. Левитов Н. Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги // Вопр. психол. – Москва, 1969. – С. 130-137.
3. Лютова Е. К., Монина Г. Б. Шпаргалка для родителей. – СПб.: Изд. «Речь», 2007. – 136 с.
4. Нестеров В. А. Двигательная деятельность и физическое состояние детей и подростков. – Хабаровск: ДВГАФК, 2010. – 82 с.
5. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 303 с.
6. Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 6 (17). – URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 07.04.2026).
7. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. – Ленинград: ЛНИИФК, 1976. – 40 с.

Богданова Г.И. **ВЛИЯНИЕ ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ.**
Н. рук. Чернявских С.Д.

В современной науке наблюдается повышенный интерес к феномену критического мышления, задачам его развития и формирования, в результате чего предлагаются новые методы и подходы к его изучению. Понятие «критическое мышление» является междисциплинарным и изучается в таких областях, как педагогика, психология, философия и социология. Значительный вклад в его разработку внесли как зарубежные, так и отечественные исследователи. Множество существующих трактовок данного понятия свидетельствует о разнообразии научных подходов к его изучению. Липпман М. рассматривает критическое мышление как компетенцию, необходимую для успешной деятельности в XXI веке, поскольку эта способность позволяет адекватно реагировать на широкий спектр профессиональных, межличностных и познавательных вызовов [1, с. 21]. Хачумян Т.Г. трактует критическое мышление как форму рациональной деятельности, особенностью которой является выбор оптимального алгоритма решения задач на основе гипотез, анализа информации, рефлексии, сравнения различных концепций и формирования самостоятельной позиции [2, с. 174]. Кларин М.В. характеризует его как рациональное, логическое и рефлексивное мышление, ведущее к разумному выбору стратегий и действий для достижения целей [3, с. 124].

Предметом анализа в статье выступает развитие критического мышления в рамках профильного обучения. В Концепции профильного обучения данное понятие трактуется следующим образом: «профильное обучение – средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования» [4].

Целью нашей работы являлось изучение динамики развития критического мышления учащихся разных профильных классов. Нами было проведено исследование на базе общеобразовательной организации, реализующей программы среднего общего образования с различными профилями обучения среди учащихся 10-х классов. Всего в исследовании приняли участие 36 человек.

В соответствии с профильной направленностью нами было выделено пять групп учащихся:

- социально-экономический профиль (10 человек);
- гуманитарный профиль (8 человек);
- медицинский профиль (6 человек);
- инженерный профиль (6 человек);
- универсальный профиль (6 человек).

Анализ проводился с учетом гендерного состава выборки: девушки – 22 человека (61,1%), юноши – 14 человек (38,9%), что позволило выявить возможные гендерные различия в динамике развития критического мышления.

В работе изучена годовая динамика составных компонентов критического мышления: логического мышления и рефлексивности. Логическое мышление

определяли по тесту Липпмана «Логические закономерности» [5, 6], рефлексивность – по методике А.В. Карпова [7, 8]. Достоверность различий оценивалась по критерию Манна-Уитни.

Анализ полученных результатов показал, что наиболее выраженная положительная динамика логического мышления наблюдается у девушек социально-экономического (с 5,5 до 8,8 баллов) и гуманитарного (с 6,8 до 9,0 баллов) профилей. Показатель рефлексивности у девушек этого профиля поднялся до среднего уровня (4,8 баллов).

Девушки медицинского профиля показали стабильно высокие результаты по тесту логического мышления (7,3 и 8,0 баллов), а показатель рефлексивности вырос у них с 3,7 до 4,0 баллов. Девушки инженерного профиля достигли высокого уровня рефлексивности (6,3 балла), а результаты по тесту Липпмана оставались у них неизменно высокими (8,7 баллов).

Наименее выраженную положительную динамику среди девушек показал универсальный профиль: согласно тесту на логическое мышление, прирост составил 0,3 балла (с 8,5 до 8,8 баллов).

Аналогичная тенденция наблюдается и среди юношей. Юноши социально-экономического профиля показали заметную динамику (с 7,3 до 8,8 баллов) по тесту Липпмана, а показатель рефлексивности достиг высокого уровня (6,3 балла). Гуманитарный профиль показал наибольший прирост по тесту логического мышления, а рефлексивность увеличилась с низкого до среднего уровня.

Юноши медицинского профиля показали высокие результаты по тесту Липпмана (9,0 баллов) как в начале, так и в конце учебного года, и увеличение показателя рефлексивности к концу года (5,0 баллов). У юношей инженерного профиля выявлен достоверный прирост по тесту логического мышления, а показатель рефлексивности вырос у них с 4,0 до 5,7 баллов.

Наиболее выраженная динамика логического мышления школьников наблюдается в социально-экономическом, гуманитарном и инженерном профилях. Социально-экономический профиль развивает логику через работу с количественными данными и математическим моделированием, анализ кейсов, прогнозирование и интерпретацию статистики. Учащиеся осваивают навыки принятия решений и их обоснования в условиях ограничений. Гуманитарный профиль развивает логическое мышление посредством интерпретации художественных и публицистических произведений, участия в дискуссиях и написания эссе, анализа текстов, построения аргументации и критической оценки информации, что создаёт компенсаторный эффект, инженерный – через решение технических задач, алгоритмизацию и поиск оптимальных решений. В медицинском профиле динамика развития логического мышления менее выражена из-за высокого исходного уровня учащихся.

Наиболее выраженная динамика рефлексивности испытуемых наблюдается во всех профилях, кроме медицинского. Высокий исходный уровень в медицинском профиле оставляет меньше возможностей для роста («эффект потолка»). При этом различные особенности образовательной среды, такие как дискуссии, проектная деятельность и командная работа в других профилях стимулируют развитие способности к самоанализу, тогда как в медицинском профиле акцент сделан на запоминание и алгоритмические действия.

Вне зависимости от гендерной принадлежности наименее выраженная динамика отмечена у испытуемых универсального профиля: по тесту Липпмана изменений не произошло, рефлексивность увеличилась незначительно. Подтверждается общая закономерность: дефицит систематической профильной работы, нацеленной на развитие логического мышления, влечёт за собой слабые приросты в развитии критического мышления в целом. Это объясняется тем, что систематическая профильная нагрузка создаёт условия для целенаправленной тренировки логических операций (анализа, сравнения, выявления причинно-следственных связей), которые составляют основу критического мышления. При отсутствии такой нагрузки когнитивные навыки развиваются стихийно и фрагментарно, что приводит к минимальным приростам изучаемых показателей.

Гендерный анализ выявил сопоставимую общую динамику у девушек и юношей. При этом у девушек отмечен более выраженный прирост в области логического мышления, тогда как развитие рефлексивности происходило одинаково у представителей обоих полов.

Исследование подтвердило, что критическое мышление представляет собой интегративную метапредметную компетенцию, объединяющую аналитические, логические и рефлексивные компоненты. Эмпирически доказано положительное влияние профильного обучения на его развитие: устойчивая положительная динамика зафиксирована у всех участников исследования вне зависимости от пола и выбранного профиля.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать полученные данные для оптимизации образовательного процесса: усиления междисциплинарных связей, целенаправленного развития рефлексивных навыков и индивидуализации учебных программ. В качестве перспектив дальнейшей работы обозначены расширение выборки, увеличение длительности лонгитюдного наблюдения и разработка специализированных методических систем, учитывающих специфику различных образовательных профилей.

Литература

1. Липпман М. Рефлексивная модель практики образования // Lipman M. Thinking in Education. – Cambridge, 1991. – С. 7-25.
2. Хачумян Т.И. Понятие «критическое мышление» и его сущность в психолого-педагогической науке // Теоретические вопросы культуры, образования и воспитания: сб. науч. тр. – Вып. 24, ч. 2. – Киев: Издательский центр КНЛУ, 2003. – С. 171-177.
3. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. – М.: Арена, 1994. – 124 с.
4. Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования : Приказ Минобразования РФ от 18 июля 2002 г. N 2783 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901837067
5. Истратова О.Н., Эксакусто Т.В. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 375 с.
6. Тест Липпмана «Логические закономерности» [Электронный ресурс] // Красноярский государственный аграрный университет, Центр дистанционного обучения. – Режим доступа: https://kgau.ru/distance/mf_01/psi-ped/pril_13.html (дата обращения: 14.03.2026).
7. Карпов А.В. Методика диагностики уровня развития рефлексивности // Психологическая диагностика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.b17.ru/tests/reflexivity/ (дата обращения: 10.04.2026).
8. Карпов А.А., Карпов А.В. Введение в метакогнитивную психологию. – М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2015. – 511 с.

Бондарь А.А. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. Н. рук. Анохина С.В.

Современная школа ориентирована не только на передачу знаний, но и на формирование у обучающихся навыков самостоятельного мышления, поиска и анализа информации, совместной работы и практического применения полученных знаний. Проектная деятельность как образовательная форма полностью соответствует этим задачам, однако для её эффективного внедрения требуется создание условий, стимулирующих творческое мышление и исследовательские способности школьников. В данном контексте технологии искусственного интеллекта открывают новые перспективы для персонализации обучения, интеллектуальной поддержки обучающихся и повышения результативности педагогического процесса.

Искусственный интеллект может выступать не просто инструментом автоматизации, но и активным помощником в образовательной среде. Он позволяет создавать интеллектуальные обучающие системы, адаптирующиеся под индивидуальные особенности школьников, обеспечивать анализ и обратную связь, помогать в планировании и реализации проектов.

Искусственный интеллект является одной из ключевых технологий XXI века, которая оказывает существенное влияние на развитие всех сфер человеческой деятельности, в том числе и образования.

В российском праве легальное определение искусственного интеллекта появилось не так давно, оно содержится в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В соответствии с положениями данного документа, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты [9].

В широком смысле, под искусственным интеллектом понимается совокупность методов, алгоритмов и систем, которые позволяют машинам имитировать когнитивные функции человека – обучение, мышление, восприятие, понимание языка, принятие решений и адаптация к новым условиям.

В своей работе Г.З. Мансуров отмечает, что «согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Вышеназванный комплекс технологических решений включает в себя: 1) информационно-коммуникационную инфраструктуру, 2) программное обеспечение, 3) процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта)» [5, с. 286].

С точки зрения образовательного процесса, искусственный интеллект рассматривается не просто как инструмент автоматизации рутинных действий, а как интеллектуальная система, способная анализировать данные, выстраивать индивидуальные образовательные траектории, предоставлять обратную связь и содействовать развитию аналитического и творческого потенциала учащихся. Таким образом, искусственный интеллект становится неотъемлемой частью современного образования, способствует его цифровой трансформации.

В исследовании К.Е. Ивановой раскрывается эффективность программ с искусственным интеллектом, таких как Khanmigo (помогает в планировании уроков), To-teach (создает персонализированные материалы и упражнения, учитывая интересы обучающихся), Quizgecko (генерирует тесты и контрольные работы), ChatGPT (генерирует связный текст), Beautiful.ai (создает презентации) и др. Некоторые из них могут проанализировать материал педагога и определить, сколько времени на выполнение заданий затратят ученики. В результате преподаватель может скорректировать наполнение занятия, выданное домашнее задание и т.д., что позволит оптимизировать учебную нагрузку» [4, С. 30].

Особое значение искусственный интеллект имеет в контексте реализации федеральных образовательных стандартов, направленных на развитие у школьников метапредметных компетенций. К ним относятся умение самостоятельно ставить цели, планировать, анализировать и оценивать результаты деятельности. Использование искусственного интеллекта способствует развитию этих компетенций, так как обучающиеся получают возможность взаимодействовать с интеллектуальными системами, формирующими навыки анализа информации, критического мышления и самоорганизации.

Например, в процессе работы над проектами школьники могут использовать нейросетевые инструменты для поиска информации, анализа данных, визуализации результатов или создания прототипов, что делает процесс обучения более исследовательским и практикоориентированным.

Проектная деятельность представляет собой одну из наиболее эффективных форм активного обучения, направленную на формирование у школьников навыков самостоятельного поиска, анализа и применения знаний в процессе решения практических задач. В отличие от традиционных методов обучения, где основное внимание уделяется усвоению готового материала, проектная деятельность основана на принципах проблемности, исследовательской активности и сотрудничества. Она способствует развитию у учащихся познавательной инициативы, критического мышления, креативности и ответственности за результат собственной работы.

Как отмечают С.И. Поздеева и Т.В. Кузнецова, «…метод проектов, известный также как метод проблем, возник еще в 1920 г. в США. Его связывают с идеями гуманистического направления в философии образования американского философа и педагога Дж. Дьюи, а также его ученика В.Х. Килпатрика. Дьюи предлагал строить обучение на активной основе, через практическую деятельность ученика, соответствующую его личной заинтересованности именно в этом знании. Он определял проект как занятие, вид деятельности ребенка, который воспроизводит или аналогичен какому-либо виду работ, выполняемых в

общественной жизни. В России идеи проектного обучения возникли практически одновременно с разработками американских педагогов» [7, С. 65].

По мнению Н.В. Агарковой, А.А. Сергеева «Метод проектов – это одна из личностно-ориентированных технологий, в основе которой лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого мышления» [1, С. 108].

Рассматривая понятие «проектная деятельность» Н.Х. Хасанова отмечает, «…что под проектной деятельностью понимается совместная учебно-познавательная, творческая или игровая деятельность учащихся, имеющая общую цель, согласованные методы, способы деятельности, направленная на достижение общего результата деятельности. Непременным условием проектной деятельности является наличие заранее выработанных представлений о конечном продукте деятельности, этапов проектирования (выработка концепции, определение целей и задач проекта, доступных и оптимальных ресурсов деятельности, создание плана, программ и организация деятельности по реализации проекта) и реализации проекта, включая его осмысление и рефлексию результатов деятельности» [8, С. 76].

Сегодня особенно важно использовать в образовательном процессе методы и подходы, направленные на формирование у обучающихся способности самостоятельно находить новую информацию, исследовать данные, формулировать гипотезы, делать выводы и обобщать результаты. Это требует внедрения методик, способствующих развитию у учеников самостоятельности и стремления к самосовершенствованию. Работа над проектами создает условия для самостоятельного освоения учебных материалов учащимися. Хотя проектный метод не является универсальной формой обучения, он представляет собой один из эффективных подходов, который не противоречит традиционным методам образования.

Исследователи, в частности, Д.С. Воробьева, подчеркивает, что «…выполнение различных проектов из года в год повышает мотивацию у учащихся к изучению предмета, помогает им овладеть базовыми терминами, позволяет реализовать свои творческие способности, развивать технические умения и навыки. Внедрение проектного метода очень перспективно для изучения любого школьного предмета, вызывает реальный интерес обучающихся» [2, С. 18].

И.С. Голаджиева в качестве основных достоинств проектного метода, по сравнению с традиционными, носящими репродуктивный характер, выделяет следующие его особенности:

– высокую степень самостоятельности, инициативности учащихся и их познавательной мотивированности;

– развитие социальных навыков школьников в процессе групповых взаимодействий;

– приобретение детьми опыта исследовательско-творческой деятельности,

– межпредметная интеграция знаний, умений и навыков [3, С. 19].

Проектная деятельность позволяет обучающимся динамично проявлять себя в системе социальных отношений, содействует развитию у данного

контингента такой общественной позиции, которая позволила бы сформировать умение самостоятельного планирования и организации своих действий, раскрыть творческий потенциал и воплотить в жизнь все творческие способности, а также раскрыть индивидуальность обучающегося.

Так, Н.В. Лободина описывает несколько ключевых этапов проектной деятельности:

1. Этап подготовки: включает выбор темы проекта и постановку целей.

2. Этап планирования: определяется, какие источники информации будут использоваться, разрабатываются способы сбора и анализа данных, выбираются формы представления результатов, планируется процесс защиты проекта, распределяются роли и обязанности среди участников.

3. Исследовательский этап: осуществляется сбор информации с использованием различных методов – интервью, опросы, наблюдение, эксперименты – и решение промежуточных задач.

4. Выводы: проводится анализ собранной информации, подводятся итоги исследования.

5. Представление или отчет: определяются форма и содержание защиты проекта.

6. Оценка результатов и процесса: организуется коллективное обсуждение, самооценка проделанной работы и оценка эффективности выполненного проекта» [5, с. 251].

На этапе реализации проекта интеллектуальные системы могут поддерживать процесс работы в команде, распределять задачи в соответствии с индивидуальными способностями участников, контролировать сроки выполнения и качество промежуточных результатов. В заключительной фазе – при оценке и презентации – может использоваться для анализа собранных данных, визуализации результатов и создания интерактивных форм отчетности. Таким образом, искусственный интеллект выступает не просто как вспомогательная технология, а как активный участник образовательного процесса, интегрированный в структуру проектной деятельности школьников.

Современные образовательные платформы, использующие технологии искусственного интеллекта, демонстрируют высокий потенциал в поддержке проектного обучения. Примеры таких решений – Google Classroom с интеллектуальными рекомендациями, российские системы Skyeng и ЯКласс, а также международные платформы Coursera и Edmodo.

Это делает оценку более объективной и педагогически значимой, предоставляя учителю возможность оперативно корректировать образовательный процесс, выявлять возникающие трудности и оказывать целевую поддержку учащимся.

Ключевым преимуществом внедрения искусственного интеллекта в проектное обучение является формирование у школьников навыков, актуальных в современном мире: умения взаимодействовать с технологиями, использовать цифровые инструменты для творческого решения задач и строить логические модели.

При этом важно подчеркнуть, что искусственный интеллект не заменяет педагогическое руководство, а лишь расширяет возможности как ученика, так и

учителя. Роль педагога в таких условиях трансформируется: он становится не столько источником знаний, сколько наставником и модератором образовательного процесса, способным направлять учеников в поиске решений, контролировать качество взаимодействия с искусственным интеллектом и обеспечивать гуманистическую составляющую обучения.

Таким образом, проектная деятельность в сочетании с технологиями искусственного интеллекта представляет собой современную и перспективную форму активного обучения, обеспечивающую формирование у школьников компетенций, необходимых для жизни в цифровом обществе. Искусственный интеллект делает процесс проектного обучения более гибким, динамичным и индивидуализированным, способствует развитию исследовательского мышления, аналитических способностей и ответственности за результаты собственной работы. Использование искусственного интеллекта не только повышает эффективность организации проектной деятельности, но и открывает перед школой новые горизонты – переход к образовательной модели, в которой технологии служат средством самореализации личности и формирования осознанных, самостоятельных и инновационно мыслящих граждан будущего.

Литература

1. Агаркова Н.В., Сергеев А.А. Проектная деятельность в начальной школе // Форум Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. 2021. № 1. С. 108–112.
2. Воробьева Д.С. Анализ исследований и практики организации проектной деятельности в начальной школе // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 5. С. 17–21.
3. Голаджева И.С., Кобзева А.В. Методические рекомендации «организация проектной деятельности в начальной школе» // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 7(76). С. 142–146.
4. Иванова К.Е. Использование искусственного интеллекта в образовании // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2024. № 1. С. 29–32.
5. Лободина Н.В., Гринин Л.Е. Организация исследовательской и проектной деятельности обучающихся как основное требований ФГОС НОО. М.: Учитель, 2020. 275 с.
6. Мансуров Г.З. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 286–287.
7. Поздеева С.И., Кузнецова Т.В. Проектная деятельность в практике учителя начальной школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 10(61). С. 65–68.
8. Хасанова Н.Х. Из опыта организации проектной деятельности // Химия в школе. 2024. № 9. С. 75–82.
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731?ysclid=mpxraoebpj107069481

Быкова В.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ШКОЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА ПО БИОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ. Н. рук. Чернявских С.Д.

В современной системе общего образования цифровые технологии занимают важное место, обогащая учебный процесс и открывая новые возможности для активной и интерактивной деятельности учащихся [1, 4]. В преподавании биологии и экологии особую актуальность приобретает использование цифровых лабораторий, что обусловлено их эффективностью и универсальностью.

Применение цифровых лабораторий в качестве методического инструментария предлагает новый подход к изучению биологии и экологии, способствуя более глубокому пониманию природных закономерностей. Ключевым преимуществом цифровых лабораторий является повышение мотивации учащихся к изучению предмета [2]. Благодаря визуальным эффектам и интерактивности обучение становится более увлекательным. Учащиеся переходят от пассивного усвоения информации к активному участию в учебном процессе, что способствует лучшему усвоению материала и развитию критического мышления.

Для успешной интеграции цифровых лабораторий в уроки биологии необходима грамотная организация учебного процесса. Педагогам следует разрабатывать чёткие цели и конкретные задания, адаптированные для работы с цифровыми средствами [3]. Также важно обеспечить достаточную материально-техническую базу и соответствующее программное обеспечение.

На основе методических рекомендаций по работе с цифровыми лабораториями в рамках исследовательских проектов в 9 классах, была разработана модель организации учебного проекта, включающая этапы подготовки, проведения эксперимента с использованием датчиков цифровой лаборатории, обработки данных с помощью специализированного программного обеспечения и публичной презентации результатов. Модель апробирована на примере конкретного проекта под названием «Оценка микроклимата и фотосинтетической активности растений в школьных помещениях». Для реализации проекта использовали датчики цифровой лаборатории (датчик температуры, датчик освещенности, датчик концентрации углекислого газа), специальное программное обеспечение, установленное на ноутбук для сбора данных с датчиков.

Проект осуществляется в несколько этапов:

1 этап «Подготовка и проектирование». Данный этап начинается с проведения вводной дискуссии на тему «Может ли школа быть экосистемой?», в ходе которой формулируется ключевая проблема: оценка антропогенной нагрузки на внутреннюю среду образовательного учреждения.

Учащиеся изучают основы микроклимата помещений (нормы температуры, освещенности, концентрации углекислого газа).

2 этап «Подготовка и проведение экспериментальной части работы». Ученики подготавливают датчики цифровой лаборатории, настраивают программное обеспечение для сбора данных и при соблюдении правил работы с

цифровой лабораторией собирают данные освещенности, температуры и концентрации углекислого газа в различных школьных помещениях на уроках и переменах между ними, для сопоставления антропогенной нагрузки.

3 этап «Обработка полученных результатов и анализ собранных данных». На основе собранных данных выявляется зависимость показателей температуры, освещенности и концентрации углекислого газа от антропогенного воздействия в школьных помещениях, проводится интерпретация результатов исследования.

4 этап «Презентация результатов». Учащиеся подготавливают презентации с фотографиями полученных данных по исследованию и публично их представляют. По итогам проделанной работы проводится опрос о выявленных зависимостях исследуемых показателей от антропогенного влияния.

Предложенная модель проекта обеспечивает достижение основных результатов по ФГОС:

- предметных: углублённое понимание биоэкологических процессов через их количественную оценку.

- метапредметных: развитие навыков проектной деятельности, критического анализа данных, командного взаимодействия и публичной презентации.

- личностных: формирование экологической ответственности и исследовательской позиции.

Использование цифровых лабораторий при подготовке исследовательских проектов по биологии и экологии способствует обеспечению перехода от репродуктивного усвоения знаний к формированию интегральных компетенций: учащиеся овладевают не только предметными понятиями (факторы среды), но и методологией научного познания (выдвижение гипотезы, планирование эксперимента, статистическая обработка) и навыками работы с современным цифровым инструментарием.

Литература

1. Белоусова Н.А., Тупикова М.Н., Мальцев В.П. Особенности организации эффективной проектной деятельности на уроках биологии //Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – №. 1 (22). – С. 35-38.

2. Филина А.А. Организация учебно-исследовательской и проектной деятельности школьников по биологии и экологии // Актуальные вопросы теории и практики биологического образования. – 2014. – С. 165-167.

3. Шамина С.В. Использование цифровой лаборатории как средство повышения интереса обучающихся к научно-исследовательской работе //Достижения науки-агропромышленному комплексу: инновации в развитии зоотехнии и ветеринарии. – 2024. – С. 257.

4. Шарыпова Н. В. и др. Опыт формирования естественнонаучной грамотности обучающихся посредством цифровой лаборатории // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – №. 10-1. – С. 200.

Василевская А. М. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ. Н. рук. Гончарук С. В.

Студенческий возраст характеризуется высокой интенсивностью умственного труда в сочетании с выраженной гиподинамией. Переход к дистанционным формам работы, большой объем информации и жесткий график учебного процесса, особенно в периоды зачетных и экзаменационных сессий, создают условия для хронического психоэмоционального напряжения [1]. Длительное пребывание в статичной позе во время лекций и самоподготовки приводит не только к физическому утомлению, но и к повышению уровня невротизации, тревожности и эмоциональному выгоранию. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск немедикаментозных методов коррекции эмоционального фона, среди которых ведущее место занимают занятия физической культурой [4].

Изучить влияние регулярных занятий физической культурой на динамику эмоционального состояния и уровня ситуативной тревожности у студентов в условиях учебного стресса.

Современная психология рассматривает физическую активность как мощный регулятор эмоционального гомеостаза. В отличие от пассивного отдыха, который не всегда обеспечивает снятие умственного утомления, физические нагрузки запускают сложные нейрогуморальные механизмы. Согласно работам Ю.Л. Ханина, мышечная деятельность способствует снижению уровня кортизола и адреналина, одновременно стимулируя выработку эндорфинов и серотонина, что субъективно переживается как улучшение настроения, прилив сил и снижение тревоги [5].

Исследователи отмечают, что эмоциональное напряжение у студентов тесно связано с личностной тревожностью и мотивацией достижения. Ч.Д. Спилбергер в своей концепции разделял тревогу как состояние (реактивную) и тревогу как черту личности [5]. В период сессии у большинства студентов доминирует именно реактивная тревожность, которая проявляется в беспокойстве, рассеянности внимания, нарушении сна и вегетативных сдвигах (тахикардия, потливость). Физическая культура в этом контексте выступает как способ «легального» и здорового отреагирования накопленного нервного напряжения, переводя энергию стресса в динамическую работу мышц [2].

Кроме того, спортивные игры и командные виды активности выполняют функцию социальной интеграции. В работах Л.М. Костиной подчеркивается, что коллективные занятия физкультурой снижают чувство изоляции, характерное для студентов в период интенсивной подготовки к экзаменам, и создают благоприятный эмоциональный фон, отвлекая от негативных руминаций о возможных неудачах [3].

С целью проверки теоретических положений нами было проведено эмпирическое исследование на базе НИУ «БелГУ». Исследование проводилось в период с февраля по апрель 2026 года. В выборку вошли 40 студентов 2-3 курсов (21 девушка и 19 юношей) в возрасте 19-21 года. Все испытуемые не имели медицинских противопоказаний для занятий физической культурой и дали добровольное согласие на участие.

Для диагностики эмоционального состояния использовалась шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [5]. Данная методика позволяет дифференцированно оценить уровень тревоги в конкретный момент (ситуативная тревожность, СТ) и устойчивую склонность к переживаниям (личностная тревожность, ЛТ). Физическая активность оценивалась методом анкетирования и анализа дневников самоконтроля, где фиксировалась частота и интенсивность занятий в неделю.

Процедура и результаты. Исследование состояло из трех этапов.

Первый этап (февраль, констатирующий). Первичное тестирование проводилось в середине семестра (межсессионный период). Были получены следующие усредненные показатели (Рисунок 1): средний уровень ситуативной тревожности (СТ) составил 38,4 балла (что соответствует нижней границе умеренной тревожности), личностной тревожности (ЛТ) – 42,1 балла (умеренный уровень). Анализ анкет показал, что лишь 10 студентов (25%) систематически (более 3 раз в неделю) занимались физической культурой или спортом помимо академических занятий. Уровень активности основной группы был оценен как низкий или фрагментарный.

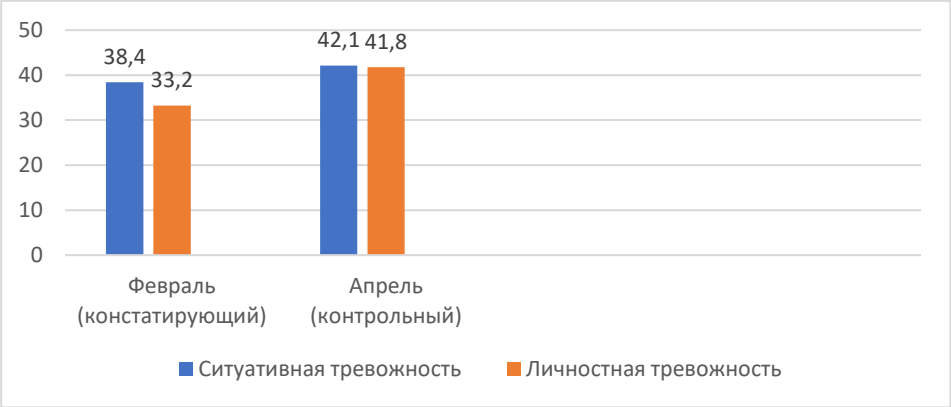

Рисунок 1. – Диаграмма

Второй этап (март, формирующий). В течение месяца испытуемым было предложено увеличить двигательную активность. Для этого были организованы дополнительные занятия в тренажерном зале, групповые пробежки, а также спортивно-оздоровительные игры (волейбол, бадминтон) не реже 3-х раз в неделю продолжительностью не менее 45 минут. Упор делался на аэробные нагрузки умеренной интенсивности, рекомендованные для снятия стресса [4].

Третий этап (апрель, контрольный). Повторное тестирование было проведено накануне начала экзаменационной сессии, когда уровень учебного стресса был объективно выше. Результаты показали значительную динамику.

Средний показатель ситуативной тревожности по группе снизился до 33,2 баллов, что перешло в категорию низкого уровня, несмотря на приближающиеся экзамены [5, с. 18]. У 28 студентов (70%) уровень СТ стал низким, у 10 (25%) – остался умеренным, и лишь у 2 (5%) фиксировалась высокая тревожность (Рисунок 2.). При этом 34 человека (85%) отметили в беседе субъективное улучшение: нормализацию сна, повышение концентрации внимания на лекциях и снижение раздражительности.

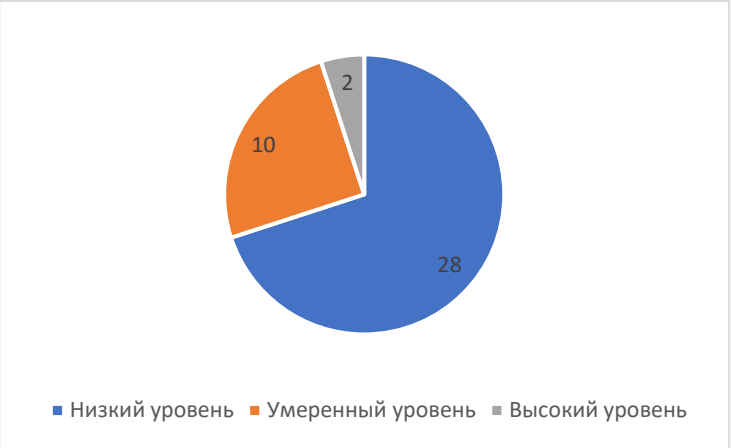

Рисунок 2. – Диаграмма

Интересно отметить, что показатель личностной тревожности (ЛТ) остался практически неизменным (41,8 балла), что соответствует теоретическим представлениям о ЛТ как об устойчивой черте характера, которая не меняется за столь короткий срок. Однако даже при стабильной ЛТ, реактивная тревога (СТ) оказалась значительно ниже у физически активных студентов, что подтверждает высокий антистрессовый потенциал физической культуры.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что физическая культура оказывает выраженное позитивное воздействие на психоэмоциональное состояние студентов. Повышение двигательной активности является действенным фактором снижения реактивной тревожности, что особенно важно в пиковые периоды учебной нагрузки. Полученные данные свидетельствуют о необходимости пересмотра отношения студентов к дисциплине «Физическая культура» в вузе не как к второстепенному предмету, а как к необходимому элементу психогигиены и профилактики стрессовых расстройств. Рекомендуется внедрение программ «психологического просвещения» для студентов, объясняющих связь движения и эмоционального благополучия, а также увеличение вариативности спортивных секций в вузах с учетом индивидуальных предпочтений молодежи [6].

Литература

1. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.
2. Лютова Е.К., Монина Г.Б. Шпаргалка для взрослых: Психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми. – СПб.: Речь, 2007. – 136 с.
3. Костина Л.М. Игровая терапия с тревожными детьми. – СПб.: Речь, 2011. – 98 с.
4. Нестеров В.А. Двигательная деятельность и физическое состояние детей и подростков. – Хабаровск: ДВГАФК, 2010. – 82 с.
5. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. – Ленинград: ЛНИИФК, 1976. – 40 с.
6. Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 6 (17). – Режим доступа: http://medpsy.ru

Гридчина Е.В. РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ПРАВОПИСАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ АЛГОРИТМИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ. Н. рук. Рождественская Р.Л.

Развитие навыков правописания младших школьников является важнейшим компонентом языкового образования, как целенаправленного процесса формирования у учащихся способности грамотно выражать свои мысли в письменной форме. Изучением проблемы формирования навыков правописания в младшем школьном возрасте занимались такие педагоги, психологи и методисты, как: Е.В. Бельдина, Д.Н. Богоявленский, А.А. Булгакова, М.Р. Львов, М.Н. Наумова, С.А. Сейфулина, М.С. Соловейчик, Н.С. Рождественский, О.О. Харченко, Т.Я. Фролова и др.

Деятельностный подход к организации образовательного процесса в соответствии с требованиями ФГОС НОО определяет основные направления работы по формированию навыков правописания у младших школьников, которые выражаются прежде всего в развитии орфографической зоркости и умения решать орфографическую задачу в записываемом слове. В соответствии с этим одним из наиболее эффективных средств формирования навыков правописания у младших школьников является технология алгоритмизированного обучения.

Исследованием методических аспектов алгоритмизированного обучения занимались такие учёные, как: А.И. Власенков, Н.М. Грабарь, Л.Н. Ланда, М.П. Лапчик, А.А. Марков, Л.А. Милованова, Г.Н. Мусс, О.О. Харченко, Е.В. Чердынцева и др. Алгоритмизация в обучении, по определению Е.В. Чердынцевой, – это «технология обучения», суть которой заключается в разработке и реализации алгоритмов на уроках в целях лучшего понимания и запоминания учебного материала учащимися [4, с. 6].

В основе алгоритмизированного обучения лежит идея Л.Н. Ланды об алгоритме умственных действий: ученик осваивает не только знание правила, но и порядок действий, который позволяет применять это правило в типовых орфографических ситуациях. В дидактическом смысле алгоритм понимается как система указаний, определяющая последовательность операций для решения учебной задачи. Применительно к развитию навыков правописания это означает, что ребёнок учится действовать в следующей последовательности: находит орфограмму, определяет её тип, подбирает способ проверки, выбирает правильное написание и проверяет результат.

В работах Л.Н. Ланды отмечается, что использование алгоритмов в учебном процессе позволяет сократить время на усвоение орфографических действий, необходимых для грамотной записи слова, и, конечно, обеспечивает активную деятельность младших школьников при изучении правил правописания [2, с.11].

Применение технологии алгоритмизированного обучения в развитии навыков правописания младших школьников – это такой способ обучения, при котором правило правописания и его применение даются не как готовая абстракция, а как последовательность понятных операций, шаг за шагом ведущих ребёнка к правильному написанию слова. Такая технология особенно

эффективна в начальной школе, потому что снижает произвольность действий ученика, обеспечивает сознательное усвоение правила правописания и помогает формировать орфографический самоконтроль. В младшем школьном возрасте орфографический навык ещё только формируется, поэтому учащимся трудно самостоятельно удерживать в памяти всё правило и одновременно контролировать письмо. Использование алгоритмов снимает часть этой нагрузки: он делает способ действия внешне заданным, наглядным и повторяемым, а затем постепенно переводит его во внутренний план. Это помогает развивать орфографическую зоркость, то есть умение замечать «опасные места» в слове, и повышает грамотность письма.

Современная образовательная система строится на деятельностном подходе, что означает переориентировку обучения на активное использование готовых теоретических сведений на практике, а также развитие у детей способностей обобщать, выделять главное в явлениях и предметах, анализировать [3].

Важно, чтобы ребенок не просто «знал» правило, ему необходимо его понимать и, соответственно, уметь применять на практике. В данном аспекте учитель может использовать метод алгоритмов, предполагающий разработку и внедрение четких последовательных инструкций для решения типичных орфографических задач. Алгоритмизация обучения позволит активизировать мыслительную деятельность детей в процессе изучения основ правописания, задействовать механизмы анализа и синтеза обучающихся, благодаря чему последние смогут не только запомнить, но и осмыслить ту или иную орфограмму.

Для технологии алгоритмизированного обучения характерны такие черты:

- пошаговость и чёткая последовательность действий;
- опора на образец и наглядную схему правила;
- многократное упражнение в применении одного и того же способа;
- обязательный контроль и самоконтроль на каждом шаге;
- постепенный переход от репродуктивного выполнения к самостоятельному использованию и даже составлению собственных алгоритмов.

Наиболее продуктивным способом деятельности на уроке русского языка по изучению орфографических правил, считает педагог И.Н. Корочкова, является пошаговое составление учащимися алгоритма с помощью наводящих вопросов учителя. Педагог разработала инструкцию, на которую школьники могут опираться в процессе составления алгоритма:

1) увидеть орфограмму в слове;

2) определить её вид;

3) определить способ решения орфограммы – правило, последовательность действий, которая приведет к верному ответу;

4) составить схему и применить её к слову;

5) ещё раз проверить правильность действий.

Если дети сами будут принимать участие в составлении алгоритма, они смогут осознать смысл каждого шага и тем самым запомнить всю последовательность действий для решения орфографической задачи. Такой подход, по мнению И.Н. Корочковой, задействует логическое мышление:

ученики получат алгоритм в ходе активной мыслительной деятельности, а не в готовом виде [1].

Обучение младших школьников использованию алгоритмов на уроках русского языка состоит из трёх этапов:

1. Подготовительный этап – подготовка базы для работы с новым материалом, актуализация навыков, на которых основано применение алгоритма, формирование нового навыка. Учащиеся должны быть подготовлены к выполнению всех элементарных операций алгоритма. Время, отведенное на эту работу, зависит от уровня подготовленности учащихся.

2. Основной этап:

а) начинается с момента объяснения правила. Класс должен активно участвовать в составлении и записи алгоритма. Учитель, задавая целенаправленные вопросы, включает учащихся в анализ языкового материала, в результате которого совместно определяются шаги алгоритма, запись которого фиксируется на доске;

б) далее по схеме разбираются 2-3 примера;

в) раздаются карточки с алгоритмами или работа ведется по общей таблице. Содержание перечитывается одним учеником. Затем выполняются тренировочные упражнения (сначала – коллективно, затем – самостоятельно). Необходима жёсткая фиксация умственных действий (например, в форме таблицы);

г) развернутое комментирование (карточки закрываются);

д) дети стараются не использовать карточки и комментарии (но при необходимости пользуются). Тренировочный материал на этом этапе: упражнения учебника, специально подобранные слова и тексты, запись под диктовку и самостоятельно из учебника (словосочетания, предложения или выборочные слова).

3. Этап сокращения операций. На этом этапе происходит процесс автоматизации навыка: некоторые операции совершаются параллельно, некоторые – интуитивным путем, без напряжения памяти. Процесс свёртывания происходит не одновременно и разными путями у разных учащихся. Своевременному свёртыванию алгоритма способствуют сокращённые комментарии и образцы. Комментарии эффективны тогда, когда скрывают в себе стройную логическую систему, когда они связаны между собой общими признаками и имеют определенную последовательность. Обучаясь письму, таким образом, ученик каждое слово анализирует фонетически и по составу. Это приучает его замечать все виды орфограмм, обнаруживать, где надо писать, как слышишь, где проверять правилом, где зрительно или на слух вспоминать написание.

Таким образом, среди достоинств технологии алгоритмизированного обучения можно назвать следующие:

– значительное повышение сознательного усвоения изучаемых правил правописания;
– облегчение усвоения сложных орфографических правил;
– развитие учебной самостоятельности младших школьников.

Применение технологии алгоритмизированного обучения позволяет обеспечить поэтапное формирование орфографических навыков, структурировать учебный материал, организовать эффективную работу по предупреждению ошибок. Алгоритмы являются эффективным инструментом формирования грамотной письменной речи младших школьников, способствующим не только усвоению орфографических правил, но и развитию мыслительных операций, необходимых для успешного обучения в целом.

Литература

1. Корочкова И.Н. Формирование орфографической зоркости через использование технологии алгоритмического мышления // Образовательный интернет-портал «Инфоурок», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://infourok.ru/formirovanie-orfograficheskoy-zorkosti-u-mladshih-shkolnikov-cherez-ispolzovanie-tehnologii algoritmicheskogo-mishleniya-2960547.html?ysclid=mgz2iimqpc55107948 (дата обращения: 25.03.2026 г.).
2. Ланда Л.Н. Вопросы алгоритмизации и программированного обучения. – М.: Педагогика, 1973. – 263 с.
3. Трофимова С.И. Современные подходы к обучению правописанию младших школьников: обзор методических источников // Образовательный интернет-портал «nsportal», 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2014/06/06/sovremennye-podkhody-k-obucheniyu-pravopisaniyu-mladshikh (дата обращения: 25.10.2025 г.).
4. Чердынцева Е.В. Дидактические условия алгоритмизации учебной деятельности младших школьников в процессе обучения: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Омск, 2002. – 18 с.

Гришакова О.В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ. Н. рук. Еременко О.И.

Вхождение цифровых технологий в пространство начальной школы стало не просто трендом, а объективной реальностью, сформированной в том числе и на нормативном уровне. Введение обновлённого Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО), который ставит во главу угла формирование функциональной грамотности и универсальных учебных действий (УУД), создаёт концептуальную основу для цифровой трансформации [6]. Этот процесс выходит далеко за рамки простого оснащения классов компьютерами и представляет собой глубокое изменение педагогической парадигмы, где цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью конструирования современной образовательной среды, отвечающей вызовам времени.

Цифровизацию в начальной школе следует понимать, как целенаправленный процесс интеграции цифровых инструментов, платформ и ресурсов в учебно-воспитательную деятельность для достижения планируемых результатов, заложенных стандартом. ФГОС НОО прямо указывает на необходимость использования современных цифровых средств и среды обучения как одного из условий реализации основной образовательной программы [6]. Его потенциал наиболее ярко раскрывается в контексте ключевых требований стандарта.

Перспективы связаны, прежде всего, с возможностью эффективного формирования универсальных учебных действий. Например, познавательные УУД (особенно логические действия постановки и решения проблем) развиваются при работе с интерактивными конструкторами, цифровыми лабораториями и симуляторами, которые позволяют ученику выдвигать гипотезы и сразу проверять их. Коммуникативные УУД обогащаются за счёт участия в учебных сетевых проектах, совместного редактирования документов и ведения блогов класса, что учит детей ясно выражать свои мысли и учитывать позицию партнёра в цифровой среде [2].

Во-вторых, технологии открывают беспрецедентные возможности для реализации принципа индивидуализации и дифференциации, также закреплённого в стандарте. Адаптивные образовательные системы способны анализировать индивидуальные затруднения ученика и автоматически предлагать ему дополнительные тренировочные модули или, напротив, задачи повышенной сложности, что напрямую работает на достижение личностных и предметных результатов каждого ребёнка [5]. Это особенно важно в условиях разнородности стартовых возможностей первоклассников.

В-третьих, цифровая среда качественно меняет подход к созданию современной предметной развивающей среды. Интерактивные карты по окружающему миру, виртуальные экскурсии в литературные музеи, трёхмерные модели геометрических фигур, аудиозаписи эталонного чтения – всё это превращает абстрактные учебные единицы в живой, исследуемый материал, что соответствует возрастным особенностям младших школьников и значительно повышает мотивацию.

Однако практическая реализация этих задач наталкивается на серьёзные системные противоречия. Главным из них является психолого-педагогическое противоречие между интенсификацией цифрового взаимодействия и возрастными потребностями ребёнка в сенсорном, моторном и эмоционально-непосредственном опыте. Несмотря на существование чётких санитарных правил и норм (СанПиН), ограничивающих непрерывную работу за компьютером, сохраняется риск подмены разнообразной деятельности однообразным экранным временем, что может вести к дефициту развития мелкой моторики, эмоционального интеллекта и живого общения [1]. Цифровизация ни в коем случае не должна приводить к обеднению развивающей среды, а, напротив, обогащать её.

Следующая проблема носит методический характер. ФГОС требует использования технологий, но не даёт готовых педагогических решений. Школа сталкивается с риском «бумажной цифровизации», когда использование интерактивной доски сводится к простой презентации, а электронный журнал – к дублированию бумажного. Недостаточно просто иметь инструменты; необходимо переосмысливать дидактику и методику в условиях цифровой среды, переводить учебные задачи в формат проблемных, проектных и исследовательских, где технология выступает естественным помощником. Кроме того, существует острый дефицит качественного, дидактически выверенного контента, который был бы не просто развлекательным приложением, а полноценным средством достижения конкретных метапредметных и предметных результатов, прописанных в рабочей программе педагога [3].

Третья группа проблем – кадровые и инфраструктурные ограничения. Профессиональный стандарт педагога и ФГОС требуют от учителя владения ИКТ-компетенциями, но система повышения квалификации зачастую отстаёт от скорости появления новых инструментов. Многие педагоги начальных классов, особенно с большим стажем, испытывают цифровой стресс и нуждаются не в разовых курсах, а в постоянной методической поддержке «на месте». С технической стороны сохраняется неравенство: сельские и удалённые школы могут не иметь стабильного высокоскоростного интернета, необходимого для работы с облачными платформами, а процесс обновления устаревающей техники часто бюрократизирован [1].

Важность целенаправленной и методически обоснованной цифровизации начальной школы невозможно переоценить в контексте выполнения социального заказа, сформулированного в ФГОС НОО. Стандарт третьего поколения ориентирован не на передачу суммы знаний, а на развитие личности, способной к самообучению и жизни в высокотехнологичном, динамичном мире. Цифровая среда, таким образом, перестаёт быть факультативным элементом и становится ключевым дидактическим условием для формирования этих способностей. Без интеграции цифровых инструментов выполнение требований стандарта по формированию таких сложных компетенций, как «умение работать с информацией», «владение навыками познавательной рефлексии» и «способность к совместной деятельности», становится формальным и неполным. Цифровизация, таким образом, – это не самоцель, а стратегический ресурс для достижения нового качества образовательных результатов, отвечающих вызовам XXI века [4].

Не менее важно, что процесс цифровизации в стенах начальной школы выполняет критически значимую социализирующую и протективную функцию. Современный ребёнок с ранних лет погружён в цифровое пространство, но это стихийное погружение часто несёт риски (кибербуллинг, недостоверный контент, цифровая зависимость). Школа, в соответствии с ФГОС, призвана не игнорировать эту реальность, а системно и педагогически грамотно ввести ребёнка в цифровой мир, сформировав основы функциональной цифровой грамотности. Это включает не только технические навыки, но и критическое отношение к информации, этику сетевого общения, понимание принципов приватности и безопасности. Организованная учебная деятельность под руководством педагога становится для младшего школьника первой «безопасной гаванью» для освоения цифровой среды, что закладывает фундамент для его ответственного и продуктивного поведения в ней в будущем. Таким образом, цифровизация начальной школы – это ещё и вопрос социальной безопасности и профилактики цифровых рисков, прямая инвестиция в благополучие и успешную социализацию подрастающего поколения в неизбежно цифровом будущем.

Будущее цифровизации начальной школы видится в построении целостной гуманистической цифровой экосистемы, где технология служит педагогическим целям, а не наоборот. Перспективным является развитие моделей смешанного обучения, которые органично впишутся в логику ФГОС [6]. Например, модель «перевёрнутый класс» позволяет ученикам дома в комфортном темпе познакомиться с теорией через короткие видеоуроки, а аудиторное время посвятить отработке навыков, проектной работе и коллективному обсуждению под руководством учителя. Это напрямую способствует развитию регулятивных УУД (планирование, самоконтроль) и ответственности за своё обучение.

Ключевым становится смещение акцента с закупки устройств на создание и использование качественного цифрового образовательного контента и педагогических сценариев. Перспективны цифровые творческие среды, где ребёнок может создавать свой продукт: мультфильм по мотивам прочитанного, цифровой плакат-исследование, подкаст-интервью. Такой подход интегрирует предметные знания и метапредметные умения. Также важнейшим направлением является развитие цифровой образовательной среды: использование данных о прогрессе учеников не для контроля, а для своевременной педагогической поддержки и корректировки индивидуальной траектории.

Наконец, невозможно построить эффективную цифровую среду без формирования цифровой культуры всех участников образовательных отношений. Это включает не только обучение кибербезопасности детей, но и просвещение родителей, которые часто либо полностью запрещают цифровые устройства, либо, напротив, бесконтрольно предоставляют к ним доступ. Школа может стать центром формирования разумного и ответственного подхода к цифровому миру, проводя открытые занятия и консультации.

Таким образом, цифровая трансформация начальной школы в свете требований ФГОС – это сложный, но неизбежный путь от формального использования технологий к их глубокой методической и содержательной интеграции. Успех этого пути зависит от преодоления технократического подхода и фокусировки на главном: создании безопасной, развивающей и

личностно-ориентированной образовательной экосистемы. В такой экосистеме цифровые инструменты становятся естественным продолжением мысли и действия учителя и ученика, работая на достижение того самого «портрета выпускника начальной школы», который и является конечной целью, прописанной в стандарте.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. – 2019. – Т. 12, № 65. – С. 1.
2. Булин-Соколова Е.И., Семенова Т.В. Цифровая грамотность и цифровая трансформация школы: от принуждения к возможностям // Современная аналитика образования. – 2020. – № 2 (37). – С. 1–24.
3. Патаракин Е.Д. Цифровая трансформация школы: новые возможности для развития сообщества обучающихся // Народное образование. – 2021. – № 3. – С. 48–55.
4. Приказ Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» [Электронный ресурс]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107050028 (дата обращения: 27.01.2026).
5. Смирнова З.В. Персонализация обучения в начальной школе с использованием цифровых технологий // Начальная школа. – 2021. – № 5. – С. 34–39.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс] / Министерство просвещения РФ. – М., 2021. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/ (дата обращения: 27.01.2026).

Губернаторова А.О. **ГЕЙМИФИКАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМУ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.**
Н. рук. Гончарук Я.А.

История геймификации физической активности берёт начало в простых соревновательных моделях XX века, где основным стимулом выступал дух соперничества. Пионером стал метод круговой тренировки с элементами игрового подсчёта очков, применявшийся в советской системе физического воспитания 1960-х годов. Эволюционный переход к сложным системам начался с распространения цифровых технологий, позволивших внедрить прогрессивные шкалы достижений и персонализированные трекеры активности. В 1990-х годах концепция обогатилась элементами ролевых игр, где учащиеся «прокачивали» виртуальных аватаров через реальные физические упражнения. Современный этап характеризуется синтезом поведенческой психологии и Big Data, создающим адаптивные нарративы мотивации. Ключевым маркером трансформации стало смещение фокуса с внешних наград (значки, рейтинги) на внутренние стимулы – чувство мастерства и социальной принадлежности. Нейрофизиологические исследования подтвердили, что игровые механики активируют систему вознаграждения мозга на 37% интенсивнее традиционных методов. Однако ранние подходы страдали ограниченностью, игнорируя индивидуальные особенности развития. Это обусловило необходимость перехода к многоуровневым моделям, сочетающим соревновательные, кооперативные и творческие компоненты.

Анализ современных геймификационных методик выявил парадокс: чрезмерное увлечение балльно-рейтинговыми системами снижает внутреннюю мотивацию на 22-28% по данным PISA-2022. Структурное противоречие возникает при механическом переносе игровых шаблонов из коммерческого сектора в образование без учёта педагогических задач. Особенно критична подмена образовательных целей погоней за виртуальными трофеями, что ведёт к поверхностному усвоению навыков. Эффективность поведенческих стимулов варьируется в зависимости от возрастных групп: если у младших школьников доминирует реакция на немедленное поощрение (стикеры, бейджи), то подросткам требуется включение в социальные взаимодействия. Ограничением выступает ресурсоёмкость разработки персонализированных сценариев – лишь 14% российских школ используют адаптивные платформы. Это создаёт разрыв между теоретическим потенциалом геймификации и практикой. Метаанализ 47 исследований показал, что успешные кейсы объединяет баланс между challenge-based learning (обучение через вызовы) и автономией выбора. Как отмечают эксперты, «эффективная геймификация должна ставить во главу угла осмысленные учебные задачи над поверхностными наградами, поддерживать внутреннюю мотивацию путем поощрения мастерства, автономии и целеустремленности». Это требует пересмотра критериев оценки эффективности методик.

Стратегия интеграции геймификации в школьные программы предполагает трёхуровневую модель: базовый (ФГОС-ориентированные нормативы), вариативный (региональные компоненты) и инновационный

(проектная деятельность). Для младших классов акцент делается на сюжетно-ролевых сценариях с коллективными достижениями, в средней школе вводятся элементы здорового соперничества через систему личных рейтингов. Ключевым принципом становится инклюзивность – адаптация заданий для детей с ОВЗ через VR-тренажёры и альтернативные системы оценивания. Как подчёркивается в исследованиях, система должна быть «достаточно гибкой для удовлетворения различных требований учащихся». Практическим решением выступает модульный конструктор заданий, позволяющий учителям комбинировать игровые механики без программирования. Синхронизация с ФГОС достигается через сопряжение игровых достижений с планируемыми образовательными результатами. Например, квест «Олимпийские надежды» интегрирует нормативы ГТО в повествовательную структуру с персонажами-наставниками. Важным аспектом является преемственность между ступенями образования – цифровой профиль учащегося, фиксирующий прогресс от 1 до 11 класса. Для педагогов разрабатываются методические кейсы с возрастной градацией: когнитивные нагрузки дозируются согласно сензитивным периодам развития. В начальной школе преобладают краткосрочные циклы (2-4 недели) с визуализацией прогресса, в старшей – долгосрочные проекты с исследовательской составляющей. Апробация модели в пилотных регионах показала рост вовлечённости на 41% за 2023-2024 учебный год.

Современный мир спорта стремительно меняется под влиянием цифровых технологий. Одной из самых интересных и новаторских тенденций последних лет стал фиджитал-спорт – уникальный симбиоз физической активности и цифрового гейминга. Фиджитал-спорт сочетает традиционные спортивные дисциплины с элементами компьютеризированных игр, создавая новый формат, который привлекает внимание как профессионалов, так и любителей. В России этот феномен получил широкое распространение благодаря быстрому росту интереса к киберспорту и физическим упражнениям, а также активной государственной поддержке инновационных проектов в сфере спорта и IT. Комбинация физической активности и цифровых технологий открывает новые горизонты для мотивации и вовлеченности широких слоев населения в регулярные занятия спортом. Технологические платформы позволяют настраивать тренировки под конкретные потребности и цели каждого спортсмена. Например, приложение может автоматически корректировать сложность упражнений в зависимости от текущей физической формы участника. Интеграция игровых механик стимулирует спортсменов к постоянному прогрессу. Достижение новых уровней, получение наград и участие в соревнованиях с другими игроками поддерживают высокий уровень заинтересованности. Фиджитал-спорт оказывается полезным инструментом для восстановления после травм. Игровые элементы делают реабилитационные процедуры более интересными и мотивирующими, способствуя скорейшему возвращению к полноценной деятельности.

Прогнозируемые антропометрические эффекты включают улучшение показателей выносливости и координации, что подтверждается исследованиями VR-тренировок: «Тренировки в виртуальной реальности приводят к повышению стрессоустойчивости, на уровне тенденции увеличиваются объективные

показатели здоровья... и общая витальность». Поведенческие изменения проявляются в формировании устойчивой привычки к ЗОЖ – 67% участников пилотных программ сохраняют активность после их завершения. Долгосрочный образовательный эффект заключается в трансформации физической культуры из обязательной дисциплины в элемент личностной идентичности. Нейросетевое моделирование ожидается 23%-ный рост спортивных достижений учащихся к 2030 году при системной реализации предложенной модели. Перспективным направлением исследований остается разработка AI-ассистентов, корректирующих индивидуальные траектории на основе биометрических данных.

Литература

1. Иванов И.И., Петрова М.С. Анализ эффективности использования носимых устройств в подготовке спортсменов // Физическая культура и спорт. – 2019. – № 7. – С. 23–29.
2. Смирнова Е.Г., Лебедев С.А. Применение виртуальной реальности в тренировочном процессе футболистов // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 11. – С. 12–15.
3. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining “Gamification” // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference. – Tampere, 2011. – P. 9–15. – DOI: 10.1145/2181037.2181040.
4. Sailer M., Hense J. U., Mayr S. K., Mandl H. How gamification motivates: An experimental study of the effects of specific game design elements on psychological need satisfaction // Computers in Human Behavior. – 2017. – Vol. 69. – P. 371–380. – DOI: 10.1016/j.chb.2016.12.033.
5. Hamari J., Koivisto J., Sarsa H. Does Gamification Work? – A Literature Review of Empirical Studies on Gamification // Proceedings of the 47th Hawaii International Conference on System Sciences. – Waikoloa, 2014. – P. 3025–3034. – DOI: 10.1109/HICSS.2014.377.
6. Орлов А. А., Кондаков В. Л. Геймификация в физическом воспитании студентов: теоретические подходы и практические аспекты // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 3. – С. 22–24. – ISSN 0040-3601.
7. Лубышева Л. И., Захаров С. И. Цифровая трансформация физической культуры и спорта: от фитнес-трекеров к геймификации // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 9. – С. 3–5. – ISSN 0040-3601.
8. Круглова Т. Э., Шиховцов Ю. В. Исторические предпосылки геймификации физической активности: опыт комплекса ГТО // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 6 (208). – С. 198–202. – ISSN 1994-4683.
9. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps. – Sebastopol : O’Reilly Media, 2011. – 208 p. – ISBN 9781449315399.
10. Кричфалушая Д.С., Курылев И.Н. Геймификация как тип организации деятельности в современном обществе // Бизнес и дизайн ревю. – 2024. – №2. – С. 98–110.
11. Лескова Д.О., Сафонова Т.В., Муленко М.Д. и др. Геймификация в образовании: влияние на мотивацию и результаты обучающихся // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. – 2024. – №7. – С. 187–194.

Гудкова Н.А. ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ. Н. рук. Яковлева Т.В.

Среди многих факторов воздействия на формирования личности, её самосовершенствование, умственного труда занимает культурная среда. В период формирования личности у каждого человека есть своя микрокультурная среда (образовательное учреждение), границы которой в большей степени совпадают с границами его учебного труда, которая включает систему элементов, находящихся в тесном взаимодействии. Как справедливо отмечают исследователи, «ценностные ориентиры не усваиваются вербально: они формируются исключительно в деятельности и общении, где ребёнок эмоционально проживает значимость поступков» [3, с. 45]. Внеурочная деятельность предоставляет пространство для свободного выбора, коллективного взаимодействия и самореализации. В этой связи она выступает ключевым инструментом воспитания. При этом важно учитывать, что «целостность педагогического процесса понимается как взаимосвязь и взаимообусловленность всех процессов и явлений в нем возникающих и протекающих как в процессах воспитания и обучения, во взаимоотношениях всех субъектов педагогического процесса, так и в связях педагогического процесса с явлениями внешней среды» [2].

Психолого-педагогическая наука определяет возраст 7–10 лет как сензитивный период закладки основ нравственного сознания. Учащиеся младшего школьного возраста отличаются высокой чувствительностью к эмоциональным воздействиям, стремлением подражать авторитетным педагогам и опорой на наглядно-образное восприятие информации [4, с. 89]. В то же время ведущая деятельность постепенно трансформируется: игровая уступает место учебной и коммуникативной, однако потребность в практическом действии и эмоциональном проживании сохраняется. Механическая трансляция нравственных истин без опоры на субъектный опыт оказывается малоэффективной. Как отмечал В.А. Сухомлинский, «нравственность не может быть навязана извне – она должна родиться в душе ребёнка через личный опыт сочувствия, заботы и ответственности» [5, с. 101]. Именно внеурочная деятельность создаёт условия для моделирования социальных ситуаций, в которых обучающийся может апробировать различные роли, учиться сотрудничеству, сопереживанию и нести ответственность за общий результат. Это связано с её гибкостью, разнообразием форм и целенаправленной направленностью на социализацию личности [2, с. 112].

Результатом взаимодействия в целостном педагогическом процессе является система жизненных отношений и ценностей в единстве с деятельностью. Почему не всесторонне развитая личность или образованный и воспитанный человек? Сущность человека проявляется в деятельности, в которой порождаются отношения, проявляется система сформированных ценностей. Важнейшим условием результативности остаётся добровольность участия. Как подчёркивает А.В. Мудрик, «воспитание становится эффективным, когда оно растворено в жизни ребёнка и отвечает его актуальным потребностям в общении и

деятельности» [3, с. 45]. Планирование внеурочной работы должно учитывать интересы учащихся. Это способствует их переходу от роли объекта воспитания к позиции субъекта собственной деятельности. Указанный подход соответствует требованиям ФГОС НОО. Стандарт определяет внеурочную деятельность как обязательный компонент образовательного процесса, ключевой задачей которого является развитие ценностно-смысловой сферы обучающихся [4].

В единую воспитательную систему современной школы интегрированы и занятия курса «Разговоры о важном». Для начальной школы данный формат выполняет преимущественно информационно-смысловую функцию, задавая тему для недельного цикла мероприятий. Однако сами по себе еженедельные встречи не могут заменить полноценную внеурочную деятельность из-за ограниченности времени. Их содержание получает реальное развитие в последующих делах класса: обсуждение темы патриотизма трансформируется в поиск информации о героях-земляках, экологическая проблематика реализуется через школьные акции раздельного сбора отходов, а вопросы толерантности находят продолжение в ролевых тренингах и коллективных рефлексиях. Интеграция тематики курса в план внеурочной работы позволяет избежать формализма и обеспечивает целостность воспитательного процесса, связывая теоретическое обсуждение с практико-ориентированным опытом [5, с. 15].

Практическая значимость данного подхода подтверждается результатами диагностического исследования, проведённого на базе 4 класса. В ходе исследования применялись четыре взаимодополняющие методики, позволяющие оценить ценностные ориентации по различным критериям: нравственной воспитанности, направленности интересов, иерархии жизненных целей и уровня социализированности личности. Такой методический комплекс позволил получить валидные данные, отражающие как когнитивный, так и поведенческий компоненты ценностного становления учащихся.

Обобщённый анализ результатов первичной диагностики свидетельствует о преобладании в экспериментальном классе среднего уровня сформированности ценностных ориентиров (57% обучающихся). Учащиеся данной группы демонстрируют положительное отношение к нравственным нормам, которое носит ситуативный характер. Их поведение зависит преимущественно от внешних регуляторов. К ним относятся оценочная позиция педагога, ожидания одноклассников и условия конкретной ситуации. Устойчивая внутренняя убеждённость пока не выступает главным мотивом поступков. Высокий уровень выявлен у 23%: эти дети последовательно проявляют эмпатию, готовность к сотрудничеству и ответственность за общий результат. Низкий уровень зафиксирован у 20% учащихся, для которых характерны эгоцентрическая направленность, затруднения в ситуациях морального выбора и слабая выраженность социальных установок.

Структурный анализ мотивационно-ценностной сферы выявил сохранение эгоцентрических тенденций. Так, 37% учащихся включили в тройку приоритетных желаний потребности личного характера. Вместе с тем у 29% доминируют ценности, связанные с благополучием родных и близких. У 21% школьников преобладают общесоциальные идеалы. В их числе справедливость, экологическая ответственность и мир. Особую педагогическую значимость

имеет позиция 13% учащихся. Данные школьники поставили на первое место интересы класса и школы. Подобный выбор указывает на становление коллективной идентичности. Он создаёт прочную основу для дальнейшего воспитательного воздействия.

Иерархия терминальных и инструментальных ценностей, выявленная в ходе исследования, подтверждает гуманистическую направленность деклараций младших школьников. Приоритетными жизненными целями названы «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «верные друзья»; среди инструментальных ценностей лидируют «честность», «ответственность», «чуткость».

Формирование ценностных ориентаций – процесс достаточно сложный, он включает в себя следующие этапы:

1. Предъявление ценностей человеку.
2. Осознание личностью ценности.
3. Принятие ценности.
4. Реализация ценностных ориентаций в деятельности, общении и поведении.
5. Закрепление ценности в статусе качества личности.
6. Актуализация ценности в жизненных ситуациях.

Показатель социальной активности вызывает особую педагогическую тревогу. Лишь 18% учащихся выразили готовность участвовать в общественно значимых инициативах ради справедливости. Подобные результаты свидетельствуют о недостаточной готовности большинства детей к общественному участию. Данный факт актуализирует задачу целенаправленного формирования активной жизненной позиции. Решить её можно через системное вовлечение школьников в волонтёрские практики, проектные инициативы и коллективные формы взаимодействия. Сводные диагностические данные констатируют незавершённость процесса интериоризации нравственных норм. Полученные результаты подтверждают необходимость системной педагогической работы. Её ключевым вектором выступает преодоление ситуативности нравственного выбора и обеспечение перехода от внешнего усвоения ценностей к их личностному присвоению.

Эффективность формирования ценностных ориентиров напрямую зависит от профессиональной позиции педагога и психологического климата в детском коллективе. Личностный пример учителя, его искренняя заинтересованность в обсуждаемых проблемах влияют на доверие младших школьников [9, с. 67]. Диссонанс между декларируемыми ценностями и поведением педагога снижает результативность воспитательных воздействий, поскольку для данного возраста характерна ориентация на авторитет взрослого. Формирование устойчивых ориентиров требует создания психологически безопасной среды, основанной на безоценочном принятии, толерантности к альтернативным точкам зрения и переходе позиции учителя от транслятора норм к фасилитатору диалога. Как отмечает Ю.М. Харламова, «внеурочная деятельность становится пространством, где ценности перестают быть абстрактными понятиями и превращаются в личный опыт ребёнка» [8, с. 25].

Выделяют следующие возможности участия педагога в процессе формирования ценностей:

• личностное влияние педагога;

• ценностный диалог;

• погружение в ценностную среду;

• специальное конструирование ценностных ситуаций для проживания и осознания;

• создание ситуаций ценностного выбора.

В современных условиях «воспитание сегодня это, прежде всего, работа со смыслами, ценностями, системой отношений человека, его эмоционально-волевой и рефлексивными сферами, со всем тем, что позволяет человеку осознавать, оценивать и усовершенствовать себя, делая при этом главным критерием собственных действий и поступков совесть» [2]. Реализация практико-ориентированного подхода обеспечивает включение в контекст ценностных категорий, способствуя их осмыслению через социально значимый опыт [7, с. 55].

Таким образом, формирование ценностных ориентиров у младших школьников представляет собой многокомпонентный педагогический процесс, реализуемый в рамках вариативных форм внеурочной деятельности. Занятия курса «Разговоры о важном» интегрируются в данную систему как смыслообразующий элемент, требующий содержательного развития в практических делах, проектах и социальных практиках. Перспективы совершенствования воспитательной работы связаны с разработкой валидного диагностического инструментария, развитием профессиональных компетенций педагогов в области ценностного воспитания и укреплением взаимодействия школы и семьи как единого воспитательного пространства, обеспечивающего преемственность стратегий личностного развития ребёнка.

Литература

1. Безрукова В.С. Воспитание: проблемы и перспективы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2019. – 180 с.

2. Куликова С.Е. Методические рекомендации по теме «Деятельность педагога по формированию ценностных ориентаций обучающихся» [Электронный ресурс]. – Краснохолмский муниципальный округ, 2022. – Режим доступа: https://krhroo.ucoz.ru/MSOKO2021-20221/rekomendacii_po_formirovaniju_cennostnykh_orientac.pdf

3. Луков В.А. Ценностные ориентации подростков и молодежи в условиях социальных трансформаций. – Москва: Институт молодежи, 2021. – 215 с.

4. Мудрик А.В. Воспитание в современном воспитательном пространстве // Педагогика. – 2020. – № 5. – С. 42–50.

5. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: в 3 т. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – 640 с.

6. ФГОС НОО: утв. приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2021. – № 34.

7. Фролов С.С. Идеологическая деятельность в школе: современные вызовы и ответы // Вестник образования. – 2023. – № 2. – С. 15–22.

8. Харламова Ю.М. Проблема формирования ценностных ориентиров младших школьников // Вестник Омского университета. Серия: Педагогика. – 2020. – № 3. – С. 25–29.

9. Шульман Л.С. Практико-ориентированное образование и формирование ценностей // Вопросы образования. – 2021. – № 3. – С. 55–68.

Данилова Т.И. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВНИМАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. Н. рук. Доронина Н.Н.

На современном этапе развития психологии особое значение приобретают исследования познавательных процессов, играющих ключевую роль в развитии личности ребёнка. Одним из таких процессов является внимание, которое обеспечивает успешное восприятие, переработку информации, мышление и обучение. От уровня развития внимания зависит эффективность учебной деятельности, формирование произвольного поведения и развитие других когнитивных функций (Л.С. Выготский [1], П.Я. Гальперин [3], С.Л. Рубинштейн [5] и др.).

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями современной образовательной среды к уровню концентрации и устойчивости внимания детей. В условиях информационной перегруженности всё чаще наблюдаются трудности, связанные с рассеянностью, быстрой утомляемостью и сниженной способностью к саморегуляции, особенно у детей младшего возраста. Это требует углублённого изучения возрастных особенностей внимания и разработки эффективных методов его развития.

Переход от дошкольного к младшему школьному возрасту сопровождается значительными изменениями в психическом развитии ребёнка. В этот период формируются основы учебной деятельности, развивается произвольное поведение и внутренние механизмы регуляции, «основной особенностью внимания младшего школьника, по сравнению с дошкольниками, является возникшая способность управлять своим вниманием» [2, с. 75]. Внимание как ключевой компонент познавательной деятельности претерпевает качественные изменения: от непроизвольного к произвольному и послепроизвольному. Важно своевременно определить пути развития познавательных психических процессов, включая внимание, что является важным для психологической готовности к школе у дошкольников [4] и развитию учебной мотивации у младших школьников.

Цель исследования – выявить особенности развития внимания у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Мы предположили, что внимание дошкольников характеризуется преимущественно непроизвольностью, низкой устойчивостью и ограниченным объёмом, тогда как у младших школьников наблюдается развитие произвольного внимания, повышение концентрации и саморегуляции. Методики исследования: Методика «Корректурная проба» (Бурдон – Анфимов); Методика «Найди и зачеркни»; Методика «Кольца Ландольта».

Проанализируем полученные результаты исследования. Выявлено, что у дошкольников преобладают низкий и средний уровни развития внимания. Большинство детей демонстрируют недостаточную устойчивость, высокую отвлекаемость и ограниченный объём внимания. Это подтверждает доминирование непроизвольных форм внимания, зависимых от внешних стимулов. Результаты представлены на рисунке 1.

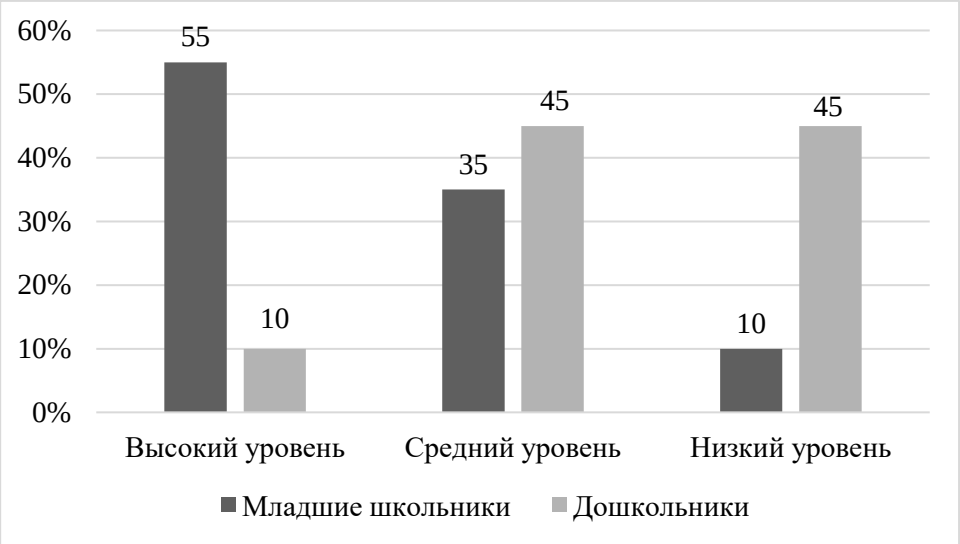

Рисунок 1. – Распределение младших школьников и дошкольников по уровням развития внимания (%)

У младших школьников, по сравнению с дошкольниками, преобладают средний (35%) и высокий (55%) уровень. Это свидетельствует о выраженной возрастной динамике развития внимания.

Исследование отдельных свойств внимания показало, что у младших школьников значительно выше показатели концентрации, устойчивости, объёма и переключаемости внимания. Они способны дольше удерживать внимание, быстрее переключаться между задачами и более эффективно контролировать свою деятельность. У дошкольников, напротив, внимание отличается нестабильностью, низкой точностью выполнения заданий и зависимостью от внешней стимуляции. Результаты представлены на Рисунке 2.

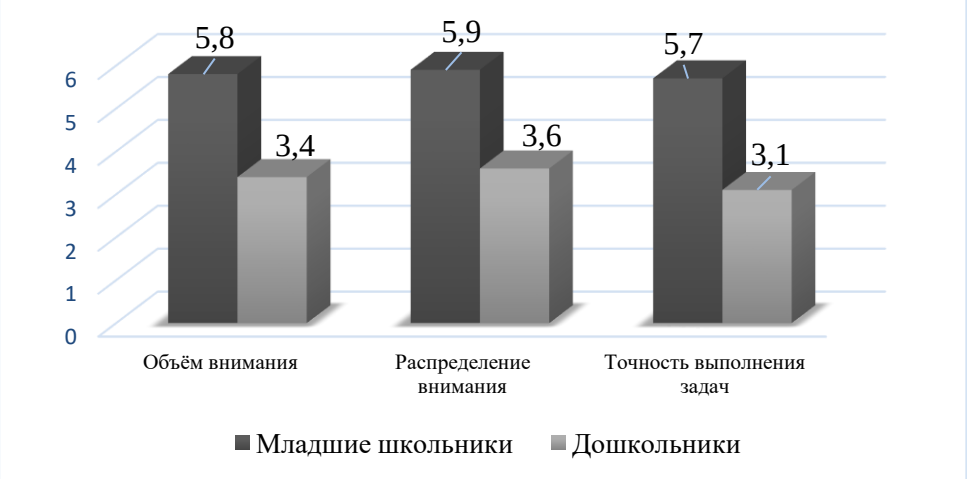

Рисунок 2. – Выраженность показателей объёма и распределения внимания у детей (ср.б.)

Для выявления различий в выраженности свойств внимания у детей дошкольного и младшего школьного возраста был применен H критерий Краскела-Уоллиса (Таблица 1).

На основе полученных данных различия по показателям внимания в зависимости от возрастной группы можно представить следующим образом: исследуемые свойства внимания значительно выше выражены у младших

школьников по сравнению с дошкольниками, что свидетельствует о формировании произвольной концентрации и умения удерживать фокус на учебной задаче, росте способности одновременно удерживать и обрабатывать больше информации, развитие навыков контроля собственного внимания и коррекции действий в процессе выполнения задач.

Таблица 1. – Сравнение свойств внимания у дошкольников и младших школьников

Свойство внимания	Значение показателя (ср.б, СО)		tэмп
	Дошкольники	Младшие школьники	
Концентрация внимания	5,8 (2,1)	7,0 (1,8)	3,45*
Объём внимания	5,5 (2,2)	7,2 (1,7)	4,12*
Переключаемость внимания	5,7 (2,0)	7,1 (1,6)	3,87*
Устойчивость внимания	5,6 (2,3)	7,0 (1,8)	3,65*
Саморегуляция внимания	5,9 (2,1)	7,3 (1,5)	4,05*

*Примечание: * – p ≤0,05, СО – стандартное отклонение*

Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу исследования о том, что внимание детей дошкольного возраста преимущественно непроизвольно и характеризуется низкой устойчивостью и ограниченным объёмом, тогда как у младших школьников наблюдается развитие произвольного внимания и более высокие показатели способности к концентрации, переключению и саморегуляции. Это подчёркивает необходимость целенаправленного формирования когнитивных навыков внимания в дошкольном возрасте для успешной подготовки к школьной деятельности.

Литература

1. Выготский, Л.С. // Собрание сочинений. – Москва: Педагогика, 1984. – Т. 4. – 432 с.
2. Габарова Х.В., Эхаева Р.М., Даудова Д.М. К вопросу о процессе развития внимания младших школьников // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80-4. – С. 75-77.
3. Гальперин, П.Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 25-32.
4. Рубанова Н.А. Внимание у старших дошкольников: экспериментальное исследование // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2017. – №2(12). – С. 55-57.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1989. – 488 с.

Журавлева Е.Е. ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧАТ-БОТОВ С ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКЕ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ. Н. рук. Беляева И.Н.

Современный этап развития информатизации образования характеризуется активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в учебный процесс. Особый интерес для педагогики представляет использование генеративных нейросетей и диалоговых агентов – чат-ботов, способных генерировать тексты, примеры кода, объяснения и адаптировать их под уровень конкретного учащегося. В старшей школе, где изучение информатики часто сталкивается с разноуровневой подготовкой и различными профессиональными интересами школьников, проблема индивидуализации обучения приобретает особую остроту. Традиционные методы дифференциации (разноуровневые задания, индивидуальные маршруты) требуют значительных временных затрат от учителя. Чат-боты с генеративным искусственным интеллектом (например, ChatGPT, Яндекс GPT, GigaChat) предлагают новый дидактический инструмент для оперативной и масштабируемой индивидуализации. Цель данной статьи – проанализировать дидактический потенциал чат-ботов с генеративным ИИ как средства индивидуализации обучения информатике в старшей школе и предложить методические основы их применения.

Теоретический анализ показывает, что индивидуализация обучения информатике может реализовываться на трёх основных уровнях: содержательном (адаптация сложности учебного материала), процессуальном (выбор темпа, способов деятельности, форм обратной связи) и результативном (вариативность диагностических материалов). Генеративные чат-боты обладают возможностями для реализации всех трёх уровней. Во-первых, они способны генерировать объяснения одной и той же программной конструкции (например, цикла for или работы со списками в Python) на разных уровнях абстракции – от интуитивно-бытового до формально-математического. Во-вторых, чат-бот может выступать в роли «виртуального тьютора», оперативно отвечая на уточняющие вопросы ученика, подбирая дополнительные примеры из предметной области, интересной конкретному школьнику (математика, лингвистика, дизайн). В-третьих, использование промптов (инструкций для нейросети) позволяет учителю конструировать индивидуальные наборы задач по программированию, различающиеся по сложности и контексту.

Однако применение чат-ботов в обучении информатике сопряжено с рядом дидактических рисков. Основным является «эффект когнитивного замещения»: неконтролируемое использование учениками готового кода или развёрнутого ответа вместо собственных рассуждений может приводить к снижению развитию алгоритмического мышления. Следовательно, прямое «скармливание» учебных задач чат-боту без методического опосредования нецелесообразно. Напротив, потенциал раскрывается через специально организованное взаимодействие, где чат-бот выступает не как поставщик готового решения, а как инструмент для пошаговой рефлексии, поиска ошибок, генерации контрпримеров или трансформации одного алгоритма в другой.

Разрабатывая методику использования чат-ботов для индивидуализации обучения информатике в старшей школе, мы выделяем следующие сценарии:

1. Диагностика и подбор задач: учитель с помощью предварительного промпта может получить несколько вариантов задач по одной теме, ранжированных по сложности. Учащийся решает «свой» вариант, а при затруднении может обратиться к боту за наводящим вопросом, а не полным решением.

2. Объяснение «для себя»: ученик формулирует боту запрос: «Объясни рекурсию на примере из футбольной статистики» или «Перепиши этот код с использованием лямбда-функции и прокомментируй изменения». Бот генерирует персонализированное объяснение.

3. Чат-бот как собеседник при отладке: ученик вставляет в диалог свой неработающий код, а чат-бот не исправляет его автоматически, а задаёт уточняющие вопросы (по методике «резиновой уточки»), помогая автору найти ошибку самостоятельно.

4. Генерация рефлексивных заданий: бот создаёт вопрос для самооценки по заданному критерию: «Сформулируй три вопроса, по которым можно проверить, понял ли тему "Сортировка массивов"».

Апробация фрагментов предложенной методики проводилась на базе МБОУ «СОШ №20» г. Белгорода в 10–11 классах (профильный уровень информатики). В экспериментальной группе (n=24) учащиеся на протяжении одной четверти при изучении тем «Алгоритмы и структуры данных» и «Объектно-ориентированное программирование» использовали чат-бота с генеративным ИИ (Яндекс GPT) строго по определённым учителем правилам: запрет на ввод полного условия задачи до трёх попыток самостоятельного решения; обязательное комментирование каждого предложенного ботом фрагмента кода. Контрольная группа (n=22) изучала те же темы традиционно – без использования ИИ-инструментов.

Результаты педагогического эксперимента показали, что в экспериментальной группе достоверно ($p<0,05$) повысились показатели: интерес к предмету (на 28% по опроснику), время выполнения домашних заданий сократилось за счёт более быстрой ликвидации «застреваний» на отдельных ошибках, а качество рефлексивных отчётов (умение объяснить, почему выбран именно такой алгоритм) оказалось выше, чем в контрольной группе. Вместе с тем, выявлены и негативные тенденции: 3 ученика из экспериментальной группы пытались использовать бота для полного копирования решений, что потребовало усиления контроля со стороны учителя и введения дополнительных устных коллоквиумов.

Таким образом, дидактический потенциал чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом в индивидуализации обучения информатике в старшей школе является высоким, но требует тщательной методической проработки. Инструментарий генеративных чат-ботов не должен рассматриваться как замена учителя, а как мощное средство для оперативной адаптации содержания, организации персонализированной обратной связи и поддержки рефлексивной деятельности учащихся. Основными условиями успешной интеграции чат-ботов в процесс обучения информатике являются:

формирование у учащихся культуры работы с ИИ (умение задавать точные промпты, критически оценивать результаты), чёткое регламентирование ситуаций обращения к боту и разработка системы заданий, где бот выступает партнёром по решению, но не поставщиком готового кода. Дальнейшие исследования могут быть направлены на создание типовых промпт-библиотек для учителей информатики и на сопоставление эффективности разных генеративных моделей (в том числе отечественных) в конкретных темах курса.

Литература

1. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2022. – 368 с.
2. Уваров А.Ю. Трансформация образования: искусственный интеллект и новые дидактические возможности // Вопросы образования. – 2023. – № 2. – С. 48-73.
3. Босова Л.Л., Босова А.Ю. О развитии алгоритмического мышления школьников в условиях цифровой трансформации образования // Информатика и образование. – 2022. – Т. 37. – № 5. – С. 5-14.
4. OpenAI. GPT-4 Technical Report [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf .
5. Luckin R., Holmes W. Intelligence Unleashed: An argument for AI in Education. – London: Pearson, 2021. – 143 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: https://fgos.ru

С.Н. Дебёлая, И.О. Иванов, И.Г. Комарова.

АНАБОЛИЧЕСКИЕ СТЕРОИДЫ VS НАТУРАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ: ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ДАЁТ ДОПИНГ, ПОЧЕМУ ОН ЗАПРЕЩЕН И ЧЕМ ОПАСЕН

Вопрос о границах человеческих возможностей всегда стоял перед спортсменами и людьми, занимающимися физической культурой. Каждому, кто регулярно занимается физической активностью в любом её проявлении, знакомо ощущение, когда прогресс замедляется: веса перестают расти, мышцы уже не откликаются на нагрузки так, как в первые месяцы занятий. В этот момент многие оказываются перед трудным выбором: продолжать медленное, но естественное развитие или обратиться к запрещённым препаратам, обещающим быстрый результат. Прежде чем говорить о влиянии допинга на мышцы, стоит кратко обозначить, что именно скрывается за этим термином. Помимо классических анаболических стероидов, спортсмены используют препараты, повышающие выносливость (ЭПО и его аналоги), пептидные гормоны, ускоряющие восстановление, а также диуретики для маскировки следов запрещённых веществ. Все они направлены на то, чтобы обойти естественные ограничения организма. В данной работе мы подробно разберем, что на самом деле происходит в организме при натуральных тренировках и при употреблении анаболических стероидов, а также объясним, почему эти вещества запрещены и чем именно они опасны.

Особенно остро проблема допинга стоит в видах спорта, требующих предельной выносливости, – лыжных гонках, легкоатлетическом беге на средние и длинные дистанции, плавании. Здесь на первый план выходит способность организма максимально эффективно потреблять кислород и быстро восстанавливаться между стартами. Именно поэтому в циклических дисциплинах широкое распространение получили не только анаболические стероиды, но и такие запрещённые методы, как эритропоэтин (ЭПО), кровяной допинг и гормон роста.

Для начала необходимо понять, как работают мышцы при естественных занятиях спортом. Когда человек выполняет силовое упражнение, например, поднимает штангу или работает на тренажере, в его мышечных волокнах возникают микроскопические повреждения. Это совершенно нормальный процесс. В ответ на эти повреждения организм запускает механизмы восстановления. Клетки начинают активно синтезировать новые белковые структуры, делая мышечное волокно не просто таким же, как до тренировки, а немного толще и сильнее. Это явление называется суперкомпенсацией и лежит в основе любого роста мышц [1, с. 78]. Регуляторами этого процесса выступают собственные гормоны человека, в первую очередь тестостерон и гормон роста. Важно отметить, что у здорового человека уровень этих гормонов строго контролируется организмом. Выброс происходит импульсно, в ответ на нагрузку, и концентрация гормонов никогда не выходит за пределы физиологической нормы, заданной генетически. Именно поэтому натуральный прогресс всегда постепенен. В первый год регулярных занятий человек может набрать несколько килограммов мышечной массы, но со временем темпы неизбежно замедляются.

Организм адаптируется и подходит к своему естественному пределу развития, который индивидуален для каждого и зависит от наследственности.

Однако натуральный тренинг дает не только внешние изменения. Регулярная физическая нагрузка без применения стимуляторов укрепляет сердечно-сосудистую систему, делает сосуды более эластичными, нормализует уровень сахара и холестерина в крови. Связки и сухожилия укрепляются постепенно и успевают приспособиться к растущим весам, что снижает риск тяжелых травм. Кроме того, занятия спортом положительно влияют на нервную систему, помогая бороться со стрессом и улучшая качество сна [2, с. 112]. Таким образом, выбирая натуральный путь, человек вкладывается в свое долгосрочное здоровье и долголетие.

Теперь обратимся к тому, что предлагают анаболические стероиды. Это синтетические вещества, созданные в лабораториях по образу и подобию мужского полового гормона тестостерона. Их задача – принудительно заставить организм наращивать мышечную ткань. Когда человек принимает стероиды, концентрация гормонов в его крови возрастает в десятки, а иногда и в сотни раз выше естественного уровня. Молекулы препарата проникают внутрь мышечных клеток, связываются с особыми рецепторами и дают клеточному ядру команду непрерывно производить белок. При этом организм перестает адекватно воспринимать сигналы усталости и болевые ощущения, а процессы разрушения мышц, которые в норме происходят после тяжелой нагрузки, блокируются [3, с. 201]. На практике это означает, что спортсмен может тренироваться чаще, дольше и интенсивнее, востанавливаясь за считанные дни вместо недели. Именно возможность тренироваться чаще и восстанавливаться быстрее – главная причина, по которой к допингу прибегают не только профессиональные атлеты, но и обычные любители. Когда собственные ресурсы организма исчерпаны, а прогресс остановился, запрещённые препараты кажутся единственным способом продолжить движение вперёд. Внешний эффект наступает стремительно: мышцы наполняются водой и гликогеном, становятся объемными и рельефными, веса на штанге растут от тренировки к тренировке.

Однако эта внешняя красота и сила обманчивы. Плата за столь быстрый прогресс оказывается непомерно высокой, и расплачиваться приходится собственным здоровьем. Рассмотрим основные системы организма, которые страдают от приема анаболических стероидов. Первый и самый уязвимый орган – сердце. Под действием высоких доз гормонов сердечная мышца начинает патологически утолщаться. В отличие от полезной гипертрофии у спортсменов-натуралов, где камеры сердца увеличиваются пропорционально и хорошо снабжаются кровью, стенки сердца «химика» становятся жесткими, а внутренняя полость уменьшается. Такое сердце хуже перекачивает кровь и склонно к тяжелым нарушениям ритма. Кроме того, стероиды резко меняют состав крови: уровень «плохого» холестерина повышается, а «хорошего» падает почти до нуля. Это приводит к тому, что уже в возрасте 25-35 лет у таких людей развивается атеросклероз – закупорка сосудов бляшками, что создает высокий риск инфаркта или инсульта [4, с. 528].

Вторая серьезная проблема – это удар по собственной гормональной системе. Наш организм устроен очень мудро: если гормон поступает извне в

больших количествах, необходимость производить его самостоятельно отпадает. Железы внутренней секреции, которые отвечали за выработку тестостерона, попросту «засыпают», а со временем уменьшаются в размерах. Когда курс приема препаратов заканчивается, человек остается с крайне низким уровнем собственных гормонов. Наступает период, который называют «синдромом отмены». Он сопровождается тяжелой депрессией, полной потерей интереса к жизни и тренировкам, проблемами в интимной сфере и стремительной потерей набранной мышечной массы. Многие, столкнувшись с этим состоянием, не выдерживают и снова садятся на курс, попадая в порочный круг зависимости, выбраться из которого без помощи врача очень сложно [5, с. 47].

Также сильному токсическому воздействию подвергается печень. Особенно опасны стероиды в таблетках, так как они проходят через печень, нанося прямой удар по её клеткам. Со временем это может привести к воспалению ткани печени, застою желчи и даже к развитию опухолей.

Общие риски для мужчин и женщин включают: патологическое утолщение сердечной мышцы с риском внезапной остановки сердца, повышение «плохого» холестерина, ведущее к ранним инфарктам и инсультам, а также тяжёлую гормональную ломку при отмене препарата.

Специфические риски для мужчин: атрофия яичек, импотенция, необратимое бесплодие, рост молочных желёз по женскому типу (гинекомастия).

Специфические риски для женщин: огрубление голоса, рост волос на лице и теле по мужскому типу, необратимые нарушения менструального цикла и потеря способности к деторождению.

В связи с таким количеством тяжелых побочных эффектов возникает закономерный вопрос: почему же тогда эти вещества вообще существуют и кто их использует? Изначально анаболические стероиды создавались как лекарства. Их применяют в медицине для лечения тяжелых истощений после ожогов и операций, при некоторых формах анемии и недостатке собственных гормонов, но под строгим контролем врача и в терапевтических дозах, которые несопоставимы с теми, что принимают спортсмены. В профессиональном и любительском спорте анаболические стероиды запрещены по трем главным причинам. Во-первых, это защита жизни и здоровья спортсменов. Спорт сам по себе является нагрузкой на организм, а добавление опасных препаратов превращает его в сознательное саморазрушение. Во-вторых, это вопрос честности соревнований. Когда один атлет использует допинг, а другой годами тренируется без него, они находятся в неравных условиях. Состязание перестает быть проверкой человеческих способностей и силы воли, превращаясь в соревнование фармакологов [6, с. 33]. Спортсмен, не прошедший допинг-контроль, сталкивается не просто с отстранением от одного старта. По кодексу ВАДА дисквалификация составляет до четырёх лет, что для профессионального атлета часто равносильно завершению карьеры. Кроме того, аннулируются все результаты, завоёванные за определённый период, отзываются медали, призовые и государственные стипендии. Репутационные потери в мире спорта при этом становятся практически невосполнимыми. В-третьих, запрет служит барьером для молодежи. Видя быстрые результаты «звезд» интернета, которые зачастую скрывают употребление стероидов, юноши и девушки могут решиться на

опасный эксперимент, не осознавая, какие необратимые последствия для здоровья и психики их ждут.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что конфликт между натуральным тренингом и допингом – это выбор между двумя разными жизненными стратегиями. Естественный путь развития физических качеств требует терпения, дисциплины и уважения к своему телу. Он не дает сиюминутных результатов, но награждает спортсмена стабильным прогрессом, хорошим самочувствием и активным долголетием. Путь употребления стероидов – это сделка с собственным организмом, где за быстрый и яркий внешний эффект приходится платить разрушенным здоровьем, психической зависимостью и высоким риском преждевременной смерти. Формирование четкого понимания этих рисков, особенно среди студентов и молодых людей, начинающих свой путь в физической культуре, является залогом осознанного и безопасного отношения к собственному здоровью и спортивному будущему.

Литература

1. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная. – М.: Советский спорт, 2012. – 620 с.
2. Фомин Н.А., Вавилов Ю.Н. Физиологические основы двигательной активности. – М.: Физкультура и спорт, 2014. – 224 с.
3. Дубровский В.И. Спортивная медицина. – М.: ВЛАДОС, 2015. – 512 с.
4. Hartgens F., Kuipers H. Effects of Androgenic-Anabolic Steroids in Athletes // Sports Medicine. – 2004. – № 34(8). – С. 513-554.
5. Рогозкин В.А. Метаболизм анаболических стероидов. – Л.: Наука, 2011. – 158 с.
6. Грецов А.Г. Психологические аспекты применения допинга в молодежном спорте // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 5. – С. 32-35.

Кутепова О. С. ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТУЮ СИСТЕМУ Н. рук. Гончарук С. В.

Сердечно-сосудистые заболевания остаются ведущей причиной смертности и инвалидизации населения во всём мире. При этом начальные функциональные нарушения (лабильность артериального давления, снижение вариабельности сердечного ритма, эндотелиальная дисфункция) часто формируются уже в молодом возрасте, особенно у лиц с гиподинамией, высоким учебным стрессом и нерегулярным режимом дня. Студенческая среда является основной моделью такого образа жизни. В связи с этим актуальным становится количественное изучение влияния дозированной физической активности на ключевые показатели работы сердца и сосудов как основы для разработки профилактических программ.

Оценить влияние регулярной физической активности разной интенсивности на параметры артериального давления, частоты сердечных сокращений и вариабельности сердечного ритма у студентов.

Сердечно-сосудистая система является одной из наиболее чувствительных к уровню двигательной активности функциональных систем. В ответ на систематические физические нагрузки в организме развивается комплекс адаптационных изменений, которые Амосов Н.М. характеризовал как «феномен экономизации функций сердца» [1]. Эти изменения затрагивают как центральные механизмы регуляции кровообращения, так и периферическое сосудистое русло.

Впервые системные изменения гемодинамики при физической работе были описаны еще в работах В.В. Парина, который ввёл понятие «гиподинамия как фактор риска» и показал, что даже кратковременное ограничение движений приводит к детренированности миокарда [1]. Позднее было установлено, что под влиянием регулярной аэробной активности (бег, плавание, велосипед) происходят следующие изменения: увеличение ударного объема крови в покое и при субмаксимальных нагрузках, умеренное урежение ЧСС в покое (физиологическая брадикардия), снижение общего периферического сопротивления сосудов, улучшение диастолической функции левого желудочка [2].

Особого внимания заслуживает влияние физической активности на эндотелиальную функцию. Эндотелий сосудов не является пассивным барьером, а представляет собой активную эндокринную систему. При регулярных тренировках увеличивается экспрессия эндотелиальной NO-синтазы и продукции оксида азота, что вызывает вазодилатацию, снижает адгезию моноцитов и агрегацию тромбоцитов. Беленков Ю.Н. и Привалова Е.В. показали, что у лиц с начальными признаками атеросклероза 6-месячная программа аэробных тренировок приводила к восстановлению эндотелийзависимой вазодилатации на 40% [3, с. 45].

Важным интегральным показателем состояния вегетативной регуляции сердца является вариабельность сердечного ритма (ВСР). Высокая ВСР отражает хорошую адаптивность и преобладание парасимпатического тонуса. Физически активные люди демонстрируют более высокие значения общего спектра мощности ВСР и доли высокочастотного компонента (HF), что указывает на снижение симпатической активации и защиту от аритмий [4].

Вместе с тем чрезмерные нагрузки могут быть патогенны. Морозов И.А. и Федорова Е.П. показали, что у спортсменов сверхвыносливости (марафонцы, триатлеты) с многолетним стажем наблюдается фиброз правого желудочка и повышение риска фибрилляции предсердий в 3-5 раз по сравнению с популяцией [5]. Однако для студентов, не занимающихся профессиональным спортом, такие риски минимальны, а положительный эффект от умеренных нагрузок значительно превышает потенциальные риски.

Особую обеспокоенность вызывает повсеместное снижение повседневной двигательной активности среди учащейся молодёжи. Большую часть времени студенты проводят в статической позе (лекции, самоподготовка, компьютер), что приводит к гиподинамии, снижению ударного объёма крови, относительной симпатикотонии и, как следствие, повышению базального артериального давления и тревожности [6].

Нами было проведено собственное исследование среди студентов в возрасте 18–25 лет. Исследование проводилось на базе НИУ «БелГУ» в период с октября 2025 по март 2026 года. В исследовании приняли участие 40 человек (21 девушка и 19 юношей), не имевших хронических сердечно-сосудистых заболеваний.

Первый этап (констатирующий) – октябрь 2025 года.

В первой половине октября мы провели первичное обследование. Измерялись: систолическое и диастолическое артериальное давление (САД, ДАД), частота сердечных сокращений (ЧСС) в покое, а также показатели вариабельности сердечного ритма (SDNN, RMSSD, HF%) с помощью аппаратно-программного комплекса «Варикард». Физическая активность оценивалась по опроснику IPAQ (краткая версия), все респонденты были разделены на две группы: с низкой физической активностью (менее 600 MET-мин/нед, n=22) и с умеренной/высокой (более 1500 MET-мин/нед, n=18).

Результаты первичного этапа представлены ниже.

Среднее значение САД в группе с низкой активностью составило 128,5 мм рт. ст. (при возрастной норме до 120), в группе с умеренной активностью – 118,3 мм рт. ст. ($p<0,05$). Средняя ЧСС в покое в группе низкой активности – 84,2 уд/мин, в группе умеренной активности – 71,4 уд/мин. Показатель ВСР (SDNN) в группе низкой активности – 38,2 мс (снижен), в группе умеренной активности – 52,7 мс (норма). Ниже приведена диаграмма первичных результатов (Рисунок 1).

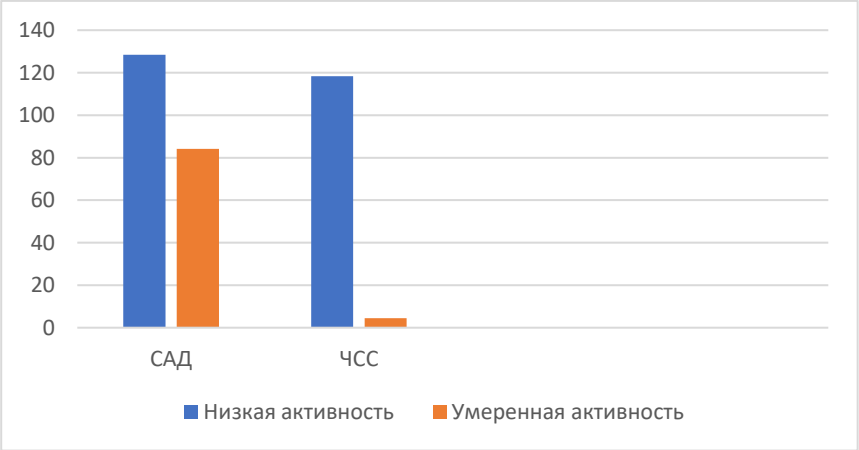

Рисунок 1. – Диаграмма

Второй этап (формирующий) – ноябрь 2025 – февраль 2026 года.

На этом этапе со студентами группы низкой физической активности (n=22) была проведена 12-недельная программа, включавшая: контролируемые аэробные тренировки (бег/быстрая ходьба 3 раза в неделю по 30-40 минут), подвижные игры, ежедневные утренние зарядки, а также лекции о пользе физической активности для сердечно-сосудистой системы.

Третий этап (контрольный) – март 2026 года.

В марте мы провели повторное обследование тех же 40 человек по тем же методикам. У студентов исходно низкоактивной группы после программы отмечены положительные изменения: САД снизилось в среднем со 128,5 до 121,2 мм рт. ст., ЧСС – с 84,2 до 75,3 уд/мин, показатель SDNN вырос с 38,2 мс до 47,5 мс. В группе сравнения (которая изначально была активной) значимых изменений не произошло. Ниже приведена диаграмма сравнения результатов первого и третьего этапов для низкоактивной группы (Рисунок 2).

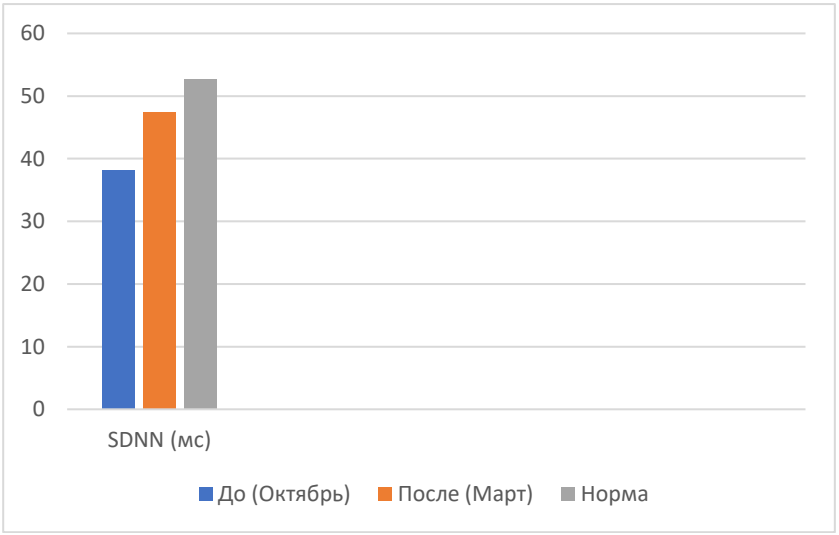

Рисунок 2. – Диаграмма

Результаты проведённого нами исследования подтвердили гипотезу о том, что регулярная физическая активность умеренной интенсивности оказывает выраженное положительное влияние на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы у молодых людей: снижает систолическое артериальное давление и частоту сердечных сокращений в покое, улучшает вариабельность сердечного ритма, что свидетельствует о повышении парасимпатической регуляции и адаптационного резерва сердца. Наиболее значимые изменения произошли в группе студентов, исходно имевших низкую физическую активность, после 12-недельной тренировочной программы.

Таким образом, физическая активность является не только средством физического развития, но и эффективным немедикаментозным методом профилактики ранних сердечно-сосудистых нарушений. Для студентов, чей образ жизни характеризуется высоким уровнем стресса и гиподинамии, регулярные дозированные нагрузки должны стать обязательным компонентом повседневного распорядка.

Литература

1. Амосов Н. М. Сердце и физическая нагрузка. – Киев: Здоров’я, 2015. – 240 с.
2. Беленков Ю. Н., Привалова Е. В., Каплина Е. С. Физическая реабилитация при сердечно-сосудистых заболеваниях // Кардиология. – 2021. – № 6. – С. 30-39.
3. Беленков Ю. Н., Привалова Е. В. Физическая активность и эндотелиальная функция // Российский кардиологический журнал. – 2020. – № 8. – С. 44-51.
4. Баевский Р. М., Иванов Г. Г. Вариабельность сердечного ритма: теоретические аспекты и клиническое применение. – М.: Медицина, 2019. – 232 с.
5. Морозов И. А., Федорова Е. П. Патологическое ремоделирование миокарда у спортсменов сверхвыносливости // Вестник спортивной медицины. – 2022. – № 5. – С. 23-30.
6. Соловьева С.Л. Гиподинамия и стресс у студентов [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. – 2023. – № 2 (25). – URL: http://medpsy.ru/gipodynamia

Маркова В. В. ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ. Н. рук. Кузнецова Л.Б.

В современной психолого-педагогической науке мотивация рассматривается как ключевой механизм, придающий поведению человека активность и направленность. Особое место занимает изучение учебной мотивации в подростковом возрасте – периоде, который нередко характеризуется как «кризис учебной мотивации». В это время прежние мотивы (стремление к похвале, ориентация на отметку) теряют побудительную силу, а новые, связанные с профессиональным и жизненным самоопределением, только начинают формироваться. В результате наблюдается снижение успеваемости, формальное отношение к школе, что делает проблему поддержания мотивации учения у подростков особенно острой [3;9].

Подростковый возраст (11–15 лет) отличается глубокими изменениями в физиологической, психологической и социальной сферах. Ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение со сверстниками, что нередко приводит к переоценке жизненных ориентиров. Однако именно в этом возрасте закладываются основы мировоззрения, формируются профессиональные интересы и жизненные планы, что невозможно без достаточного уровня развития учебной мотивации [2; 4].

Цель данного исследования – эмпирическое изучение особенностей мотивации учения у подростков, включая структуру учебных мотивов и эмоциональное отношение к учебной деятельности. Гипотеза исследования: в подростковом возрасте учебная мотивация характеризуется доминированием социальных и профессионально-познавательных мотивов при слабой выраженности мотивов избегания; эмоциональное отношение к учению неоднородно и образует три типа профилей (оптимальный, напряжённый, пассивный).

Исследование проводилось на базе МБОУ «Гимназия №22» г. Белгород. В нём приняли участие учащиеся 9 класса в количестве 15 человек в возрасте 14–16 лет. Для решения поставленных задач использовались следующие методики:

1. Методика изучения мотивов учебной деятельности (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой), позволяющая оценить выраженность шести типов мотивов: коммуникативных, избегания, престижа, профессиональных, учебно-познавательных и социальных.

2. Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению (А.Д. Андреева), направленная на оценку познавательной активности, тревожности и негативных переживаний (гнева) в учебной деятельности.

Обработка результатов проводилась в соответствии с ключами методик с использованием методов количественного анализа (подсчёт суммарных баллов, определение средних значений, выделение профилей).

По методике Реана–Якунина были оценены типы мотивов школьников: коммуникативные мотивы, мотивы избегания, мотивы престижа, профессиональные мотивы, учебно-познавательные мотивы, социальные мотивы. Результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. – Выраженность различных типов мотивов учения у подростков (средние баллы по группе)

Тип мотива	Средний балл
Коммуникативные мотивы	3,8
Мотивы избегания	2,3
Мотивы престижа	3,4
Профессиональные мотивы	4,0
Учебно-познавательные мотивы	4,4
Социальные мотивы	4,7

Анализ ответов по методике Реана–Якунина показал, что наиболее высокий средний балл зафиксирован по шкале социальных мотивов – 4,7 балла. Это свидетельствует о том, что для современных подростков учёба имеет ярко выраженную социальную значимость: они осознают важность образования для общества, испытывают чувство долга перед родителями и близкими. Профессиональные (4,0) и учебно-познавательные (4,4) мотивы также получили высокие оценки. Учащиеся связывают учение с будущей профессиональной деятельностью, проявляют интерес к получению новых знаний. Мотивы престижа выражены в средней степени (3,4 балла). Мотивы избегания имеют наименьшую выраженность (2,3 балла), что является благоприятным признаком: учебная деятельность подростков строится не на страхе неудачи, а на позитивных стимулах. Коммуникативные мотивы (3,8 балла) находятся на среднем уровне.

По методике А.Д. Андреевой были оценены три ключевых параметра: познавательная активность, тревожность и негативные переживания. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Мотивация и эмоциональное отношение к учению (средние баллы по группе)

Параметр	В личностных свойствах	В ходе учебной работы
Тревожность	20	18
Познавательная активность	28	30
Негативные переживания	16	12

Можно заметить, что познавательная активность у большинства подростков находится на среднем или высоком уровне, причём в ходе учебной работы этот показатель несколько повышается. Тревожность варьируется от умеренной до повышенной; в среднем по группе она снижается в процессе учения, однако у некоторых подростков отмечается её рост, что требует индивидуального внимания. Негативные переживания в целом снижаются на уроках, что говорит о позитивном влиянии учебной среды.

На основе сочетания уровней познавательной активности, тревожности и негативных переживаний были выделены три типичных профиля эмоционального отношения к учению:

- Оптимальный профиль (40% выборки): низкая тревожность, высокая познавательная активность, низкие негативные переживания.
- Напряжённый профиль (35%): повышенная тревожность, средняя активность, умеренные негативные переживания.

- Пассивный профиль (25%): высокая тревожность, низкая активность, высокие негативные переживания.

Результаты представлены на Рисунке 1.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу. В структуре учебной мотивации подростков доминируют социальные и профессионально-познавательные мотивы, что согласуется с положениями Л.И. Божович и А.К. Марковой о формировании в этом возрасте мотивов самоопределения и осознанного отношения к будущему [1; 9]. Низкая выраженность мотивов избегания свидетельствует о том, что большинство подростков не воспринимают учёбу как вынужденную обязанность.

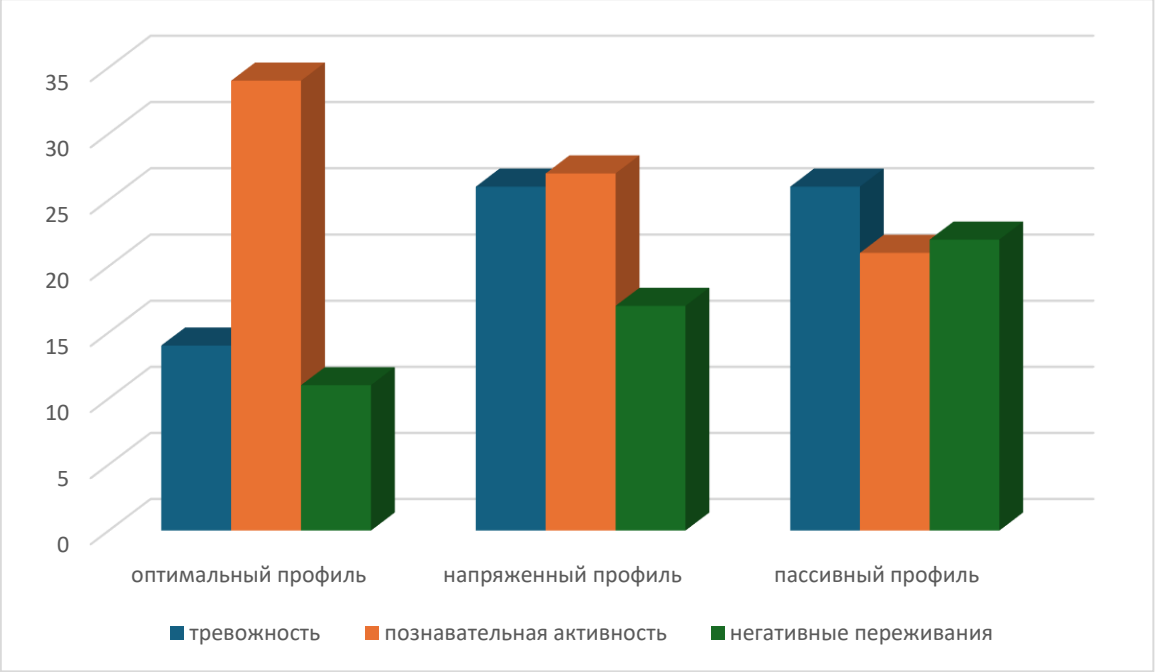

Рисунок 1. – Типичные профили эмоционального отношения к учению у подростков

Вместе с тем эмоциональный компонент мотивации оказался неоднородным. Наличие трёх профилей (оптимального, напряжённого и пассивного) указывает на необходимость дифференцированного подхода в обучении и психологическом сопровождении. Для подростков с напряжённым и пассивным профилями характерна повышенная тревожность, которая может блокировать реализацию имеющихся мотивов. Это требует создания на уроках атмосферы принятия, снижения ситуативной тревожности, использования безотметочного оценивания на отдельных этапах [5; 7].

Таким образом, проведённое эмпирическое исследование позволило выявить следующие особенности мотивации учения в подростковом возрасте:

1. В содержательной структуре мотивации доминируют социальные и профессионально-познавательные мотивы при слабой выраженности мотивов избегания.

2. Эмоциональное отношение к учению неоднородно и представлено тремя типами профилей – оптимальным, напряжённым и пассивным.

3. Полученные данные обосновывают необходимость разработки и внедрения дифференцированных психолого-педагогических рекомендаций для педагогов и родителей, направленных на снижение тревожности, поддержку

познавательной активности и развитие профессиональных интересов подростков.

Перспективой дальнейших исследований может стать изучение динамики учебной мотивации на протяжении всего подросткового периода (с 5 по 9 класс) с учётом гендерных и индивидуально-психологических особенностей.

Литература:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. – 3-е изд. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 349 с.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – М.: Юрайт, 2023. – 160 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: Логос, 2000. – 384 с.
4. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: МПСИ, 2000. – 304 с.
6. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 3. – С. 33–45.
7. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 224 с.
8. Андреева А.Д., Прихожан А.М. Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы // Психологическая диагностика. – 2006. – № 1. – С. 3–22.
9. Маркова А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М. Мотивация учения и её воспитание у школьников. – М.: Педагогика, 1983. – 64 с.

Мещерякова А. В. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ Н. рук. Трикула Л.Н.

В условиях современной образовательной парадигмы, продиктованной внедрением федеральных государственных образовательных стандартов, приоритетной задачей учителя становится не просто передача знаний, а формирование у учащихся навыков самостоятельного поиска, анализа и обработки информации [6]. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, образовательный процесс должен быть направлен на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося [7]. В этом контексте география как учебный предмет обладает уникальным потенциалом, позволяя интегрировать естественно-научные и гуманитарные знания. Однако специфика предмета требует поиска новых подходов, среди которых ведущую роль играют интерактивные методы обучения.

Познавательная активность – это не просто внешняя характеристика поведения ученика на уроке, а сложное личностное образование, выражающееся в стремлении к познанию, волевых усилиях и творческом поиске [5]. Традиционный объяснительно-иллюстративный метод в современной школе зачастую приводит к снижению мотивации, так как ученик выступает в роли пассивного слушателя. Интерактивное обучение, напротив, строится на принципах диалога, сотрудничества и активного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Использование интерактивных методов является эффективным инструментом для достижения метапредметных результатов, предусмотренных Федеральным государственным образовательным стандартом основной образовательной программы. Эти методы напрямую способствуют развитию ключевых универсальных учебных действий (УУД): учащиеся учатся эффективно общаться и сотрудничать, самостоятельно планировать свою работу, а также углублять свои знания через моделирование, работу с картами и геоинформационными системами.

Интерактивный метод обучения представляет собой процесс обучения, в основе которого диалог и взаимодействие осуществляется в различных формах между участниками образовательного процесса в режиме реального времени. В этом случае опыт и результат, которые ученики получают самостоятельно, играют для них наибольшую роль, чем информация, предоставляемая учителем в готовом виде.

В педагогическом словаре под редакцией Б.М. Бим-Бада интерактивное обучение представляет собой обучение, основой которого является взаимодействие учеников с окружающими их людьми и учебной средой, служащей областью осваиваемого опыта. При этом каждый ученик – полноправный участник образовательного процесса, а его опыт является главным источником учебного познания. Педагог не дает учащимся готовых знаний, он только побуждает их к самостоятельному поиску и изучению [4].

Среди основных задач использования интерактивных форм и методов обучения можно выделить такие, как:

1. Активизация умственной самостоятельности учащихся.

2. Стимулирование поисковой и исследовательской деятельности.

3. Развитие умений делать выводы, сравнивать, сопоставлять, умений находить причинно-следственные связи, коммуникативно-технических умений.

4. Формирование культуры самоорганизации деятельности учеников в процессе проведения урока: развитие интеллектуальных способностей, без которых невозможно познание реальной действительности, а также умения организации собственной информационной деятельности и работы с различными видами информации [1].

На уроках географии ситуационный анализ является одним из наиболее продуктивных интерактивных методов. Главная задача этого метода – «принять рациональное решение, действуя сначала индивидуально, а затем в рамках коллективного обсуждения возможных решений, т.е. в процессе интерактивного взаимодействия» [3, с. 39]. Так, при рассмотрении темы «Природно-ресурсный капитал и экологический потенциал России. Принципы рационального природопользования и методы их реализации» учащимся предлагается реальная экологическая проблема конкретного региона. Организованная работа в малых группах по поиску решений этой проблемы побуждает школьников самостоятельно искать и анализировать разнообразные источники: статистические данные, тематические карты, нормативные документы.

В настоящее время игровые технологии также сохраняют свою актуальность, адаптируясь к современным цифровым реалиям. Интерактивные викторины, ролевые игры и виртуальные экскурсии служат эффективными инструментами для визуализации сложных географических объектов и явлений [2]. Особую ценность представляет эффект «погружения», достигаемый при виртуальных путешествиях по материкам или океанским глубинам с помощью программных продуктов и панорамных видео. Это «погружение» играет критическую роль в развитии пространственного мышления.

В интерактивном обучении особое значение имеют практические занятия по работе с картами, где используются интерактивные доски и электронные атласы. Согласно новым образовательным стандартам, очень важно, чтобы ученики умели находить информацию и ориентироваться в цифровом географическом пространстве. Интерактивная карта – это не просто картинка, она позволяет показывать разные объекты, добавлять к ним дополнительную информацию и мгновенно сравнивать. Например, как климат связан с рельефом или сколько людей живёт в разных районах. Это отлично развивает умение анализировать информацию у школьников [2].

Метод игрового проектирования позволяет создать социально значимые продукты (например, туристические маршруты, экологические паспорта или демографические прогнозы) посредством интерактивного взаимодействия. В рамках этого метода обучение происходит «через игровую симуляцию реальных событий, что делает его более увлекательным и ориентированным на практическое применение полученных знаний» [3, с. 59]. В процессе проектной деятельности реализуется принцип «обучения в действии», который заложен в основу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», ориентирующего школу на практическую применимость получаемых знаний [7].

Применение интерактивных методов, таких как дебаты, дискуссии, круглый стол открывает возможности для многостороннего анализа географических явлений [2]. Например, при прохождении темы «Глобальные экологические проблемы» обучающимся предлагается оценить последствия глобального потепления, что не только усваивает фактический материал, но и развивает навыки отстаивания своей точки зрения, внимательного восприятия аргументов оппонентов и поиска взаимоприемлемых решений.

Эффективность использования интерактивных методик обучения находит отражение в увеличении вовлеченности учащихся в учебный процесс, улучшении академических показателей и более глубоком понимании изучаемого материала. Познавательная активность, начавшись как кратковременный интерес, перерастает в стойкое желание учиться и развиваться. В такой модели обучения роль учителя меняется: он уходит от позиции единственного источника знаний и становится организатором и координатором образовательного процесса, где ученики самостоятельно открывают знания.

Таким образом, применение интерактивных методов на уроках географии будет способствовать активному вовлечению в обучение, решение практических задач и применение полученных знаний на практике.

Литература

1. Галяутдинов З.Х. Повышение познавательного интереса учащихся на уроках «Географии» в 6-ом классе, используя нестандартные методы обучения // Интеграция наук. – 2019. – № 1 (24). – С. 296-297.
2. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2026. – 239 с.
3. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение. – М.: Академия, 2013. – 192 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М: Большая российская энциклопедия, 2009. – 527 с.
5. Таможняя Е. А. Методика обучения географии. – М.: Юрайт, 2026. – 321 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 31 мая 2021 год № 287. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/3EA7eK
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Д.А. Краснова, Д.Н. Мироненко, И.Г. Комарова

ОСНОВЫ ПРАВИЛЬНОГО ПИТАНИЯ ПРИ ЗАНЯТИЯХ СПОРТОМ

В современном мире большинство людей ведёт малоподвижный образ жизни: работа в офисе, передвижение на транспорте, свободное время за экраном гаджетов. Всё это приводит к гиподинамии, набору лишнего веса и нарушениям обменных процессов, вплоть до преддиабетных состояний.

Чтобы физическая нагрузка приносила пользу, а не вред, необходимо соблюдать три основных условия: режим труда, полноценный сон и отдых, а также правильное питание. Однако многие пренебрегают правильным питанием. Человек начинает ходить в зал или бегать по утрам, но продолжает питаться хаотично: пропускает приемы пищи, пьет мало воды, недобирает норму белка. В результате вместо пользы получает быструю утомляемость, повышенный риск травм и отсутствие прогресса. Без этого даже регулярные тренировки могут оказаться малоэффективными или даже опасными для здоровья.

За последние годы тема спорта и здорового питания стала активно распространяться среди молодёжи. Однако многие, начиная тренировки, продолжают питаться так же, как и раньше, не понимая, что физические нагрузки кардинально меняют потребности организма.

Для начала различим два понятия: сбалансированное питание и правильное питание.

Сбалансированное питание – это рацион, в котором все питательные вещества (белки, жиры, углеводы, витамины, минералы, вода) находятся в оптимальном соотношении друг с другом.

Правильное питание – это более широкое понятие. Оно включает в себя не только сбалансированный состав рациона, но и соблюдение режима приемов пищи, учет индивидуальных особенностей (пол, возраст, уровень физической активности), а также качество продуктов и способы их приготовления.

Питание человека, который регулярно занимается спортом, имеет ряд отличий от обычного здорового рациона:

1. Калорийность – выше на 500-1500 ккал в день;
2. Белок – в 1,5-2 раза больше;
3. Углеводы – до 60% калорийности (против обычных 50-55%);
4. Вода – плюс 400-600 мл;
5. Витамины и минералы – расходуются быстрее.

Значение питания заключается в том, чтобы поставлять организму энергию, необходимую для поддержания метаболических процессов. Поэтому интенсивные тренировки требуют увеличения количества потребляемых калорий, обеспечивающих адекватное энергоснабжение организма.

По мнению Сафоновой и Трухиной [2, с. 13], биологическая ценность пищи определяется не только ее способностью служить строительным материалом. Поступающая в организм энергия обеспечивает переваривание еды, ее усвоение, биохимические реакции, работу внутренних органов, поддержание температуры тела, а также мышечные сокращения во время движений.

Для того, чтобы рассчитать сколько энергии содержится в суточном рационе, используют следующие коэффициенты: 1 г белков дает – 4,1 ккал; 1 г

жира – 9,3 ккал; 1 г углеводов – 4,1 ккал. Рахматов [1, с. 137] дополняет, что для точного подсчета необходимы данные о химическом составе продуктов, а также меню-раскладка, в которой фиксируется количество продуктов в рационе.

Белки – главный строительный материал для мышц. У обычного человека потребность составляет 0,8–1 г на 1 кг веса. При занятиях спортом она возрастает до 1,5-2,5 г/кг. Рекомендуемые нормы для тренирующихся мужчин – 154-171 г, женщин – 120-137 г белка в сутки. При этом 50-60% должно приходиться на животные белки. А при длительных нагрузках норма может достигать 2,4-2,5 г на 1 кг веса.

Благодаря высокому потреблению белка улучшаются результаты в скоростно-силовых дисциплинах, повышается возбудимость нервной системы, что благоприятно сказывается на спортивных показателях.

В суточном рационе занимающихся спортом растительные жиры должны составлять 25-30% (44-48 г – для мужчин, 34-39 г – для женщин). Они ценны тем, что содержат полиненасыщенные жирные кислоты. Остальная часть жиров (70-75%) приходится на животные жиры, которые усваиваются на 98%. В целом жиры являются одним из ключевых источником энергии, требуемые в количестве 145-161 г в сутки для мужчин, и 113-129 г – для женщин [1, с. 137].

Углеводы выполняют роль основного энергоносителя при мышечной работе, особенно при интенсивных физических нагрузках. Оптимальное соотношение белков, жиров и углеводов в рационе тренирующихся составляет в среднем 1:0,8:4. В результате такого соотношения на долю белков приходится 15% калорийности, жиров – 25%, углеводов – 60% [1, с. 138].

Режим питания предусматривает соблюдение интервалов приемов пищи. Между приемом пищи и тренировкой должен выстраиваться 2-3 часовой интервал. Производить прием пищи следует не ранее, чем через 30 минут после физической нагрузки.

Особенно важным в спорте является прием витаминов. Витамины – это микронутриенты, которые участвуют во множестве физиологических процессах, крайне важных для спортивных результатов. Витаминные добавки должны подбираться индивидуально, с учетом специфики выбранного спорта, возраста, пола, а также интенсивности тренировок.

При занятиях спортом витамины расходуются быстрее, чем в обычной жизни. Витамин А влияет на синтез белка, от него зависят выносливость и мышечная масса. Витамины группы В участвуют в синтезе белка, поэтому при дефиците аминокислоты тратятся на энергию, а не как строительный материал для мышц. Витамин D влияет на мышечную силу, координацию и здоровье суставов. Витамин Е защищает клетки от разрушения при активной мышечной работе. В сочетании с витамином С снижает уровень мышечных повреждений после физических нагрузок.

При занятиях спортом соблюдение водного баланса становится особенно важным. Вода участвует в терморегуляции, транспорте питательных веществ, выведении продуктов метаболизма и поддерживает нормальную работу клеток и суставов. Даже небольшое обезвоживание может сказаться на физической работоспособности. Потребность в воде у занимающихся спортом выше, чем у тех, кто не занимается спортом. В день рекомендуется выпивать 30-40 мл воды

на 1 кг массы тела. В дни тренировок к этому объему добавляют еще 400-600 мл. Во время тренировок важно пить небольшими порциями, это предотвратит резкие колебания водного баланса и сохранит работоспособность. Особого внимания заслуживают условия окружающей среды. В жаркую погоду потоотделение возрастает, и потребность в воде увеличивается по сравнению с обычными условиями. Таким образом, правильный питьевой режим является неотъемлемой частью сбалансированного питания.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что правильное питание занимает центральное место в системе спорта. Оно решает сразу несколько задач: снабжает организм энергией и пластическим материалом, поддерживает гомеостаз, ускоряет восстановление и снижает риск травм. Как показывают рассмотренные в статье данные, даже идеально выстроенный тренировочный процесс не принесёт желаемых результатов без адекватного обеспечения организма белками, жирами, углеводами, витаминами, минералами и водой. Следовательно, для человека, занимающегося спортом – формирование сбалансированного рациона и соблюдение питьевого режима должны быть такими же приоритетными задачами, как и регулярные тренировки.

Литература

1. Рахматов, А. И. Теория и методика тяжелоатлетических видов спорта. Бодибилдинг: учебник для вузов / А. И. Рахматов. – Санкт-Петербург: Лань, 2026. – 160 с. – ISBN 978-5-507-53484-5. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/508935.
2. Сафонова, Э. Э. Спортивное питание: учебное пособие / Э. Э. Сафонова, Е. В. Трухина. – Санкт-Петербург: Троицкий мост, 2024. – 222 с. – ISBN 978-5-6049611-1-7. -Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/403187.

Недзельская В.В. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА КАК СРЕДСТВО ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАКТИКИ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА. Н. рук. Макотрова Г.В.

Современная модернизация среднего профессионального образования в России требует обновления содержания программ, внедрения практико-ориентированных и персонализированных подходов. Особенно остро этот вопрос стоит при подготовке будущих медицинских работников, где качество практической подготовки напрямую влияет на безопасность пациентов. Поэтому перед системой среднего профессионального медицинского образования стоят задачи не только повышения теоретической подготовки студентов, но и задачи формирования устойчивых практических компетенций студентов, развития их направленности к непрерывному профессиональному саморазвитию [4, с. 16].

Как отмечают исследователи, дефицит медицинского персонала и возрастающие требования к качеству помощи делают приоритетным поиск эффективных моделей организационно-методического сопровождения практик [5, с. 206]. Существующая традиционная унифицированная система практической подготовки не в полной мере учитывает индивидуальный темп освоения практических навыков, уровень сформированности профессиональных интересов и познавательные затруднения студентов. По данным ряда авторов, до 60 % студентов медицинских колледжей испытывают трудности при переходе от теоретического обучения к самостоятельной деятельности на рабочем месте [3, с. 60; 6, с. 96]. Поэтому индивидуализация и персонификация практики студентов находятся в центре внимания организаторов практики студентов-медиков. Они рассматриваются как векторы развития организационно-методического сопровождения практик студентов-медиков.

Как известно, персонализация является процессом, при котором студент сам становится активным субъектом (автором) своей практики. Практика подстраивается под личные цели, контекст и жизненную ситуацию студента, часто с использованием цифровых инструментов. Студент сам выбирает что, как и зачем ему осваивать в рамках заданного результата. Индивидуальные образовательные программы (далее – ИОП) в ходе организации практики являются инструментом персонализации [2, с. 15]. Индивидуализация практики является процессом учета психологических и когнитивных особенностей студента преподавателем или руководителем практики. Студент здесь пассивный получатель «подстройки», например, от наставника в ходе практики. Наставник меняет темп, сложность и объем заданий под конкретного студента, чтобы тот достиг общего для всех эталона.

Нами обращено особое внимание на использование индивидуальных образовательных программа в ходе практик студентов. Это связано с тем, что степень внедрения индивидуальных образовательных программ в организационно-методическое сопровождение производственных практик остаётся недостаточно изученной. Следует также учесть и то, что индивидуальные образовательные программы могут быть использованы и наставником как как эффективный инструмент учёта личных особенностей,

уровня подготовки и профессиональных интересов студентов, т.е. они являются и средством персонализации, и средством индивидуализации практической подготовки студентов-медиков.

Рассмотрим результаты исследования, проведённого на базе медицинского колледжа Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ)». Исследование носило констатирующий характер и проводилось в феврале-марте 2026 года. Участники исследования – 20 студентов 2 курса специальностей «Сестринское дело», «Лечебное дело», «Акушерское дело», проходившие учебную и производственную практики. Основной метод проведенного исследования – анкетирование. Авторская анкета состояла из 11 блоков с утверждениями, а также содержала открытые вопросы. Анализировались следующие параметры: профессиональный интерес, работа с наставником, использование ИИ, доступ к ресурсам, самооценка результатов и оценка ИОП как инструмента персонализации учебной и производственной практики. Нами использовалась 5-ти балльная шкала Лайкерта.

Данные опроса студентов медицинского колледжа подтвердили высокую оценку студентами образовательного потенциала ИОП и искусственного интеллекта (ИИ) в организационно-методическом сопровождении практики студентов. Установлено, что возможность внедрения ИОП положительно воспринимается студентами. Так, 90% респондентов выразили согласие с утверждением: «Если бы практика строилась с использованием ИОП, это повысило бы мою мотивацию к обучению». При этом текущая практика в её неперсонализированном виде только у 30% студентов усилила интерес к выбранной специальности. Лишь 35% студентов видят чёткую связь между задачами практики и своими карьерными целями. Все 100% респондентов отметили, что использовании ИОП позволит адаптировать задачи практики под уровень их подготовки. Однако уверенность в успешном выполнении всех заданий выразили только 55%, что говорит о необходимости совершенствования организационно-методической поддержки, использования ИОП наставниками. Важным является и тот факт, что все студенты считают, что ИОП помогла бы объективно оценить свои сильные и слабые стороны.

Подавляющее большинство студентов (95%) полагают, что практика с использованием ИОП будет способствовать развитию профессиональных компетенций в большей степени, чем традиционная. Все студенты согласились с тем, что ИОП должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к изменяющимся условиям практики. 95% студентов настаивают на чёткой структуре ИОП. Необходимости выделения в ней целей, этапов, критериев оценки. Большинство студентов (90%) считают, что использование ИОП повысит качество подготовки студентов-медиков. При ответе на вопрос о барьерах внедрения ИОП наиболее часто студентами выбирались следующие утверждения: недостаточная информированность студентов – 80%; неготовность наставников – 60%; отсутствие или низкий уровень методического обеспечения – 55%; мнения о риске увеличения нагрузки – 30%.

Анализ открытых вопросов позволил выделить ключевые тезисы. Главным преимуществом внедрения ИОП студенты назвали возможность учиться в собственном темпе, не боясь отстать от группы (70% упоминаний), а также

дальнейшую индивидуализацию учета профессиональных интересов (40%) и появление возможностей снижения стресса и повышение мотивации (45–55%). В качестве желаемых изменений респонденты указали на создание простых цифровых инструментов, таких как Telegram-бот (мобильное приложение) – 60%, предоставление шаблонов и примеров ИОП – 45%, обучение наставников – 35%. Все респонденты отметили то, что использование ИИ для профессионального саморазвития должно найти отражение в ИОП, в то же время студенты подчеркнули, что ИИ не должен заменять живое общение с наставником, пациентами и коллегами.

Особого внимания заслуживают данные об использовании ИИ, как средства персонализации практик студентов-медиков: 90% студентов готовы использовать ИИ для поиска и анализа медицинской информации, 100% студентов согласны, что в ИОП следует учитывать ИИ как инструмент обучения, 85% студентов нуждаются в обучении работе с ИИ. При этом только 15% студентов указали на то, что имели доступ к необходимым цифровым ресурсам, а 35% удовлетворены материально-техническим оснащением – разрыв между потребностью и ресурсами очевиден.

Вызывает тревогу то, что только 25 % студентов считают, что реализуемая практика стимулирует интерес к научно-исследовательской деятельности. Среди опрошенных 95% студентов готовы использовать ИИ в исследовательской деятельности на практике, 95% студентов считают, что в ИОП следует отражать планы по использованию ИИ в исследовательской деятельности.

Важным результатом опроса стало также выявление роли наставника в ходе реализации практик студентов. Так, 95% студентов считают, что наставник сможет учитывать их индивидуальные особенности при использовании ИОП, 95% студентов полагают, что чувство поддержки наставника сыграет положительную роль в период адаптации к профессиональной деятельности. В то же время только 35% уверены, что наставник положительно отнесётся к использованию искусственного интеллекта при разработке ИОП. Это указывает на необходимость специальной подготовки наставников и разъяснительной работы среди преподавательского состава по реализации персонализации и индивидуализации практической подготовки.

Таким образом, среди возможной проблемы использования ИОП в ходе практики может оказаться вариативность составляющих ИОП, ограниченный доступ к цифровым ресурсам и слабый учёт положительного отношения наставника к использованию ИИ.

Полученные результаты позволили сделать ряд выводов:

- существует значительный нереализованный потенциал персонализации и индивидуализации с помощью индивидуальных образовательных программ в организационно-методическом сопровождении практик студентов-медиков;
- необходимо системное внедрение индивидуальных образовательных программ, их использование призвано способствовать росту мотивации, структурированию задач и повышению субъектной позиции обучающихся;
- интеграция современных цифровых инструментов, включая технологии искусственного интеллекта (ИИ), в процесс планирования,

организации и сопровождения практик позволяет обеспечить индивидуализацию и персонификацию практик студентов-медиков;

- необходима разработка методических рекомендаций по проектированию ИОП для студентов с включением разделов, предполагающих использование ИИ (поиск информации, анализ данных, рефлексия);
- следует осуществить организацию обучения студентов и наставников рефлексивно-этическому применению ИИ-инструментов в профессиональной деятельности и в исследовательской работе;
- существует необходимость обеспечения доступа к современным симуляционным и информационным системам на базах практик с целью повышения уровня познавательной самостоятельности студентов в ходе реализации ИОП при прохождении практик.

Перспективы исследования связаны с разработкой и апробацией модели организационно-методического сопровождения практик на основе ИОП с интеграцией технологий искусственного интеллекта, а также с оценкой её влияния на формирование профессиональных компетенций в лонгитюдном формате.

Литература

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М.: Просвещение, 2021. – 388 с.
2. Давыденко Т.М., Пересыпкин А.П., Верзунова Л.В. Роль работодателей в процессе развития профессиональных компетенций студентов при реализации учебных и производственных практик // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. – С. 15-22.
3. Козлова С.Н. Роль индивидуальных особенностей студентов и преподавателей в подготовке медицинских работников // Среднее профессиональное образование. – 2020. – № 2. – С. 59-62.
4. Репринцева Е.В. Сущность дефицита медицинского персонала в системе здравоохранения Российской Федерации // Наука и практика регионов. – 2018. – № 3(12). – С. 14-19.
5. Торобаева Д.К. Некоторые проблемы подготовки медицинских сестер на компетентностной основе // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 1(43). – С. 204-209.
6. Щеглова О.М., Соболева Т.Н. Основные аспекты совершенствования профессиональной подготовки медицинского работника среднего звена // Актуальные вопросы совершенствования медицинской помощи профессионального медицинского образования: сб. тез. конф. – Белгород, 2019. – С. 96-97.

Новикова А.Ю. **МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СКОРОСТНО-СИЛОВЫХ КАЧЕСТВ У ДЕВОЧЕК СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ЗАНЯТИЯХ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКОЙ.**
Н. рук. Бывшева Д.В.

Современные реалии, характеризующиеся снижением двигательной активности, увеличением учебной нагрузки, требуют повышенного внимания к уровню физической подготовленности среди школьников.

Неотъемлемой частью системы физического воспитания является сама подготовка, которая обеспечивает гармоничное развитие базовых двигательных качеств и закладывает фундамент для высокой работоспособности организма [1, с. 27]. Особое место в системе физической подготовки в легкой атлетике отводится скоростно-силовым качествам. Это важно для разностороннего физического развития, адаптации к нагрузкам и сохранения здоровья занимающихся. Поэтому, особую актуальность приобретает поиск эффективных средств и методов совершенствования физических качеств у обучающихся.

Под скоростно-силовыми качествами подразумевается способность человека проявлять значительную мышечную силу за короткий промежуток времени [2, с. 55].

Развитие этих физических качеств играет важную роль в формировании и совершенствовании двигательных навыков, укреплении здоровья и повышении их работоспособности.

Существенную роль в развитии скоростно-силовых качеств играет уровень общей физической подготовленности. Так, наиболее благоприятным периодом для формирования и развития скоростно-силовых качеств, является средний школьный возраст. Потому что в данном возрастном периоде происходят интенсивные морфофункциональные изменения в организме, пластичности нервно-мышечного аппарата, развитии сердечно-сосудистой системы. А, легкая атлетика со своим большим разнообразием беговых, прыжковых, метательных упражнений, является эффективным средством для развития скоростно-силовых качеств.

Важным условием целесообразного развития скоростно-силовых качеств является правильное сочетание упражнений различной направленности [5, с. 80].

Однако, из-за отсутствия дифференциации нагрузок на организм по полу и возрасту происходит снижение эффективности тренировочного процесса, что, в свою очередь, ведёт к спаду двигательной активности, ухудшению результатов и ряду других серьёзных проблем.

Таким образом, данная работа демонстрирует методику развития скоростно-силовых качеств у девочек среднего школьного возраста на занятиях легкой атлетикой по средствам комплексного использования упражнений, а также индивидуального подхода, что тоже является немаловажным компонентом в развитии [4, с. 63].

В исследовании приняли участие 10 девочек в возрасте 12-13 лет, занимающихся лёгкой атлетикой. В группе занятия по легкой атлетике проводились 3 раза в неделю по 60 минут.

Эксперимент был направлен на подбор средств, методов и проверку эффективности специально разработанной методики, включавшей различные упражнения для развития скоростно-силовых качеств у девочек среднего школьного возраста.

Тренировочный процесс строился, исходя из специально выстроенного, подобранного и разнообразного комплекса упражнений, учета возрастных и физиологических особенностей девочек, а также принципов спортивной тренировки, таких как: постепенность, систематичность и вариативность [3, с. 124].

Упражнения, которые были применены в данной методике представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Комплексы упражнений, применявшиеся в разработанной методике

Комплекс упражнений	Содержание упражнений
Комплекс 1 (прыжково-силовой)	Прыжки из полуприседа вперёд
	Прыжки «лягушка» на дистанцию 10–12 м
	Прыжки через разметку на двух ногах
	Прыжки на одной ноге вперёд
	Прыжки вверх с касанием ориентира
	Прыжки через 4 низких барьера подряд
	Выпрыгивания из полуприседа
Комплекс 2 (скоростной беговой)	Ускорения с высокого старта 30 м
	Бег с ускорением 20 м после прыжка
	Старт из различных исходных положений (сидя, лёжа)
	Челночный бег 4×10 м
	Бег с высоким подниманием бедра 20 м
	Бег с захлёстыванием голени назад 20 м
	Бег через координационную лестницу
Комплекс 3 (координационно-прыжковый)	Прыжки через скакалку в быстром темпе
	Боковые прыжки через барьер (20–30 см)
	Прыжки «зигзагом» между конусами
	Прыжки на одной ноге по разметке
	Прыжки с поворотом на 180°
	Прыжки через 5 линий вперёд-назад
	Прыжок вверх + быстрый старт 15 м
Комплекс 4 (скоростно-игровой)	Реактивный старт по звуковому сигналу
	Бег «змейкой» между конусами + ускорение 20 м
	Эстафетный бег с передачей предмета
	Челночный бег с прыжком через линию
	Бег с изменением направления по сигналу
	Игра «догонялки с ускорением»
	Ускорение 30 м после хлопка тренера

Данный комплекс упражнений был составлен с учетом требований различных факторов, которые способствовали комплексному развитию скоростно-силовых качеств.

Разработанные комплексы упражнений были направлены на развитие важных составляющих компонентов скоростно-силовых качеств, таких как: взрывная сила мышц нижних конечностей, быстроты передвижения, скорости реакции, координации движений. Отдельный интерес у занимающихся вызвало

включение игровых элементов в тренировочный процесс, что способствовало его продуктивности и результативности.

Эффективность данной методики развития скоростно-силовых качеств девочек среднего школьного возраста была определена на основе анализа результатов контрольных испытаний, проведённых до начала эксперимента и после его завершения. Данные представлены в рисунках 1-3.

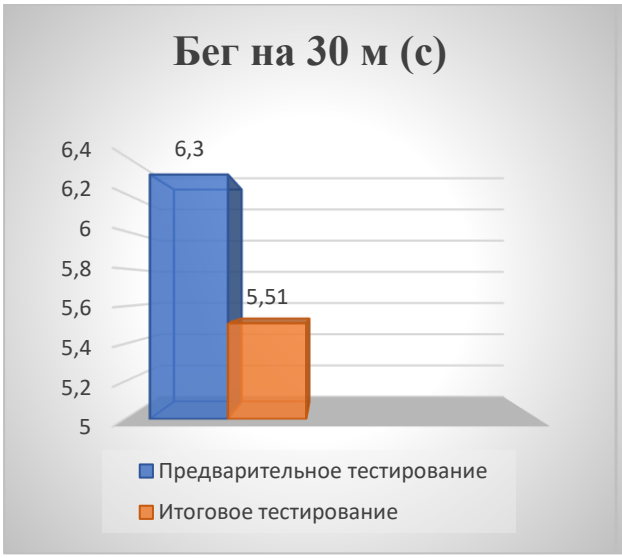

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Таким образом, разработав и опробовав методику, мы пришли к выводу, что регулярное применение данных комплексов упражнений в тренировочном процессе поможет не только создать благоприятные условия для развития скоростно-силовых качеств, но и способствовать их улучшению. Систематический анализ данных помог выявить прирост показателей в тестировании испытаний у занимающихся. Прирост показателей составил от 5 до 92 % в зависимости от вида упражнения, что подтверждает её значительное влияние на физическое развитие учащихся.

Это подтверждает эффективность разработанной нами методики и уровень физической подготовленности занимающихся.

Подводя итог, полученные результаты не только подтвердили правильность выбора методов и средств, но и подчеркнули практическую значимость разработанной методики.

Литература

1. Артемьев, В.П. Теория и методика физического воспитания. Двигательные качества / В.П. Артемьев. – М.: Академия, 2010. – 284 с.
2. Булыгина, Т. М. Словарь терминов и понятий тестологии / Т.М. Булыгина. – М.: МГУП, 2000. – 160 с
3. Имашев, А. М. Сборник подводящих легкоатлетических упражнений/ А. М. Имашев. – Набережные Челны: РИО КамГИФК, 1997. – 276 с.
4. Синельник, Е. В. Теория и методика обучения базовым видам спорта: легкая атлетика, учебно-методическое пособия / Е. В. Синельник, И. В. Руденко. – Омск: СибГУФК, 2021. – 128 с.
5. Шашурин, А. В. Физическая подготовка / А. В. Шашурин. – М.: Физкультура и спорт, 2005. – 317 с.

Пестова Д.А. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ. Н. рук. Гончарук Я.А.

Физическая культура в вузах обычно рассматривается с точки зрения физиологии: нормы, частота сердечных сокращений, выносливость и сила. Однако главные проблемы, такие как нежелание студентов заниматься, частые пропуски и формальный подход, связаны не с физическим состоянием, а с психологическим. Психологические и педагогические факторы влияют на успешность или неудачу спортивно-оздоровительной деятельности не меньше, чем тренерские методики.

Первый важный момент – это мотивация. Исследования показывают, что 65% студентов-первокурсников руководствуются внешними факторами, такими как «нужно пройти зачет, чтобы не исключили». Внутренняя мотивация, проявляющаяся в желаниях, таких как «мне нравится заниматься», «хочу стать сильнее или выносливей», «снимаю стресс», развивается лишь у 20-25%. Внешняя мотивация не приводит к постоянному поведению: как только контроль ослабляется, студенты прекращают занятия. Задача преподавателя состоит не в том, чтобы наказывать по нормативам, а в том, чтобы помочь студентам перейти от внешней мотивации к внутренней, используя три подхода: предоставление автономии (выбор вида занятий), возможность демонстрации успеваемости (прогресс, а не сравнение с другими) и создание связи (поддержка в группе).

Второй аспект – беспокойство и страх перед неудачей. Учащиеся с высоким уровнем личной тревожности (примерно 30% участников исследования) испытывают страх перед публичными испытаниями. Для них бег на 100 метров или подтягивания перед другими – не шанс продемонстрировать свою физическую форму, а социальная угроза. Это приводит к психосоматическим симптомам (учащенное сердцебиение, потливость, дрожь), отказу от тренировок под предлогом «болезни» и многолетнему негативному восприятию физической культуры. Решение для педагогов: заменить общие стандарты на индивидуальные пути развития. Студент соревнуется не с другими, а с самим собой в прошлом. Например, вместо задания «сделай 10 подтягиваний» лучше использовать «увеличь количество подтягиваний с 3 до 5 за месяц». Такой подход снижает уровень тревожности в 2–2,5 раза.

Третий аспект – восприятие своего тела и самооценка. Среди молодежи в возрасте 18–25 лет недовольство своим телом наблюдается у 70% девушек и 40% юношей. Студенты с низкой самооценкой стараются избегать раздевалок, открытой одежды и упражнений, где их тела сравнивают с другими. Физическое воспитание может усугубить проблему (по поводу «избыточного веса», акцент на внешности) или же помочь в терапии. Грамотный педагогический подход: сосредоточение на функциональности, а не на внешнем виде. Не «похудей», а «стань более гибким/сильным/выносливым». Не сравнивай себя с моделями, а фиксируй улучшения, например, в осанке или увеличении глубины приседаний. Введение необычных видов активности (скандинавская ходьба, пилатес, йога) может уменьшить чувство стыда и повысить посещаемость на 40–50%.

Четвертый аспект – психологические особенности в зависимости от возраста. Студенческий возраст – это время кризиса идентичности и поиска самостоятельности. Прямые указания («беги», «делай как я») вызывают сопротивление. Партнёрская позиция педагога («давай попробуем», «что бы ты хотел сегодня сделать?») способствует доверию и вовлеченности. Авторитарный стиль преподавания снижает посещаемость на 35% по сравнению с демократическим подходом. Элемент соревнования работает только при условии равных возможностей; слабый студент в группе сравнения полностью выпадает.

Пятый аспект – групповая динамика и поддержка в коллективе. В группе, где установлена поддержка и помощь друг другу, физические результаты на 15–20% лучше, чем в группе, состоящей из равнодушных участников. Педагогические методы: работы в парах, смена лидеров, публичное признание усилий, а не только достижений. Студенты, ощущающие социальную поддержку, реже бросают занятия при первых трудностях.

Психолого-педагогическая концепция физического воспитания основывается на четырёх принципах. Первый: избегать публичного сопоставления – акцент на личном прогрессе. Второй: выбор из 3-5 видов деятельности – самостоятельный выбор увеличивает внутреннюю мотивацию. Третий: самоанализ после занятия – «что я испытывал? что оказалось сложным? что мне понравилось?» – без оценок, просто наблюдение. Четвёртый: включение методов управления стрессом в занятия – обучение тому, как физическая активность помогает уменьшить тревогу и способствует лучшему сну.

Физическое воспитание в вузе – это не просто тренировка мышц, а работа с личностью. Мотивация, уровень тревожности, восприятие тела, стратегии преодоления, возрастные кризисы, групповая динамика – эти психологические факторы влияют на успех или неудачу в два раза больше, чем методика выполнения упражнений. Преподаватель, который это игнорирует, сосредотачивается на теле, упуская человека. Преподаватель, который учитывает эти аспекты, влияет на отношения, поведение и здоровье своих студентов на долгие годы вперёд.

Литература

1. Акишин Б.А., Гилев Г.А. Особенности педагогики физической культуры в высшей школе // МатериалыВсероссийской научной конференции «Медико-биологические аспекты физической культуры: проблемы иперспективы развития». Казань, 2013. С. 18-21.
2. Виленский М.Я., Горшков А.Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента. М.: Гардарики, 2007.218 с.
3. Гришина Ю.И. Общая физическая подготовка. Знать и уметь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 256 с.
4. Ильинич В.И. Физическая культура студента. М.: Гардарики, 2010. 147 с.
5. . Кильмяшкина Т.А., Варданян Ю.В., Майдокина Л.Г. Теоретические и технологические основы развития психологической компетентности студента педагогического вуза // Российский научный журнал. 2011. №2.С. 92-97.
6. Ямалетдинова Г.А. Педагогика физической культуры и спорта: курс лекций. Екатеринбург: Издательство Екатеринбургского университета, 2014. 244 с.
7. Фролова, Л. Н. Психолого-педагогические аспекты физкультуры / Л. Н. Фролова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 47 (494). – С. 520-522.

8. Вылканова, Я. Х. Влияние занятий спортом на развитие личностных предпосылок устойчивости к стрессу в подростковом возрасте : автореф. дис.канд. психол. наук / Вылканова Янина Харитоновна. – М., 2006. – 27 с.
9. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы: монография / Е. П. Ильин. – СПб. : ПИТЕР, 2000. – 298 с.
10. Кильмяшкина, Т. А. Теоретические и технологические основы развития психологической компетентности студента педагогического вуза / Ю. В. Варданян, Л. Г. Майдокина // Российский научный журнал. – 2011. – № 2 (21). –С. 92–97.
11. Марищук, В. Л. Психодиагностика в спорте: учеб. пособие для вузов / В. Л. Марищук, Ю. М. Блудов, Л. К. Серова. – М. : Просвещение, 2005.349 с.

Радушко А.Р. СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ. Н. рук. Полякова Ю.А.

Актуальность исследования обусловлена ростом социальной напряжённости и распространением деструктивных форм коммуникации [4]. Изучение связи эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) с агрессивным поведением открывает новые возможности для профилактики [11, с. 153]. Согласно Д.В. Люсину, ЭИ определяется как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» [6, с. 29]. Н. Холл выделяет пять компонентов: эмоциональную осведомлённость, управление своими эмоциями, самомотивацию, эмпатию и распознавание эмоций других людей [10, с. 45]. По определению А.А. Реана, агрессия – это «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования, приносящее вред» [8, с. 5]. Е.П. Ильин отмечает такие формы агрессии, как физическая, вербальная, косвенная, а также негативизм, обида и подозрительность [5, с. 34-45]. Теоретический анализ позволяет выделить механизмы эмоционального предвосхищения, компенсации и эмпатического торможения [3, с. 145; 4, с. 94; 8, с. 12].

Цель исследования – выявление характера и направленности связей между компонентами эмоционального интеллекта и показателями агрессивного поведения. Эмпирическое исследование проводилось на базе НИУ «БелГУ». В нём приняли участие 30 студентов факультета психологии 1-5 курсов в возрасте от 18 до 24 лет (25 женщин и 5 мужчин). Диагностика включала опросник эмоционального интеллекта Н. Холла, опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина и опросник уровня агрессивности Басса-Дарки. Статистическая обработка выполнена с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

На начальном этапе мы проанализировали полученные результаты по методике Н. Холла (Рисунок 1).

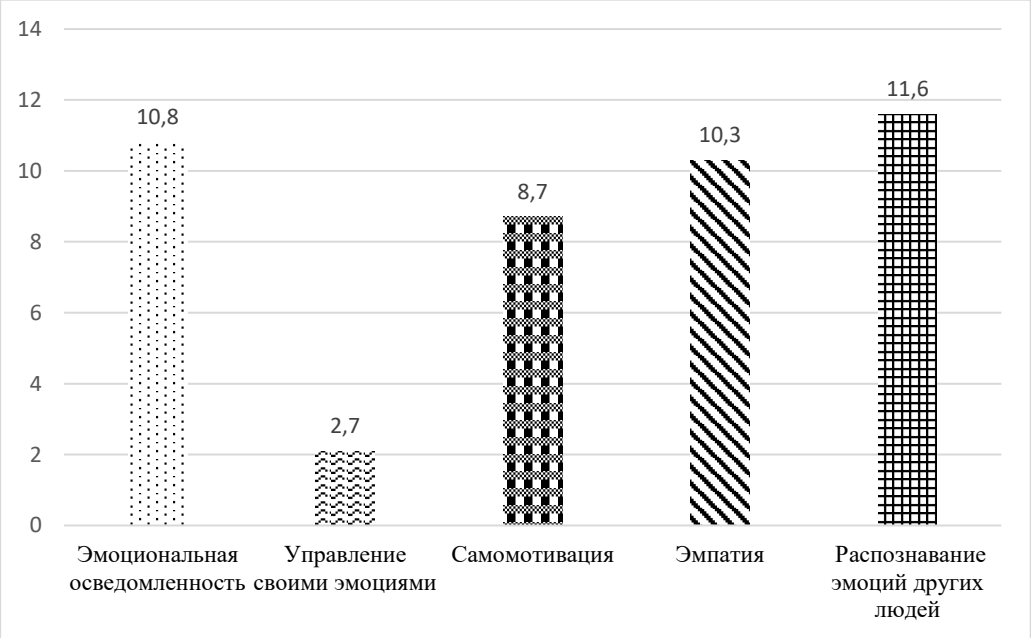

Рисунок 1. – Уровень развития компонентов эмоционального интеллекта у студентов-психологов по методике Н. Холла (в ср.б.)

Наиболее выраженным компонентом ЭИ является «Распознавание эмоций других людей» (М=11,6). Высокие значения также получены по шкалам «Эмпатия» (М=10,3) и «Эмоциональная осведомлённость» (М=10,8). Показатель «Самомотивация» находится на среднем уровне (М=8,7). Наименее развитым оказалось «Управление своими эмоциями» (М=2,7), что свидетельствует о трудностях сознательного контроля эмоциональных реакций.

По опроснику «ЭмИн» Д.В. Люсина (Рисунок 2) результаты представлены ниже.

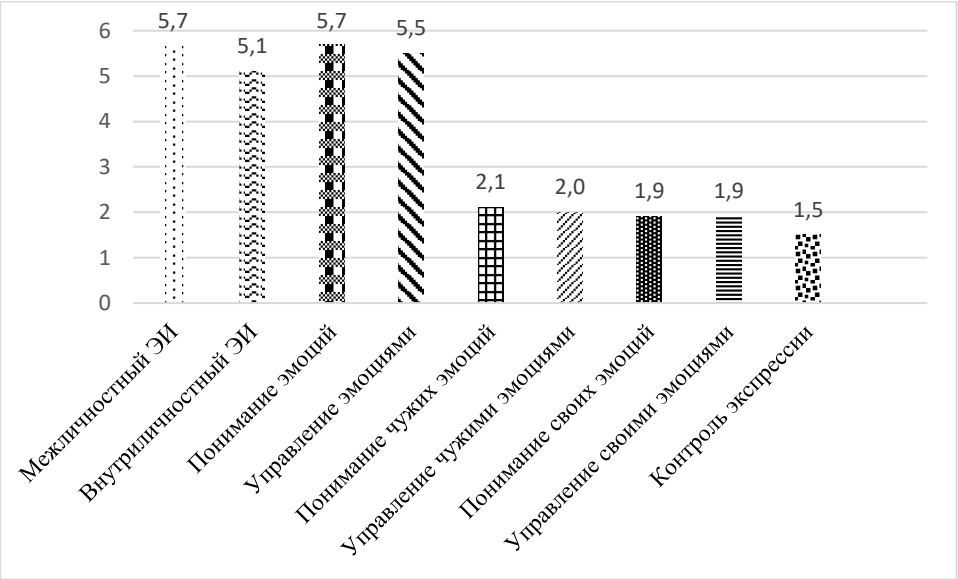

Рисунок 2. – Уровень развития компонентов эмоционального интеллекта у студентов-психологов по методике «ЭмИн» Д.В. Люсина (в ср.б.)

Наиболее высоки обобщённые шкалы: межличностный ЭИ (М=5,7), понимание эмоций (М=5,7) и управление эмоциями (М=5,5). Субшкалы внутриличностной сферы, напротив, низкие: понимание своих эмоций (М=1,9), управление своими эмоциями (М=1,9) и контроль экспрессии (М=1,5). Таким образом, профиль ЭИ студентов-психологов характеризуется высокой ориентированностью на внешнюю эмоциональную информацию при выраженном дефиците внутриличностной регуляции.

Далее мы проанализировали результаты, полученные по опроснику Басса-Дарки (Рисунок 3).

Нами было выявлено, что наиболее высокие показатели приходятся на обиду (М=5,6) и раздражение (М=5,3). На среднем уровне находятся косвенная агрессия (5,0), чувство вины (4,9), подозрительность (4,7), вербальная агрессия (4,6) и негативизм (4,4). Наименее выражена физическая агрессия (М=3,3), что ожидаемо для выборки будущих психологов.

С целью выявления характера и направленности связей между компонентами ЭИ и показателями агрессивного поведения нами был использован коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена. Полученные данные представлены в виде корреляционной плеяды (Рисунок 4).

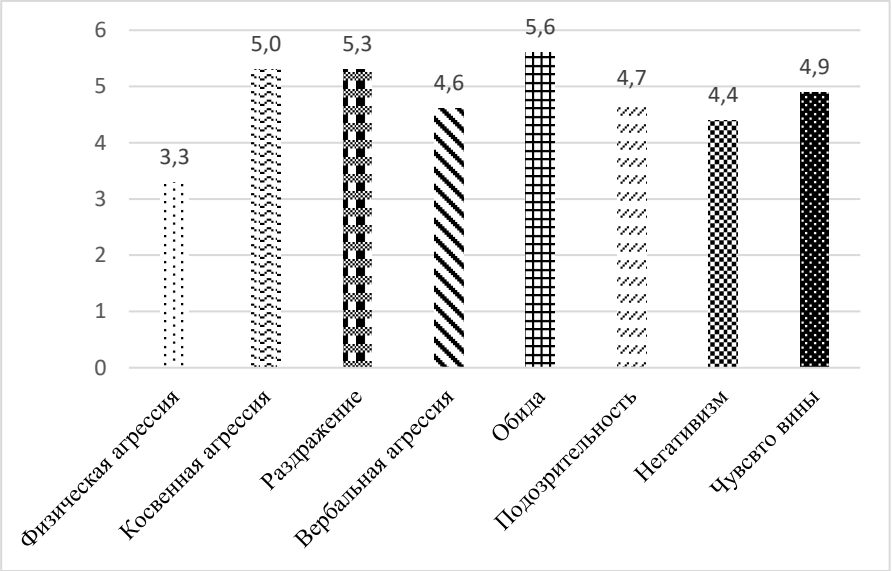

Рисунок 3. – Уровень выраженности видов агрессивных реакций у студентов-психологов по методике Басса-Дарки (в ср.б.)

Рисунок 4. – Корреляционная плеяда связей между показателями эмоционального интеллекта и агрессивного поведения у студентов-психологов

	r>0	r<0		
p≤0,05	⎯	- -	⬭	- виды агрессивных реакций по методике Басса-Дарки
p≥0,01	═	= =		- компоненты эмоционального интеллекта по методике «ЭмИн» Д.В. Люсина

Были установлены значимые отрицательные связи. Так, раздражение отрицательно коррелирует с самомотивацией ($r = –0,512$, $p < 0,01$) и эмоциональной осведомлённостью ($r = –0,379$, $p < 0,05$). Подозрительность отрицательно связана с управлением чужими эмоциями ($r = –0,481$, $p < 0,01$). Обида отрицательно

коррелирует с внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r = –0,444$, $p < 0,05$). Иными словами, чем лучше развиты у студентов осознание своих эмоций, способность к самомотивации и управление эмоциями других людей, тем ниже уровень раздражения, подозрительности и обиды.

Таким образом, существует связь между уровнем эмоционального интеллекта и склонностью к агрессивным проявлениям: чем выше развиты эмоциональные компетенции (особенно осознание эмоций, самомотивация и управление эмоциями), тем ниже уровень агрессии, раздражения, подозрительности и обиды. Это подтверждает важность развития эмоционального интеллекта как ресурса для снижения агрессивного поведения и улучшения психологического благополучия студентов. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ профилактики агрессивного поведения в студенческой среде.

Литература

1. Андронова А.С. Эмоциональный интеллект и агрессивность студентов: диагностика и профилактика / А.С. Андронова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 3. – С. 102–116.
2. Васильева О.С. Роль эмоционального интеллекта в регуляции агрессивного поведения студентов / О.С. Васильева // Социальная психология и общество. – 2022. – № 1. – С. 67–80.
3. Губина Т.А. Эмоциональный интеллект и агрессивность студентов: проблемы диагностики и коррекции / Т.А. Губина. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2021. – 224 с.
4. Девятых С.Ю. Роль эмоционального интеллекта в предотвращении агрессивного поведения студентов / С.Ю. Девятых // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2022. – № 2. – С. 89–98.
5. Ильин Е.П. Психология агрессии. – СПб.: Питер, 2017. – 368 с.
6. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 36 с.
7. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – 32 с.
8. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности / А.А. Реан // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 5. – С. 3–18.
9. Хван А.А. Опросник Басса-Дарки: стандартизация и применение в психодиагностической практике / А.А. Хван, Ю.А. Зайцев, Ю.А. Кузнецова // Психологическая диагностика. – 2005. – № 4. – С. 65–86.
10. Холл Н. Как интерпретировать результаты опросника эмоционального интеллекта / Н. Холл // Эмоциональный интеллект: сб. методик / Сост. А.С. Петрушина. – М.: Когито-Центр, 2018. – С. 45–52.
11. Федорова М.В. Коррекция агрессивного поведения студентов через развитие эмоциональной компетентности // Высшее образование в России. – 2021. – №8. – С. 153–160.

Романова А.Е. ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ. Н. рук. Ткаченко Н.С.

Для студентов период обучения в высшем учебном заведении является одним из самых важных стрессогенным фактором. Так как в этот период происходит адаптация к новым условиям обучения, повышенная нагрузка, стресс во время прохождения сессии, а также необходимость в совмещении работы и учебы у некоторых студентов [1]. Особую актуальность проблема совладающего поведения приобретает в контексте исследования студентов, столкнувшихся со стрессом, связанным вынужденным перемещением из зоны боевых действий или проживанием на прифронтовой зоне. Как отмечают Н.С. Ткаченко и М.М. Мишина: «длительное нахождение в зоне боевых действий способствует формированию своеобразной эмоциональной адаптации, которая может проявляться в снижении остроты переживания опасности, что не всегда является признаком психологического благополучия, а может свидетельствовать о действии защитных механизмов психики» [6, с. 163]. Все это требует от студентов мобилизации всех психологических ресурсов, которые у них есть. В таких условиях особую значимость приобретает изучение механизмов совладания со стрессом, или копинг-стратегий, под которыми понимаются когнитивные и поведенческие усилия, которые направлены на преодоление требований среды [1].

Одним из важнейших факторов, детерминирующих выбор стратегий совладания, является принадлежность к определенному полу. Многие исследователи сходятся во мнении, что мужчины и женщины не только по-разному воспринимают стрессовые ситуации, но и используют различные способы выхода из них [5]. В современной психологии принадлежность к полу рассматривается не с биологической стороны, а с социальной, то, как человек задает определенные модели поведения, эмоционального реагирования и ролевые ожидания [2].

На основании анализа исследований мы предположили, что девушки по сравнению с юношами чаще применяют продуктивные копинг-стратегии. Для подтверждения теоретических положений было проведено эмпирическое исследование с использованием методики «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (н.Е. Водопьянова) Данная методика позволяет оценить выраженность различных копинг-стратегий, разделяя их на позитивные (конструктивные) и негативные (деструктивные) паттерны поведения. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни. В исследовании принимали участие 145 студентов факультета психологии НИУ «БелГУ». В таблице 1 представлены усредненные показатели и результаты сравнения групп у юношей и девушек.

В ходе сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни были обнаружены статистически достоверные различия по 4 показателям. Так девушки чаще юношей прибегают к стратегии «Замещения» ($U_{эмп}$=833,5; M_{x1}=17,5; M_{x2}=19,6) при статистической значимости $p \leq 0,01$. Это может проявляться в том, что в случаях, когда нет возможности напрямую разрешить

стрессовую ситуацию, девушки могут быть склонны к тому, чтобы переключаться на другие виды деятельности, например, на учебу, творческую самореализацию и т.д. Данная стратегия является достаточно адаптивной.

Таблица 1. – Особенности выраженности показателей выбора копинг-стратегии поведения у юношей и девушек

Копинг-стратегии поведения	Пол, (ср.б)		Uэмп
	Юноши Мх1	Девушки Мх2	
Преодоление трудных жизненных ситуаций			
Снижение значения	14,61	**16,92**	904,0**
Самоодобрение	16,92	16,41	1278,5
Самооправдание	14,65	**16,33**	968,0*
Отвлечение	17,51	17,52	1190,5
Замещение	17,52	**19,64**	833,5***
Самоутверждение	16,93	17,71	1040,5
Психомышечная релаксация	**19,13**	18,30	1113,0*
Контроль над ситуацией	**19,54**	18,32	1025,5*
Самоконтроль	16,91	17,91	1134,5
Позитивная самомотивация	17,11	**19,98**	998,0**
Поиск социальной поддержки	14,93	**17,04**	945,0**
Антиципирующее избегание	17,41	17,01	1174,5
Бегство от стрессовой ситуации	14,31	13,82	1255,5
Социальная замкнутость	13,91	12,84	1135,0
«Заезжанная пластинка»	16,13	16,92	1155,0
Беспомощность	13,24	13,74	1111,5
Жалость к себе	12,12	12,15	1233,0
Самообвинение	15,12	15,21	1235,5
Агрессия	12,21	13,72	1039,0
Прием лекарств	8,84	10,12	1022,0
Позитивные	145,23	153,51	1102,0
Негативные	70,52	74,94	1090,5

Примечание: *- p≤0,1; **- p≤0,05; ***-p≤0,01.

По показателям позитивных копинг-стратегий поведения были обнаружены различия на достоверном уровне статистической значимости p≤0,05: «Снижение значения» (Uэмп=904,0; Мх1=14,6; Мх2=16,9), «Поиск социальной поддержки» (Uэмп=945,0; Мх1=14,9; Мх2=17), «Позитивная самомотивация» (Uэмп=998,0; Мх1=17,11; Мх2=19,98). То есть, девушки чаще юношей используют стратегию переоценки значимости происходящего. Данная стратегия поведения позволяет снизить эмоциональное напряжение за счет обесценивания стрессора, что соответствует большей гибкости эмоционального реагирования у девушек. Девушки по сравнению с юношами в трудной ситуации склонны обращаться за советом, помощью и сочувствием к близким.

По следующим показателям наблюдаются различия на уровне статистической тенденции p≤0,1. Так, девушки демонстрируют более высокие значения по шкалам: «Самооправдание» (Uэмп=968,0; Мх1=14,6; Мх2=16,3). Юноши, в свою очередь, незначительно опережают девушек по стратегиям, которые связаны с управлением физиологическим состоянием и контролем: «Психомышечная релаксация» (Uэмп=1113,0; Мх1=19,1; Мх2=18,3). «Контроль над ситуацией» (Uэмп=1025,5;

Mx1=19,5; Mx2=18,3), что может указывать на склонность юношей к конструктивной активности, которая направлена на овладение ситуацией, а также к стремлению подавлять внешние проявления эмоций.

Так же необходимо обратить внимание на общие показатели копинг-активностей, так, у девушек «Позитивные» копинг-стратегии выше, чем у юношей (Mx2=153,5; Mx1=145), также как и «Негативные» (Mx2=74,9; Mx1=70,5), что может свидетельствовать о том, что девушки наиболее вовлечены в эмоциональный процесс при преодолении стресса, в то время как юноши демонстрируют большую избирательность и сдержанность.

Таким образом, установлено, что девушки в отличии от юношей статистически значимо чаще используют стратегии «Замещение», «Снижение значения» и «Поиск социальной поддержки». Эти данные могут помочь для разработки более эффективной психолого-педагогической поддержки студентов, а также для разработки профилактических программ, направленных на формирование конструктивных копинг-стратегий с учетом индивидуальных и полоролевых особенностей.

Литература

1. Абдуллин, А.Г. Гендерные особенности психологических защит и копинг-стратегий студентов / А.Г. Абдуллин, Е.Р. Тумбасова, С.Н. Васильева // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – №2. – С. 75-80.
2. Бешуля, О.А. Гендерные особенности копинг-стратегий у студенческой молодежи с расстройствами адаптации / О.А. Бешуля // Университетская клиника. – 2020. – №2(35). – С. 33-38.
3. Васюра, С.А. Стратегии совладания юношей и девушек студенческого возраста в связи с уровнем их коммуникативной активности / С.А. Васюра, Я.П. Коробейникова // Вестник Удмурдского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – №3. – С. 45-51.
4. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 336 с.
5. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы / Т.Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. – Т. 14, – №4. – С. 147-153.
6. Ткаченко, Н. С. Личностные особенности студентов, покинувших зону боевых действий / Н.С. Ткаченко, М.М. Мишина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – № 2. – С. 153-174.

Рыбцова А.А. **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.**
Н. рук. Ерошенкова Е.И.

Геймификация является одним из наиболее эффективных способов вовлечения, обучающихся в учебный процесс. По данным опроса «Учи.Ру» 2023 года, за вовлечение обучающихся через игровые методы выступают 84,5% респондентов, а 88,6% педагогов регулярно используют игровые обучающие сервисы, приложения, платформы для работы с учениками. По словам заместителя генерального директора «Учи.Ру», Сергея Веременко, связано это с тем, что игра остается для школьников наиболее понятным способом усвоения новой информации [4].

Цель данной работы – выявить, как принципы геймификации используются при обучении английскому языку на примере открытых уроков онлайн-школы «Into.Academy».

Геймификация – это точечное использование отдельных игровых элементов в неигровой деятельности [2]. Для успешной реализации геймификации важно то, как именно игровые методы внедряются в процесс обучения. Во-первых, должна выстраиваться четкая и конкретная система, так как использование игровых составляющих без понимания их назначения и роли в процессе урока уменьшает их эффективность. Во-вторых, игровые элементы должны применяться непосредственно в обучении: ученики должны одновременно и усваивать материал, и играть. Также немаловажно адаптировать игру и игровые элементы под обучающихся. Не каждый формат подходит для учебы, и есть риск низкой вовлеченности в сам предмет урока. Главным элементом геймификации является четкая цель, ради которой она внедряется, и именно она определяет, какие игровые элементы будут использованы [2].

Если геймификация грамотно внедрена в учебный процесс, она имеет множество достоинств, которых нет у традиционных форм обучения. Одним из преимуществ является интерактивность обучения. За счет игровых механик возрастает интерес к самому процессу, а некоторые элементы, например, награды за достижения, позволяют увеличить мотивацию обучающихся. Благодаря такой системе поощрений обучающиеся моментально видят обратную связь, что сохраняет их мотивацию, а если в подобный игровой элемент внедрены различные поощрения за регулярность, они воспитывают привычку учиться [4]. Некоторые правила, включенные в игровые элементы, работают на объективизацию оценки: обучающиеся видят, за что именно они получают награду, благодаря чему они лучше понимают, что сами влияют на результат через конкретные действия, что снижает конфликтность. Игра также дает возможность сразу же применить полученные знания на практике, что положительно влияет на ученическую мотивацию: когда обучающиеся видят наглядный результат своих трудов и то, как они могут воспользоваться новой информацией, они более заинтересованы в учебном процессе. Также геймификация дает обучающимся работать с информацией в неформальной среде, что, по мнению Колосовой, благоприятно влияет на их заинтересованность в обучении и увеличивает вероятность сохранения

полученных знаний [3]. Снижается и страх ошибки: «проигрыш» в игре воспринимается более легко, чем неудовлетворительная оценка на уроке. Геймификация также развивает учебную самостоятельность, ведь некоторые игровые элементы предполагают, что обучающиеся сами выбирают количество и сложность заданий. При использовании таких методов в сочетании с наградами за достижения возможно создание ученической группы, которая активно заинтересована в самом процессе обучения. Важно отметить и то, что игровые элементы в обучении позволяют развить «мягкие» навыки. Если обучающиеся работают над групповой целью, они заинтересованы в том, чтобы находить способы договариваться, помогать друг другу и сотрудничать, а работа совместно с другой группой в конкурентной среде поощряет обмен идеями, конструктивные споры и критической мышление, соревнования между командами стимулируют обучающихся стараться.

Геймификация также благоприятно влияет на персонализацию обучения. Например, позволяет адаптировать темп, с которым проходятся темы на уроках, а некоторые ролевые элементы дают обучающимся возможность самовыражения на уроках, что также увеличивает их вовлеченность [1].

При этом важно также оценить риски некорректного внедрения игровых элементов в учебный процесс. К таким рискам относится подмена учебной мотивации игровой, когда обучающиеся начинают работать только ради наград, что ухудшает запоминаемость и негативно сказывается на интересе к предмету, ведь если главная и единственная задача – выиграть или заработать определенное количество баллов, обучающиеся не видят смысла в углубленном изучении предмета. Также чрезмерное использование соревновательных элементов негативно сказывается на «отстающих» учениках, если обучающийся постоянно находится в списке «проигравших» со временем у него пропадает желание изучать предмет, а для некоторых учеников соревнования и наказания за ошибки становятся дополнительным фактором стресса. Также важно то, как именно оцениваются достижения обучающихся: если, согласно правилам, награждается только то, что легко посчитать (например, количество повторений, ошибок или скорость ответа), сложные когнитивные навыки (анализ текста, аргументация, креативность и другие) могут остаться без должного внимания. Главным же риском принято считать то, что обучающиеся привыкают «развлекаться, а не учиться» [3]. К нему часто добавляют риск снижения концентрации на уроках и повышение эффективности лишь на краткосрочный период.

Большинства рисков можно избежать, если внедрять геймификацию в процесс обучения с учетом определенных принципов. К особенностям самой геймификации, которые формируют принципы ее внедрения, относят:

1. Целеполагание и четкие задачи (обучающиеся должны понимать правила, в рамках которых реализуются игровые элементы, а педагог – их значение процессе обучения);

2. Видимость прогресса и обратная связь (к ним также добавляют награды за достижения, как способ поощрения обучающихся за правильный ответ и систему наказаний, работающую при несоблюдении правил);

3. Адекватная сложность задачи (несмотря на то, что процесс обучения происходит в процессе игры, задания должны быть не слишком легкими и не слишком сложными, чтобы сохранялась учебная мотивация);

4. Свобода выбора в рамках игры (например, возможность выбора порядка заданий или их количества);

5. Наличие повествования (сюжетные элементы, роли или сценарий);

6. Принятие ошибок как части игры (для снижения страха перед ошибками) [1].

Принципы внедрения геймификации учитывают данные особенности, и при их соблюдении увеличивается эффективность игровых элементов в рамках урока. Такими принципами являются:

1. Принцип обеспечения подчиненности геймификации учебному содержанию. Игра должна оставаться инструментом для достижения учебных целей, а не быть таковой. Если в рамках учебного процесса нет необходимости во внедрении игровых элементов, их стоит опустить.

2. Принцип добровольности участия. Обучающиеся не должны принуждаться к участию в игре, у них всегда должен оставаться выбор выполнять задания в классическом формате. Принуждение негативно сказывается на интересе обучающихся к игре, из-за чего снижается учебная мотивация.

3. Принцип нормативной определенности правил. Все правила, в рамках которых реализуется игра, должны быть четко обозначены до начала, и их должны соблюдать все участники игры без фаворитизма.

4. Принцип соблюдения баланса между внутренней и внешней мотивацией. Награда за победу в игре или за прохождение всех заданий должна оставаться второстепенной. Основу интереса к игре составляет внутренняя мотивация обучающихся, направленная на получение новых знаний и на применение их в повседневной жизни.

5. Принцип поэтапности. Элементы игры должны внедряться постепенно в учебный процесс. Если добавить их слишком резко или полностью заменить классические форматы работы, вырастает риск того, что обучающиеся с трудом примут изменения, из-за чего снизится эффективность игровых элементов.

6. Принцип природосообразности. Элементы игры должны соответствовать возрасту обучающихся.

7. Принцип «от простого к сложному». Сложность и количество игровых элементов должны увеличиваться постепенно, в ином случае возникает перенапряжение, которое негативно сказывается на мотивации обучающихся.

8. Обеспечение равного доступа к достижению цели. У каждого обучающегося должна быть возможность выиграть или вернуться в игру в случае выбывания [2].

Примером успешной реализации принципов внедрения геймификации в процесс обучения являются уроки онлайн-школы «Into.Academy». Все уроки представлены в виде визуальных новелл, в центре сюжета которых стоит детектив (его роль играет обучающийся), решающий различные задания с целью раскрыть дело. Все задания направлены на закрепление и повторение грамматических правил и лексики английского языка, а также на отработку аудирования, чтения и практику устной речи.

Рассмотрим, как именно реализуются принципы внедрения геймификации и соблюдаются ее правила, на примере урока по модальным глаголам «Black Hallow». Данный урок представляет собой стандартный формат занятий в школе, и результаты анализа могут быть распространенны на всю образовательную платформу. Так как все уроки рассчитаны на индивидуальную, а не на групповую работу, оценить то, насколько эффективно встроен соревновательный элемент нельзя, также трудно оценить их на соответствие принципу природосообразности, так как главным критерием является не возраст обучающихся, а их уровень владения языком. Однако можно проследить успешную реализацию других принципов, например, переход «от простого к сложному»: в начале урока предлагаются легкие задания, которые усложняются по мере продвижения по сюжету. Также можно отметить, что урок построен так, что без личной мотивации запомнить правила использования модальных глаголов ученику трудно идти дальше (необходимо осознанно подходить к каждому заданию и к изучению теории, так как без них у обучающегося есть шанс остановиться в прогрессе и не дойти до ключевых элементов сюжета). Обучающемуся важно запомнить теорию для ее применения в игре, а некоторые элементы новеллы наглядно показывают, как он может применить полученные знания в повседневной жизни.

К правилам геймификации, которые соблюдаются в данном уроке можно отнести, например, наличие сюжета, свободу выбора (в некоторых элементах визуальной новеллы обучающемуся предоставлен выбор: с каким персонажем заговорить сначала, куда пойти и другие небольшие ответвления сюжета, зависящие от воли ученика). В новелле есть четкие правила и видимость сюжета (если ученик ответил на вопрос правильно, он продвигается далее по сюжету, неправильно – пробует заново). Важно отметить, что у игры отсутствуют строгие наказания за ошибки, что снижает страх обучающихся ответить неправильно.

Исходя их этого, можем сделать вывод, что геймификация является эффективным способом вовлечения обучающихся в учебный процесс, если при добавлении элементов игры учитывать основные правила и принципы ее внедрения. Проведенный анализ урока «Black Hallow» показал, что в уроках «Into.Academy» успешно реализуются принципы геймификации процесса обучения. Их соблюдение благоприятно влияет на мотивацию и вовлеченность обучающихся, что способствует успешному запоминанию информации.

Литература

1. Варенина Л.П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6(2). – С. 37-40.
2. Высоцкая А.Н. Да начнется игра: руководство по внедрению игровых форматов в обучение. – Москва: Альпина, 2025. – 202 с.
3. Колосова О.А. Геймификация образования: за и против / О.А. Колосова, О.Л. Бегичева, И.М. Завельская // Человеческий капитал. – 2022. – № 12. – С. 159-166.
4. Лесевицкий А.В. Позитивные и негативные аспекты геймификации системы образования в XXI веке // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2024. – № 17. – С. 88-96.

Свиридова З. А., Биц Ю.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. Н. рук. Гончарук С. В.

В системе высшего образования физическая культура является обязательной дисциплиной, направленной на укрепление здоровья, развитие физических качеств и формирование здорового образа жизни. Однако на практике многие студенты испытывают выраженные психологические трудности при посещении занятий, что приводит к снижению активности, пропускам и, в конечном счёте, к ухудшению их физической подготовленности и психоэмоционального состояния [5].

Наиболее значимой проблемой становится наличие психологических барьеров – внутренних препятствий, которые искажают восприятие учебной ситуации и мешают успешному выполнению двигательных заданий. К таким барьерам относят повышенную тревожность, страх перед физическими упражнениями (особенно сложными в координационном отношении), боязнь насмешек со стороны сокурсников, неуверенность в своих силах, негативное отношение к контролю и оцениванию [1, 6]. Данные барьеры не только снижают эффективность учебного процесса, но и формируют устойчивое отвращение к физической активности, что противоречит задачам воспитания здоровой личности.

Целью работы является выявление основных психологических барьеров, возникающих у студентов на занятиях физической культурой, анализ их причин и обоснование эффективных способов преодоления на основе данных психолого-педагогических исследований [2, 4].

Психологические барьеры в физкультурно-спортивной деятельности имеют сложную структуру. В студенческом возрасте можно выделить три группы барьеров.

Первую группу составляют **эмоционально-личностные барьеры**. Они проявляются в виде ситуативной и личностной тревожности, страха перед выполнением упражнения (особенно на гимнастических снарядах, в прыжках в воду или при сложнокоординационных движениях), боязни получить травму, а также застенчивости и неуверенности в себе. Студенты с высоким уровнем нейротизма демонстрируют достоверно более высокие показатели тревоги перед выполнением нормативов [7].

Вторая группа – **мотивационно-волевые барьеры**. Они связаны с отсутствием интереса к занятиям, низкой ценностью физической культуры в системе личных приоритетов студента, слабостью волевых усилий при преодолении утомления и неудач. Несформированность внутренней мотивации ведёт к тому, что студент занимается только под давлением внешних требований (зачёт, экзамен), что усиливает негативное отношение к предмету [3].

Третья группа – **социально-психологические барьеры**. Они обусловлены боязнью публичной оценки, сравнением себя с более подготовленными сокурсниками, страхом показаться неловким, смешным. Особенно остро эти барьеры проявляются у студентов с заниженной самооценкой и акцентуациями характера по тревожно-мнительному типу [2, 4]. В юношеском возрасте

значимость оценки со стороны референтной группы часто превышает объективные показатели успешности деятельности [1].

Анализ литературы позволяет выделить несколько групп причин формирования психологических барьеров на занятиях физической культурой. Во-первых, это **негативный предыдущий опыт**. Студенты, получившие в школе травму на уроке физкультуры, подвергавшиеся насмешкам за плохую физическую форму или получившие несправедливую (с их точки зрения) оценку, переносят этот страх и во взрослую жизнь. Во-вторых, **особенности семейного воспитания**: гиперопека, запрет на рискованные движения, акцент на уязвимости здоровья формируют избегающее поведение [5].

В-третьих, важную роль играют **индивидуально-психологические особенности**: высокая тревожность, ригидность, слабая нервная система, экстернальный локус контроля. Студенты с такими чертами склонны интерпретировать учебную ситуацию как угрожающую их самооценке. В-четвёртых, **неадекватные требования и стиль преподавания**: завышенные нормативы, публичное осуждение ошибок, недостаток индивидуального подхода усиливают барьеры [6].

Эффективная работа по преодолению психологических барьеров должна носить комплексный характер и включать педагогические, психологические и организационные меры.

Первым и важнейшим условием является **создание психологически безопасной и поддерживающей среды**. Преподавателю необходимо отказаться от публичного сравнения студентов, оценивать не столько абсолютный результат, сколько индивидуальный прогресс. Поощрение за старание и положительная обратная связь снижают уровень тревожности и формируют уверенность [1, 3].

Вторым способом выступает **дифференцированный и индивидуальный подход**. Студентам с высоким уровнем тревожности следует предлагать упражнения пониженной сложности с последующим постепенным усложнением. Полезно использовать метод «малых шагов», когда сложное двигательное действие разбивается на доступные элементы. Исследования показывают, что при таком подходе снижается страх неудачи и повышается самоэффективность [7].

Третьим направлением является **формирование внутренней мотивации**. Необходимо показывать студентам связь занятий физической культурой с их будущей профессиональной деятельностью, личной привлекательностью, здоровьем и стрессоустойчивостью. Эффективны дискуссии о пользе двигательной активности, ведение дневников самонаблюдения, где студент фиксирует свои улучшения [4].

Четвёртым способом выступает **психолого-педагогическое сопровождение**, включающее тренинги снятия тревожности, обучение приёмам релаксации и самоконтроля. Например, применение дыхательных техник и аутогенной тренировки перед выполнением зачётного упражнения позволяет снизить избыточное психическое напряжение [6, 8].

Наконец, важна **организация совместной и групповой работы**. Выполнение упражнений в парах, взаимообучение, поддержка сокурсников

снижают боязнь публичной ошибки. Виды спорта с высокой социальной вовлечённостью (волейбол, бадминтон, эстафеты) создают положительный эмоциональный фон и способствуют сплочению группы [5].

Таким образом, психологические барьеры на занятиях физической культурой у студентов являются распространённым явлением, имеющим многофакторную природу. Они включают эмоционально-личностные, мотивационно-волевые и социально-психологические компоненты и могут существенно снижать эффективность учебного процесса [2, 4]. Однако при целенаправленной работе преподавателя и психолога эти барьеры преодолимы. Создание ситуации успеха, индивидуальный подход, формирование позитивной мотивации, обучение приёмам саморегуляции и организация поддерживающей социальной среды позволяют трансформировать негативное отношение студентов к физической культуре в осознанную потребность в двигательной активности [3, 5]. Решение данной проблемы является важным условием не только выполнения образовательной программы, но и сохранения психофизического здоровья будущих специалистов.

Литература

1. Бекетова, Н. Е. Психологические барьеры в физкультурно-спортивной деятельности студентов / Н. Е. Бекетова // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 3 (193). – С. 45-49.
2. Говорова, М. С. Психология физического воспитания и спорта : учебное пособие / М.С. Говорова. – М. : Академия, 2019. – 256 с.
3. Горская, Г. Б. Психологические условия преодоления барьеров в физкультурно-спортивной деятельности / Г. Б. Горская, Т. В. Богданович // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2020. – № 4. – С. 32-35.
4. Дорофеева, Е. А. Мотивация студентов к занятиям физической культурой и способы её повышения / Е. А. Дорофеева // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 2. – С. 18-24.
5. Ильин, Е. П. Психофизиология физического воспитания : учебник для вузов / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2018. – 352 с.
6. Николаев, А. Н. Психология тренера и спортсмена : учебно-методическое пособие / А.Н. Николаев. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2020. – 184 с.
7. Сальников, В. А. Индивидуально-психологические особенности студентов как фактор успешности на занятиях физической культурой / В.А. Сальников // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 8. – С. 22-25.
8. Филиппова, С. О. Физическая культура в вузе: психолого-педагогические аспекты / С.О. Филиппова, Т. Н. Шутова. – М. : Спорт, 2022. – 208 с.

Селютина Е.А. БАЗОВЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ, НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ПРИМЕНЯЕМЫЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н. рук. Беляева И.Н.

На смену эмпирическому подходу, долгое время базировавшемуся преимущественно на личном опыте педагога и описательных методах, приходит эпоха доказательной педагогики. Главной идеей данного подхода является требование объективизации научных выводов, воспроизводимости результатов и количественной обоснованности педагогических решений. В связи с этим большую значимость приобретают методы математической статистики [1, 2].

Наиболее распространенным показателем является среднее арифметическое – это простой, интуитивно понятный и удобный для последующих расчетов показатель. Однако у него есть существенная особенность, которая заключается в зависимости среднего арифметического от «экстремальных» значений, то есть выбросов. В таких случаях следует использовать медиану. Медиана – это значение, которое делит упорядоченный ряд данных пополам. Половина значений находится ниже медианы, половина находится выше. Третьей мерой математической статистики является мода, которая позволяет определить, какой результат является типичным для данной группы.

Любая группа респондентов педагогического исследования, даже относительно однородная по уровню подготовленности, может в результате давать определенный разброс показателей. Для его характеристики используются показатели вариации, простейшим из которых является размах. Данный показатель вариации дает общее представление о том, насколько велик диапазон значений. Более точным и информативным показателем является дисперсия. Однако интерпретация дисперсии затруднена, поскольку она выражается в квадратных единицах измерения. Например, если исследователь измеряет длину прыжка в сантиметрах, дисперсия будет выражена в квадратных сантиметрах, что неудобно для практического использования. Именно поэтому в педагогических исследованиях наиболее широко применяется среднеквадратическое (стандартное) отклонение. Среднеквадратическое отклонение показывает, насколько в среднем каждое конкретное значение отклоняется от среднего арифметического [3].

Для педагога данный показатель вариации является исключительно полезным показателем, так как, например, если исследователь знает, что средний результат прыжка в группе составляет 220 сантиметров, а среднеквадратическое отклонение равно 10 сантиметрам, то можно утверждать, что большинство спортсменов показывают результаты в интервале от 210 до 230 сантиметров (Рисунок 1).

Однако само по себе знание среднего и стандартного отклонения не позволяет определить, является ли выборка однородной и может ли среднее арифметическое служить надежной характеристикой для конкретной группы. Для этого используется коэффициент вариации. Например, при проведении эксперимента на группе школьников разного уровня подготовленности или на студентах, специализирующихся в разных дисциплинах рассчитать средние показатели по всей разнородной группе, а затем сделать вывод об эффективности

методики «в среднем», полученный результат может не отражать реальность ни для одной из подгрупп [4, 5]. Именно поэтому первым шагом любого корректного статистического анализа является не расчет средних, а оценка однородности выборки с помощью коэффициента вариации. Только убедившись в том, что он не превышает 30%, можно использовать среднее арифметическое как надежную характеристику группы.

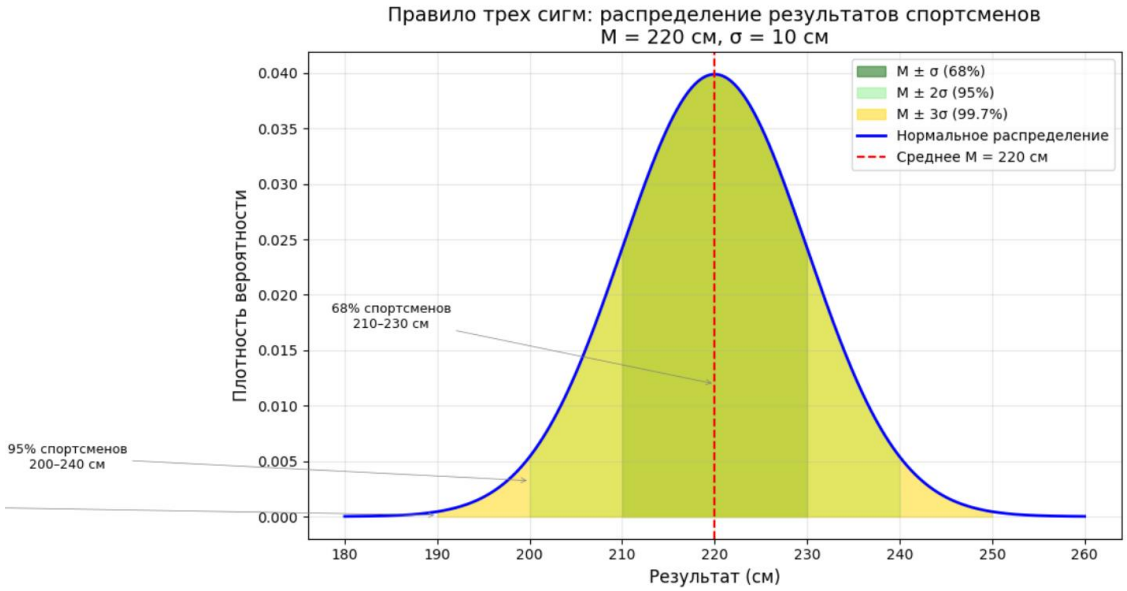

Рисунок 1. – Пример правила трех сигм

Рассмотрим также распространенные ошибки, которые существенно снижают доказательную силу педагогических исследований, а в некоторых случаях делают полученные выводы некорректными. Первая и самая распространенная ошибка состоит в применении параметрических методов статистического анализа без предварительной проверки характера распределения данных. Параметрические критерии чувствительны к отклонениям от нормальности, особенно на малых выборках. Если распределение не является нормальным, использование этих критериев может привести к ложным выводам, как ложноположительным, то есть видны значимые различия там, где их нет, так и ложноотрицательным, где не заметны реально существующие различия. Параметрические критерии обладают большей статистической мощностью, поэтому их применение предпочтительно при соблюдении условий, но если условия не выполняются, их использование становится методологической ошибкой.

Вторая типичная ошибка связана с первой и заключается в работе с малыми выборками. Исследователи, имея выборку, например, 8-10 респондентов, по-прежнему используют среднее арифметическое как основную меру центральной тенденции и применяют параметрические критерии. При работе с небольшими выборками использование параметрических критериев часто оказывается ненадёжным. Это связано с тем, что среднее арифметическое в таких случаях сильно зависит от каждого отдельного значения, а распределение данных редко бывает нормальным. В отличие от них, непараметрические критерии основаны не на средних значениях, а на рангах. Хотя их статистическая

мощность обычно ниже, чем у параметрических методов, они позволяют получать достоверные результаты практически при любом типе распределения и на выборках любого объёма.

Третья ошибка заключается в анализе результатов эксперимента исключительно по средним значениям показателей в экспериментальной и контрольной группах до и после педагогического воздействия. В случае обнаружения статистически значимых отличий между этими средними часто делают вывод об успешности разработанной методики. Однако такой подход не учитывает, что за средними цифрами могут стоять совершенно разные индивидуальные пути развития участников, и итоговые значения не всегда отражают реальную картину изменений у каждого отдельного респондента. В любом педагогическом исследовании необходимо анализировать не только групповые средние, но и матрицу индивидуальных сдвигов. Это можно сделать несколькими способами:

1. Построение индивидуальных профилей.
2. Расчет процентного соотношения.
3. Анализ дисперсии.
4. Использование кластерного анализа.

Важно отметить, что эти три ошибки часто встречаются в комплексе. Исследователь, игнорирующий проверку нормальности распределения, работающий на малой выборке и ограничивающийся сравнением средних, создает ситуацию, когда выводы его исследования не могут считаться достоверными. Подводя итог, можно сформулировать три главных правила: необходимо всегда проверять распределение данных, учитывать объем выборки и не ограничиваться средними.

Литература

1. Христидис Т.В., Новашина М.С. Методы математической статистики в педагогических исследованиях: теория и практика применения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 2 (112). – С. 111-122.
2. Христидис Т.В., Новашина М.С. Использование статистических методов в диссертационных исследованиях по педагогическим наукам // Мир образования – образование в мире. – 2020. – № 3 (79). – С. 10-19.
3. Пономаренко А.Н. Contemporary Statistical Studies of the Russian Population Welfare Level and Dynamics // Вопросы статистики. – 2022. – Т. 29. – № 1. – С. 64-77.
4. Сорокова М.Г. Математические методы в психолого-педагогических исследованиях. – М.: Неолит, 2020. – 216 с.
5. Загвязинский В.И. Методология педагогического исследования. – М.: Юрайт, 2023. – 105 с.

Урванцева Т. В. **ПРИНЦИПЫ СВОБОДНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ.**
Н. рук. Маматов П.Г.

Сегодня, когда система образования переживает серьёзные изменения, а традиционная классно-урочная модель всё чаще подвергается критике за неспособность отвечать на вызовы XXI века, многие исследователи обращаются к альтернативным педагогическим концепциям прошлого. Среди них особое место занимает теория «свободного воспитания», одним из первых сторонников которой в России стал Лев Николаевич Толстой. Как подчёркивал С.И. Гессен, именно Толстому принадлежит заслуга в создании основ новой педагогической системы, получившей в нашей стране название «свободное образование» [1, с. 68]. Эксперименты писателя в Ясной Поляне, проводившиеся в 1859–1862 годах, во многом предвосхитили идеи Дж. Дьюи и Э. Кей, которые появились почти на полвека позже.

Цель данной работы – обобщить ключевые идеи толстовской педагогики, определить их сильные и слабые стороны, а также оценить, насколько они могут быть востребованы в современной школе. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить основные принципы свободного воспитания Л.Н. Толстого; во-вторых, проанализировать опыт Яснополянской школы; в-третьих, сопоставить идеи писателя с актуальными тенденциями развития образования.

Педагогические искания Л.Н. Толстого пришлись на конец 1850-х годов – время общественного подъёма, связанного с ожиданием крестьянской реформы. Именно тогда особенно остро встал вопрос о том, каким должно быть народное образование. В ту пору была очень популярна немецкая методика наглядного обучения. Выглядела она со слов Толстого так: учитель показывает детям картинку, на которой изображена рыба.

«Что это такое, милые дети?» – спрашивает он.

«Это рыба», – слышится робкий ответ. «Нет, – отвечает учитель.

Что вы видите?» – дети молчат. «Что же вы видите?» -– «Книжку», – говорит самый глупый. Умные школьники в недоумении, а учитель радуется! «Да, да, очень хорошо, книга. А в книге что?» Самый бойкий отвечает: «Буквы». Но учитель недоволен: «Надо думать о том, что говоришь». Урок продолжается.

Когда Толстой вернулся в Россию и стал знакомиться с тем, как учат детей в начальных школах, он увидел, что немецкая «метода» наглядного обучения проникла и в русскую педагогику. Среди учителей были широко распространены книги Н.А. Корфа, который советовал для «развития» учеников задавать им такие вопросы: «В чем состоит различие между курицей и собакой? А в чем сходство между ними?», «Что такое крыша?». Или: «Пересчитаешь ли ты, сколько волосьев на валенках торчит? А отчего не пересчитаешь?», «Чего у тебя на голове много?» И получалось, что самые умные ученики терялись и становили в тупик перед подобными вопросами.

Такое обучение лишь отупляло школьников, вызывало у них отвращение к урокам. Сам писатель, переживавший в тот период разочарование в

литературном творчестве, видел в работе с детьми возможность обрести новый смысл жизни. Лев Николаевич Толстой создал в Ясной Поляне частную школу для крестьянских детей. В ее основе лежал опыт естественного взаимодействия детей и педагогов, превращающий школу в лабораторию жизни. Он считал: школа должна давать детям широкий круг знаний, всесторонне развивать их творческие силы. Л.Н. Толстой отрицал заранее установленные программы, твердое учебное расписание, требовал, чтобы содержание учебных занятий в школе определялось интересами и потребностями детей. Уверял, что невозможно заранее знать сущность образования. Также ставил под сомнение необходимость педагогике, как науки, знающей каким образом следует воспитать человека. Вслед за Руссо, Толстой писал: «Воспитание портит, а не исправляет людей». Таким образом, по Толстому, школа перестаёт быть местом «тренировки», где ребёнка насильно готовят к неизвестному будущему. Она превращается в пространство настоящей, интересной деятельности, где знания рождаются из потребностей и любопытства ученика прямо сейчас. Это не подготовка к завтрашнему дню, а полноценная жизнь сегодняшнего дня, а значит – и счастливое, осмысленное детство» [5].

Идеи Толстого, хоть им уже больше полутора веков, на удивление хорошо сочетаются с тем, что сейчас происходит в образовании. В принципе свободы выбора, когда писатель говорил, что ребёнок сам вправе решать, что и когда учить, современная школа реализует через профильные классы, всякие элективные курсы и предметы, которые можно выбрать самому. Принцип антиавторитаризма и отказа от принуждения – Толстой был против телесных наказаний и вообще унизительных мер. Сегодня это даже в законе прописано. Но писатель шёл дальше: он хотел заменить формальную дисциплину на внутреннюю мотивацию, чтобы ученик учился не потому, что «надо», а потому, что интересно. Современные штуки вроде личностно-ориентированного обучения, тьюторства или педагогики сотрудничества как раз про это. Индивидуализация обучения – у Толстого есть фраза, что учитель должен «идти наравне с каждым учеником», а не всех под одну гребёнку. Сейчас для этого используют дифференцированные задания, адаптивные платформы, индивидуальные траектории и тьюторов. И ещё доверие к природе ребёнка и поддержка творчества. Толстой очень ценил сочинения крестьянских детей, называл это «сознательной силой художника». Теперь это выражается в конкурсах проектов, олимпиадах, творческих мастерских, школьных театрах и медиастудиях. Мысль, что каждый ребёнок талантлив по-своему, стала в педагогике почти нормой [9]. Так что принципы свободного воспитания Толстого никуда не устарели, наоборот, они всё больше применяются в современной школе, помогая ей превратиться из «школы зубрёжки» в «школу понимания и творчества».

Таким образом, педагогическое наследие Толстого – это не просто исторический факт, а ценный источник идей, которые можно использовать в современной школе. Его главные принципы – свобода, антиавторитаризм, учёт индивидуальных особенностей каждого ученика и связь учёбы с реальной жизнью – очень созвучны тому, о чём сегодня говорят, когда обсуждают гуманизацию школы, права ребёнка и то, как сделать образование более демократичным.

Но, с другой стороны, надо понимать, что идеи Толстого появились в определённое время, и в них есть свои противоречия. Нельзя взять и скопировать то, что он делал в Ясной Поляне, в современных условиях невозможно. Однако если критически осмыслить его педагогику, она может стать важным источником для поиска новых путей развития образования.

Литература

1. Aleksiejuk A. Лев Толстой – предшественник педагогики «Нового воспитания» в России / A. Aleksiejuk // Studia Edukacyjne. – 2020. – № 58. – С. 89-104.
2. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
3. Matusov E. Lev Tolstoy – The Founder of Democratic Education / E. Matusov // Integrative Psychological and Behavioral Science. – 2024.
4. Moulin-Stożek D. Tolstoy on the injustice of philosophy of education / D. Moulin-Stożek // Journal of Philosophy of Education. – 2023. – Vol. 57, № 2. – P. 456-472.
5. Помелов В.Б. Л.Н. Толстой: «Дети смотрят на учителя не как на учёного, а как на человека» / В.Б. Помелов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4. – С. 42-48.
6. Пустовойт Ю.В. Педагогические идеи Л.Н. Толстого и современность / Ю.В. Пустовойт. – М. : Изд-во МГУ, 2010. – 176 с.
7. Rubtcova M. The role of Lev Tolstoy in the development of inclusive pedagogy in Russia / M. Rubtcova, O. Pavenkov, V. Pavenkov // Proceedings of the International Conference on Education. – 2017. – P. 112-118.
8. Толстой Л.Н. О народном образовании / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений : в 22 т. – М. : Художественная литература, 1983. – Т. 16. – С. 98-156.
9. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / Л.Н. Толстой. – М. : Педагогика, 1989. – 544 с.
10. Хуторской А.В. Свободная школа Л.Н. Толстого / А.В. Хуторской // Вестник образования. – М., 2018. – № 4. – С. 1-15.

Уханёва Д.А. СИНДРОМ ЦИФРОВОЙ УСТАЛОСТИ (ZOOM FATIGUE) В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ. Н. рук. Гальцева О.А.

Масштабная цифровизация образования, ускорившаяся в период пандемии COVID-19, привела к тотальной интеграции технологий видеоконференцсвязи в учебный процесс. Платформы Zoom, Microsoft Teams, Google Meet стали не просто вспомогательными инструментами, а основной средой реализации образовательных взаимодействий. Однако по мере увеличения продолжительности и частоты онлайн-занятий как среди студентов, так и среди преподавателей начали фиксироваться устойчивые негативные явления: повышенная утомляемость, снижение концентрации внимания, эмоциональное истощение, которые в научной литературе получили название «Zoom fatigue» (синдром цифровой усталости) [2,1].

Термин Zoom fatigue был введен для описания специфического состояния усталости, возникающего после интенсивного использования видеоконференций. В отличие от традиционного утомления, связанного с умственной или физической нагрузкой, данный синдром имеет выраженную психофизиологическую природу, обусловленную особенностями опосредованной коммуникации [3]. В образовательной среде, где видеозвонки стали рутинной практикой, проблема приобрела системный характер, затрагивая как академическую успеваемость, так и психическое здоровье участников образовательного процесса.

Несмотря на повышенное внимание исследователей к феномену Zoom fatigue, остаются недостаточно изученными его специфические проявления в российских образовательных организациях, а также эффективные стратегии профилактики. Данная статья направлена на комплексный анализ причин, симптомов и последствий синдрома цифровой усталости в образовательной среде, а также на обоснование практических подходов к его преодолению.

Исследование Zoom fatigue базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем достижения когнитивной психологии, эргономики, медиакоммуникаций и педагогики. Ключевым теоретическим конструктом выступает теория когнитивной нагрузки (Cognitive Load Theory), разработанная Дж. Свеллером [4]. Согласно этой теории, рабочая память человека имеет ограниченную емкость; при выполнении сложных задач, требующих одновременной обработки нескольких информационных потоков, возникает когнитивная перегрузка, приводящая к снижению эффективности деятельности и утомлению.

Видеоконференции предъявляют повышенные требования к когнитивным ресурсам. В отличие от очного общения, где многие невербальные сигналы воспринимаются автоматически, в онлайн-формате участникам приходится сознательно интерпретировать мимику и жесты собеседников, отслеживать собственное изображение, контролировать технические аспекты (микрофон, камера), одновременно обрабатывая учебный контент [5]. Такая многозадачность ведет к быстрому истощению ресурсов внимания.

Другой важный теоретический подход связан с концепцией «гипервзгляда» (hypergaze), предложенной Дж. Бейленсоном. Исследователь

отмечает, что в видеоконференции участники постоянно сталкиваются с пристальным визуальным контактом большого числа лиц, что в эволюционном плане воспринимается как сигнал угрозы и активирует стрессовые механизмы [6]. Кроме того, эффект «зеркала» – постоянное наблюдение собственного изображения на экране – провоцирует саморефлексию и повышенную самокритику, усиливая тревожность.

Важным фактором выступает также обеднение невербальной коммуникации. В очном взаимодействии люди используют широкий спектр паралингвистических сигналов (кивки, позы, дистанция), которые снимают напряжение и регулируют очередность высказываний. В видеоформате большая часть этих сигналов теряется, что требует дополнительных усилий для поддержания диалога и повышает вероятность коммуникативных сбоев [8,7].

Эмпирические исследования, проведенные в разных странах, выявили устойчивый комплекс симптомов Zoom fatigue, характерный для студентов и преподавателей. На физиологическом уровне фиксируются: головные боли, напряжение глаз, боли в спине и шее, нарушения сна. На психологическом – повышенная тревожность, раздражительность, снижение мотивации, ощущение эмоциональной опустошенности после занятий [9,10].

Особенностью образовательной среды является кумулятивный эффект: учебный день часто состоит из нескольких последовательных видеоконференций с минимальными перерывами. Исследование, проведенное в РГПУ им. А. И. Герцена (N=342), показало, что более 70% студентов испытывают усталость уже после второго часа онлайн-занятий, а к концу учебного дня субъективная оценка утомления достигает критических значений (8,4 балла из 10). Преподаватели отмечают, что подготовка и проведение онлайн-лекций требуют на 30–40% больше энергозатрат по сравнению с очными, что связано с необходимостью удержания внимания аудитории в условиях отсутствия прямой обратной связи [11].

Важным аспектом является влияние Zoom fatigue на академические результаты. Студенты с высоким уровнем цифровой усталости демонстрируют снижение способности к концентрации (на 28% по данным самоотчетов), ухудшение запоминания учебного материала и рост числа пропусков занятий. В группе риска находятся первокурсники, адаптирующиеся к вузовской системе, а также студенты, вынужденные совмещать учебу с работой и находящиеся в неблагоприятных бытовых условиях [12].

Анализ литературы и собственных наблюдений позволяет выделить несколько групп факторов, модулирующих выраженность Zoom fatigue в образовательной среде.

Первая группа – технические и эргономические факторы. К ним относятся: неудовлетворительное качество связи, несоответствие рабочего места эргономическим требованиям, длительное нахождение в статичной позе, отсутствие возможности переключения между каналом видео и аудио. Установлено, что использование только аудиосвязи без видеоряда снижает уровень утомляемости на 25–30%, однако в образовательном контексте видеорежим часто является обязательным, что ограничивает возможности выбора [13].

Вторая группа – организационные факторы. Плотное расписание, отсутствие регламентированных перерывов, необходимость присутствия на всех занятиях с включенной камерой, перенос традиционных методов контроля (например, устных опросов) в онлайн без их адаптации – все это повышает когнитивную и эмоциональную нагрузку. Преподаватели, в свою очередь, испытывают стресс из-за необходимости одновременного выполнения функций модератора, технического специалиста и лектора.

Третья группа – психологические и личностные факторы. Высокая тревожность, перфекционизм, низкая самоэффективность в цифровой среде, недостаточный уровень саморегуляции – предикторы более выраженной усталости. Исследования показывают, что студенты с высоким уровнем метакогнитивных навыков лучше адаптируются к условиям онлайн-обучения и реже сообщают о симптомах Zoom fatigue [14].

Таким образом, синдром цифровой усталости (Zoom fatigue) представляет собой реальную проблему современной образовательной среды, обусловленную психофизиологическими особенностями опосредованной видеокоммуникации и неадаптированностью традиционных педагогических практик к онлайн-формату.

Обобщение теоретических подходов и эмпирических данных позволяет заключить, что преодоление Zoom fatigue невозможно в рамках исключительно индивидуальных стратегий. Необходимы системные изменения: пересмотр нормативов организации онлайн-обучения, разработка эргономичных методик проведения видеоконференций, обучение преподавателей и студентов навыкам цифрового благополучия. Особую значимость приобретает развитие метакогнитивных компетенций, позволяющих субъектам образовательной деятельности осознанно управлять собственной когнитивной нагрузкой и своевременно предотвращать состояние истощения.

Литература

1. Bailenson J. N. Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue // Technology, Mind, and Behavior. – 2021. – Vol. 2, No. 1. – P. 1–14.
2. Wiederhold B. K. Connecting through technology during the coronavirus disease 2019 pandemic: Avoiding “Zoom fatigue” // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2020. – Vol. 23, No. 7. – P. 437–438.
3. Fosslien L., Duffy M. W. How to combat Zoom fatigue // Harvard Business Review. – 2020. – Vol. 29, No. 4. – P. 1–6.
4. Sweller J. Cognitive load theory, learning difficulty, and instructional design // Learning and Instruction. – 1994. – Vol. 4, No. 4. – P. 295–312.
5. Fauville G., Luo M., Queiroz A. C. M., Bailenson J. N., Hancock J. Zoom exhaustion & fatigue scale [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. – 2021. – P. 1–20. – Режим доступа: https://doi.org/10.2139/ssrn.3780169 (дата обращения: 25.05.2026).
6. Bailenson J. N. Experience on demand: What virtual reality is, how it works, and what it can do. – New York: W. W. Norton & Company, 2018. – 304 p.
7. Рубцова О. В., Поспелова Т. В. Цифровая усталость: феномен, причины и стратегии преодоления // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 87–100.
8. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровая трансформация и психологическое благополучие: новые вызовы [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 3–14. – Режим доступа: http://www.npj.ru/archive/2020/4/ (дата обращения: 25.05.2026).

9. Bennett A. A., Campion E. D., Keeler K. R., Keener S. K. Videoconference fatigue? Exploring changes in fatigue after videoconference meetings // Journal of Applied Psychology. – 2021. – Vol. 106, No. 3. – P. 330–344.
10. Shockley K. M., Gabriel A. S., Robertson D., Rosen C. C., Chawla N., Ganster M. L., Ezerins M. E. The fatiguing effects of camera use in virtual meetings: A within-person field experiment // Journal of Applied Psychology. – 2021. – Vol. 106, No. 8. – P. 1137–1155.
11. Петрова Е. В., Иванов А. С. Оценка когнитивной нагрузки студентов в условиях смешанного обучения // Вестник Герценовского университета. – 2022. – № 4. – С. 56–63.
12. Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Риски цифровизации образования для психологического здоровья обучающихся // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 124–133.
13. Karl K. A., Peluchette J. V., Aghakhani N. Virtual work meetings during the COVID-19 pandemic: The good, bad, and ugly // Small Group Research. – 2022. – Vol. 53, No. 2. – P. 159–185.
14. Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Когнитивные стили и метакогнитивные способности: роль в цифровой образовательной среде // Вопросы психологии. – 2021. – № 6. – С. 22–35.

Халенко Т.Р. НЕПРЕРЫВНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИОННОЕ И ОСОБЕННОЕ. Н. рук. Кормакова В.Н.

Современное общество характеризуется стремительным развитием технологий, изменением социальных и культурных условий, что предъявляет новые, повышенные требования к системе образования и, в частности, к профессионализму педагогов. В этих условиях непрерывное педагогическое образование (далее – НПО) становится неотъемлемым элементом устойчивого развития образовательной системы и ключевым фактором формирования компетентного учителя. НПО обеспечивает не только поддержание и обновление знаний, но и развитие профессиональных компетенций, необходимых для эффективной педагогической деятельности в условиях постоянных изменений [1, 5, 8].

Непрерывное педагогическое образование как комплексный процесс освоения и обновления педагогических знаний, умений и компетенций в течение всей профессиональной жизни охватывает следующие уровни:

1) начальное профессиональное образование, реализуемое в вузах, где будущие педагоги получают базовые теоретические знания и практические навыки;

2) повышение квалификации и переподготовку, направленные на обновление знаний и овладение новыми методиками и технологиями;

3) самообразование и профессиональное взаимодействие, включающее участие в профессиональных сообществах, конференциях, самостоятельное освоение новых материалов.

Современная концепция НПО предполагает не только формальное обучение, но и неформальные и информационно-коммуникационные формы, что способствует более гибкому и оперативному профессиональному развитию [3]. Традиционная модель НПО ориентирована на систематическое получение и обновление профессиональных знаний через формальные образовательные программы. Такая модель включает:

– последовательное обучение в бакалавриате и магистратуре по педагогическим специальностям;

– прохождение курсов повышения квалификации в очном или заочном формате;

– участие в профессиональных конференциях и семинарах.

Преимущества традиционного подхода – структурированность, академическая глубина и официальное признание квалификации. Например, педагог, прошедший курсы повышения квалификации, получает удостоверение, подтверждающее его профессиональный уровень. В то же время Н.С. Михайлова отмечает недостатки традиционной модели НПО, среди которых:

– ограниченная гибкость и индивидуализация программ;

– недостаточная оперативность реагирования на новые вызовы;

– высокая нагрузка на педагогов и ограниченный учет их профессиональных интересов [5]. Фиксированные программы повышения квалификации не всегда учитывают специфику предмета или индивидуальные потребности педагогов, что снижает мотивацию и эффективность обучения.

Особенное педагогическое образование – это инновационные, гибкие формы и методы, позволяющие оперативно обновлять профессиональные компетенции и адаптироваться к меняющимся условиям. К таким формам относятся: дистанционное и онлайн-обучение (MOOCs, вебинары, интерактивные курсы); менторство и коучинг, предполагающие сопровождение молодых педагогов опытными наставниками; участие в профессиональных сетевых сообществах и проектах; использование цифровых образовательных ресурсов и платформ.

Примером эффективной реализации особенного НПО является проект «Цифровая школа» Министерства просвещения РФ, который предлагает учителям доступ к интерактивным курсам по цифровой грамотности, методикам дистанционного обучения и работе с образовательными платформами [6]. Исследования А.Ю. Богомолова показывают, что такие формы способствуют развитию у педагогов навыков критического мышления, самостоятельного поиска и применения новых знаний, а также поддерживают их мотивацию к постоянному развитию [1]. В международной практике особенное педагогическое образование рассматривается как ключевой инструмент повышения квалификации в условиях цифровой трансформации [4].

Для формирования эффективной системы НПО необходимо сочетание традиционных и особенных форм обучения. Традиционные программы обеспечивают фундаментальные знания и официальное признание компетенций, а инновационные методы – гибкость, индивидуализацию и возможность быстрого реагирования на изменения.

Концепция смешанного обучения (blended learning), широко используемая в зарубежных и российских вузах, объединяет очные занятия и дистанционные модули, что позволяет педагогам получать знания в комфортном для них режиме и с учетом их индивидуальных потребностей [4]. Е.В. Иванова отмечает, что в Московском педагогическом государственном университете реализовуются программы, сочетающие теоретические лекции с онлайн-семинарами и проектной деятельностью, что способствует комплексному развитию профессиональных компетенций [2].

Таким образом, непрерывное педагогическое образование является фундаментальным элементом современной системы образования, обеспечивающим устойчивое профессиональное развитие педагогов в условиях быстро меняющегося мира. Анализ традиционных и особенных форм НПО показывает, что каждая из них обладает своими преимуществами и ограничениями, и только их целостное взаимодействие способствует формированию высококвалифицированного, адаптивного и готового к инновациям педагогического сообщества. Традиционные формы НПО, основанные на систематическом и формальном обучении, создают прочную теоретическую базу и обеспечивают официальное признание квалификаций педагогов. Однако жёсткость и медленное реагирование на новые вызовы делают их недостаточными для полного удовлетворения современных профессиональных запросов.

В то же время особенные формы – дистанционное обучение, менторство, самообразование и цифровые технологии – обеспечивают гибкость,

индивидуализацию и оперативность обновления знаний, что особенно важно в эпоху цифровой трансформации образования. Интеграция традиционных и инновационных подходов, в частности, посредством смешанных моделей обучения (blended learning), становится ключевым фактором повышения эффективности непрерывного педагогического образования. Такая интеграция позволяет учитывать разнообразие профессиональных потребностей педагогов, создавать персонализированные образовательные траектории и укреплять их мотивацию к постоянному развитию.

Перспективными направлениями развития НПО следует считать дальнейшее расширение цифровых образовательных платформ, внедрение адаптивных технологий обучения, развитие профессиональных сообществ и сетевого взаимодействия, а также создание условий для поддержки самообразования. Важной задачей является также совершенствование нормативно-правовой базы с учётом современных требований и реалий образовательной практики.

Переход к комплексной модели непрерывного педагогического образования, сочетающей традиционные и особенные формы, позволит повысить качество подготовки и профессионального роста педагогов, что в конечном итоге способствует улучшению образовательных результатов и развитию общества в целом.

Литература

1. Богомолов А. Ю. Инновационные подходы в непрерывном педагогическом образовании // Педагогика и образование. – 2021. – № 3 (45). – С. 34-42.
2. Иванова Е. В. Модели смешанного обучения в педагогическом образовании // Вестник МПГУ. – 2022. – № 12 (104). – С. 56-63.
3. Korthagen F. In-service teacher education: A critical review // Teaching and Teacher Education. – 2017. – Vol. 63. – P. 1-12.
4. Means B., Toyama Y., Murphy R., Bakia M., Jones K. Evaluation of evidence-based practices in online learning: A meta-analysis and review of online learning studies. – U.S. Department of Education. – 2013.
5. Михайлова Н. С. Актуальные проблемы повышения квалификации педагогов // Педагогическое образование. – 2020. – № 2. – С. 12-20.
6. Министерство просвещения Российской Федерации // Проект «Цифровая школа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/projects/digital-school.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1780145561&tld=ru&lang=ru&name=3d787dc89e68d89fd30ef0dca9435f79.pdf
8. Ward K. The role of lifelong learning in teacher professional development // Journal of Education and Learning. – 2017. – Vol. 6. – № 4. – P. 45-53.

Чекризова Е. А. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ: МЕТОДИКА РАБОТЫ С АРХАИЗМАМИ И ИСТОРИЗМАМИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. Н. рук. Еременко О.И.

В течение последнего столетия Россия столкнулась с серьёзными преобразованиями: гражданским конфликтом, двумя сменами политической системы, научно-техническим прогрессом, вызвавшим возникновение множества новых явлений. Все это, безусловно, оказало влияние на словарный состав, вызывая процессы обогащения словаря новой лексикой. Однако наряду с появлением новых слов, действует и другой процесс – процесс архаизации лексических единиц, которые постепенно переходят в разряд устаревших, пополняя пассивный словарный запас.

Исчезновение слов из языка – это сложный и длительный процесс, но он так же важен для его развития, как и появление новых. Устаревание может происходить быстро (например, как произошло со словом *ваучер*) или медленно, когда слово постепенно выходит из употребления и становится архаизмом (например, слово *сей*).

Для младшего школьника, знакомящегося с произведениями устного народного творчества и русской классической литературы, устаревшие слова зачастую становятся непреодолимым барьером на пути к пониманию текста. Следовательно, целенаправленная и систематическая работа с этой лексикой является не просто желательным, а необходимым элементом урока литературного чтения. Чтобы организовать на уроках литературного чтения эффективную работу по овладению младшими школьниками семантикой устаревших наименований, учитель должен хорошо знать особенности такой лексики.

Устаревшие слова – это слова современного русского языка, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своём понятные носителям языка [1, с. 286]. Анализ лингвистической литературы показывает, что выделяется две группы таких наименований: историзмы и архаизмы.

Историзмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, так как из жизни общества ушли те предметы и явления, которые они обозначали (например, соха, кафтан и др.) [1, с. 287].

Архаизмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, не выдержав конкуренции с более употребительными словами, обозначающими те же предметы, действия, признаки (например, сей (этот), перст (палец) [1, с. 287].

Начиная со второго класса на уроках литературного чтения младшие школьники знакомятся с устаревшими словами, которые встречаются в текстах учебников, входящих в учебно-методический комплекс «Школа России» (авторы Л.Ф. Климанова и В.Г. Горецкий). Анализ учебных книг показал, что первое знакомство с архаичной лексикой происходит на материале раздела, посвященного устному народному творчеству. Этот раздел знакомит учеников с различными жанрами фольклора: от потешек и прибауток до колыбельных, загадок и народных сказок, былин. Тексты этих произведений фольклора содержат значительное количество устаревших номинаций, семантизации которых необходимо уделять значительное внимание в процессе лексической работы на уроках литературного чтения.

Для организации такой работы нами был разработан комплекс упражнений, который включает в себя в следующие типы упражнений:

1. Задания, направленные на развитие навыка различения историзмов и архаизмов.
2. Упражнения для формирования умения подбирать однокоренные слова и синонимы к устаревшим лексическим единицам.
3. Практические задания по составлению словосочетаний, предложений и связных текстов с использованием устаревшей лексики.

Целью данного комплекса: знакомство учащихся с устаревшими словами (историзмами и архаизмами), формирование умения различать такие слова, уместно использовать в собственных высказываниях. В целом работа с устаревшими словами направлена на развитие речи младших школьников и расширение исторического кругозора.

Во втором классе младшие школьники учатся разливать устаревшие слова, то есть историзмы и архаизмы. Следовательно, задача данного этапа – формирование умения отличать слова, которые являются названиями устаревших предметов (историзмы), от слов, которые были вытеснены из современного русского языка другими словами (архаизмы). Приведем примеры.

Упражнение 1. Музей и Словарь. Прочитай слова. В первый столбик (в музей) запиши те, которые обозначают исчезнувшие предметы. Во второй столбик (в словарь) запиши те, у которых есть современные синонимы.

Кокошник, чело, мушкет, ланиты, кафтан, перст, армяк, уста.

Упражнение 2. Игра в прятки со смыслом. Выпиши в строку только историзмы, то есть слова, которые являются названиями устаревших предметов или вещей. Можешь ли ты нарисовать то, что обозначают эти слова?

*Гренадёр, длань (*ладонь*), алтын (*монета*), алебарда, врата (*ворота*), ботфорт*ы.

Упражнение 3. Что здесь лишнее?

В каждой строке найди *лишнее* слово (оно не подходит по смыслу к остальным). Объясни почему.

Кафтан, кокошник, армяк, очи (лишнее – *очи*, так как это часть лица, а не одежда).

Пищаль, сабля, лук, перст (лишнее – *перст*, так как это не оружие)

Боярин, купец, стрелец, ведать (лишнее – *ведать*, так как это название действия, это глагол; остальные слова являются названиями лица, это имена существительные).

Упражнение 4. Помощники художника. Послушайте отрывок из сказки А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». Найди слова, которые сейчас мы не употребляем. Попробуй объяснить значение этих слов, чтобы помочь художнику понять, что нужно изобразить на иллюстрации к сказке.

«На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей *душегрейке*,
Парчовая на *маковке кичка*,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые *перстни*,
На ногах красные сапожки».

В третьем классе разработанный нами комплекс упражнений предусматривал работу над семантикой устаревших наименований. Для семантизации устаревших номинаций использовались разные приемы: работа со словарем, побор синонимов, подбор однокоренных слов. Приведем примеры.

Упражнение 1. Переводчик устаревших слов. Прочитай строки из басни И.А. Крылова «Мартышка и очки» [3]. Значение выделенных слов найди в словарике на странице 219 учебника. Запиши их значение.

«Очков с *полдюжины* себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост *нанижет*,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак».

Упражнение 2. Вставь словечко. Замени слово в скобках на устаревшее, чтобы фраза звучала как в старинной легенде.

Открылись тяжелые (ворота) – врата.
Началась жестокая (битва) – брань.
(Говорит) он мудрые речи – глаголет.
Ударил богатыря (правой рукой) – десницей.

В четвертом классе учащиеся составлять предложения и тексты с использованием устаревших номинаций. Задачи упражнений, которые использовались на этом этапе – использование слов в творческих работах (сочинениях, пересказах и т.п.). Приведем примеры.

Упражнение 1. Оживи картинку. Рассмотри репродукцию картины В. Васнецова «Богатыри» на странице 34 учебника [4]. Составь и запиши 3-4 предложения, используя устаревшие слова: *кольчуга, шлем, копье, щит, доспехи, конь, брань, зоркий (око).*

Упражнение 2. Реставратор. Спиши отрывок из сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек». Подчеркни устаревшие слова. Попробуй заменить их современными и прочитай, что получилось. Изменился ли ритм и сказочность текста?

«*Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедный, любимый цветок? Я хранил его паче зеницы ока моего и всякий день утешался, на него глядючи, а ты лишил меня всей утехи в моей жизни*».

Упражнение 3. Сочини былину. Попробуй сочинить небольшой рассказ (3-4 предложения) о том, как Илья Муромец собирается на бой. Используй как можно больше слов из «волшебного сундучка».

Снарядился, палица, кольчуга, гридница, путь-дорога, враг, зло, щит, десница, чело, боронити (защищать).

Упражнение 4. Исправь ошибку Незнайки. Незнайка писал сочинение о прошлом, но перепутал все слова. Найди ошибки и исправь их (замени неподходящие слова).

«Надел Илья Муромец свою любимую футболку (кольчугу), взял в руки автомат (меч) и сел на велосипед (коня). поехал он в чисто поле, чтобы фотографироваться (биться) с Соловьем-Разбойником».

Разработанный нами комплекс упражнений позволяет реализовать системный подход в работе с устаревшей лексикой, поскольку он работает на

нескольких уровнях: языковом, когнитивном, культурологическом и творческом, начиная с простой классификации устаревших номинаций и заканчивая продуцированием собственных текстов с применением историзмов и архаизмов. На начальном этапе упражнения на дифференциацию слов формируют базовое логическое мышление и аналитические способности, приучая детей не просто запоминать определения, а выстраивать причинно-следственные связи между исчезновением предмета и развитием языка. Работа с синонимией и обращение к толковому словарю напрямую обогащают активный и пассивный словарный запас, развивают языковую догадку и демонстрируют богатство и вариативность родного языка. Наиболее мощный развивающий эффект достигается, когда учащиеся переходят от репродуктивных заданий к продуктивному творчеству. Таким образом, систематическая работа с устаревшими словами по данной схеме превращается из простого запоминания лексики в мощный инструмент межпредметной интеграции, который не только знакомит младших школьников с семантикой устревших наименований, но и формирует у младшего школьника целостную картину мира, связывающую прошлое с настоящим, а также закладывает прочный фундамент для дальнейшего успешного изучения гуманитарных дисциплин в средней школе.

Литература

1. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. Вузов. / М.И. Фомина. – 3-е. изд, испр. и доп. – Москва: изд-во Высшая школа, 1990. – 415 с.
2. Климанова Л.Ф. Литературное чтение 2 класс: учеб. для общеобразовательный учр. с аудио. на эл. носителе / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова, Л.А. Виноградская, М.В. Бойкина. – 4-е. изд**.** – Москва: Просвещение, 2013. – 226 с.
3. Климанова Л.Ф. Литературное чтение 3 класс: учеб. для общеобразовательный учр. с аудио. на эл. Носителе / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова, Л.А. Виноградская, М.В. Бойкина. – 4-е. изд**.** – Москва: Просвещение, 2013. – 226 с.
4. Климанова Л.Ф. Литературное чтение 4 класс: учеб. для общеобразовательный учр. с аудио. на эл. Носителе / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова, Л.А. Виноградская, М.В. Бойкина. – 4-е. изд**.** – Москва: Просвещение, 2013. – 226 с.
5. Методические особенности изучения устаревшей лексики в начальной школе и комплекс упражнений: [сайт]. – 2023. – URL: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2023/01/12/metodicheskie-osobennosti-izucheniya-ustarevshey-leksiki-v

М. А. Коноплева, Е. В. Черных, И. Г. Комарова

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ 2 ТИПА

С точки зрения физической культуры и спорта, сахарный диабет 2 типа рассматривается как состояние, требующее не только медицинского, но и двигательного вмешательства. Физическая активность – важная часть лечения и профилактики сахарного диабета 2 типа. Она направлена на снижение гиподинамии у населения. Она помогает улучшить показатели глюкозы в крови, снизить уровень холестерина, уменьшить инсулинорезистентность и массу тела, улучшить работу сердечно-сосудистой системы. Физическая активность для больных сахарным диабетом 2 типа особенно необходима.

Мышцы человека с диабетом 2 типа представляют собой огромный, но неиспользуемый ресурс утилизации глюкозы. В работающей мышце запускаются механизмы, не зависящие от инсулина: мышечное сокращение само по себе, открывает вход для глюкозы в клетку. Это означает, что грамотно подобранная физическая активность способна решать три ключевые задачи одновременно: снижать текущий уровень сахара, повышать чувствительность тканей к инсулину (причем эффект сохраняется до 48 часов) и тренировать сердечно-сосудистую систему, которая при диабете страдает в первую очередь.

Сахарный диабет 2 типа (СД2) сегодня – это не столько эндокринологическая проблема, сколько двигательная. Основные причины: гиподинамия и переедание. Лечение традиционно включает диету и сахароснижающие препараты, но физическая культура здесь выступает не «дополнением», а полноценным лечебным фактором, который:

- снижает сахар крови без дополнительных таблеток;
- повышает чувствительность клеток к инсулину;
- укрепляет сердце и сосуды;
- не даёт побочных эффектов (при правильном дозировании).

Гиподинамия – это снижение мышечной нагрузки и силы сокращений мышц, вызванное хроническим недостатком физической активности, которое приводит к нарушению утилизации глюкозы, снижению чувствительности тканей к инсулину и является одной из ключевых причин развития и прогрессирования сахарного диабета 2 типа.

Что происходит с организмом человека с сахарным диабетом 2 типа при физической активности в разных органах и системах:

1. Мышечная работа

Когда человек начинает двигаться, его мышцы сначала расходуют собственные запасы топлива – гликоген. Когда эти запасы истощаются, мышцы начинают активно забирать глюкозу прямо из крови. Для диабетика это значит прямое снижение уровня сахара во время занятия, что является главной лечебной целью.

2. Чувствительность клеток

Под действием мышечных сокращений клеточные мембраны становятся более проницаемыми для глюкозы, что снижает потребность в инсулине для её проникновения внутрь клетки. Наиболее выгодным является то, что такой эффект сохраняется не только во время занятий, но и на протяжении 48 часов после тренировки – одна поездка даёт эффект на несколько дней.

3. Кровообращение

Сердце начинает биться чаще, а кровь перераспределяется: активные мышцы получают её больше, а органы пищеварения – немного меньше. Артериальное давление при этом умеренно растёт. С одной стороны, это отличная тренировка для сердца. С другой стороны, если у человека неконтролируемая гипертония, нагрузка требует осторожности.

4. Дыхание

Дыхание становится глубже и чаще. Организм пытается компенсировать недостаток кислорода и убрать лишний углекислый газ. Благодаря этому газообмену глюкоза и жиры сгорают лучше, что играет роль в регулировании веса и уровня сахара.

5. Терморегуляция

Работающие мышцы выделяют тепло. Чтобы не перегреться, организм запускает механизмы охлаждения: расширяются сосуды кожи и усиливается потоотделение. Отсюда важный практический вывод: необходимо пить воду. Даже небольшое обезвоживание ухудшает контроль диабета и маскирует признаки гипогликемии.

6. Гормональный фон

В кровь выбрасываются гормоны стресса – адреналин и кортизол. Они помогают мобилизовать энергию для работы. Одновременно выработка инсулина снижается (это нормальный защитный механизм, чтобы сахар не упал слишком низко). Однако у диабетика есть нюанс: если сахар до старта был очень высоким (выше 13–15 ммоль/л), дополнительный выброс адреналина может ещё больше поднять его, а не снизить.

7. Утомление мышц

При интенсивной или непривычной нагрузке в мышцах накапливается молочная кислота. Именно она вызывает знакомое всем чувство жжения и усталости. После отдыха кислота постепенно выводится. Поэтому грамотная заминка и полноценный отдых – не прихоть, а необходимость для восстановления мышц и предотвращения травм.

Таким образом, каждая физическая нагрузка – это комплексный процесс, затрагивающий все системы организма. Понимая его, преподаватель может объяснить студенту не просто «как делать», но и «почему это работает именно так», что повышает осознанность и безопасность занятий.

Что рекомендуется и от чего стоит отказаться при выборе физической активности при сахарном диабете 2 типа

Рекомендуется:

Ходьба

Обычная ходьба и ходьба со специальными палками – это хороший вариант для начала. Обычно не нужно ничего покупать, если только не захотите приобрести палки. Заниматься можно в любых условиях и в любое время. Ходьба считается безопасным способом двигаться. Она помогает немного, но стабильно снижать уровень сахара в крови и при этом не нагружает суставы и сердце слишком сильно. Можно начать с 10–15 минут после еды, а потом постепенно увеличить время до получаса или сорока минут в день.

Плавание и занятия в воде

Если у вас есть проблемы с суставами, лишний вес или просто нравится вода, попробуйте плавание или аквааэробику. Вода поддерживает тело и снимает нагрузку с позвоночника и ног, а мышцы при этом работают хорошо. Сердце укрепляется, уровень сахара снижается, и риск травмы почти отсутствует. Лучше заниматься 2–3 раза в неделю по полчаса или чуть больше.

Велосипед или велотренажёр

Кататься на велосипеде на свежем воздухе или заниматься дома на велотренажёре – отличный способ укрепить ноги и сердце. Основная нагрузка падает на мышцы бёдер и ягодиц, которые активно используют сахар. Если на улице неудобно кататься из-за погоды, плохих дорог или проблем с равновесием, велотренажёр дома или в спортзале может помочь решить эти проблемы...

Гимнастика с лёгкими весами

Очень важно не только ходить, но и давать нагрузку на мышцы. Чем больше у вас мышечной массы, тем больше сахара ваше тело может «съедать» без помощи инсулина. Для этого подходят:

упражнения с резиновым эспандером;

гантели весом 1–3 кг (можно начинать даже с 0,5 кг);

приседания (держась за стул, если трудно);

отжимания от стены или от стула;

подъёмы ног и корпуса.

Такие упражнения делаются медленно, без рывков. Достаточно 10–15 минут 2–3 раза в неделю.

Бадминтон и настольный теннис

Если хочется не просто «заниматься», а играть – выбирайте бадминтон или настольный теннис. Они дают умеренную аэробную нагрузку, тренируют реакцию и координацию, при этом не требуют бега на скорость или резких прыжков. Главное – не увлекаться соревновательным темпом. Играйте в удовольствие, а не на результат.

Что выбрать новичку

Если раньше вы совсем не занимались спортом, начните с ходьбы. Это самый простой и безопасный способ немного снизить уровень сахара.

Спустя пару недель можно добавить лёгкие упражнения с резинкой или маленькими гантелями. Когда почувствуете уверенность, попробуйте плавание или велосипед.

Важно, чтобы любой вид активности приносил удовольствие, а не вызывал страх. Если что-то не нравится, попробуйте другое. Занятия спортом не должны казаться наказанием.

Что стоит избегать? Не всякая физическая нагрузка полезна при диабете. Есть виды спорта, которые связаны с риском – например, если резко падает уровень сахара, а рядом нет никого, кто может помочь. Или, когда нагрузка слишком тяжёлая для сосудов и суставов. Лучше обходить такие занятия стороной.

Правила безопасной физической активности при диабете

Физическая активность – это лекарство, а любое лекарство требует правильного применения. Чтобы тренировки приносили только пользу и не создавали опасных ситуаций, достаточно запомнить несколько простых правил.

Правило первое: всегда имей при себе «спасательный паёк»

Быстрые углеводы должны быть с вами везде, где вы занимаетесь спортом. Это может быть несколько кусочков сахара, таблетки глюкозы из аптеки, маленькая упаковка сока или сладкой газировки (не диетической!).

Правило второе: носите опознавательный знак диабетика

Всегда при себе держите документ или специальный браслет с надписью «У меня сахарный диабет».

Правило третье: выбирайте правильное место для инъекции инсулина

Никогда не делайте укол в мышцу, которая потом будет активно работать во время тренировки. Например, если собираетесь бегать или ездить на велосипеде, не вводите инсулин в ногу. Если планируете плавать или играть в бадминтон – не колите в плечо. Почему? Работая, мышцы быстрее впитывают инсулин, и его действие может начаться слишком резко, что приведёт к резкому падению сахара. Лучше всего делать укол перед тренировкой в живот, там впитывание инсулина происходит более равномерно и предсказуемо.

Правило четвёртое: пейте воду

До, во время и после тренировки обязательно пейте обычную воду. Обезвоживание плохо влияет на чувствительность клеток к инсулину, из-за чего уровень сахара в крови может оставаться выше нормы.

Правило пятое: учитывайте задержанную гипогликемию

Физическая нагрузка может проявить себя спустя несколько часов после тренировки. Задержанная гипогликемия обычно возникает через 4–12 часов после интенсивной или длительной тренировки, чаще всего ночью. Поэтому после утомительного дня обязательно проверьте уровень сахара перед сном.

Подводя итог, можно сказать, что движение – это надёжная помощь, а не опасность

Когда лечение скорректировано, нагрузки дозированы, а вы сами действуете осознанно – физическая активность становится одним из самых мощных инструментов борьбы с диабетом. Вы перестаёте бояться движения. Вы знаете, что ходьба, плавание, велосипед, гимнастика работают на вас: снижают сахар, повышают чувствительность к инсулину, защищают сердце и сосуды, дарят энергию и хорошее настроение.

Запомните: правильная физическая активность – это не риск. Это ваша надёжная опора рядом с диетой и лекарствами. Начните с малого, посоветуйтесь с врачом, носите с собой конфету – и движение станет вашим лучшим союзником в борьбе с болезнью.

Шайхутдинов Н.М. ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ БРОСКА В ПРЫЖКЕ У ГАНДБОЛИСТОВ 12–15 ЛЕТ. Н. рук. Воронин И.Ю.

Подростковый возраст является одним из наиболее ответственных и важных этапов спортивной подготовки. Именно в этот период закладываются базовые основы технических умений, формируется уникальный стиль игры и одновременно происходят обширные внутренние изменения, связанные с половым созреванием, перестройкой самосознания и активным поиском себя в обществе. В таком контактном, динамичном виде спорта с высокой плотностью принятия решений, как гандбол, оба этих важных процесса приобретают уникальную значимость.

Практика подготовки юных гандболистов, однако, нередко демонстрирует разрыв между двумя ключевыми компонентами тренировки. Техническая подготовка, направленная, в частности, на освоение и совершенствование броска в прыжке – основного средства завершения атаки, – ведётся преимущественно через многократное повторение двигательного действия без должного учёта психологического состояния спортсмена. Параллельно с этим психологическая подготовка, включающая развитие лидерских качеств, уверенности и ответственности, часто реализуется как автономный блок, слабо связанный с содержанием технико-тактических тренировок [1, 2].

Между тем, имеются основания полагать, что эти два направления могут не просто сосуществовать, но и взаимно усиливать друг друга. Цель настоящей работы – на основе сопоставления данных о методике совершенствования броска в прыжке у гандболисток 14–15 лет и подходов к развитию лидерских качеств гандболистов 12–13 лет выявить возможные линии их пересечения и предложить практические рекомендации по интеграции технической и психологической подготовки.

Бросок в прыжке по праву считается наиболее сложным в координационном отношении и наиболее результативным техническим приёмом в арсенале гандболиста. По данным И.В. Петрачевой и Ю.Н. Котова, биомеханическая структура броска включает несколько последовательных фаз: разбег с набором горизонтальной скорости (достигающей у высококвалифицированных гандболисток 4 м/с), отталкивание, фазу полёта, замах и финальный разгон звеньев руки [3]. Качество выполнения каждой из этих фаз определяет итоговую скорость вылета мяча и, как следствие, вероятность взятия ворот.

При обучении спортсменов 14–15 лет исследователи фиксируют ряд типичных ошибок, имеющих не только биомеханическую, но и отчётливую психологическую природу [1]. К их числу относятся:

Неуверенность в собственных силах заставляет игрока «зажиматься», что нарушает плавность махового движения и снижает скорость разгона руки.

Страх жёсткого приземления или столкновения с защитником приводит к тому, что спортсмен теряет визуальный контроль над воротами и положением вратаря, снижая точность броска.

Излишнее волнение или, напротив, недостаточная мобилизованность ведут к неоптимальному распределению мышечных усилий, что особенно

заметно при выполнении броска в условиях дефицита времени или плотной опеки защитника.

Эти наблюдения доказывают, что техника броска в прыжке не может совершенствоваться отдельно от развития личности спортсмена. Многие из выявленных ошибок появляются не только из-за недостатка физического развития, но и незрелость спортсмена напрямую влияет на точное выполнение двигательного действия или технического элемента.

Проблема развития лидерских качеств у молодых спортсменов в последнее время привлекает к себе всё большее внимание исследователей. Подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования таких личностных характеристик, как инициативность, ответственность за результат, способность к самостоятельному принятию решений и коммуникацию [2].

Спортивная сфера, особенно в игровых видах спорта, создаёт уникальную среду для развития лидерских качеств. В отличие от учебной деятельности, где решения часто регламентированы, игровая ситуация в гандболе требует от спортсмена быстрой оценки обстановки, выбора оптимального варианта действий и принятия персональной ответственности за этот выбор. Исследования, выполненные на материале гандбола, показывают, что лидерские качества не являются статичной характеристикой, а поддаются целенаправленному формированию в тренировочном процессе при условии использования адекватных педагогических средств [3].

Применительно к технической подготовке можно выделить три лидерских качества, имеющих наиболее прямое отношение к эффективности выполнения броска в прыжке.

Уверенность в себе. Готовность брать игру на себя в решающие моменты. Снижение скованности, плавность махового движения, удержание визуального контроля над воротами.

Ответственность. Осознанное отношение к тренировочному процессу. Более тщательная отработка фаз броска, устойчивость навыка к сбивающим факторам.

Коммуникативные навыки. Эффективное взаимодействие с партнёрами в тактических схемах. Получение своевременных и удобных передач, открывание в оптимальной позиции для броска.

Обобщение данных двух рассматриваемых направлений подготовки позволяет выделить три основные линии взаимосвязи.

Биомеханические исследования ученых доказывают, что наилучшее исполнение броска в прыжке достигается при свободном движении маховых звеньев тела [4]. Страх ошибиться является одним из главных препятствий на пути к правильному выполнению броска. Спортсмен, который опасается неточного броска или отрицательной реакции со стороны тренера, бессознательно вносит излишнее мышечное напряжение в кинематическую цепочку, что нарушает базовую координационную структуру броска в прыжке. Целенаправленное развитие уверенности в себе через создание ситуаций безусловного успеха, положительное подкрепление, постепенное усложнение условий выполнения броска в прыжке, способствует преодолению этого барьера.

Для технического совершенствования требуется не только количество повторений, но и качество выполненного элемента. Спортсмен, который воспринимает тренировку как личную важную деятельность, а не как стороннюю обязанность, показывает более высокую концентрацию внимания при выполнении двигательного действия. Формирование личной ответственности за прогресс создаёт внутреннюю мотивацию к устранению технических ошибок [2].

Бросок в прыжке редко выполняется из статичного положения – как правило, ему предшествует тактическое взаимодействие с партнёрами. Способность юного спортсмена своевременно и конструктивно обмениваться информацией на площадке напрямую влияет на то, получит ли он мяч в выгодной позиции и в удобный момент [4]. Развитие коммуникативных лидерских качеств создаёт предпосылки для более полной реализации технического арсенала в соревновательных условиях.

Проведённое исследование подтверждает взаимосвязь между развитием лидерских качеств и эффективностью совершенствования техники броска в прыжке. Уверенность в себе на площадке, ответственность за свои ошибки и развитые коммуникативные навыки не являются внешним показателем по отношению к технической подготовке, а выступают её важными психологическими компонентом. Их целенаправленное развитие в рамках тренировочного процесса способно повысить как качество освоения двигательного навыка, так и устойчивость его проявления в условиях стресса.

Рассмотрение технической и психологической подготовки как двух комплементарных компонентов, а не изолированных аспектов тренировки, открывает перспективу для дальнейших анализов и исследований, направленных на количественную оценку выявленных взаимосвязей и разработку комплексных тренировочных программ.

Литература

1. Шайхутдинов, Н. М. Совершенствование броска мяча в прыжке у гандболисток 14-15 лет / Н. М. Шайхутдинов, И. Ю. Воронин // Актуальные проблемы физического воспитания студентов : Материалы Международной студенческой научно-практической конференции, Чебоксары, 26 февраля 2026 года. – Чебоксары-Ташкент: Чувашский государственный аграрный университет, 2026. – С. 739-742.
2. Шайхутдинов, Н. М. Развитие лидерских качеств гандболистов в учебно-тренировочном этапе / Н. М. Шайхутдинов, И. Ю. Воронин // Современное состояние и тенденции развития физической культуры и спорта : сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Белгород, 21 ноября 2025 года. – Белгород: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Белгородский государственный национальный исследовательский университет", 2025. – С. 546-550. – EDN VBMHEC.
3. Петрачева Ирина Витальевна, Котов Юрий Николаевич, Ясин Кайс Бассам, Вагин Андрей Юрьевич Биомеханические основы техники выполнения гандбольных бросков различными способами // Ученые записки университета Лесгафта. 2016. №1 (131). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/biomehanicheskie-osnovy-tehniki-vypolneniya-gandbolnyh-broskov-razlichnymi-sposobami
4. Игнатьева В.Я. Теория и методика гандбола : учебник. – М. : Спорт, 2016. – 328 с.

Шальнева А.С. **СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.**
Н. рук. Худаева М. Ю.

В условиях постоянно возрастающей нагрузки, сложных оперативных задач и высокой социальной ответственности особую значимость приобретает изучение внутренних психологических факторов, влияющих на работу сотрудников правоохранительных органов. К таким факторам относятся профессиональная самореализация личности и субъективное ощущение собственной востребованности. Именно эти характеристики во многом определяют уровень мотивации сотрудника, его удовлетворённость службой, способность сохранять психологическую устойчивость в стрессовых ситуациях и, в конечном итоге, эффективность выполнения служебных обязанностей.

Вместе с тем, специфика деятельности сотрудников МВД – высокая ответственность, строгая дисциплина, постоянное взаимодействие с разными категориями граждан и работа в условиях риска – создаёт дополнительные трудности для полноценной профессиональной самореализации. В связи с этим изучение характера связи между профессиональной самореализацией и ощущением востребованности приобретает не только теоретическую, но и ярко выраженную практическую значимость.

Профессиональная самореализация является одним из значимых показателей профессионального развития личности. Она отражает степень раскрытия человеком собственного потенциала в профессиональной деятельности, осознанность профессиональных целей, сформированность ценностного отношения к труду, удовлетворенность результатами своей работы и ощущение профессиональной успешности [1].

Профессиональная востребованность личности, в свою очередь, отражает субъективное ощущение человеком собственной значимости, полезности и необходимости в профессиональной среде. У сотрудников органов внутренних дел профессиональная востребованность связана с осознанием социальной значимости службы, уверенностью в собственной компетентности, признанием со стороны коллег и руководства, а также положительным отношением к себе как к профессионалу [2, 3].

В исследовании, направленном на изучение связи профессиональной самореализации и профессиональной востребованности, приняли участие 80 сотрудников УМВД России по Белгородской области со стажем работы от 2 до 15 лет.

Были использованы следующие диагностические методики: методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гавриловой и опросник «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой, А.Б. Ясько.

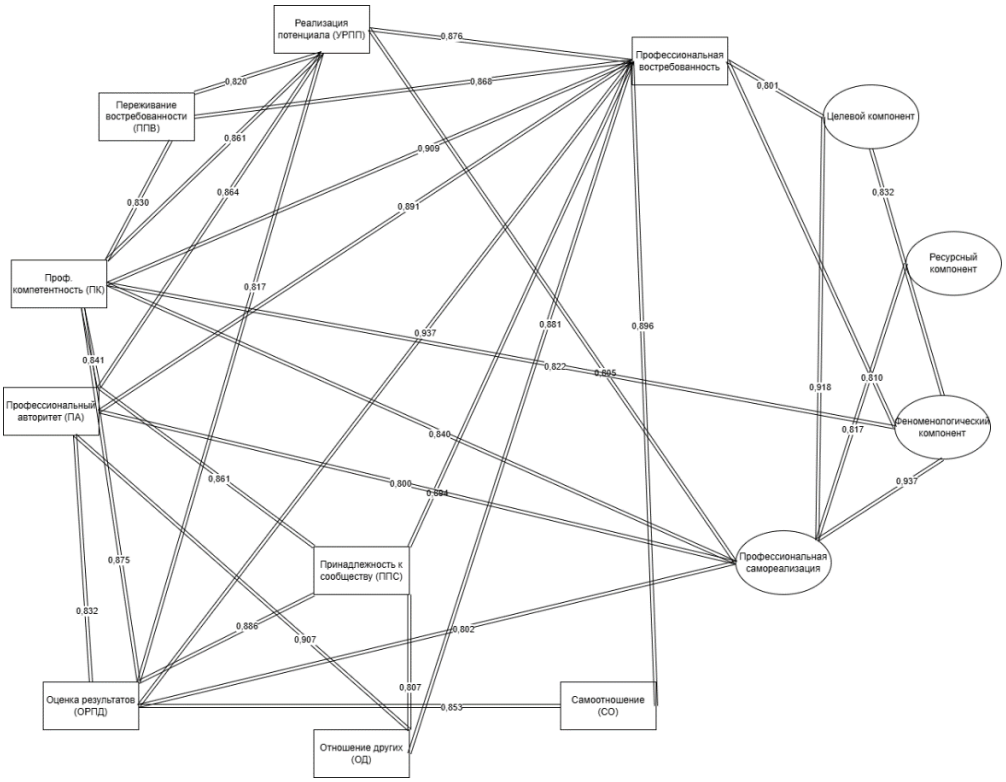
Мы предположили, что существует связь между профессиональной самореализацией и профессиональной востребованностью сотрудников органов внутренних дел, а именно: чем выше уровень профессиональной самореализации

сотрудников МВД, тем выше у них уровень и показатели субъективного ощущения профессиональной востребованности.

Перед проведением корреляционного анализа была выполнена проверка распределения данных на нормальность с помощью критерия Шапиро–Уилка. Поскольку распределение показателей статистически значимо отличалось от нормального, для выявления характера связи между исследуемыми показателями был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

С целью наглядного представления характера выявленных связей между показателями профессиональной самореализации и профессиональной востребованности была построена корреляционная плеяда (Рисунок 1).

В результате корреляционного анализа было выявлено 78 статистически значимых положительных корреляционных связей между показателями профессиональной самореализации и профессиональной востребованности сотрудников МВД при $p \leq 0{,}001$.

Примечание: $p \geq 0{,}01$ статистически значимая сильная положительная связь

Рисунок 1. – Корреляционная плеяда связей между показателями профессиональной самореализации и профессиональной востребованности у сотрудников органов внутренних дел

Наиболее выраженная положительная связь обнаружена между уровнем профессиональной самореализации и общим уровнем профессиональной востребованности личности ($r = 0{,}848$ при $p \leq 0{,}001$). Это означает, что при повышении уровня профессиональной самореализации возрастает и субъективное ощущение профессиональной востребованности. Сотрудники, которые осознают цели своей профессиональной деятельности, обладают достаточными внутренними ресурсами и испытывают удовлетворенность результатами службы, в большей степени воспринимают себя как значимых, компетентных и востребованных специалистов.

Также были выявлены положительные связи между уровнем профессиональной самореализации и удовлетворенностью реализацией профессионального потенциала ($r = 0{,}805$ при $p \leq 0{,}001$), профессиональной компетентностью ($r = 0{,}840$ при $p \leq 0{,}001$), профессиональным авторитетом ($r = 0{,}800$ при $p \leq 0{,}001$), оценкой результатов профессиональной деятельности ($r = 0{,}802$ при $p \leq 0{,}001$), отношением других ($r = 0{,}728$ при $p \leq 0{,}001$) и самоотношением ($r = 0{,}776$ при $p \leq 0{,}001$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что профессиональная самореализация сотрудников органов внутренних дел связана не только с выполнением должностных обязанностей, но и с переживанием собственной успешности, значимости и полезности в служебной деятельности. Чем более полно сотрудник реализует свои способности, знания, профессиональные умения и личностные ресурсы, тем выше он оценивает собственную компетентность, профессиональный авторитет и результаты своей деятельности.

Положительные связи были также обнаружены между уровнем профессиональной самореализации и принадлежностью к профессиональному сообществу ($r = 0{,}760$ при $p \leq 0{,}001$), а также переживанием профессиональной востребованности ($r = 0{,}727$ при $p \leq 0{,}001$). Это указывает на то, что сотрудники с более высоким уровнем профессиональной самореализации в большей степени ощущают свою включенность в профессиональное сообщество, воспринимают отношение коллег и руководства как более признающее и поддерживающее.

Таким образом, профессиональная самореализация может рассматриваться как важное психологическое условие формирования профессиональной востребованности у сотрудников органов внутренних дел. Если сотрудник осознает смысл своей профессиональной деятельности, видит результаты своего труда и имеет возможность реализовывать собственный потенциал, то он в большей степени ощущает себя нужным, значимым и признанным специалистом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотеза исследования подтвердилась. Между профессиональной самореализацией и профессиональной востребованностью сотрудников органов внутренних дел существуют статистически значимые положительные связи. Чем выше уровень профессиональной самореализации сотрудников МВД, тем выше их субъективное ощущение профессиональной востребованности, профессиональной компетентности, профессионального авторитета, принадлежности к профессиональному сообществу и положительного отношения со стороны окружающих.

Литература

1. Канунников, Р. И. Специфика личностной самореализации сотрудников полиции в профессиональной деятельности / Р. И. Канунников // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 3. – С. 75–83.

2. Стрельникова, Ю. Ю., Гончарова, Н. А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции / Ю. Ю. Стрельникова, Н.А. Гончарова // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 27–39.

3. Харитонова, Е. В. Социально-профессиональная востребованность личности как фактор психического здоровья / Е. В. Харитонова // Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего образования: интеграция науки и практики. – 2022. – С. 51–57.

Шмагаревская А.И. ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ. Н. рук. Кузнецова Л.Б.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, несмотря на значительное количество теоретических работ, в практической деятельности школьных психологов недостаточно изучены индивидуально-типологические предпосылки проявления защитных механизмов у старшеклассников. Старший школьный возраст характеризуется высокой стрессогенностью, связанной с задачами самоопределения, профессионального выбора и подготовки к экзаменам. Как отмечает Божович Л.И., именно в этот период обостряются внутренние конфликты и возрастает роль бессознательных стратегий совладания [2]. Понимание того, как тип темперамента влияет на выбор защитных механизмов, позволяет выстраивать более эффективную психологическую поддержку.

Важность изучения данной проблемы связана с тем, что защитные механизмы выполняют двоякую роль: в краткосрочной перспективе они снижают тревогу, но при закреплении могут приводить к дезадаптации, искажению реальности и трудностям в общении. Особенно это значимо в старшем школьном возрасте, где общение со сверстниками и взрослыми выступает ведущей деятельностью наряду с учебой [3; 5].

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи между типом темперамента и проявлением защитных механизмов у старшеклассников.

Для достижения цели были использованы следующие психодиагностические методики:

- «Опросник выявления защитных механизмов» (Келлерман – Плутчик), позволяющий диагностировать 8 типов защит: вытеснение, замещение, проекцию, гиперкомпенсацию, регрессию, отрицание, компенсацию, рационализацию [4].
- «Тест-опросник Г. Айзенка», направленный на определение особенностей темперамента [3].

Исследование проводилось на базе МБОУ «СОШ №2» г. Шебекино Белгородской области. В нем приняли участие обучающиеся 9 «А» класса, в количестве 20 человек.

Перейдем к анализу полученных результатов.

Первоначально мы распределили старшеклассников по типам темперамента. Было выявлено, что большая часть испытуемых имеет холерический (32,5%) и сангвинический (23,4%) типы. Меланхолический тип составил 19,3%, флегматический – 6,8% (Рисунок 1). Таким образом, среди старшеклассников преобладают активные, эмоционально подвижные типы, что соответствует возрастным особенностям.

Далее мы сравнили выраженность защитных механизмов у представителей разных типов темперамента. На Рисунке 2 представлены профили защит.

Рисунок 1. – Соотношение типов темперамента старшеклассников (в %)

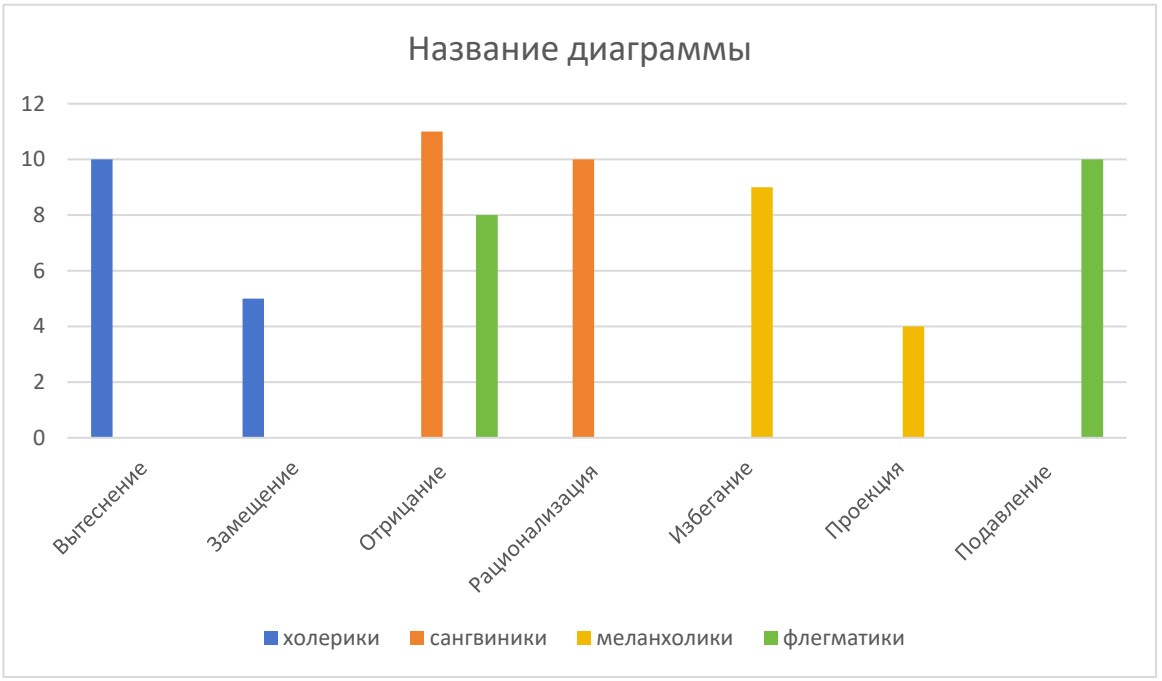

Рисунок 2. – Механизмы психологической защиты представителей различных типов темперамента (ср. знач.)

Анализируя получение данные можно заметить следующие основные тенденции:

1) у старшеклассников с холерическим темпераментом наиболее выражены механизмы «вытеснение» и «замещение». Это означает, что холерики склонны активно вытеснять из сознания травмирующую информацию и переадресовывать агрессию на более безопасные объекты. Данный факт объясняется их высокой импульсивностью и эмоциональной возбудимостью.

2) у испытуемых-сангвиников доминируют «отрицание» и «рационализация». Они легко переключаются с неприятных событий, искажают

реальность в свою пользу и находят логические оправдания своим поступкам. Это позволяет им сохранять высокую самооценку и оптимизм даже в стрессовых ситуациях.

3) меланхолики чаще всего используют «проекцию» и «избегание» (близко к регрессии). Они склонны приписывать свои негативные чувства окружающим и уходить в пассивные формы реагирования. Данный результат согласуется с их высокой сензитивностью и склонностью к самообвинению.

4) у флегматиков ведущими механизмами стали «отрицание» и «подавление». Они демонстрируют устойчивость к эмоциональным потрясениям за счет отказа от восприятия тревожной информации и замедленной эмоциональной реакции.

Для более детального анализа мы провели корреляционный анализ. Установлено, что экстраверсия положительно коррелирует с рационализацией ($r = 0,48$; $p < 0,05$), а нейротизм – с проекцией ($r = 0,52$; $p < 0,05$) и замещением ($r = 0,44$; $p < 0,05$). Это подтверждает, что эмоциональная нестабильность усиливает использование незрелых защит.

Сравнивая группы с разными типами темперамента, можно сделать вывод: тип темперамента действительно оказывает существенное влияние на выбор защитных механизмов. Холерики и сангвиники чаще используют внешне-направленные и искажающие реальность защиты, меланхолики – интроективные, а флегматики – отрицающие. При этом ни один из типов не продемонстрировал исключительно «зрелые» защиты (сублимация, юмор), что говорит о возрастной незавершенности психологической защиты в старшем школьном возрасте.

Таким образом, можно заключить, что гипотеза исследования подтвердилась: индивидуально-типологические особенности (тип темперамента) являются значимой предпосылкой проявления защитных механизмов у старшеклассников. Полученные данные могут быть использованы школьными психологами для прогнозирования дезадаптивных форм поведения и разработки адресных программ психологической поддержки с учетом темперамента учащихся.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. Структура личности. – СПб.: Ювента, 1999.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. – Воронеж: МОДЭК, 2001. – 349 с.
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 2006. – 456 с
4. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. Пособие для психологов и врачей. – СПб, 2005
5. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Щуренкова Е.А. РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА. Н. рук. Иващенко Е.В.

Современные социально-экономические и культурные изменения предъявляют к системе образования новые требования, связанные не только с развитием когнитивных, но и эмоционально-личностных качеств обучающихся. Одним из важнейших факторов успешной социализации, адаптации и самореализации ребёнка в обществе становится эмоциональный интеллект. Его развитие в младшем школьном возрасте особенно значимо, поскольку именно в этот период закладываются основы эмоциональной отзывчивости, эмпатии, умения управлять собой и взаимодействовать с другими.

Научное обоснование понятия «эмоциональный интеллект» далеко не завершено. Различные подходы ученых отражают многогранность феномена. Впервые термин «эмоциональный интеллект» ввели американские психологи Д. Мэйер и П. Сэловей. Они определяли его как «способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, а также регулировать эмоции (свои собственные и других людей)» [10, с. 186].

В отечественной психологии особое место занимает подход Л.С. Выготского, который рассматривал эмоции не изолированно, а в единстве с умственной деятельностью. Он утверждал, что формирование эмоционального интеллекта происходит в активной деятельности ребёнка. По Л.С. Выготскому, эмоции развиваются через культурно-опосредованные средства, такие, как рисование, где ребенок в рамках ближайшего развития (ЗБР) под руководством педагога переходит от эмоционального всплеска к осознанному выражению чувств [2].

Сведение многочисленных подходов к единому пониманию предлагает кандидат педагогических наук К.С. Кузнецова, которая определяет эмоциональный интеллект как «взаимосвязанную совокупность когнитивных, рефлексивных, поведенческих и коммуникативных способностей, имеющих внутриличностную и межличностную направленность» [4, с. 22]. Это определение особенно актуально для нашего исследования, поскольку учитывает возрастные особенности младших школьников (7-10 лет): нестабильность эмоциональной сферы, доминирование наглядно-образного мышления и потребность в эмоционально-насыщенных формах обучения.

В федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования указано, что уже к концу обучения в основной школе в части формирования эмоционального интеллекта у обучающихся должна быть сформирована способность: «различать, называть и управлять собственными эмоциями и эмоциями других; выявлять и анализировать причины эмоций; ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого; регулировать способ выражения эмоций» [5, с 4]. Федеральная рабочая программа основного общего образования по предмету «Изобразительное искусство» уже предъявляет требования к уровню развития регулятивных универсальных учебных действий, содержащих компонент «эмоциональный интеллект» [9, с 22]. Смеем предположить, что начать заниматься вопросом

развития эмоционального интеллекта необходимо уже в системе начального образования, дабы не упустить сферу, которая наравне с умственной влияет на успешную жизнь человека и качественно подготовить школьника к переходу на следующую ступень образования.

Эффективность формирования эмоционального интеллекта младших школьников во многом зависит от адекватного определения педагогических условий развития данного компонента человеческой психики. Младший школьный возраст представляет собой период, особенно сенситивный к формированию эмоционального интеллекта, так как именно в это время происходит «становление и развитие всех ключевых составляющих эмоциональной сферы ребенка – социальных навыков, эмпатии, самосознания, саморегуляции, мотивации к различным видам деятельности» [3, с. 111].

Для гармоничного развития личности необходимо объединение эмоций и интеллекта в их практическом применении. В целях организации единого процесса интеллектуального и духовного развития детей уроки изобразительного искусства сыграют важную роль, способствуя формированию и развитию внутреннего образа личности и переводя детей на новый уровень восприятия окружающего мира. Эмоционально насыщенная художественно-творческая деятельность будет способствовать «выражению эмоций в социально приемлемой форме, развитию воображения, эмоциональной рефлексии и саморегуляции» [4, с. 57].

В нашем исследовании особое внимание мы хотим уделить формированию рефлексивных способностей младших школьников, которые «сводятся к пониманию своих поступков и причин возникновения эмоциональных состояний, а также к анализу мотивов поступков других людей» [4, с. 22]. Рефлексия предполагает ретроспективную оценку в эмоциональном и смысловом аспектах [1]. Дети сами или с помощью педагога отвечают на вопрос о том, зачем это нужно, как это может помочь в жизни, проявляют эмоциональную связь друг с другом.

С.А. Одинцова и др. отмечают: «Эмоциональная рефлексия позволяет определить общее настроение класса, а также помогает познать ученику собственную эмоциональную сферу, что напрямую связано с усвоением учебного материала» [6, с. 145]. Рефлексия может осуществляться не только в конце урока, как это принято считать, но и на любом его этапе. Мы считаем, что эмоциональную рефлексию целесообразно проводить как в начале урока для установления контакта между каждым учеником и учителем, так и на этапе его завершения для выявления степени удовлетворённости учениками проделанной работой.

Для организации рефлексивной деятельности младших школьников на начальном этапе урока изобразительного искусства мы предлагаем некоторые приёмы:

1. Рефлексивный приём «Линия настроения». Его рационально использовать, например, при изучении темы «Характер линий» во втором классе по программе «Школа России» [8]. Согласно Б.М. Неменскому, на данном уроке дети знакомятся с выразительными возможностями графических материалов. Но чтобы понять язык графики и научиться им пользоваться, необходимо освоить некоторые приёмы работы. Например, «правильно нажимать на графические

инструменты и материалы, резко или плавно отрывать руку от поверхности листа в конце проведённой линии и т. д.» [7, с. 73].

Методика организации работы: учащимся предлагается набор карточек с изображением лиц, выражающих базовые эмоции (радость, грусть, удивление, гнев, страх, спокойствие). Задача: подобрать цвет и линию (плавную, ломаную, округлую, острую), которые, по мнению ребёнка, соответствуют каждой эмоции. Затем дети создают абстрактную композицию «Моё настроение сегодня», используя выбранные цвета и линии. Такой приём позволяет перевести внутреннее эмоциональное состояние во внешний, зримый образ, что особенно важно для детей с низким уровнем вербализации эмоций.

2. Рефлексивный приём «Дерево эмоций». Использование такого приёма будет эффективным на уроках, где дети изучают возможности влияния цвета на общее настроение композиции. Визуальная метафора пустого дерева, на ветвях которого будут появляться различные «плоды», символизирующие эмоции учеников, поможет сделать абстрактные понятия осязаемыми.

Методика организации работы: в начале урока учитель демонстрирует всему классу изображение голого ветвистого дерева. Задача: дополнить дерево «плодами», используя тот цвет, который описывает своё эмоциональное состояние. Не сдерживайте инициативу и воображение детей: индивидуальный подход к оформлению рисунка будет подчёркивать уникальность каждой эмоции. Пусть каждый ребёнок поделится впечатлениями. Какая ситуация вызвала ту или иную эмоцию? Связано это с учебной деятельностью или что-то произошло вне стен школы? После того, как дерево «обрастёт» плодами, вернитесь к проведению занятия. В конце урока вместе с учениками взгляните на первоначальный эскиз и обсудите, как их эмоциональное состояние изменилось за это время. Вероятно, многие изменят свою эмоцию на более положительную. Попросите каждого высказаться, с чем связана эта перемена? Описание детьми собственного эмоционального состояния и анализ изменений будут способствовать формированию умения регулировать собственные эмоции, проявлять эмпатию в отношение окружающих.

Так, внедрение данных приёмов способствует развитию у детей навыков осознанного управления эмоциями и самопознания. Эти методические приемы не только повышают интерес к творчеству, но и делают возможным визуальное представление эмоционального состояния каждого ученика. Поэтому организация уроков изобразительного искусства с применением эмоционально-рефлексивной деятельности является эффективным подходом к развитию эмоционального интеллекта младших школьников.

Литература

1. Битянова М. Р. Работа с ребенком в образовательной среде: решение задач и проблем развития: Научно-методическое пособие для психологов и педагогов. – М.: МГППУ, 2006. – 96 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1971. – 350 с.
3. Денисенко Е.В. Психолого-педагогические основы художественного образования. – М.: Педагогика, 2007. – 176 с.
4. Кузнецова К.С., Александрова Е.А. Как формировать эмоциональный интеллект школьника. – М.: Сентябрь, 2018. –160 с.

5. Научно-методические рекомендации по формированию эмоционального интеллекта обучающихся в образовательной среде (основная школа): методические рекомендации/ под общей и научной редакцией С.В. Ивановой. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022. – 23 с.
6. Одинцова С.А., Сапрыкина Е.Ю. Рефлексия как основа учебной деятельности младших школьников // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3(32). – С. 143-148.
7. Уроки изобразительного искусства. Поурочные разработки. 1-4 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [Б.М. Неменский, Л.А. Неменская, Е.И. Коротеева и др.]; под ред. Б.М. Неменского. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2016. – 240 с.
8. Федеральная рабочая программа начального общего образования. Изобразительное искусство (для 1-4 классов образовательных организаций) [Электронный ресурс]. – Москва: Министерство просвещения России, 2025. – Режим доступа: https://edsoo.ru/rabochie-programmy/ (дата обращения: 30.05.202).
9. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Изобразительное искусство (для 5-7 классов образовательных организаций) [Электронный ресурс]. – Москва: Министерство просвещения России, 2025. – Режим доступа: https://edsoo.ru/rabochie-programmy/ (дата обращения: 30.05.202).
10. Mayer J., Salovey P. Emotional Intelligence // Imagination, Cognition and Personality. – 1990. – Vol. 9, No. 3. – P. 185-211.

Раздел 3. Естественные науки

Григорьева О.В. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА АССОРТИМЕНТА ЛЕЧЕБНЫХ ПЛАСТЫРЕЙ НА РОССИЙСКОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ РЫНКЕ. Н. рук. Никитин Р.О.

Пластыри являются одной из наиболее востребованных групп медицинских изделий и лекарственных препаратов для наружного применения. В соответствии с Государственной фармакопеей Российской Федерации XV издания, пластыри определяются как лекарственная форма, состоящая из нанесенной на подложку основы, содержащей одно или несколько действующих веществ, обладающая способностью прилипать к коже или слизистым оболочкам и предназначенная для наружного или местного применения [2,3,4]. Важно отметить, что пластыри, не содержащие действующих веществ и используемые исключительно для фиксации повязок, компрессов или тампонов, не относятся к лекарственным средствам.

В современной медицинской практике пластыри находят применение не только для ухода за ранами и фиксации перевязочных материалов, но и в терапевтических целях – в качестве анальгетических, венотонизирующих, противоотечных, согревающих (перцовых) средств, а также для системной доставки лекарственных веществ через неповрежденную кожу (трансдермальные пластыри). Расширение функциональных возможностей пластырей обусловлено активным внедрением новых технологий и материалов, включая гибкие перфорированные и нетканые материалы на полимерной основе.

Актуальность исследования определяется динамичным развитием рынка перевязочных средств, который, по оценкам экспертов, растет быстрее фармацевтического рынка в целом. Согласно данным анализа, темпы роста рынка перевязочных материалов в России составляют 25–30%, в то время как общий фармацевтический рынок увеличивается на 10–13% в год. При этом пластыри занимают относительно небольшую долю (4,0%) в общей структуре перевязочных средств, что указывает на наличие значительного потенциала для развития данного сегмента.

Цель настоящего исследования – проведение комплексного маркетингового анализа ассортимента современных лечебных пластырей, представленных на российском фармацевтическом рынке, с последующей систематизацией данных и построением макроконтура рынка.

Объектами исследования являлись: Государственный реестр лекарственных средств Российской Федерации [5], Государственный реестр медицинских изделий Российской Федерации [6], общие фармакопейные статьи Государственной Фармакопеи XV издания на лекарственные формы «Пластыри трансдермальные» и «Пластыри», а также нормативная документация, регламентирующая качество медицинских изделий пластырного типа (ГОСТ Р 53498-2019) [1].

В исследовании применялись следующие методы: анализ литературных источников и нормативной документации, описание, классификация, метод визуализации данных, ранжирование, контент-анализ и статистическая обработка данных с использованием программы Microsoft Office Excel 2016.

Анализ ассортимента лечебных пластырей проводился с учетом их функционального назначения, агрегатного состояния, конструктивных особенностей, материала подложки, формы выпуска, страны-производителя и динамики регистрации. Индекс обновления ассортимента рассчитывался как отношение количества новых товарных единиц, зарегистрированных в период 2021–2025 гг., к общему числу зарегистрированных наименований.

В результате проведенного исследования было установлено, что лечебные пластыри на российском фармацевтическом рынке представлены 144 торговыми наименованиями, из которых 134 зарегистрированы в Государственном реестре медицинских изделий, и 9 наименований – в Государственном реестре лекарственных средств (трансдермальные пластыри), а также один универсальный пластырь.

Анализ страновой структуры производителей лечебных пластырей показал, что доля отечественных препаратов составляет 32,6% (47 наименований), тогда как импортная продукция занимает 67,4% (97 наименований). Среди стран-экспортеров лидирующие позиции принадлежат Китаю (27,1% от общего числа наименований), Франции (11,7%), Германии (6,3%) и Корее (4,9%). Япония, Египет, Эстония и Чешская Республика представлены долями по 2,1–2,8%, остальные страны (Италия, США, Великобритания, Швейцария, Венгрия и др.) занимают от 0,7% до 1,4% рынка (Таблица 1).

Таблица 1. – Распределение лечебных пластырей по странам-производителям

№ п/п	**Страна**	**Кол-во**	**Доля на рынке, %**
1	Российская Федерация	47	32,6
2	Германия	9	6,3
3	Италия	1	0,7
4	Египет	3	2,1
5	Китай	39	27,1
6	Япония	4	2,8
7	США	2	1,4
8	Франция	16	11,1
9	Чешская республика	3	2,1
10	Пакистан	1	0,7
11	Великобритания	3	2,1
12	Швейцария	2	1,4
13	Латвия	1	0,7
14	Корея	7	4,9
15	Эстония	3	2,1
16	Нидерланды	1	0,7
17	Венгрия	2	1,4
Итого		**144**	**100,0**

Среди отечественных производителей выделяются следующие компании: АО «Верофарм» – 27,7% российского сегмента (13 наименований), ООО «Сарепта-медипласт» и АО «Валента Фарм» – по 8,5% (по 4 наименования), АО «Новосибхимфарм» – 6,4% (3 наименования). Остальные 16 российских производителей имеют долю по 2,1–4,3%.

Полученные данные согласуются с существующей тенденцией на рынке медицинских изделий: в структуре импорта пластырей в Россию по объему поставок Китай занимает 23,9%, а Венгрия и Испания – по 22%. Однако по количеству зарегистрированных наименований Китай является безусловным лидером, что объясняется широким ассортиментом предлагаемой продукции и активной регистрационной политикой китайских производителей.

Наибольший интерес представляет распределение ассортимента по функциональному назначению (Таблица 2). Установлено, что в общем объеме лечебных пластырей преобладают обезболивающие (анальгетические) средства, доля которых составляет 23,6% (34 наименования). Данная группа включает пластыри на основе нестероидных противовоспалительных препаратов (диклофенак, кетопрофен), местных анестетиков (лидокаин), а также опиоидных анальгетиков (фентанил) для лечения хронического болевого синдрома.

Второе место по удельному весу занимают бактерицидные пластыри – 21,5% (31 наименование), содержащие антимикробные компоненты (фурацилин, синтомицин, бриллиантовый зеленый, бензалкония хлорид) и предназначенные для профилактики инфицирования ран.

Третье место принадлежит пластырям против мозолей – 18,1% (26 наименований), в состав которых входят салициловая кислота и сера, обладающие кератолитическим действием.

Таблица 2. – Распределение лечебных пластырей по функциональному назначению

№ п/п	**Назначение**	**Кол-во**	**Доля на рынке, %**
1	Бактерицидные	31	21,5
2	Согревающие/раздражающие	25	17,4
3	Противогрибковые	4	2,8
4	Обезболивающие	34	23,6
5	Против мозолей	26	18,1
6	Контрацептивные	1	0,7
7	Гемостатический	10	6,9
8	Против никотиновой зависимости	1	0,7
9	От простуды	6	4,2
10	От укачивания	1	0,7
11	Для детоксикации	2	1,4
12	Для поврежденных ногтей	1	0,7
13	Пластырь для ингаляций	2	1,4
Итого		**144**	**100,0**

Наименьшую долю в ассортименте занимают специализированные пластыри: контрацептивные, от никотиновой зависимости, от укачивания, для поврежденных ногтей (по 0,7%).

При анализе лекарственных форм по агрегатному состоянию установлено, что подавляющее большинство лечебных пластырей (90%) относятся к мягким лекарственным формам, 8% – к жидким (жидкие пластыри-спреи, клеи) и 2% – к газообразным (аэрозольные формы). Данное распределение отражает традиционное восприятие пластырей как твердых/полутвердых аппликационных систем, однако развитие технологий приводит к появлению новых форматов.

Анализ конструктивных особенностей показал, что наиболее широко представлены пластыри на полимерной/пленочной основе (42,5%), на текстильной тканой основе (36,6%) и на нетканой основе (20,9%). Преобладание полимерных материалов объясняется их высокими эксплуатационными характеристиками: гипоаллергенностью, эластичностью, воздухо- и паропроницаемостью, водостойкостью.

По форме выпуска 58,3% ассортимента составляют аппликационные пластыри, 41,7% – ленточные. При этом 69,4% изделий выпускаются в пластинах, 17,4% – в рулонах и 12,5% – на катушках. Значительная доля пластырей (61,8%) не имеет перфорации, однако наличие перфорированных изделий (38,2%) свидетельствует о стремлении производителей улучшить воздухообмен и комфортность применения.

Анализ динамики первичной регистрации лечебных пластырей показал, что пик регистрационной активности пришелся на 2008–2013 гг. Наибольшее количество изделий было зарегистрировано в 2012 году (10,4% от общего числа). В период 2021–2025 гг. зарегистрировано 32 новых наименования лечебных пластырей, что позволило рассчитать индекс обновления ассортимента, который составил 22,2%. Данный показатель свидетельствует об интенсивности обновления ассортимента. Следует учитывать, что значительная часть изделий, зарегистрированных в более ранние годы, прошла процедуру переоформления государственной регистрации в 2024–2026 гг., что может создавать иллюзию высоких темпов обновления. Фактически рынок лечебных пластырей характеризуется преобладанием традиционных, проверенных временем изделий, и развивается относительно медленно.

На основе систематизации полученных данных был построен макроконтур фармацевтического рынка лечебных пластырей, отражающий ключевые параметры ассортимента.

Проведенное исследование позволило получить всестороннюю информацию о структуре ассортимента лечебных пластырей на российском фармацевтическом рынке. Установлено, что в настоящее время зарегистрировано 144 торговых наименования лечебных пластырей, представленных как отечественными (32,6%), так и зарубежными производителями (67,4%).

В структуре ассортимента по функциональному назначению лидируют обезболивающие (23,6%), бактерицидные (21,5%) и противомозольные (18,1%) пластыри. По агрегатному состоянию доминируют мягкие лекарственные формы (90%), по форме выпуска – аппликационные изделия (58,3%), по материалу подложки представляют пластыри на полимерной/пленочной основе (42,5%). Индекс обновления ассортимента за период 2021–2025 гг. составил 22,2%, что указывает на умеренную динамику обновления товарного предложения.

Выявленные тенденции позволяют сделать вывод о том, что рынок лечебных пластырей в России находится в стадии стабильного развития. Дальнейшее расширение ассортимента, по нашему мнению, будет связано с разработкой и внедрением инновационных трансдермальных систем доставки лекарственных средств, комбинированных препаратов, а также изделий с улучшенными потребительскими свойствами (повышенная адгезия,

атравматичность, антимикробная активность). Приоритетным направлением также является увеличение доли отечественной продукции, соответствующей современным требованиям качества и доступной по цене.

Литература

1. ГОСТ Р 53498-2019 Изделия медицинские пластырного типа. Общие технические требования. Методы испытаний. Дата введения 2020-05- 01 (ред. 25.01.2025). – Москва: Стандартинформ, 2019. – 16 с.
2. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том II. ОФС.1.4.1.0009. «Пластыри» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15. (дата обращения: 04.03.2026).
3. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание, Т.II. ОФС.1.4.1.0016 «Пластыри трансдермальные» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15. (дата обращения: 07.03.2026).
4. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание, Т.II. ОФС.1.6.2.0009 «Пластыри гомеопатические». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15. (дата обращения: 06.03.2026).
5. Государственный реестр лекарственных средств Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grls.rosminzdrav.ru/ (дата обращения: 05.03.2026).
6. Государственный реестр медицинских изделий. Росздравнадзор. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch (дата обращения: 05.03.2026).

Катунина Е.Г. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОТОСИНТЕТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДРЕВЕСНЫХ РАСТЕНИЙ НА КАРБОНОВОМ ПОЛИГОНЕ НИУ «БелГУ» Н. рук. Голеусов П.В.

Фотосинтез является центральным процессом в глобальном цикле углерода, обеспечивающим аккумуляцию органического вещества и кислорода в атмосфере. Количественная оценка его интенсивности имеет фундаментальное значение для расчётов углеродного баланса наземных экосистем, посредством фотосинтеза атмосферный углекислый газ связывается в органическую массу растений. В условиях нарастающего антропогенного воздействия на экосистемы вопросы количественной оценки баланса парниковых газов приобретают критическое значение. Особую роль в этом контексте играют урбанизированные территории, где высокая плотность источников выбросов CO_2 сочетается с наличием зеленых насаждений, выполняющих функцию естественных поглотителей углерода [5]. Посадка деревьев в городских районах может частично компенсировать эти выбросы за счет секвестрации углерода и его накопления в биомассе дерева на протяжении всей жизни [4].

Методологическая основа работы базируется на сочетании полевых инструментальных измерений и камерального анализа. Прямые измерения интенсивности фотосинтеза выполнены 15 июля 2025 года с использованием портативного газоанализатора LI-6800, работающего по методу динамической ассимиляции [2, 3]. Параллельно проводилась оценка относительного содержания хлорофилла с помощью прибора MC-110 (Apogee), работающего на основе измерения коэффициентов пропускания в диапазонах 653 нм и 931 нм [1]. Отбор проб листьев осуществлялся с равномерным охватом кроны для нивелирования эффекта освещенности на высоте до 3 метров. В качестве интегрального показателя фотосинтетической активности используется чистый поток CO_2 на единицу площади листа (A, μmol $CO_2 \cdot m^{-2} \cdot s^{-1}$). Были измерены тополь Симона, ясень пенсильванский, клён остролистный.

Таблица 1. – Чистый поток CO_2 на единицу площади листа у разных деревьев

Дерево	Кол-во изм.	Среднее, мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$	SD	Min	Max
Тополь 7	8	13,08	3,29	9,75	17,95
Тополь 10	13	12,12	2,16	8,04	15,96
Тополь 12	15	8,40	3,93	4,16	13,51
Ясень 1	13	1,26	0,74	0,20	2,63
Ясень 2	10	2,17	2,11	-0,09	5,26
Клён 1	20	3,60	1,52	1,17	5,68
Клён 2	6	1,10	1,07	0,04	2,89
Клён 3	8	0,92	0,46	0,47	1,68

Скорость поглощения CO_2 варьировала в широком диапазоне − от -0,086 до 17,95 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$. Положительные значения отражают чистое поглощение углекислого газа, когда фотосинтез превышает суммарное дыхание листа, тогда как отрицательное значение (−0,086 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$, зафиксированное у ясеня) указывает на момент, когда выделение CO_2 превысило его поглощение. Общая картина распределения показателей демонстрирует преобладание

положительных значений, указывающих на доминирование фотосинтетических процессов в момент проведения замеров. Это, в свою очередь, подтверждает значительный вклад изучаемых древесных пород в качестве локальных акцепторов углерода.

Тополь Симона характеризуется наиболее высокой ассимилирующей способностью. Средняя интенсивность поглощения углекислого газа этим видом более чем в четыре раза превосходит соответствующие показатели клёна и приблизительно в 6,5 раз – показатели ясеня. Высокое медианное значение (11,48 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$) свидетельствует не об отдельных кратковременных пиковых значениях, а о стабильно высоком уровне фотосинтетической продуктивности. Клён демонстрирует промежуточные характеристики. Несмотря на относительно невысокое среднее значение внутри видовой группы, наблюдается заметная вариабельность. При этом отдельные экземпляры клёна проявляют более высокую активность по сравнению с остальными. Ясень, напротив, показал наименьшую фотосинтетическую активность и на уровне средних значений, и по медиане, что может быть связано как с физиологией вида, так и с засухой во время измерений.

Более детальный анализ по отдельным деревьям позволит выявить внутривидовую вариабельность. Среди тополей тополь 7 продемонстрировал наибольшую среднюю скорость поглощения CO_2 – 13,08 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$ при диапазоне от 9,75 до 17,95 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$; тополь 10 характеризуется стабильно высокими значениями – 12,12 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$, максимум 13,99; тополь 12 имеет более низкое среднее 8,40 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$, причём в серии наблюдений присутствует группа существенно более низких значений (около 4,2–4,8 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$), контрастирующая с собственными же высокими значениями (до 13,51).

Такая структура данных указывает на возможные различия в физиологическом состоянии отдельных частей кроны. В реальных городских насаждениях это означает, что даже внутри одного «успешного» вида распределение вклада в углеродный баланс по кроне и по деревьям может быть крайне неравномерным.

У ясеней разброс также заметен, но на низком уровне абсолютных значений. Ясень 1 показал среднюю скорость поглощения 1,26 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$, тогда как ясень 2 – 2,17 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$ с диапазоном от −0,09 до 5,26 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$. Наличие как отрицательного значения, так и единичного «пика» свидетельствует о высокой чувствительности этого вида к микросреде и, вероятно, о наличии стрессовых состояний у части листьев.

Клёны в целом продемонстрировали умеренную фотосинтетическую активность, но с выраженными различиями между деревьями. У клёна 1 средняя скорость поглощения составила 3,60 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$, что делает его наиболее активным среди клёнов и приближает к нижней границе значений тополя 12. В то же время клён 2 и клён 3 показали средние значения 1,10 и 0,92 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$ соответственно. Это может отражать влияние возраста, освещённости и состояния отдельных деревьев.

Хлорофилл является основным фотосинтетическим пигментом высших растений, который непосредственно участвует в улавливании световой энергии и её трансформации в химическую энергию органических соединений. Показатели

содержания хлорофилла служат важнейшим маркером функционального состояния фотосинтетического аппарата и могут быть использованы для оценки потенциальной способности растений к поглощению CO_2.

В рамках комплексного мониторинга карбонового полигона измерение относительного содержания хлорофилла даёт возможность выявить связь между пигментным аппаратом дерева и его фактической фотосинтетической активностью, а также ранжировать древесные породы по их потенциальной углерододепонирующей способности. Было измерено содержание хлорофилла (мкмоль хлорофилла на м2) у следующих видов деревьев: тополь Симона, ясень пенсильванский, вяз малый, терн, береза повислая, клён остролистный, уксусное дерево и дуб черешчатый. Для каждого вида выполнено по 15 измерений на дерево (тополь, ясень, вяз, терн, береза, клен – по 2 дерева на вид; уксусное дерево и дуб – по 1 дереву). Средние значения каждого из видов представлены на диаграмме (Рисунок 1).

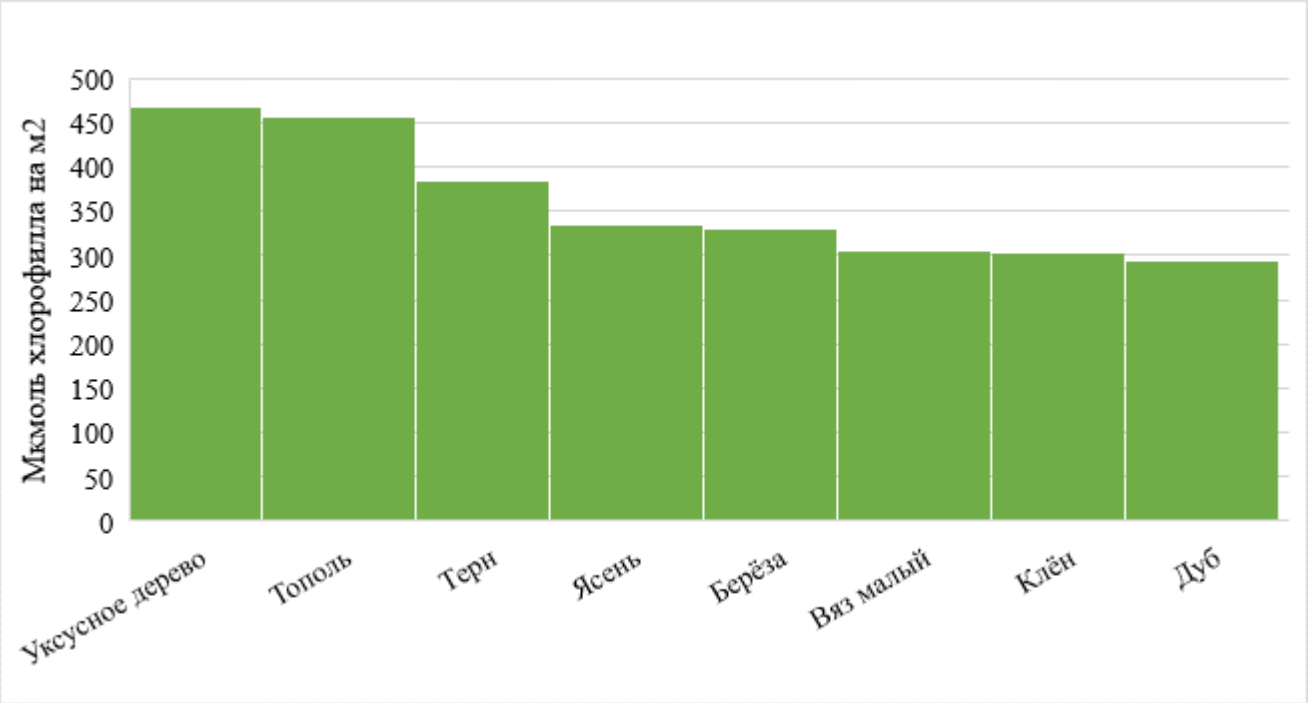

Рисунок 1. – Значение содержания хлорофилла в различных видах деревьев, мкмоль/м²

Уксусное дерево и тополь демонстрируют максимальные значения. Они превосходят все остальные виды в 1,3-1,5 раза. Это хорошо согласуется с измерениями поглощения CO_2, где тополь также демонстрировал высокую фотосинтетическую активность. Уксусное дерево, хотя представлено одним деревом, показывает очень высокие показатели – возможно, оно является перспективным для карбоновых ферм.

Значительная ассимилирующая способность тополя Симона обусловлена наиболее высокой среди исследованных деревьев концентрацией хлорофилла, диапазон изменчивости которой представлен на Рисунок 2.

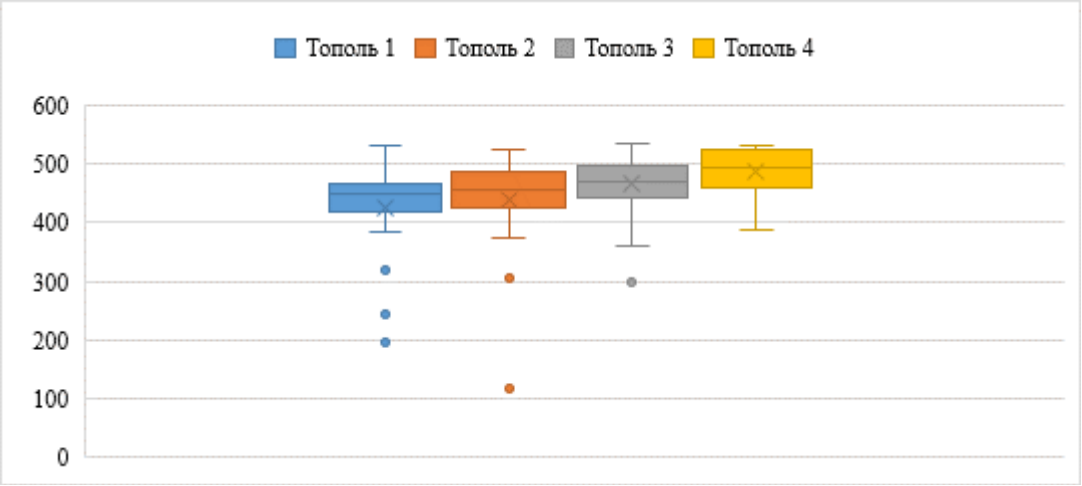

Рисунок 2. – Распределение значений содержания хлорофилла у тополя Симона, мкмоль/м²

Наибольшая частота значений приходится на интервал 440–500 ед., что соответствует высокому уровню содержания хлорофилла. Общий размах варьирования составляет 417,1, что свидетельствует о значительной гетерогенности выборки. При этом основные 90% измерений лежат в диапазоне 350-530, а экстремально низкие значения (менее 200 мкмоль/м²) встречаются лишь в единичных случаях и, вероятно, являются результатом измерения повреждённых или теневых листьев.

Терн также демонстрирует одни из наиболее высоких значений (Рисунок 3). Разница между двумя растениями составляет около 17 мкмоль/м², что указывает на хорошую однородность вида в условиях полигона.

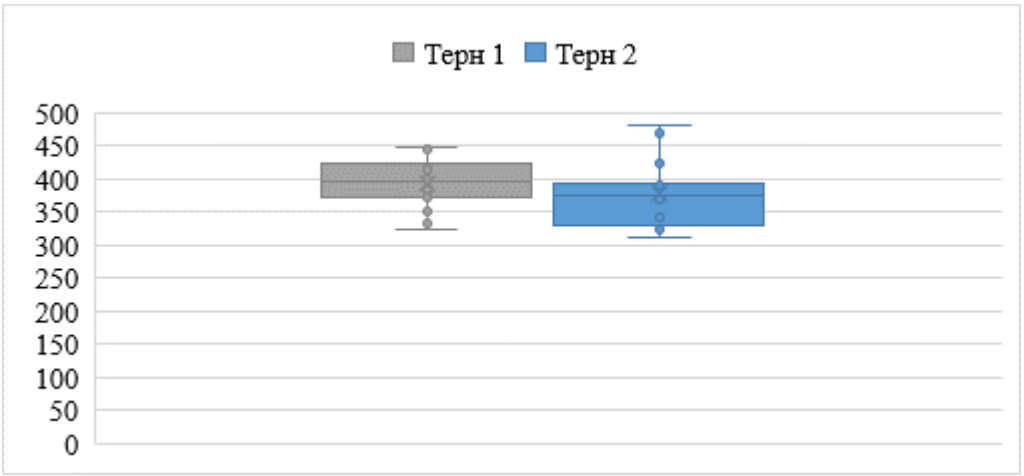

Рисунок 3. – Распределение значений содержания хлорофилла у тёрна, мкмоль/м²

Широкий общий диапазон (от 310 до 480) свидетельствует о том, что на одном дереве встречаются как хорошо освещённые, так и затенённые листья. Высокий верхний предел (почти 480) означает, что отдельные листья терна способны накапливать хлорофилл на уровне, сопоставимом с тополем.

Разница между двумя деревьями ясеня составляет 45,7 мкмоль/м² – это из наиболее выраженных внутривидовых вариабельностей среди всех пород (Рисунок 4).

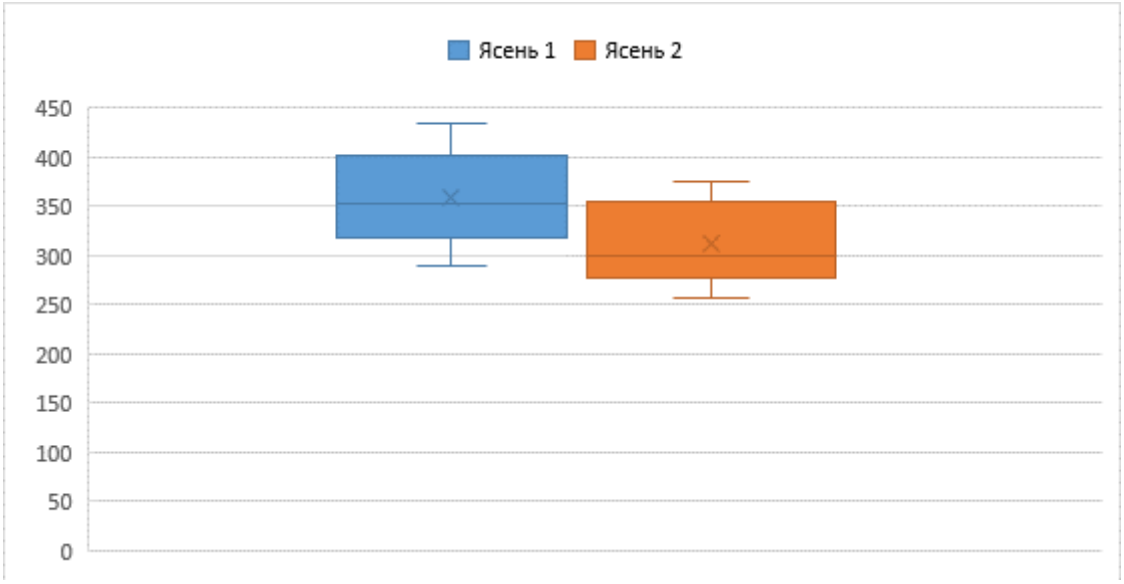

Рисунок 4. – Распределение значений содержания хлорофилла у ясеня пенсильванского, мкмоль/м²

Ясень 1 по уровню хлорофилла приближается к терну, а ясень 2 – к вязу и клёну. Причиной такого расхождения может быть неодинаковое положение в рельефе (Ясень 2 находится в понижении и в полутени).

Разница между клёном 1 и клёном 2 составляет 62,1 мкмоль/м² (Рисунок 5) – это самый сильный внутривидовой контраст среди всех исследованных пород.

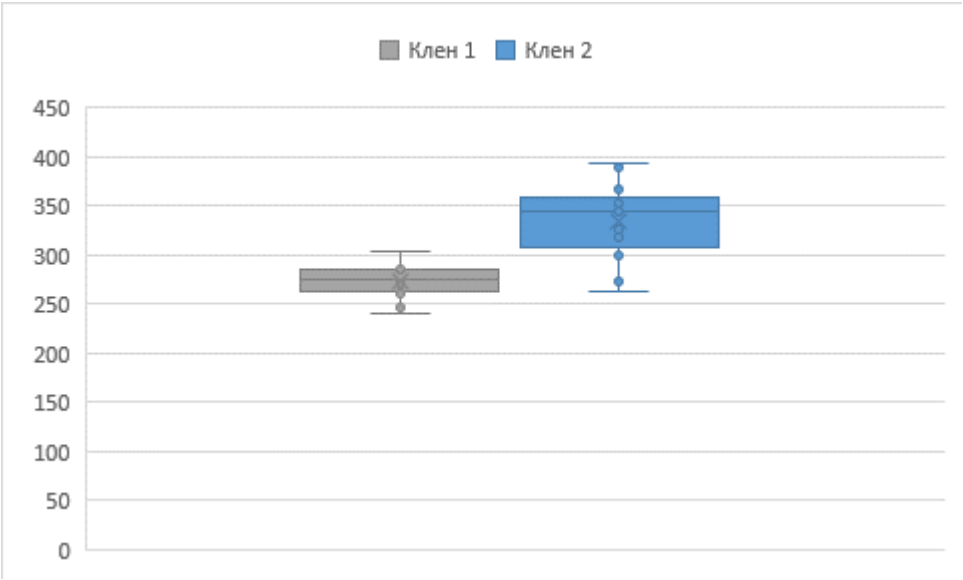

Рисунок 5. – Распределение значений содержания хлорофилла у клёна остролистного, мкмоль/м²

Фактически, клён 1 по уровню хлорофилла приближается к дубу, тогда как клён 2 находится на уровне ясеня и берёзы. Такое различие может объясняться разной освещенностью.

Сопоставление данных о содержании хлорофилла в листьях и скоростей поглощения CO_2 показывает, что прямая связь между этими показателями выражена лишь частично. По данным измерений хлорофилла, проведённых в начале июня, у тополя зарегистрировано очень высокое среднее содержание

пигмента (около 455 мкмоль/м²), у ясеня – среднее (около 336 мкмоль/м²), у клёна – несколько ниже (около 304 мкмоль/м²). При этом по результатам измерений фотосинтеза в конце июля тополь сохранил исключительно высокую активность (10,78 мкмоль·м$^{-2}$·с$^{-1}$), тогда как ясень показал минимальные значения (1,65), а клён занял промежуточное положение (2,65).

Таким образом, для тополя наблюдается согласованное сочетание высокого уровня хлорофилла и высокой фотосинтетической активности, что позволяет рассматривать его как «вид-лидер» не только по запасу пигментного аппарата, но и по его функциональной отдаче. Для ясеня и клёна картина менее однозначна: при близких или даже более высоких значениях хлорофилла по сравнению с клёном, ясень демонстрирует существенно меньший фотосинтез, тогда как клён при относительно низком хлорофилле «работает» эффективнее.

В совокупности результаты измерений на карбоновом полигоне НИУ «БелГУ» демонстрируют, что зелёные насаждения Белгорода обладают значительным, но неоднородным потенциалом поглощения CO_2, и этот потенциал определяется не только площадью зелёных зон, но и породным составом, физиологическим состоянием деревьев и микросредой их произрастания.

Литература

1. Руководство пользователя «Прибор для измерения уровня содержания хлорофилла в зеленых листьях, модель МС-100»
2. LI-COR. – URL: https://www.licor.com (дата обращения 25.06.2025)
3. LAB Instruments. – URL: https://labinstruments.ru (дата обращения 25.06.2025)
4. Lind E, Prade T, Sjöman Deak J, Levinsson A and Sjöman H (2023) How green is an urban tree? The impact of species selection in reducing the carbon footprint of park trees in Swedish cities. Front. Sustain. Cities 5:1182408. doi: 10.3389/frsc.2023.1182408
5. Zhang R, Wang L, Tian X, Song Y (2026) Carbon budget of common urban tree species in an arid city based on life cycle assessment. PLoS One 21(4): e0345213. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0345213

Nadia M. **UNDERSTANDING GLOBAL LIFE EXPECTANCY: A COMPARISON BETWEEN NATIONS. Sc. head Zhirova I.V.**

Life expectancy is one of the most important indicators used to evaluate the overall health and well-being of a population. It represents the average number of years a person is expected to live based on current mortality trends. Life expectancy is influenced by numerous factors, including healthcare quality, economic development, education, nutrition, lifestyle choices, environmental conditions, and political stability. Countries with strong healthcare systems and high living standards generally experience longer life expectancies, while nations facing poverty, disease, conflict, or inadequate infrastructure often have lower life expectancy rates. [1.2]

The aim of this report is to examine the factors affecting life expectancy around the world through a comparison of several countries, with particular attention to Hong Kong and Nigeria. In addition, the report analyzes life expectancy trends in Morocco, Zambia, Russia, and other nations while exploring the reasons why women generally live longer than men.

Table 1. – Comparison of Life Expectancy in Selected Countries

Country	Approximate Life Expectancy (Years)	Main Influencing Factors
Hong Kong	85	Advanced healthcare, high living standards, good nutrition
Morocco	77	Improved healthcare, sanitation, vaccination programs
Russia	72	Healthcare improvements but affected by lifestyle-related diseases
Syria	72	Impact of conflict and healthcare disruptions
Egypt	71	Expanding healthcare services and improved public health
Zambia	64	HIV/AIDS challenges, poverty, improving healthcare
Nigeria	55	Poverty, malnutrition, limited healthcare access

Source: Worldometers and presentation data.

The difference of approximately 30 years between Hong Kong and Nigeria highlights the importance of social determinants of health. Research consistently shows that access to healthcare, education, clean drinking water, and economic stability are among the strongest predictors of life expectancy. Countries with stronger healthcare infrastructure and higher income levels generally experience lower mortality rates and longer average lifespans. [1.2]

With an estimated average lifespan of 85 years, Hong Kong has been listed as one of the highest average life expectancy nations. This success can be attributed to numerous reasons. One is that it has a very well-developed health service network which gives residents access to up-to-date medical equipment and trained health professionals, as well as many preventative medicine programs. The availability of regular health checks allows for early detection of disease, thereby lowering mortality rates. [4]

Another contributing factor is the extremely low infant mortality rate. The government has implemented many effective maternal services, immunization

programs, and public health policies that have created conditions for increased rates of children surviving to adulthood. Since infant mortality has a strong influence on overall statistics for life expectancy, this greatly contributes to Hong Kong's position as a leading average life expectancy nation. [4]

In addition, life in Hong Kong is relatively expensive; residents can also access affordable housing, as well as reliable public transport infrastructure, drinkable tap water and great sanitation services. The majority of people living in Hong Kong receive quality education; education can support individuals with knowledge about maintaining healthy lives and preventing diseases. Good nutrition is a key factor contributing to the low rates of obesity and heart disease in Hong Kong, with the majority of the population consuming high amounts of vegetables and seafood. In spite of living in a busy, fast-paced urban area, most Hong Kong residents lead very active lifestyles through walking, sporting activities and exercise. [1.5]

In comparison, life expectancy in Nigeria is considerably lower than life expectancy in Hong Kong, as it only averages 55 years [1]. Limited access to high-quality health care is one of the largest contributing factors to the lower life expectancy in Nigeria. Some health centres, especially in rural areas of Nigeria, lack basic medical equipment, medicines and trainedn personnel. There is also limited availability of preventative health services in Nigeria; as a result, many citizens encounter financial and geographical barriers in obtaining medical care. [3]

The high rate of poverty for the entire population of Nigeria is one of the main causes of low life expectancy. Many people in Nigeria are still below the poverty line, with limited access to a balanced diet and clean drinking water, as well as inadequate housing. The low nutritional status of people leads to a weakened immune system, making them more vulnerable to infectious diseases. Mothers with malnourished children and other children also suffer from food insecurity and poor health care. The combination of these factors with inadequate sanitation facilities and poor healthcare infrastructure will give Nigeria a lower life expectancy than its African neighbours. [3.4]

Several examples can be used to show how social and economic conditions determine longevity in various nations. Morocco has seen a continuous increase in life expectancy because of the increase in their health care infrastructure due to government investments in health care, immunizations and access to clean water and sanitation. Additionally, the Moroccan government has successfully lowered maternal and infant mortality rates, contributing to the increase in life expectancy. As Morocco's economy improves, they are now facing the challenges of chronic diseases such as diabetes, high blood pressure/heart disease and other chronic diseases. [3]

An additional important case of Zambia. Historically, life expectancy in Zambia has been negatively influenced by a high level of HIV/AIDS and other communicable diseases, however, recent improvements in healthcare spending, vaccination campaigns and the increased availability of antiretroviral therapy have resulted in improved survival rates. In spite of these advances, continued high levels of poverty, malnourishment and lack of infrastructure restrict further improvement in life expectancy, particularly in rural areas. Education and health promotion programs have also been instrumental in promoting disease prevention and the improvement of maternal and child health. [4]

Russia illustrates the extent to which lifestyle influences on life expectancy are significant. High alcohol consumption, smoking, poor dietary habits contribute to cardiovascular disease, liver disease, and many types of cancer, which affect men more and result in a higher incidence of premature death. The COVID-19 pandemic also negatively impacted the life expectancy of the country, as it increased mortality rates. In addition, the military conflict has also created demographic and related public health issues by increasing the rates of casualties, psychological stress and economic hardship, all of which may affect the long term public health of the country. [3]

An important aspect of life expectancy research is the consistent difference between male and female longevity. In nearly every country, women live longer than men. Several explanations have been proposed for this phenomenon. Men are generally more likely to engage in risk-taking behaviors such as reckless driving, smoking, excessive alcohol consumption, and participation in dangerous occupations. These activities increase the likelihood of injury, chronic disease, and premature death. [1.2]

Biological factors also play a role. Women benefit from the protective effects of estrogen, which contributes to cardiovascular health. Men typically have higher levels of testosterone, which may be associated with risk-taking behavior and increased susceptibility to certain health conditions. In addition, men are generally less likely to seek medical attention or participate in routine health screenings, often delaying treatment until illnesses become severe. [1.2.4]

Overall, life expectancy is affected by various factors including; the quality of health care; economic growth; education levels; food availability; and how we all behave. Life expectancy differences between countries (ie. Hong Kong & Nigeria) are evident through unequal distribution's of health care; quality of living; and public health policies/beliefs regarding health. Morocco, Zambia, & Russia provide further evidence about the chronic differences that can occur related to health within different locations around the globe. By knowing these determinant variables, governmental agencies / programs and health care entities will have an easier time creating programs that support improved public health outcome and increased world life expectancy.

References

1. Worldometers. Life Expectancy by Country. Available at: https://www.worldometers.info
2. World Health Organization (WHO). Life Expectancy and Healthy Life Expectancy Data. Available at: https://www.who.int
3. United Nations Development Programme (UNDP). Human Development Reports. Available at: https://hdr.undp.org
4. The World Bank. Health, Nutrition and Population Statistics. Available at: https://www.worldbank.org
5. United Nations Population Fund (UNFPA). Population and Development Indicators. Available at: https://www.unfpa.org

Salim T.A **ASSESMENT OF THE GLOBAL ARCHITECTURE OF PHARMACEUTICAL INFORMATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SYSTEMS, SAFETY, AND REGULATION. Sc. head Zhirova I.V.**

Contemporary pharmacy practice is undergoing a significant transformation, in which pharmacists increasingly serve not only as dispensers of medications but also as key participants in pharmaceutical information management, patient safety monitoring, and clinical decision-making.They are data managers, safety inspectors, and educators which reflects on how pharmaceutical industry is evolving so quickly that the ability to organize and verify information has become just as critical as knowing the chemical formula of a drug. It includes clinical trial data, national drug registers, internal pharmacy protocols, and even television advertisements. Consequently, pharmacists are confronted with an immediate and complex challenge: the effective organization, assessment, and utilization of pharmaceutical information in their daily practice [1]. Once considered a supplementary skill, the ability to manage information is now a core element of quality pharmaceutical practice.

Pharmacies are introducing automated systems and electronic registers to handle this flood of data. However, these tools bring new risks: improper data entry or a lack of systematic control can lead to professional errors. Therefore, understanding how pharmaceutical information is organized globally is essential for patient safety. This article compares how six different regions the USA, UK, European Union, Japan, Russia, and Kenya manage their pharmaceutical information, looking specifically at their registers, safety systems, and advertising rules.

The primary sources of this information are generally categorized into three areas: scientific sources such as textbooks, clinical guidelines, and evidence-based medicine databases that help pharmacists evaluate efficacy and safety; regulatory sources such as official laws, national registers, and pharmacopoeias that ensure legal compliance; and practical or operational sources such as manufacturer instructions and internal software used for inventory management and dispensing [1,2,3].

Across all these sources, the main requirements remain consistent: reliability meaning the information must be scientifically validated or legally approved, accuracy ensuring that dosage forms and contraindications are presented without errors, timeliness as outdated information may lead to incorrect decisions, and accessibility allowing pharmacists to apply it quickly in real situations [1].

It is important to keep in mind, the successful organization of pharmaceutical information is not possible without a structured system of official documentation, which is why national drug registers and databases form the backbone of safe and legal medicine distribution Building on the concept, purpose, and sources of pharmaceutical information discussed above, official registers and national drug databases serve as the primary tools for organizing and validating medicinal product data, providing a structured framework for safe and legal pharmaceutical practice [2,5,].

Registers and control lists are essential tools that ensure order, safety, and compliance in pharmacy practice, documenting and regulating processes such as procurement, storage, dispensing, and disposal of medicinal products while helping pharmacies meet legal requirements and avoid both administrative and clinical risks [2,]. However, as demonstrated in Table 1 below, the scope, sophistication, and public

accessibility of these registers differ significantly across countries, reflecting each nation's healthcare structure, economic capacity, and regulatory philosophy [2,3,4,].

Table 1. – Comparison of National Pharmaceutical Registers and Databases

Country	Name of Register	Overseen by	Key Features	Public Access
Russia	GRLS (State Register of Medicinal Products)	Ministry of Health of the Russian Federation	Centralized approvals, dosage forms	Public
Kenya	PPB National Drug Register	Pharmacy and Poisons Board	Lists authorized products, quality alerts	Partially public
UK	MHRA Product Licensing Database + eMC	MHRA	Licensing info, SPCs, PILs	Public
EU	EU Union Register + national registers	EMA + national agencies	Harmonized approvals, monographs	Mostly public
Japan	PMDA Drug Database	PMDA	Very detailed quality/safety data	Public
USA	Orange Book + FDA Drug Database	FDA	Therapeutic equivalence, patents, generics	Fully public

The United States maintains the Orange Book and FDA Drug Database, which is exceptionally detailed and fully public, focusing heavily on therapeutic equivalence, patents, and generic alternatives, though the system is somewhat fragmented across multiple databases. The United Kingdom relies on the MHRA Product Licensing Database and the electronic Medicines Compendium (eMC), which is highly standardized and well-structured, providing licensing information, summaries of product characteristics, and patient information leaflets to the public, though it is slightly less detailed than the US system regarding patent information [1].

The European Union employs a hybrid model: some information is unified under the European Medicines Agency through the EU Union Register, but each member state also maintains its own national register, creating harmonized approvals across 27 countries while allowing national differences in implementation and access [2]. Japan's PMDA Drug Database offers extremely detailed quality and safety data with a strong focus on safety, but its complexity can make navigation challenging for users who are not thoroughly trained.

Russia maintains the GRLS (State Register of Medicinal Products) under the Ministry of Health, which is centralized and official, focusing on approved medicines, dosage forms, and manufacturers, though update delays in some areas can occur compared to Western systems.[3].

Kenya's PPB National Drug Register is aligned with WHO guidelines and is improving rapidly, but digital access remains incomplete and the register may not always reflect the fast-changing market, making it only partially public [4]. While registers and national drug databases ensure the legality, quality, and traceability of medicines, pharmaceutical information is not confined to regulatory documentation alone, as a significant portion of medicine-related information reaches both patients and healthcare professionals through promotional and advertising materials.

Following the discussion of official registers and databases, it is necessary to examine pharmaceutical advertising as a distinct source of information, because unlike

regulatory resources, advertising materials combine informational content with commercial objectives, making regulatory oversight essential to protect public health. Pharmaceutical advertising includes TV commercials, printed brochures, pharmacy leaflets, online banners, social media content, and promotional campaigns conducted in pharmacies, and these materials often highlight the benefits of medications while focusing on convenience, speed of action, or symptomatic relief [4]. While this information can help consumers make informed choices, it may sometimes omit crucial safety warnings or present exaggerated expectations, which is why pharmaceutical advertising is strictly regulated by law in most countries [4]. As shown in Table 2 below, the regulatory approaches to pharmaceutical advertising vary dramatically across the six countries, reflecting distinct historical experiences, legal traditions, and cultural expectations regarding the physician-patient relationship and the role of industry in public health [2,3,4,5].

Table 2. – Comparison of Pharmaceutical Advertising Regulations

Country	Prescription (Rx) Advertising	OTC Advertising	Regulatory Philosophy
Kenya	Restricted	Allowed	Growing regulatory oversight of promotional claims
Russia	Prohibited	Allowed with strict warnings	Heavy regulation and strong penalties
USA	Allowed	Allowed	Highly commercial system with strict disclosure rules
UK	Prohibited	Allowed with warnings	Strong focus on public protection and accuracy
EU	Prohibited	Allowed with regulation	Harmonized strict rules across member states
Japan	Prohibited	Allowed with restrictions	Conservative, safety-oriented approach

Extending beyond the scope of pharmaceutical advertising and essential medicines lists, pharmacovigilance systems and digital pharmaceutical information platforms play a critical role in monitoring medicine safety after market authorization, serving as a bridge between regulatory policy, clinical guidelines, and everyday pharmacy practice [1]. Pharmacovigilance, the science devoted to detecting, assessing, and preventing adverse drug reactions, has become one of the most essential components of modern healthcare because once a drug is approved and enters the market, real-world use often reveals safety issues that were not apparent during controlled clinical trials [1].

Differences in population genetics, co-morbidities, prescribing habits, long-term use, and drug interactions may lead to adverse effects that can only be detected through continuous monitoring, which is why no information system can be considered complete without robust post-market surveillance mechanisms.

In conclusion the process of comparing these six pharmaceutical information systems, several important outcomes become clear, starting with the finding that no country possesses a perfect pharmaceutical information system and that each national model contains strengths that can serve as best practices for others [1]. High-income countries like the USA, UK, and Japan demonstrate the value of advanced digital tools,

integrated software, electronic prescribing, automated safety alerts, and real-time data exchange, while countries such as Kenya highlight the effectiveness of essential medicine–based approaches and WHO-aligned policies in resource-constrained environments [4]. The European Union offers a model of regional harmonization, balancing national sovereignty with shared safety databases and coordinated regulatory responses, though differences among member states persist in pricing, reimbursement, and clinical guidelines. Russia, meanwhile, illustrates the role of centralized control in managing pharmaceutical markets.

Overall, the effectiveness of pharmaceutical information systems depends on balancing accessibility, accuracy, and regulatory oversight to ensure safe and efficient healthcare delivery.

References

1. World Health Organization. (2023). WHO Model List of Essential Medicines – 23rd list. World Health Organization; https://www.who.int/publications/i/item/WHO-MHP-HPS-EML-2023.02
2. European Commission. (2023). EU Legislation on Pharmaceutical Advertising and Information https://commission.europa.eu/topics/public-health/european-health-union/modernising-eu-pharmaceutical-legislation_en
3. Ministry of Health of the Russian Federation. (2023). State Register of Medicinal Products (GRLS). https://sites.google.com/a/york.ac.uk/yhectrialsregisters/home/clinicaltrials/russia-state-registry-of-medicines
4. Pharmacy and Poisons Board (PPB) – Kenya. (2022). National Drug Register and Essential Medicines List (KEML). https://chaiportal.org/docs/resources/kenya_essential_medicines_list_20232040128215055.pdf
5. Pharmaceuticals and Medical Devices Agency (PMDA) – Japan. (2023). PMDA Drug Database. https://www.pmda.go.jp/english/

Талджеббини А. АНАЛИЗ КАРБОНАТНЫХ ПРОФИЛЕЙ И pH В ВЫЩЕЛОЧЕННЫХ И ТИПИЧНЫХ ЧЕРНОЗЕМАХ ЮГА СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ. Н. рук. Чендев Ю.Г.

Статья посвящена анализу карбонатного состояния и значений pH водной суспензии в выщелоченных и типичных черноземах юга Среднерусской возвышенности. На основе полевых и лабораторных материалов 2024–2025 гг. рассмотрены особенности пространственной неоднородности карбонатной части профиля, глубина залегания карбонатных горизонтов и связь между запасами С-карбонатов и значениями pH.

Установлено, что выщелоченные и типичные черноземы различаются по строению карбонатной части профиля и характеру связи между С-карбонатами и pH. Для выщелоченных черноземов эта связь выражена сильнее и является статистически значимой, тогда как в типичных черноземах она в большей степени зависит от локальных особенностей почвенного профиля.

Результаты исследования могут быть использованы при оценке карбонатного состояния черноземов и проведении фонового почвенного мониторинга лесостепных ландшафтов.

Черноземы юга Среднерусской возвышенности характеризуются выраженной пространственной неоднородностью карбонатной части профиля, которая проявляется как между отдельными участками, так и в пределах отдельных почвенных профилей 5, 4, 1]. Наименее изученными остаются глубокие горизонты, в особенности интервал 100–200 см, несмотря на их важность для целостной интерпретации строения и свойств черноземов [6]. Изучение карбонатной части профиля имеет значение не только для характеристики генетических особенностей черноземов, но и для оценки запасов С-карбонатов как одной из форм почвенного неорганического углерода.

Цель исследования состояла в сравнительном анализе карбонатных профилей и значений pH в выщелоченных и типичных черноземах юга Среднерусской возвышенности. В задачи исследования входили морфологическое сопоставление профилей, анализ лабораторных показателей pH и содержания карбонатов, а также статистическая оценка связи между запасами С-карбонатов и значениями pH.

Материалами исследования послужили результаты полевых и лабораторных работ, выполненных в 2024–2025 гг. на участках юга Среднерусской возвышенности. Для типичных черноземов использованы данные по участкам «Задельное», «Сухосолотино», «Толстое», «Скородное», «Красное», «Вязовое» и «Волотово», по разрезам 1–3 участков «Рождественка» и «Коровино», а также по разрезу 4 участка «Верхососна». Для выщелоченных черноземов в анализ включены данные по участкам «Быковка» и «Триречное», по разрезам 4–6 участка «Коровино», а также по разрезам 1–3 участка «Верхососна».

Материал охватывал участки с преобладанием одного подтипа, а также локальные объекты совместного распространения типичных и выщелоченных черноземов. Это позволило сопоставлять оба подтипа как на разных участках, так и в пределах одного локального объекта. Ключевым примером такого

сочетания является участок «Верхососна», старый нераспаханный выгон-сенокос, где на небольшой площади зафиксировано совместное распространение обоих подтипов черноземов [2, 7].

Рисунок 1. – Пространственное расположение участков исследования типичных и выщелоченных черноземов юга Среднерусской возвышенности. Составлено автором по материалам полевых исследований 2024–2025 гг.

Исследовательская схема включала историко-картографическое выявление старых выгонов и сенокосов, рекогносцировочные выезды, заложение почвенных разрезов, скважин и прикопок до глубины 2 м, морфологическое описание профилей, в том числе детальное сопоставление профилей на участках «Вязовое» и «Волотово», и отбор проб для лабораторного анализа.

В лабораторных условиях определяли pH водной суспензии и содержание углерода карбонатов; по соответствующим интервалам профиля запасы C-карбонатов рассчитывали по формуле

$$S = C \times \rho \times h,$$

где S означает запасы карбонатного углерода, т/га; C означает содержание карбонатного углерода, %; ρ означает плотность сложения почвы, г/см³; h означает мощность слоя, см. В объединенную выборку вошло 139 точек данных, в том числе 98 для типичных и 41 для выщелоченных черноземов.

ля количественной оценки использовали коэффициент корреляции Пирсона, линейный регрессионный анализ и коэффициент детерминации R^2. Основные результаты корреляционно-регрессионного анализа представлены на рисунке 2.

В объединенной выборке различия между подтипами черноземов проявились прежде всего в силе связи между запасами C-карбонатов и значениями pH. В выщелоченных черноземах эта связь была положительной и статистически значимой: $r = 0{,}75$; $R^2 = 0{,}56$; $p = 2{,}20 \times 10^{-8}$. В типичных черноземах зависимость оказалась слабой и находилась на границе статистической значимости: $r = 0{,}20$; $R^2 = 0{,}04$; $p = 0{,}051$. Полученные результаты показывают, что в выщелоченных черноземах карбонаты играют более заметную роль в формировании реакции почвенной среды. В типичных черноземах слабая связь в объединенной выборке, по-видимому, связана с более сильным влиянием

локальных особенностей почвенного профиля и пространственной неоднородности почвенных свойств.

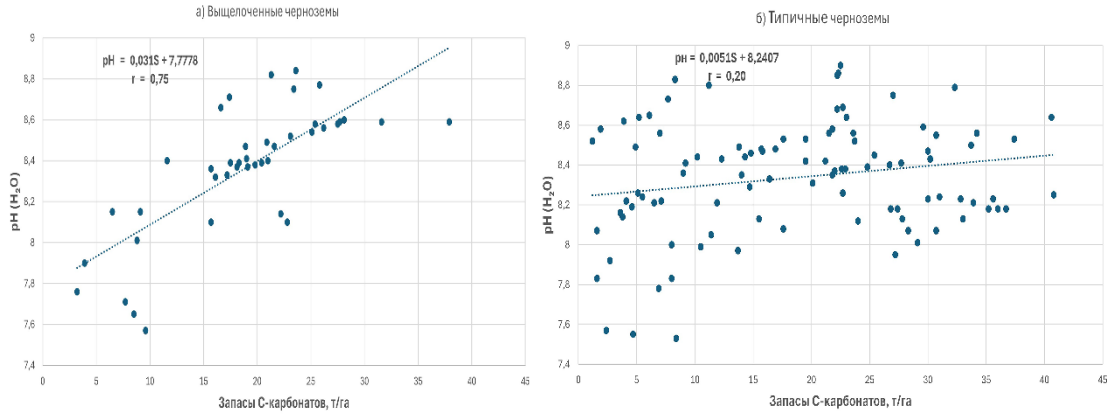

Рисунок 2. – Связь между запасами С-карбонатов и значениями pH в выщелоченных (а) и типичных (б) черноземах юга Среднерусской возвышенности.

Примечание. Пунктирной линией показана линейная регрессия; r – коэффициент корреляции Пирсона.

Морфологическое сопоставление участков «Вязовое» и «Волотово» показало различия в положении верхней границы карбонатных горизонтов. На участке «Вязовое» вскипание отмечено с глубины 85 см, тогда как на участке «Волотово» – уже с 50 см. Это подтверждает выраженную локальную вариабельность карбонатного состояния даже в пределах типичных черноземов. Поэтому при оценке запасов С-карбонатов и их связи с pH необходимо учитывать не только средние значения по выборке, но и положение карбонатных горизонтов в каждом отдельном профиле [3, 6].

При переходе к уровню отдельных почвенных профилей картина становится более дифференцированной. Положительная зависимость между запасами С-карбонатов и значениями pH прослеживается в большинстве рассмотренных профилей, однако степень ее выраженности заметно различается. В типичных черноземах наиболее отчетливо эта зависимость проявляется на участках «Задельное», «Рождественка», «Сухосолотино», «Вязовое» и «Волотово», а в выщелоченных черноземах – в профилях «Коровино», «Триречное» и на участке «Верхососна».

Полученные результаты показывают, что характер связи между запасами С-карбонатов и значениями pH зависит от масштаба анализа. На уровне отдельных профилей эта зависимость выражена более отчетливо. При объединении данных по разным участкам часть внутрипрофильных закономерностей сглаживается, что приводит к ослаблению общей связи. Это особенно важно для типичных черноземов: слабая зависимость в объединенной выборке не означает отсутствия закономерности, а отражает влияние локальной вариабельности положения и строения карбонатных горизонтов.

Одним из ограничений исследования является неравномерное распределение выборки между подтипами черноземов: 98 наблюдений для типичных и 41 наблюдение для выщелоченных черноземов. Это могло повлиять на устойчивость статистических оценок. Тем не менее полученные результаты

позволяют выделить основные закономерности связи между запасами С-карбонатов и значениями pH.

В целом типичные и выщелоченные черноземы юга Среднерусской возвышенности различаются как по строению карбонатной части профиля, так и по характеру связи между запасами С-карбонатов и значениями pH. В выщелоченных черноземах эта связь оказалась более устойчивой и статистически значимой, что указывает на более выраженную роль карбонатов в формировании реакции почвенной среды. В типичных черноземах зависимость в большей степени определяется локальными особенностями профиля и пространственной неоднородностью почвенных свойств.

Литература

1. Грошева О.А. Эволюционное развитие черноземов и степей Евразии в исторической ретроспективе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2020. – № 12. – С. 31–35.
2. Тишков А.А. Новые подходы к сохранению степей староосвоенных черноземных регионов России // Вопросы степеведения. – 2024. – № 1. – С. 22–31.
3. Чендев Ю.Г. Природная эволюция лесостепных почв юго-запада Среднерусской возвышенности в голоцене // Почвоведение. – 1999. – № 5. – С. 549–560.
4. Чендев Ю.Г. Закономерности формирования лесостепного ландшафта на территории Среднерусской возвышенности (по результатам почвенно-эволюционных исследований) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. – 2008. – № 3 (43). – С. 176–187.
5. Чендев Ю.Г. Естественная и антропогенная эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 2005.
6. Ковалёва Е.В., Дроздова Е.А., Лопачёв Н.А., Котлярова Е.Г., Морозова Т.С. Тренды изменений гумуса и карбонатов разновозрастных катен центральной лесостепи // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. – 2022. – № 1 (33). – С. 141–152.
7. Чендев Ю.Г., Смирнова М.А., Геннадиев А.Н., Соляной А.В., Салова Т.Л. Сравнительный анализ сохранности нативных свойств лугово-степных черноземов Среднерусской возвышенности: старые выгоны-сенокосы и заповедные территории // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2025. – Т. 80. – № 6. – С. 154–169.

Хамхоева Д.А-Я. СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА СРЕДСТВ ГОРМОНАЛЬНОЙ КОНТРАЦЕПЦИИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ. Н. рук. Никитин Р.О.

В современном обществе вопросы планирования семьи и репродуктивного здоровья занимают одно из центральных мест, а гормональная контрацепция признана одним из наиболее эффективных и широко применяемых методов предотвращения нежелательной беременности [1,3]. Её популярность обусловлена не только высокой степенью защиты, но и рядом дополнительных терапевтических эффектов, включая регуляцию менструального цикла, уменьшение болевого синдрома, коррекцию гормональных нарушений и лечение таких состояний, как акне, себорея и синдром поликистозных яичников. Постоянное развитие фармацевтических технологий приводит к появлению новых поколений препаратов с улучшенным профилем безопасности, сниженными дозировками гормонов и разнообразными путями введения, что делает актуальным систематическое изучение структуры ассортимента и тенденций развития данного сегмента фармацевтического рынка.

Цель настоящей работы состояла в проведении комплексного маркетингового анализа ассортимента современных гормональных средств контрацепции системного действия, зарегистрированных на российском фармацевтическом рынке, с последующей систематизацией данных и построением макроконтура рынка.

Материалами для исследования послужили официальные сведения Государственного реестра лекарственных средств и Регистра лекарственных средств России по состоянию на 2025–2026 годы [2,4], а также данные справочных изданий и официальных сайтов производителей. В работе использованы методы контент-анализа, структурного, сравнительного и графического анализа, ранжирования и группировки. Обработка данных выполнена с помощью стандартных статистических инструментов.

В результате обработки полученной информации установлено, что на российском фармацевтическом рынке зарегистрировано 213 лекарственных препаратов для гормональной контрацепции системного действия, соответствующих коду АТХ G03A. Эти препараты представлены 16 международными непатентованными наименованиями и 97 торговыми наименованиями, причём вся совокупность распределена по 19 группам АТХ-классификации, что свидетельствует о значительной диверсификации ассортимента. При детальном внутригрупповом анализе выяснилось, что лидирующую позицию занимает группа G03AA12 «Дроспиренон и эстрогены», которая включает 44 лекарственных препарата и составляет 24% от общего числа. Данная группа представлена преимущественно комбинациями дроспиренона с этинилэстрадиолом в дозировках 3 мг плюс 0,02 мг или 3 мг плюс 0,03 мг, а также с эстетролом и в сочетании с кальция левомефолатом, что объясняется широким клиническим признанием дроспиренона благодаря его антиандрогенным и антиминералокортикоидным свойствам, расширяющим терапевтические показания. Второе место занимает группа G03AA09 «Дезогестрел и эстрогены» с 28 препаратами, что составляет 13% от общего

объёма, а третье место принадлежит группе G03AA10 «Гестоден и эстрогены» с 22 препаратами и долей 10%. Остальные группы имеют долю от 1 до 7% каждая, при этом все три лидирующие группы относятся к фиксированным комбинациям гестагенов и эстрогенов, что предопределяет дальнейший анализ по составу.

Сегментация по производственному признаку выявила существенное преобладание импортной продукции: из 213 препаратов 164, или 77%, произведены зарубежными компаниями, тогда как на долю отечественных производителей приходится лишь 49 препаратов, что составляет 23%. Это указывает на высокую степень импортозависимости сегмента гормональной контрацепции, что согласуется с общероссийскими тенденциями на рынке рецептурных лекарственных средств. Более детальное рассмотрение по странам-производителям показало, что лидирующее положение занимает Германия с 57 препаратами (27% от всех зарегистрированных), что обусловлено присутствием крупнейшего мирового производителя гормональных контрацептивов – компании Bayer. Второе место занимает Россия с 49 препаратами (23%), что свидетельствует об активной стратегии импортозамещения, реализуемой отечественными производителями, прежде всего АО «Фармасинтез-Тюмень». Третью позицию занимает Венгрия с 38 препаратами (18%), что преимущественно является продукцией компании Gedeon Richter. Далее следуют Испания с 27 препаратами (13%), Индия с 24 препаратами (11%), Нидерланды с 12 препаратами (6%) и Франция с 6 препаратами (3%), и суммарно эти семь стран покрывают весь зарегистрированный ассортимент.

При ранжировании компаний-производителей установлено, что рынок гормональной контрацепции в России характеризуется умеренной концентрацией. Лидирующую позицию занимает немецкий концерн «Байер Веймар», на который приходится 52 препарата, или 24% от общего числа. Второе место принадлежит отечественному производителю АО «Фармасинтез-Тюмень» с 48 препаратами (23%), что подтверждает успешность программы локализации производства. Третье место занимает венгерская компания «Гедеон Рихтер» с 39 препаратами (18%). Таким образом, три компании совокупно контролируют 65% рынка по количеству зарегистрированных наименований. Остальные компании имеют долю от 1% до 8%, среди них выделяются индийская Lupin с 16 препаратами (8%), испанские Cinidea Pharma и Laboratorio Leon Farma с 14 и 13 препаратами соответственно (7% и 6%), нидерландская NV Organon с 12 препаратами (6%), индийская San Pharmaceutical Industries с 8 препаратами (4%), французская Delfarm Lille с 6 препаратами (3%) и немецкая LTS Lohmann с 4 препаратами (2%). Прочие производители представлены единичными наименованиями.

Анализ по составу показал, что подавляющее большинство препаратов являются комбинированными – 194 наименования, что составляет 91% от общего объёма, тогда как доля монокомпонентных прогестиновых препаратов составляет лишь 19 наименований (9%). Это объясняется тем, что комбинированные оральные контрацептивы обеспечивают более надёжный циклический контроль и обладают более широким спектром дополнительных эффектов, что делает их препаратами выбора для большинства женщин репродуктивного возраста. Изучение лекарственных форм установило, что доминирующей формой являются таблетки, покрытые плёночной оболочкой,

которые насчитывают 126 препаратов (59%). Обычные таблетки (без оболочки) занимают вторую позицию с 47 препаратами (22%). Далее с большим отрывом следуют таблетки, покрытые оболочкой, – 16 препаратов (8%), таблетки, диспергируемые в полости рта – 6 препаратов (3%), таблетки пролонгированного действия – 5 препаратов (2%). На долю трансдермальных пластырей приходится лишь 1% (2 препарата – серия «Евра»), что свидетельствует о слабом проникновении альтернативных путей введения на российский рынок.

Оценка динамики регистрации за последние пять лет (2021–2026 годы) показала, что в этот период было зарегистрировано или перерегистрировано 51 наименование гормональных контрацептивных средств, и рассчитанный индекс обновления составил 23,94%. Данный показатель свидетельствует об умеренной интенсивности обновления ассортимента, при этом часть этого числа составляют перерегистрации уже существующих препаратов в связи с изменением нормативной базы, производителей или истечением сроков действия регистрационных удостоверений. Вместе с тем появление новых дженериков и комбинаций, например, с эстетролом, подтверждает наличие инновационной активности, хотя и недостаточной для кардинальной трансформации рынка.

На основе систематизации всех полученных данных построен макроконтур российского рынка гормональных средств контрацепции системного действия, который в обобщённом виде включает следующие ключевые параметры: по составу – комбинированные препараты составляют 91%, монокомпонентные – 9%; по лекарственной форме – таблетки, покрытые плёночной оболочкой, занимают 59%, обычные таблетки – 22%, а прочие формы (таблетки, покрытые оболочкой, диспергируемые, пролонгированные и пластыри) – 19%; по производственному признаку – зарубежные препараты составляют 77%, отечественные – 23%; по ведущим компаниям – Bayer (24%), Фармасинтез-Тюмень (23%), Gedeon Richter (18%), остальные – 35%; по странам – Германия (27%), Россия (23%), Венгрия (18%), Испания (13%), Индия (11%), другие – 8%; индекс обновления за пять лет равен 24% (Рисунок 1).

Таким образом, представленный макроконтур отражает структурные особенности ассортимента и позволяет оценить распределение препаратов по ключевым фармакологическим, производственным и потребительским признакам.

В целом наблюдается выраженная концентрация рынка на комбинированных оральных контрацептивах, что объясняется их высокой эффективностью, удобством применения и широким клиническим использованием в гинекологической практике. С точки зрения лекарственной формы, преобладание таблеток, покрытых плёночной оболочкой, соответствует современным требованиям к удобству применения, защите действующего вещества и улучшению органолептических характеристик. В разрезе международной структуры рынка отмечается значительная доля препаратов зарубежного производства, что указывает на высокую степень импортозависимости данного сегмента, однако активное участие отечественного производителя АО «Фармасинтез-Тюмень» (23% рынка) свидетельствует о положительных сдвигах в рамках стратегии импортозамещения. Географическая и производственная структура рынка демонстрирует умеренную концентрацию: доля Германии как лидирующей страны составляет 27%, а ведущего

производителя «Байер Веймар» – 24%, что подтверждает значительное влияние немецких фармацевтических компаний на сегмент гормональной контрацепции, однако при этом рынок остаётся достаточно диверсифицированным.

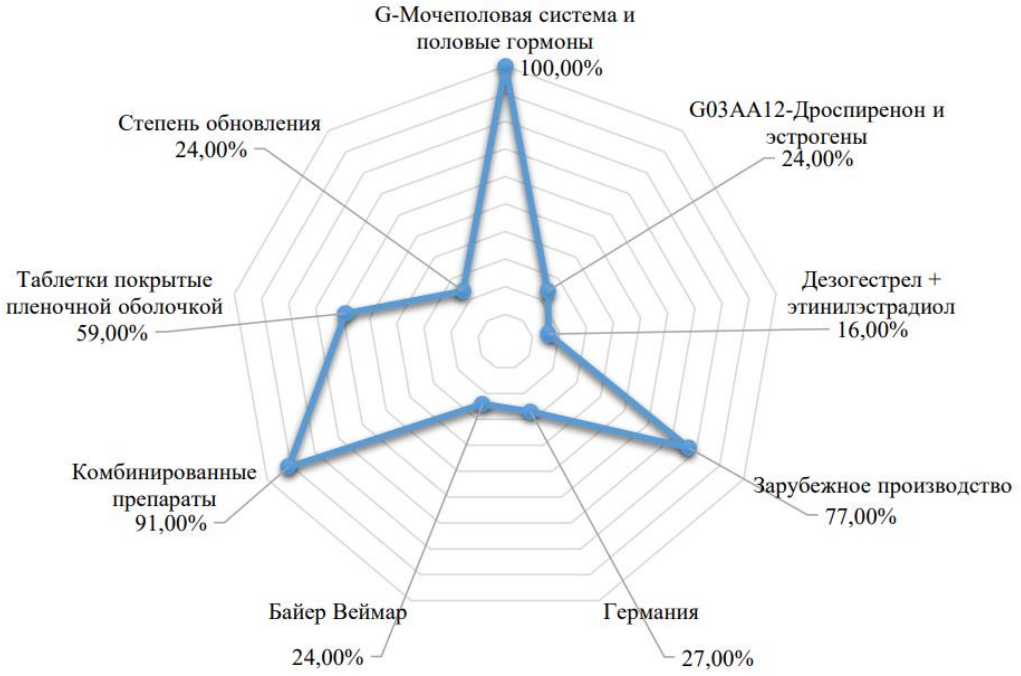

Рисунок 1. – Макроконтур современной гормональных контрацептивных средств, %

Проведённое исследование подтверждает, что гормональная контрацепция занимает важное место в системе охраны репродуктивного здоровья женщин и является востребованным и перспективным сегментом фармацевтического рынка. Дальнейшее развитие данного направления связано с повышением безопасности препаратов, совершенствованием состава, расширением ассортимента за счёт пролонгированных и неинвазивных лекарственных форм, а также с увеличением доли отечественной продукции. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации ассортиментной политики аптечных организаций, планирования закупок и информирования врачей и провизоров о современной структуре рынка гормональной контрацепции, что в конечном счёте будет способствовать более осознанному и эффективному выбору методов контрацепции с учётом индивидуальных потребностей пациентов.

Литература

1. Прилепская, В. Н. Гормональная контрацепция и репродуктивное здоровье: новые возможности и перспективы / В. Н. Прилепская // Медицинский оппонент. – 2023. – № 4(24). – С. 13–19.
2. Государственный реестр лекарственных средств (ГРЛС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://grls.rosminzdrav.ru (дата обращения: 06.05.2026).
3. Карташова, П. М. Польза гормональной контрацепции и риски / П.М. Карташова // Интеграция теории и практики в медицине: достижения и перспективы : сборник научных статей. – Кемерово, 2024. – С. 245–251.
4. Регистр лекарственных средств России (РЛС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rlsnet.ru (дата обращения: 06.05.2026).

Mahmoud H. **CURRENT STATE OF PHARMACEUTICAL SUPPLY IN SYRIA. Scient. Head Spichak I.V., Zhirova I.V.**

Pharmaceutical supply is a fundamental pillar of any healthcare system, directly determining the availability, affordability, and continuity of medical treatment. In the Syrian Arab Republic, the pharmaceutical sector has experienced radical transformations when comparing the period before 2011 and the current period between 2020 and 2025. Before 2011, the country possessed a relatively robust and self-sufficient pharmaceutical industry. However, following more than a decade of crisis, the system between 2020 and 2025 has been characterized by economic collapse, destruction of infrastructure, and chronic instability. Understanding the current state of pharmaceutical supply in Syria during the 2020–2025 period in comparison to the pre-2011 baseline is essential for designing effective interventions to restore access to medicines for the entire population, including those with chronic diseases requiring continuous therapy. This article provides a focused characterization of the current pharmaceutical supply situation based on official reports and peer-reviewed literature, drawing on data from the World Health Organization [1,2], the World Bank [3], peer-reviewed studies on the Syrian pharmaceutical industry [4], and recent health system assessments [5].

Before the onset of the conflict in 2011, Syria had a well-developed pharmaceutical manufacturing sector. According to an analysis published in the Eastern Mediterranean Health Journal, local pharmaceutical production covered approximately 90% of the country's domestic demand [4]. This high level of self-sufficiency resulted from decades of investment in state-owned and private manufacturing facilities, supported by a centralized regulatory framework under the Ministry of Health. The availability of essential medicines, including those for chronic non-communicable diseases, was consistently above 85% across most regions of the country [1,4]. Prices were regulated by the state, keeping medications affordable for the majority of the population. The supply chain operated through a network of public medical warehouses and private distributors, ensuring relatively stable distribution even to rural areas. A wide range of therapeutic categories – from cardiovascular drugs to antibiotics and even specialized ophthalmic preparations (such as anti-glaucoma eye drops) – were widely available in both public and private pharmacies.

The outbreak of the crisis in 2011 triggered a cascading collapse of the pharmaceutical system. Manufacturing facilities were damaged, destroyed, or forced to shut down due to lack of raw materials, electricity, and skilled personnel. By the period 2020–2025, local production had plummeted to an estimated 10–20% of pre-crisis levels [1,2]. This dramatic reduction forced Syria to become heavily reliant on imported medicines and humanitarian aid. However, import channels are frequently disrupted by damaged transportation infrastructure, currency devaluation, and the high cost of international letters of credit.

The consequences for drug availability have been severe. According to WHO public health situation analyses, the availability of essential medicines in Syria dropped from more than 85% before 2011 to less than 40% in recent years [1,5]. This figure is even lower for certain specialized medications, with some therapeutic categories experiencing availability below 25% in non-urban areas. Even when medicines are

present in central warehouses, distribution to peripheral health facilities is often delayed or impossible due to broken logistics.

Even when medicines are physically present, they are increasingly unaffordable. The Syrian pound has lost more than 95% of its value against the US dollar since 2011, leading to hyperinflation. Medicine prices have risen by 300–500% compared to 2010 levels [3]. The World Bank has documented that out-of-pocket health expenditures have become catastrophic for many Syrian households [3]. For a patient requiring chronic therapy – for example, antihypertensive drugs or insulin – the monthly cost of a single generic medication may exceed the average monthly income of a public sector employee. Consequently, a significant proportion of patients are forced to skip doses, reduce the frequency of intake, or discontinue treatment entirely. According to humanitarian assessments, up to 60% of patients with chronic non-communicable diseases report treatment interruptions due to cost or unavailability [5].

The current pharmaceutical supply system is highly fragmented. Three parallel channels operate with limited coordination: the public sector (government warehouses and public pharmacies), the private sector (private importers and retail pharmacies), and humanitarian aid organizations. While humanitarian actors have filled critical gaps, their efforts are often uncoordinated with national plans. As a result, geographical inequity in medicine distribution has worsened: urban centers receive more supplies than remote or rural areas. The destruction of roads, bridges, and storage facilities has further weakened the cold chain for temperature-sensitive products, including insulin, vaccines, and some ophthalmic preparations.

In addition to the disruption of cold-chain products such as insulin and vaccines, ophthalmological medicines were also significantly affected. Before 2011, Syrian pharmaceutical manufacturers produced a range of ophthalmological preparations, including antibiotic, anti-inflammatory, and anti-glaucoma eye drops, which were widely available in local pharmacies. The relatively strong domestic pharmaceutical industry before 2011 enabled broad access to many commonly used ophthalmic medications [4]. During the 2020–2025 period, however, the production and distribution of ophthalmic medicines declined substantially because of shortages of imported raw materials, instability of manufacturing facilities, and disruption of cold-chain logistics. Similar to the overall pharmaceutical sector, ophthalmic medicines became increasingly difficult to obtain in some regions, particularly outside major urban centers [1,5].

The magnitude of these changes can be seen in Table 1 below, which compares the key quantitative indicators of pharmaceutical supply in Syria between the pre-crisis period (before 2011) and the current situation (2020–2025).

These figures paint a clear picture of a pharmaceutical system under severe strain. The dramatic decline in local production from ninety percent to no more than twenty percent, combined with the drop in essential medicine availability to below forty percent and price increases of three hundred to five hundred percent, has left much of the population without reliable access to treatment. Supply chains remain fragmented, and the distribution system is unable to ensure that medicines reach all regions equally.

Beyond the quantitative indicators, several structural weaknesses perpetuate the crisis. First, the regulatory framework governing pharmaceutical import, registration,

and pricing has not been substantially updated since Legislative Decree No. 12 of 1970 [4]. This outdated legislation does not provide flexibility for emergency situations, such as expedited registration of life-saving medicines or temporary price adjustments. Second, the national essential medicines list has not been revised regularly, leading to misalignment between actual disease burden (high prevalence of diabetes, hypertension, and eye diseases) and available drug stocks. Third, quality assurance mechanisms have been weakened: the Central Pharmaceutical Control Laboratory operates at reduced capacity, increasing the risk of substandard or counterfeit medicines entering the supply chain [2,5].

Table 1. – Key indicators of pharmaceutical supply in Syria before 2011 and current situation (2020–2025)

Indicator	**Before 2011**	**Current (2020–2025)**	**Source**
Local production share of national demand	90%	10–20%	[1,4]
Availability of essential medicines	>85%	<40%	[1,5]
Medicine price change (relative to 2010)	Baseline (100%)	+300% to +500% (i.e., 4 to 6 times higher)	[3]
Number of pharmaceutical manufacturing plants	More than 60 pharmaceutical factories	Less than half of factories functioning partially	[4,6]

The private sector has partially compensated for public sector failures, but at a high price. Private pharmacies rely on imports by private companies, which purchase medicines at international market prices plus shipping and insurance costs. These costs are then passed directly to patients, since most medicines are not covered by public insurance. As a result, a two-tier system has emerged: those who can afford private-sector prices have relatively better access, while those who depend on the public sector face chronic shortages.

Addressing this crisis requires a coherent set of actions rather than isolated fixes. Supporting the gradual restoration of local manufacturing for priority essential medicines would reduce dependence on unpredictable imports. At the same time, reforming the regulatory framework could create faster channels for emergency imports and more effective price stabilization mechanisms. Rebuilding the national supply chain with better coordination among public, private, and humanitarian actors is equally critical. Without such measures, even when international aid delivers medicines to central warehouses, the system will continue to fail the patients who need them most.

Future research should focus on generating precise, region-specific data on medicine availability and on evaluating which supply chain reconstruction models offer the best value for money in the Syrian context.

References

1. World Health Organization. Public Health Situation Analysis – Syrian Arab Republic. Geneva: WHO; 2023. https://www.who.int/publications/m/item/public-health-situation-analysis---syrian-arab-republic

2. World Health Organization. Syrian Arab Republic: Public health and health system overview; humanitarian context and access to medicines. WHO country profile; 2023–2025. https://www.who.int/countries/syr
3. World Bank. Health Compact for the Syrian Arab Republic: rebuilding health system and access to medicines. Washington, DC: World Bank; 2025.https://thedocs.worldbank.org/en/doc/0273f33ab6ee48c5d842108b9b55c789-0140022025/related/2025-HealthCompacts-SYRIA.pdf
4. Syrian pharmaceutical industry profile and capacity before crisis. Eastern Mediterranean Health Journal. 2010;16(6):650–656. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3018990/
5. The effects of a 13-year war on ophthalmology services in Syria. ScienceDirect. 2025. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S295025352500084X
6. Aldarwish M. Pharmaceutical needs in Syria. Master's dissertation. University of Malta; 2025. https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/142081

Раздел 4. Медицина и педиатрия

Бахмудова Е.А., Водопьянов Р.А. ПОКАЗАТЕЛИ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РФ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ (2014–2024 ГГ.).

Н. рук. Амирханова Ч.Р.

Неблагоприятная демографическая обстановка, сложившаяся на рубеже XX-XXI вв., ухудшение здоровья населения и естественная убыль населения внесли свой вклад в значимость охраны материнства и детства. Актуальность анализа динамики ключевых показателей системы родовспоможения обусловлена необходимостью объективной оценки эффективности реализуемых организационных и клинических мероприятий в контексте современных демографических вызовов.

Нами были проанализированы основные показатели, представленные федеральной службой государственной статистики, раздела здравоохранение, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областей.

За десятилетний период (2014-2024 гг.) в системе акушерско-гинекологической и педиатрической помощи мы можем наблюдать структурные изменения: одновременно с сокращением коечного фонда и сети фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) выросло число амбулаторно-поликлинических подразделений (женских консультаций, акушерско-гинекологических отделений (кабинетов), детских поликлиник, отделений (кабинетов).

За период с 2014 г. по 2024 г. число коек для беременных женщин, рожениц и родильниц уменьшилось на 33,42% (с 72,4 до 48,2), а число коек для детей на 10, 93% (с 166,5 до 148,3) [1]. В то время, как число женских консультаций, акушерско-гинекологических отделений (кабинетов), детских поликлиник, отделений (кабинетов) увеличилось на 17,42% (с 17,8 тыс. до 20,9 тыс.). Это отражает общую тенденцию к снижению доли стационарной помощи и выделению в качестве ключевого направления амбулаторный этап, в том числе, с выстраиванием акцента на предиктивную, превентивную, и персонализированную медицину. Упор делается на раннее выявление рисков и наблюдение, а не на длительное стационарное лечение.

Число фельдшерско-акушерских пунктов снизилось на 6% (с 35,0 тыс. до 32,9 тыс.), что можно рассматривать в формате оптимизации сети первичной медико-санитарной помощи [1]. В рамках этой оптимизации нагрузка, а также кадровые и материально-технические ресурсы перераспределяются с низкоэффективных и маловостребованных подразделений на более крупные, технически оснащённые и специализированные структуры.

Численность женщин, закончивших беременность снизилось на 38,78% (с 1826,3 тыс. чел. До 1118,1 тыс. чел.) [1]. Такая динамика может быть обусловлена комплексом факторов – снижением рождаемости, изменением возрастной структуры женского населения, а также социально-экономическими условиями, влияющими на репродуктивное поведение. Абсолютное снижение на 708,2 тыс.

случаев указывает на необходимость углублённого анализа причин и корректировки мер по поддержке рождаемости и репродуктивного здоровья.

Если анализировать данный показатель в разрезе отдельных исходов беременности (роды в срок, преждевременные роды и беременность с абортивным исходом), можно получить следующие данные.

Численность женщин, завершивших беременность родами в срок, снизилась на 38,60 % – с 1740,8 до 1068,9 тыс. человек [1]. Данная тенденция отражает сокращение общего числа родов и согласуется с наблюдаемыми демографическими трендами.

При этом зафиксировано снижение числа неблагоприятных исходов. Количество случаев преждевременных родов уменьшилось на 35,89 % (с 76,9 до 49,3 тыс. человек), а число беременностей с абортивным исходом – на 26,56 % (с 68,9 до 50,6 тыс. человек) [1]. Снижение частоты указанных осложнений может свидетельствовать об улучшении качества пренатального наблюдения, своевременной профилактике акушерских рисков и совершенствовании маршрутизации пациенток в системе перинатальной помощи. Приведённые данные демонстрируют одновременное снижение как общего числа завершённых беременностей, так и частоты неблагоприятных исходов. Такая динамика может быть связана не только с демографическими волнами или социально-экономическими факторами, но и с реализацией государственных программ в сфере охраны материнства и детства.

В этих условиях представляется актуальным оценить, как на указанные показатели повлияли национальные и федеральные проекты, реализуемые в Российской Федерации с 2014 года.

Первые шаги, направленные на укрепление системы акушерско-гинекологической помощи, были предприняты в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье», в ходе которого оснащали медицинские учреждения новым современным оборудованием для пренатальной диагностики, неонатального скрининга, финансировали программу «Родовой сертификат» и дали старт строительству десятков перинатальных центров в регионах страны.

Параллельно в рамках государственной программы РФ «Развитие здравоохранения» действовала подпрограмма «Охрана здоровья матери и ребёнка», которая включала в себя совершенствование службы родовспоможения, улучшение материально-технической базы, внедрение трехуровневой системы оказания помощи, повышение квалификации кадров [2].

С 2019 года значительный вклад оказал национальный проект «Здравоохранение». В его составе работал федеральный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». Он напрямую затрагивал и акушерско-гинекологическую помощь: шла модернизация перинатальных центров и родильных домов, оснащали детские поликлиники (в том числе мобильными комплексами для выездных профилактических осмотров), продолжали работать над снижением младенческой смертности [3].

Таким образом, роль национальных и федеральных проектов, реализуемых в Российской Федерации с 2014 года и затрагивающих сферу охраны материнства и детства, заключается в институционализации многоуровневой

системы оказания акушерско-гинекологической и перинатальной помощи, обеспечивающей преемственность медицинских мероприятий на всех этапах репродуктивного цикла – от прегравидарной подготовки и ведения беременности до оказания высокотехнологичной помощи новорождённым и последующего диспансерного наблюдения.

Изучение трендов основных статистических показателей (в том числе число акушерско-гинекологических и педиатрических коек, частоты осложнений и исходов беременности и др.) позволяет выявлять региональные диспропорции, определять «узкие места» системы и обоснованно корректировать управленческие решения. Полученные данные могут послужить базой для прогнозирования потребностей в ресурсах и планирования развития инфраструктуры службы охраны материнства и детства.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Показатели здоровья матери и ребенка, деятельности службы охраны детства и родовспоможения [Электронный ресурс]. – М.: Росстат, 2024. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13721
2. Постановление Правительства РФ от 28.12.2017 № 1707 «О государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (в ред. последних изменений) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712280025
3. Национальные проекты. Здравоохранение [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie/

Верикова К.В. ОЖИРЕНИЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ – СКРЫТАЯ ЭПИДЕМИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. Н. рук. Шенцева И.Н.

Детское ожирение – одна из самых серьезных угроз здоровью населения в XXI веке. Проблема приобрела глобальный характер и неуклонно распространяется, охватывая все больше детей и подростков по всему миру. В России диагноз «ожирение» имеют около 6-8% детей, что составляет примерно 1,5 миллиона человек, а избыточную массу тела – в три раза больше.

Данные региональных исследований показывают, что ситуация продолжает ухудшаться: например, в Новосибирске за период с 2003 по 2019 год распространенность избыточной массы тела и ожирения среди подростков возросла в 2–2,8 раза, достигнув 22,1% у мальчиков и 14,4% у девочек.

В основе детского ожирения чаще всего лежит энергетический дисбаланс: калорийность рациона превышает расход энергии. Однако причины этого дисбаланса гораздо глубже, чем просто переедание.

Ключевым фактором становится неправильное питание: избыток в рационе продуктов с высоким содержанием сахара и насыщенных жиров – фастфуда, сладких газированных напитков, промышленной выпечки, полуфабрикатов. Данные продукты высококалорийны, но бедны питательными веществами и не дают длительного чувства сытости, что провоцирует ребенка к перееданию.

Одновременно с этим происходит снижение физической активности у подрастающего поколения. Современные дети и подростки проводят все больше времени в сидячем положении – за учебой, компьютерными играми, перед экранами телевизоров и гаджетов. Длительный просмотр телевизора и увлечение компьютерными играми напрямую ведут к развитию гиподинамии, когда полученные с пищей калории не расходуются, а откладываются в жир.

Недостаток сна также является значимым фактором риска: педиатры отмечают, что недосыпающие дети чаще употребляют сладкое и мучное.

Важно подчеркнуть, что причины ожирения у детей обусловлены не столько их поведением, сколько изменениями в обществе, особенностями социально-экономического развития и политикой в таких областях, как сельское хозяйство, транспорт, градостроительство и образование.

Дети, в отличие от взрослых, не могут выбирать условия жизни или рацион питания, поэтому они нуждаются в особой защите и внимании. К эндокринным нарушениям как причине ожирения прибегают редко – они лежат в основе менее чем 1% случаев, а у большинства подростков с избыточным весом, вызванным эндокринными патологиями, имеются и другие признаки основного заболевания.

Ожирение в детском возрасте имеет серьезные как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для здоровья.

Среди основных рисков:

- сердечно-сосудистые нарушения: повышенное артериальное давление, высокий уровень холестерина и триглицеридов;

– метаболические расстройства: преддиабет и сахарный диабет 2-го типа, который сегодня все чаще диагностируется у подростков из-за инсулинорезистентности, связанной с ожирением;

- заболевания печени: неалкогольная жировая болезнь печени (метаболически-ассоциированная стеатотическая болезнь печени);

- респираторные проблемы: астма и обструктивное апноэ сна;

- психологические последствия: тревога, депрессия, низкая самооценка, стигматизация, травля и социальная изоляция.

Долгосрочные последствия становятся более опасны. Дети с ожирением предрасположены к сохранению этого состояния во взрослом возрасте, что повышает риск преждевременной смерти, инвалидности, инфарктов, гипертонии, поражений суставов и развития некоторых видов рака.

Важен комплексный подход к профилактике и лечению ожирения у детей.

Поскольку причины ожирения многофакторны, и его лечение требует комплексного подхода, специалисты сходятся во мнении, что наиболее эффективной стратегией является профилактика и мультидисциплинарная терапия, включающая медицинскую, нутритивную, психологическую поддержку и физическую активность.

Основные направления профилактики включают:

1. Корректировку питания: сбалансированный рацион с большим количеством овощей, фруктов, цельнозерновых продуктов, нежирного мяса и рыбы; ограничение сладостей, фастфуда и сладких напитков; соблюдение «правила тарелки» (½ – овощи и фрукты, ¼ – белковое блюдо, ¼ – гарнир); контроль порций и регулярные приемы пищи.

2. Повышение физической активности: ежедневные нагрузки умеренной и высокой интенсивности не менее 60 минут, ограничение времени перед экранами, активные игры и занятия спортом.

3. Нормализацию сна: соблюдение возрастных норм продолжительности сна (от 8,5 до 12 часов в сутки в зависимости от возраста).

4. Изменение поведенческих привычек и роли семьи: дети учатся на примере родителей, поэтому здоровый образ жизни должен соблюдаться всей семьей; важно не использовать еду как поощрение или наказание и поддерживать позитивное отношение к телу ребенка.

В случаях, когда изменения образа жизни недостаточно эффективны, в качестве терапии могут рассматриваться лекарственные препараты. Согласно недавним исследованиям, такие средства, как семаглутид и фентермин/топирамат, продемонстрировали высокую эффективность в снижении индекса массы тела у подростков с ожирением. Однако эти методы применяются под строгим контролем врача и в соответствии с клиническими рекомендациями.

Нами были изучены данные Роспотребнадзора, за последние годы (2020–2024 гг.) в Белгородской области наблюдается устойчивый рост числа детей и подростков с ожирением.

Статистика приводит следующие данные:

- подростки: заболеваемость выросла на 19,9%, достигнув 3 012 случаев на 100 тысяч населения.

- дети до 15 лет: рост составил 25,3%, показатель – 1 104 случая на 100 тысяч.

Данные официальной статистики за 2023 год уточняют структуру заболеваемости:

- дети 0-14 лет: зарегистрировано 2205 случаев ожирения (933,6 на 100 тысяч). Крайняя степень ожирения выявлена у 9 детей (3,81 на 100 тысяч).

- подростки 15-17 лет: зафиксировано 346 случаев (753,1 на 100 тысяч). Крайняя степень – у 9 подростков (19,59 на 100 тысяч).

Тревожная динамика заметна в районах области. Наиболее сложная ситуация среди детей и подростков отмечается в Красненском, Краснояружском, Прохоровском, Ровеньском и Борисовском округах.

Локальное исследование в Алексеевском районе показало тревожные цифры: среди 12-14-летних ожирение диагностировано у 45% мальчиков и 18,5% девочек.

Нами было выяснено, что основные причины – несбалансированное питание и низкая физическая активность.

Проблема детского ожирения требует безотлагательных и скоординированных действий на уровне семьи, медицинских учреждений и общества в целом, чтобы защитить здоровье будущих поколений.

Детское ожирение – это не просто эстетическая проблема или вопрос лишнего веса, а тяжелое, прогрессирующее заболевание, которое наносит удар по всем системам растущего организма и программирует хронические болезни на десятилетия вперед. Как показано выше, в основе эпидемии лежит не столько слабая воля ребенка, сколько глубокая трансформация среды его обитания: доступность высококалорийной пищи, цифровая гиподинамия и семейные пищевые привычки.

Безусловно, современная медицина располагает эффективными инструментами – от поведенческой коррекции до фармакотерапии. Однако ключевым звеном в решении проблемы остается профилактика, начинающаяся в семье. Родители, формируя рацион, режим дня и собственную приверженность здоровому образу жизни, создают фундамент, на котором будет строиться здоровье ребенка.

В то же время усилий одной семьи недостаточно. Общество и государство должны обеспечить доступную спортивную инфраструктуру, здоровое питание в школах и просветительские программы. Лишь объединив ресурсы медицины, педагогики, семьи и социальной политики, мы сможем переломить текущие тревожные тренды.

Главное знать, что время, потраченное сегодня на формирование правильных привычек у ребенка – это инвестиция в его долгую, активную и полноценную жизнь без тяжелых последствий метаболических нарушений. Борьба с ожирением должна вестись не с самим ребенком, а за его здоровье, с пониманием и поддержкой на каждом этапе взросления.

Литература

1. Копцева, А. В. Педиатрия. Физиологические основы и патология детей раннего возраста : учебник для вузов / А. В. Копцева, Т. Л. Костюкова. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 155 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18408-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/590173 (дата обращения: 20.06.2026).

2. Мисюк, М. Н. Основы медицинских знаний : учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. Н. Мисюк. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 379 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-17442-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/560842 (дата обращения: 20.06.2026).
3. Циркин, В. И. Нейрофизиология: физиология ЦНС : учебник для вузов / В. И. Циркин, С.И. Трухина, А. Н. Трухин. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 1205 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20175-8. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/589898 (дата обращения: 20.06.2026).

Долгих С.А. МНОГОПЛОДНАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ ПОСЛЕ ЭКО: ОСЛОЖНЕНИЯ И РИСКИ. Н. рук. Демченко И.В.

Цель: выявить уровень и частоту распространенности осложнений, развивающихся у беременных женщин с многоплодием, чья беременность наступила с помощью экстракорпорального оплодотворения.

Актуальность данного исследования заключается в том, что с увеличением частоты использования экстракорпорального оплодотворения и наступления многоплодной беременности значительно повышаются показатели развития осложнений, возрастают риски возникновения патологических состояний у плодов.

Беременность – это период зарождения новой жизни, когда в организме женщины происходят значительные перемены. Каждая девушка, планирующая беременность, обязана позаботиться о благополучии своего здоровья, так как малейшие осложнения течения беременности негативно сказываются на состоянии плодов. В период планирования беременности показано проведение медицинского обследования, профилактика заболеваний, проведение медико-генетической консультации. Но в ряде случаев наступление беременности затруднительно, тогда прибегают к использованию вспомогательных репродуктивных технологий, и самым распространенным является использование экстракорпорального оплодотворения.

По данным исследования, опубликованного в журнале Fertility and Sterility, к 2024 году общее число детей, появившихся на свет с помощью вспомогательных репродуктивных технологий включая ЭКО, могло составлять от 13 до 17 миллионов [1]. При осуществлении экстракорпорального оплодотворения увеличиваются шансы на многоплодную беременность. Это связано с тем, что при проведении процедуры оплодотворения часто переносят в матку больше одного эмбриона, чтобы повысить вероятность наступления беременности. Тем самым, при переносе нескольких эмбрионов увеличивается вероятность наступления многоплодной беременности.

Многоплодная беременность – это состояние, при котором в матке одновременно развивается два или более плода. Многоплодная беременность относится к группе высокого риска, так как напрямую связана с увеличением ряда осложнений во время беременности и родов, особенно когда сама беременность наступила в результате экстракорпорального оплодотворения. «Распространенность многоплодной беременности в популяции без использования вспомогательных репродуктивных технологий (экстракорпорального оплодотворения) составляет 2%» [5, с. 534]. Такая беременность считается беременностью высокого риска, во время которой осложнения развиваются чаще, чем при одноплодной беременности. «Нередко завершается невынашиванием и преждевременными родами» [2, с. 157].

Существует ряд факторов риска, которые не только увеличивают процент вероятности развития осложнения, но и увеличивают уровень негативных последствий, которые отражаются на состоянии беременной женщины и оказывают неблагоприятное влияние на развитие плодов. К данным факторам относятся: табакокурение, ИППП, хронические заболевания, недостаточное

питание, возраст. При осуществлении экстракорпорального оплодотворения и наличии указанных факторов могут развиваться осложнения, которые дают негативную динамику, нарушая нормальное течение беременности и развитие плодов, а также приводят к необратимым последствия.

Самыми распространенными осложнениями, развивающимися при многоплодной беременности (которая наступила поле экстракорпорального оплодотворения) являются: преждевременные роды и недоношенность, кровотечения во время беременности, выкидыши, аномалии развития плодов. Данные осложнения негативно сказываются на состоянии матери, течении беременности, а также на здоровье плодов.

Преждевременные роды характеризуются ранним рождением детей и их недоношенностью. Чаще всего проводят экстракорпоральное оплодотворение женщинам старше 35 лет с хроническими заболеваниями. Возраст и проведенное оплодотворение увеличивают шанс на развитие осложнений. С возрастом нарушается трофика тканей, изменяется их структура, наличие факторов риска только усугубляет ситуацию, негативно отражаясь на состоянии и развитии плодов.

Кровотечения во время многоплодной беременности после проведения экстракорпорального оплодотворения, являются достаточно частым осложнением. Во многих случая кровотечения в первом триместре будут связаны с имплантацией оплодотворенных яйцеклеток, остановкой развития одного плода. Редкой причиной кровотечения может стать резорбция одного плода. Данные состояния требуют медицинского вмешательства для оказания помощи, так как несут прямую опасность жизни беременной женщины. Кровотечения во втором и в третьем триместре зачастую связны с нарушением расположения или развития плаценты, например, отслойка нормально расположенной плаценты.

Наиболее опасным осложнением, возникающим при многоплодной беременности, является выкидыш. По статистике, от 18 до 32% беременности, наступивших после проведения экстракорпорального оплодотворения заканчивается выкидышами [3]. «Высок риск преждевременных родов при курении, так как никотин попадая в кровоток, нарушает кровообращение плаценты и затрудняет поступление кислорода и питательных веществ к плоду, повышая риск преждевременных родов» [4, с. 140]. Причиной выкидыша может стать также наличие экстрагенитальных патологий у беременной женщины, истмико-цервикальная недостаточность, преэклампсия, или же преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты. Данное состояние представляет риски для жизни беременной женщины, требуя экстренного медицинского вмешательства.

Многоплодная беременность, возникшая после проведения экстракорпорального оплодотворения, имеет высокие риски развития аномалий у плодов. К наиболее распространенным аномалиями будут относить развитие сиамских близнецов. «Пуповины обоих плодов прикрепляются к плаценте близко друг от друга, вследствие чего возможно их перекручивание и гибель обоих плодов, либо формируется такой вид аномалий развития плодов как сросшиеся, или сиамские близнецы. В 75% случаев это девочки» [5, с.538]. Наиболее частой причиной перинатальной смерти при многоплодной

беременности является формирование в общей плаценте анастомозов между сосудами кровеносным систем близнецов. Данное состояние нарушает гемодинамику, повышая внутрисосудистое давление в одной системе, а в другой кровеносной системе наоборот понижается. И таким образом, происходит сброс крови из одной кровеносной системы плода в другую кровеносную систему второго плода. «При фето-фетальном трансфузионном синдроме у плода-донора развивается анемия, маловодие, выраженная задержка роста, а у плода-реципиента – многоводие, водянка, сердечная недостаточность» [5, с. 540].

В ходе исследовательской работы, было проведено анкетирование беременных женщин с многоплодием, чья беременность наступила путем экстракорпорального оплодотворения. Анкетирование беременных женщин проводилось на базе перинатального центра ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа». Цель анкетирования: выяснить наличие осложнений беременности после проведения экстракорпорального оплодотворения, наличие обострений хронических заболеваний и развитие эстрагенитальных патологий. В анкетировании участвовали 19 беременных женщин с многоплодием в возрастной категории 16-50 лет.

После анализа анкетирования, были получены следующие результаты: 64% беременных женщин имеют хронические заболевания, к ним относятся: 29% гестационный сахарный диабет, 25% артериальная гипертензия, 10% хронический пиелонефрит. Также у 36% беременных хронические заболевания отсутствуют.

Обострение хронических заболеваний выявили у 18% оппонентов, у 36% появились экстрагенитальные патологии, 14% болели острыми инфекционными заболеваниями во время беременности. Обострение соматических заболеваний во время беременности отметили 32% женщин, что сохраняет угрозу развития осложнений. Из этих данных можно сделать вывод, что во время многоплодной беременности увеличиваются риски развития осложнений.

Далее мы определили наличие у беременных женщин тех или иных патологических состояний. Так, у 36% участниц анкетирования присутствуют риски преждевременных родов, «невынашивание беременности и выкидыш» – 8%, у 14% беременных женщин диагностировали развитие инфекционных заболеваний, у 30% оппонентов – «снижение иммунитета», также у 12% участников анкетирования была диагностирована преэклампсия.

Выяснили уровень информированности беременных женщин об отрицательных последствиях осложнений. В данном вопросе необходимо было выбрать несколько вариантов ответа. Большинство беременных женщин (90%) проинформированы о таких осложнениях, как «преждевременное рождение и недоношенность». Также, 72% оппонентов проинформировано о «врожденных пороках развития новорожденных». Ответ «задержка в психомоторном развитии» набрал 28%, 22% анкетируемых выбрали ответ о «внутритрубном инфицировании плодов», 6% – «синдром внезапной детской смерти».

При наличии экстрагенитальных патологий увеличивается риск развития патологических состояний, заболеваемости и аномалий со стороны плодов. Так, при наличии у женщины патологического течения беременности, у плодов диагностируют: риск задержки внутриутробного развития плодов – 8%, наличие развития врожденных дефектов (волчья пасть, заячья губа и укорочение уздечки

языка) – 4%, риски рождения новорожденных с пороками развития внутренних органов – 2%, «дискордантный рост одного плода» – 10%. Помимо этого, у 76% беременных женщин с многоплодной беременностью, наступившей при помощи экстракорпорального оплодотворения, риски развития осложнений со стороны плодов отсутствуют.

Таким образом, проведя исследовательскую работу, можно сделать вывод, что многоплодная беременность относится к группе высокого риска, особенно когда беременность наступила при помощи вспомогательных репродуктивных технологий. Чтобы снизить риски развития патологических состояний, необходимо постоянно информировать беременных с многоплодием о профилактических мероприятиях.

Для снижения уровня осложнений необходимо обсуждать с пациентками обязательное проведение медицинских обследований в период планирования экстракорпорального оплодотворения. Большое значение имеет постоянное медицинское наблюдение в течении всей беременности. Важно консультировать о коррекции образа жизни (эмоциональное состояние, поведение и привычки, мышление и т.д.) и питании. В обязательном порядке проводится психопрофилактическая подготовка, так как беременность сопровождается повышенной тревожностью и нестабильным эмоциональным состоянием, что может дать толчок к развитию осложнений, а в худшем случае привести к необратимым последствиям. Качественная подготовка к беременности, профилактика заболеваний и правильный образ жизни, а также постоянный мониторинг состояния во время гестации, значительно снижают вероятность развития осложнений, обеспечивая наилучший исход беременности и родов.

Литература

1. Коммерсантъ здоровья. С помощью репродуктивных технологий в мире родилось до 17 млн детей. Коммерсантъ здоровья, 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7942451
2. Ожиганова И.Н. Правила проведения патологоанатомического исследования болезней матки и маточных труб [Электронный ресурс]. – Санкт – Петербург: ФГБОУ ВОСЗГМУ им. И.И. Мечникова Минздрава России, 168 с., 2025. – Режим доступа: https://reader.lanbook.com/book/518682#157
3. Мэн Чжан, Сяохуэй Цзи, Синь Е Ху. Разработка и валидация визуализированной модели прогнозирования риска раннего выкидыша у пациенток, проходящих процедуры ЭКО/ИКСИ: многоцентровое исследование в реальных условиях [Электронный ресурс]. – Эмиш: National Library of Medicine, 2025. – Режим доступа: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38433972/
4. Долгих С.А. Табакокурение во время беременности и его влияние на организм будущего ребенка [Электронный ресурс]. – Курс: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции «Лечебно-практическая деятельность медицинского работника», 503 с., 2025. – Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d2/xVJoiQ_ /attachment.pdf?dl=1
5. Радзинский, В.Е. Акушерство: учебное пособие 3-е изд. [Электронный ресур]. – Москва: Издательство ГЭОТАР-Медиа, 912 с., 2024. – Режим доступа: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970487570.html

Капаева А.Н. СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ В РАБОТЕ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ ПРИ АЛЛЕГИИ У ДЕТЕЙ. Н. рук. Шенцева И.Н.

Современная медицинская сестра играет ключевую роль в помощи детям с аллергией. Ее работа не ограничивается выполнением назначений врача – она охватывает профилактику, обучение, психологическую поддержку и экстренную помощь.

Обратим внимание на то, что касается раннего выявления, диагностики и обучения пациентов и их родственников.

Эффективная помощь начинается с точной информации. Медицинская сестра помогает врачу на этапе диагностики (например, при проведении кожных проб) и берет на себя санитарно-просветительскую работу с семьей.

Она объясняет родителям, как выявить аллерген и скорректировать быт:

- гипоаллергенный быт: убрать ковры с длинным ворсом, книги хранить за стеклом, постельные принадлежности заменить на синтетические и регулярно их чистить, имеется ввиду подушки и одеяла, а постельное белье должно быть из натуральных волокон.

- влажная уборка: проводить ее часто, не допуская скопления пыли и всевозможных загрязнений.

Персонал должен помнить, что родители в стрессовой ситуации могут быть рассеяны. Задача медицинской сестры – дать четкие, понятные инструкции.

Острые реакции (анафилактический шок, отек Квинке) требуют немедленной помощи ребенку. Действия медицинской сестры должны быть четкими и быстрыми.

Алгоритм при анафилактическом шоке (реакция в течение 15-30 минут после контакта):

1. Прекратить контакт с аллергеном: при укусе насекомого удалить жало и приложить холод, при инъекции – прекратить введение.

2. Уложить ребенка с приподнятыми ногами, голову повернуть на бок (для предотвращения аспирации рвотными массами).

3. Немедленно вызвать врача (скорую помощь).

4. Обеспечить доступ свежего воздуха или подачу кислорода.

5. По назначению врача быть готовой ввести адреналин (внутримышечно), преднизолон и антигистаминные препараты.

При крапивнице или отеке Квинке (без нарушения жизненно важных функций) план включает устранение аллергена, промывание желудка (при пищевой реакции), прием энтеросорбентов и антигистаминных препаратов по назначению.

При атопическом дерматите медицинская сестра обучает родителей правилам ухода:

- использование специальных увлажняющих и смягчающих средств (эмолентов) для восстановления защитного барьера кожи.

- регулярное и обильное увлажнение кожи для уменьшения зуда и сухости.

Для медицинской сестры, которая работает в школе, действия идут от плана до психологии.

Для детей с пищевой аллергией школа – зона повышенного риска. До 25% анафилактических реакций в школах случаются у детей без ранее установленного диагноза. Роль медицинской сестры, которая работает в школе, многогранна:

- индивидуальные планы: разработка плана неотложной помощи (Emergency Action Plan) и плана ведения (Individualized Health Plan) для каждого ребенка-аллергика.

- обучение персонала: тренировка учителей и персонала столовой распознавать симптомы и пользоваться автоинъектором с адреналином.

- безопасная среда: создание «свободных от аллергенов» зон в столовых, правила гигиены рук и запрет на обмен едой.

- психосоциальная поддержка: аллергия часто ведет к тревоге, стигматизации (негативное отношение к человеку или дискриминация) и буллингу (агрессия одних детей против других). Медицинская сестра работает над созданием инклюзивной и поддерживающей атмосферы.

Важное замечание: работа медицинская сестра здесь не ограничивается алгоритмами – это постоянное обучение семьи, эмоциональная поддержка ребенка и координация всех участников процесса (врачи, школа, родители). Системные проблемы, такие как нехватка медицинских сестер или недоступность адреналина, остаются серьезным вызовом.

Психологическая поддержка ребенка с аллергией и его семьи – это не просто «доброе слово». Это стратегическая задача медицинской сестры, от которой напрямую зависит соблюдение режима, эффективность лечения и качество жизни. Хроническая аллергия (особенно пищевая или атопический дерматит) – это постоянный стресс, страх и социальная изоляция.

Нами были выяснены современные аспекты психологической поддержки в работе медицинской сестры, и разбили их по ключевым направлениям.

1. Работа с тревогой ребенка (страх «невидимой угрозы»)

Маленькие дети не понимают, почему вкусная еда или милая кошка вдруг становятся опасными. У них развивается «гипервигилантность» -постоянное состояние тревожного ожидания.

Задача медицинская сестра:

- перевести страх в знание. Используйте игровые формы: «Давай нарисуем твоих «врагов» (аллергены) и «защитников» (лекарства)». Ребенок перестает чувствовать себя жертвой обстоятельств.

- научить распознавать «маячки». Объясните на пальцах: «Если у тебя начинает чесаться язык или першить в горле – это «красная лампочка». Ты должен сразу сказать взрослому, не стесняться».

– снять чувство вины. Многие дети считают, что их наказывают едой или запретами. Четко проговаривайте: «Это не ты плохой, это твой организм ошибается, мы ему помогаем».

2. Социальная изоляция и стигматизация (особенно в школе)

Ребенок, который не может употреблять пирожные на праздниках или вынужден сидеть на диете, часто становится «белой вороной». Страх буллинга (даже когда дети подсовывают «запрещенку» ради шутки) у аллергиков стоит на первом месте.

Тактика медицинской сестры:

– обучение ассертивному отказу. Научите ребенка спокойной фразе: «Спасибо, я это не ем, у меня аллергия. Меня вырвет, и я поеду в больницу». Юмор и честность работают лучше, чем застенчивость.

- работа с классом (деликатно). Медицинская сестра может предложить провести «урок здоровья», где без запугиваний рассказать, что некоторые организмы не дружат с орешками или молоком. Это снижает любопытство и травлю, превращая особенность в обычный факт.

– правило «Безопасной тарелки». Приучайте ребенка всегда брать еду только из своей упаковки и ни с кем не меняться. Это дает чувство контроля над ситуацией.

3. Работа с родителями (выгорание и гиперопека)

Родители ребенка-аллергика живут в режиме «постоянной боевой готовности». Это приводит к тревожным расстройствам у матерей и гиперопеке, которая мешает социализации ребенка.

Психологические приемы, которые может использовать медицинская сестра:

– признание права на усталость. Скажите фразу, которая освобождает: «Быть идеальной мамой в вашей ситуации невозможно. 24/7 контролировать каждый вздох – это путь к неврозу. Разрешите себе 5-минутные паузы».

– алгоритм «Если я ошиблась». Вместо запугивания («Он умрет!») дайте четкий план действий на случай случайного контакта. Когда родитель знает, что делать при ошибке (антигистамин + холод + вызов), паника уходит, и контроль становится менее жестким.

– Обучение делегированию. Научите родителей передавать ответственность воспитателям и родственникам. Это снижает «эффект заложника», когда мама боится оставить ребенка даже с бабушкой.

4. Подготовка к инвазивным манипуляциям (инъекции препаратов, прививки)

Детям с аллергией часто требуются регулярные инъекции или сложные пробы. Страх иглы здесь умножается на страх аллергена.

Существуют определенные техники:

– отвлечение сенсорикой: использование холодных спреев (криоанестезия) или вибрирующих устройств («жук-виброн»), чтобы перебить сигнал боли.

– роль «Союзника»: никогда не обманывайте ребенка («Это не больно»). Скажите правду: «Это будет щипок, как комариный укус, но он продлится всего 5 секунд. Давай посчитаем эти секунды вместе». Правда формирует доверие.

5. Терапия принятия и ответственности (ACT-подход)

В современной сестринской практике (за рубежом и внедряется у нас) используется подход:

– не бороться с аллергией, а жить с ней. Медицинская сестра помогает переформулировать установку от «Я несчастен, потому что не могу употреблять конфеты» до «Я выбираю ягоды, потому что они дают мне энергию».

– дневник побед. Предложите ребенку записывать не только симптомы, но и моменты, когда он успешно справился с искушением или сам напомнил взрослому про лекарство. Это формирует внутреннюю опору.

Медицинская сестра в ситуациях, которая касается аллергии, является – «Эмоциональным навигатором». Она не вылечит аллергию словами, но уберет главную опасность – панику. Когда ребенок и родитель понимают, что именно делать, уровень кортизола (гормона стресса) падает, и даже обострения протекают легче.

Вот вариант заключения, который обобщает ключевые аспекты современной роли медсестры и соответствует требованиям к академическим/профессиональным статьям.

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что роль медицинской сестры в педиатрической аллергологии на современном этапе вышла далеко за рамки простого исполнителя врачебных назначений.

В условиях роста распространенности аллергических заболеваний среди детей (так называемая «эпидемия аллергии») именно средний медицинский персонал становится тем связующим звеном, которое обеспечивает преемственность лечения между стационаром и амбулаторным звеном. Ключевыми современными аспектами работы являются:

1. Владение пациент-ориентированным подходом, позволяющим обучать родителей и ребенка (с учетом возрастных особенностей) принципам элиминационного режима и правилам пользования средствами экстренной помощи (например, автоинжекторами с адреналином).

2. Скрупулезное ведение «Дневников питания» и аллергологического анамнеза, что является фундаментом для точной диагностики.

3. Профилактика ятрогенных осложнений – строгий контроль за введением аллергенов при проведении специфической иммунотерапии (АСИТ) и готовность к купированию анафилактических реакций в условиях процедурного кабинета.

4. Санитарно-просветительная работа, направленная на создание гипоаллергенного быта, что является неотъемлемой частью базисной терапии.

Таким образом, повышение качества жизни ребенка с аллергией находится в прямой зависимости от уровня профессиональной компетентности, клинического мышления и коммуникативных навыков медицинской сестры.

Внедрение современных сестринских протоколов и непрерывное образование в этой области являются приоритетными задачами системы здравоохранения, позволяющими снизить частоту госпитализаций и предотвратить развитие тяжелых, угрожающих жизни состояний у детей.

Литература

1. Дробинская, А. О. Основы педиатрии и гигиена детей раннего и дошкольного возраста : учебник для вузов / А. О. Дробинская. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 342 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19789-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/589507 (дата обращения: 17.06.2026).

2. Копцева, А. В. Вскармливание и питание здоровых и больных детей : учебник для вузов / А. В. Копцева. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 63 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19620-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/590336 (дата обращения: 17.06.2026).

3. Копцева, А. В. Педиатрия. Физиологические основы и патология детей раннего возраста : учебник для вузов / А. В. Копцева, Т. Л. Костюкова. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 155 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18408-2. – Текст : электронный //

Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/590173 (дата обращения: 20.06.2026).
4. Литош, Н. Л. Адаптивная физическая культура для детей с нарушениями в развитии : учебник для среднего профессионального образования / Н. Л. Литош. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 156 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-13349-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/588043 (дата обращения: 17.06.2026).

Колосова А.А. ЛЕЙКОЗЫ: ДЕТСКАЯ И ВЗРОСЛАЯ ОНКОГЕМАТОЛОГИЯ. Н. рук. Шенцева И.Н.

Лейкемия (лейкоз) – это группа онкологических заболеваний, которые берут начало в системе кроветворения (гемопоэзе), относятся к злокачественным новообразованиям и входят в шестёрку самых распространённых их видов. Из-за высокой летальности эти заболевания требуют радикального лечения, в том числе трансплантации клеток костного мозга. Без такого лечения риск смерти сильно возрастает. Большую роль на всех этапах терапии играет сестринский уход: он помогает пациентам выжить и повышает шансы на выздоровление. Именно поэтому выбранная тема имеет большую практическую важность.

Цель – показать фундаментальные различия между детской и взрослой онкогематологией в контексте лейкозов, охарактеризовать особенности сестринского ухода за детьми.

Детская и взрослая онкогематология при лейкозах во многом работают по-разному.

1. Какие формы встречаются.

У детей доминирует острый лимфобластный лейкоз (ОЛЛ). На него приходится около 80-90% случаев лейкозов в педиатрии, пик заболеваемости – 2-5 лет.

У взрослых картина иная: чаще диагностируют острый миелоидный лейкоз (ОМЛ), а также хронические формы – хронический лимфолейкоз (ХЛЛ), хронический миелолейкоз (ХМЛ). При этом риск ОМЛ резко возрастает после 60 лет.

2. Биология опухоли.

Часто у детей и взрослых при одном и том же типе лейкоза выявляют разные генетические профили и мутации. Например, некоторые генетические аномалии, характерные для детского ОЛЛ, могут ассоциироваться с более благоприятным ответом на химиотерапию. У взрослых опухоли нередко имеют более агрессивные молекулярные особенности.

2. Подходы к лечению.

В детской практике применяют интенсивные, стандартизированные многоэтапные протоколы. Их цель – максимально подавить опухоль, и благодаря высокой пролиферативной активности детских клеток такие схемы часто оказываются высокоэффективными. Большое внимание уделяется контролю токсичности и мощной поддерживающей терапии.

Во взрослой практике подход более индивидуализированный. Врачи стремятся найти баланс: с одной стороны – достичь ремиссии, с другой – учесть сопутствующие заболевания пациента, которые могут ограничивать интенсивность терапии. Активно развиваются таргетные и иммунотерапевтические подходы. Иногда применяют менее интенсивные, но длительные схемы.

4. Прогноз.

В целом показатели выживаемости у детей при многих формах лейкоза выше, чем у взрослых. Например, при ОЛЛ у детей пятилетняя выживаемость может достигать 80-90%, тогда как у взрослых при аналогичных формах она

заметно ниже. На прогноз, конечно, сильно влияют конкретный подтип, молекулярно-генетические особенности, стадия на момент диагностики и ответ на терапию.

5. Организация помощи.

В детской онкогематологии часто работает централизованная система: лечение проводят в специализированных центрах по единым мультицентровым протоколам, что способствует стандартизации и улучшению результатов.

Во взрослой практике пациентов ведут онкологи или гематологи, и здесь сильнее выражена необходимость персонализации под конкретного человека с учётом его коморбидности. Также для взрослых пациентов острее стоит вопрос поиска совместимого донора для трансплантации.

Современная медицина активно развивает подходы, адаптированные именно для пожилых (менее токсичные схемы, таргетная терапия), что даёт надежду. Во взрослом и пожилом чаще встречаются формы: острый миелоидный лейкоз (ОМЛ) называют «болезнью пожилых»: средний возраст на момент постановки диагноза – около 68 лет, а пик заболеваемости приходится на возраст 65–74 года. У пожилых пациентов прогноз в среднем хуже, чем у молодых. Это связано не только с самим заболеванием (часто выявляются более агрессивные генетические мутации), но и с сопутствующими факторами: у многих пожилых людей есть другие хронические болезни (коморбидность), которые ограничивают возможность проводить интенсивную терапию. Однако это не означает, что болезнь нельзя взять под контроль: у части пациентов удаётся достичь ремиссии, а в некоторых случаях – длительного контроля над заболеванием.

В целом прогноз при любом типе лейкемии зависит от множества факторов: конкретной подформы заболевания, её молекулярно-генетических особенностей, возраста пациента, общего состояния здоровья и своевременности начатого лечения.

Первичный очаг обычно формируется в костном мозге: из-за мутации стволовая клетка или её предшественник начинает бесконтрольно делиться, давая начало клону аномальных клеток. Данные клетки часто не созревают до функционального состояния. По мере прогрессирования болезни они выходят в периферическую кровь, а затем с током крови или лимфы распространяются в другие органы – селезёнку, лимфатические узлы, печень, иногда в центральную нервную систему, формируя там очаги (инфильтраты), которые нарушают их работу.

У детей чаще всего встречается острый лимфобластный лейкоз (ОЛЛ). Пик заболеваемости действительно приходится примерно на 3–4 года (в целом диапазон 2–5 лет). На ОЛЛ приходится около 75–80% всех опухолевых заболеваний кроветворной системы у детей. Благодаря современным протоколам лечения показатели выживаемости у детей с ОЛЛ очень высокие – около 80–90%.

Сестринский уход, особенно, при лейкемии у детей очень важен: он не только помогает облегчить состояние ребёнка, но и снижает риск осложнений, пока идёт лечение (часто это интенсивная химиотерапия).

Из-за подавления иммунитета ребёнок крайне уязвим для инфекций. Поэтому его часто размещают в боксированной палате. Медицинская сестра

строго соблюдает санитарно-эпидемиологический режим: регулярно меняет бельё, следит за чистотой поверхностей, контролирует гигиенические процедуры самого ребёнка и тех, кто за ним ухаживает. Важно ограничивать контакты с людьми, у которых есть признаки инфекции.

Медицинская сестра регулярно измеряет температуру, пульс, артериальное давление, частоту дыхания, сатурацию кислорода. Также ведётся почасовой учёт диуреза, проводится ежедневное взвешивание. Любые отклонения от нормы сразу фиксируются и сообщаются врачу.

Кожа и слизистые – «ворота» для инфекции. Поэтому ежедневно проводят гигиенические процедуры (душ или обтирания, например, раствором хлоргексидина). При уходе за ротовой полостью используют мягкие зубные щётки или ротовой душ, регулярно полощут рот антисептическими растворами (например, 0,05% хлоргексидином). Любые повреждения кожи обрабатывают антисептиками.

Медицинская сестра помогает справиться с частыми побочными эффектами химиотерапии: следит за режимом питания (маленькие порции, щадящая пища), при необходимости сообщает врачу для назначения противорвотных средств.

Помимо ухода за полостью рта, советуют избегать слишком горячей, сухой, кислой или острой пищи, которая травмирует слизистую.

При низком уровне тромбоцитов нужно максимально предотвращать травмы: избегать внутримышечных инъекций, ректального измерения температуры, клизм. Если возникает кровотечение, медицинская сестра оказывает доврачебную помощь (например, при носовом кровотечении – усадить ребёнка, попросить вдыхать через нос и выдыхать через рот, приложить холод к переносице) и немедленно вызывает врача.

Часто при лечении требуется установка центрального венозного катетера. Медицинская сестра тщательно следит за его состоянием, проводит уход, чтобы снизить риск инфицирования или других осложнений.

Такие значимые моменты как поддержка питания, психологическая поддержка, являются неотъемлемой частью ухода за детьми.

Кроме всего прочего медицинская сестра является еще и педагогом, так как обучает детей и их законных представителей правилам ухода за кожными покровами и слизистыми оболочками.

К важным принципам ухода относиться индивидуальный подход к каждому ребенку, взаимодействие врачей разных специальностей, средним и младшим персоналом, а также с семьей пациентов. Задачей медицинской сестры является предугадывать возможные осложнения и вовремя принять меры профилактики.

Литература

1. Епифанов, В. А. Основы реабилитации : учебник для медицинских училищ и колледжей / под ред. В. А. Епифанова, А. В. Епифанова. – 2-е изд. , перераб. и доп. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2024. – 640 с. – ISBN 978-5-9704- 8813-3. – Текст : электронный // ЭБС "Консультант студента" : [сайт]. – URL : 45 https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970488133.html (дата обращения: 10.06.2026).

2. Ежова, Н. В. Педиатрия. Разноуровневые задания / Н. В. Ежова, А. Э. Королёва – Минск : Выш. шк. , 2022. – 672 с. – ISBN 978-985-06-1508-4. – Текст : электронный // ЭБС "Консультант студента" : [сайт]. – URL: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9789850615084.html (дата обращения: 02.06.2026).
3. Злокачественные новообразования у детей : монография / Н.В. Малюжинская, М.А. Моргунова, И. В. Петрова [и др.]. – Волгоград : ВолгГМУ, 2023. – 416 с.
4. Калмыкова, А. С. Педиатрия. Основы ухода за больными : учебник / под ред. А.С. Калмыковой. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5- 9704-3703-2. – Текст : электронный // ЭБС "Консультант студента" : [сайт]. – URL : https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970437032.html (дата обращения: 18.06.2026).

Морозова Ю. А. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ЛЕЧЕНИЯ COVID-19 В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ. Н. рук. Калугина Д. В.

Пандемия, спровоцированная коронавирусом SARS-CoV-2, поставила перед глобальной системой здравоохранения невиданные прежде трудности, став одним из наиболее значимых кризисов XXI столетия. Хотя острая фаза этого заболевания миновала, и оно перестало представлять собой чрезвычайную угрозу, вирус не исчез полностью. COVID-19 теперь проявляет себя как сезонно распространяющаяся респираторная инфекция. Тем не менее, постоянное присутствие и способность вируса к мутациям по-прежнему несут в себе угрозу развития серьезных осложнений, особенно для уязвимых групп населения. Это обстоятельство подчеркивает важность поддержания в медицинской сфере современных и научно подтвержденных протоколов лечения пациентов.

В соответствии с официальными данными наблюдается различие в количестве случаев заболевания и участии разных возрастных категорий в распространении COVID-19. Согласно мировой статистике по количеству случаев заболевания на 100 000 человек лидируют следующие страны: Таиланд, Бразилия, Греция, Великобритания, Россия [3].

Среди инфицированных преобладают люди трудоспособного возраста от 15 до 64 лет, составляя большинство (65,0-74,0 %), тогда как доля пожилых людей старше 65 лет значительно меньше (18-23 %). Однако, среди умерших картина иная: подавляющее большинство составляют лица старше 65 лет (70,0-82,0 %), а доля людей в возрасте 15-64 лет среди скончавшихся − от 18,0 до 30,0 %. Доля заболевших среди детского контингента от 0 до 14 лет в период эпидемии составила 7,0-12,0 %, показатели с летальным исходом – 0,018-0,012 % [2].

С 2025 года наблюдается становление и развитие стандартизированной медицины, основанной на доказательной базе. Критически важным аспектом является факт утверждения Министерством здравоохранения Российской Федерации клинических протоколов лечения коронавирусной инфекции у взрослой категории пациентов.

Хорошие результаты в оказании необходимой медицинской помощи принесло внедрение классификации больных в зависимости от степени тяжести заболевания, вероятности нежелательных последствий, потребности в объеме предоставляемых медицинских услуг. Это позволило определять наиболее точную стратегию лечения пациентов в рамках амбулаторного наблюдения, стационарного лечения или интенсивной терапии, учитывая подбор максимально результативной фармакотерапии и оптимизацию маршрутизации пациента, а также срока их пребывания в медицинском учреждении.

Современные подходы к терапии COVID-19 формируют сложную, многоступенчатую систему. В амбулаторных условиях краеугольным камнем является этиотропная терапия, включающая своевременное применение прямых противовирусных средств для торможения размножения патогена: молнупиравир в дозе 800 мг внутрь 2 раза/сут. (суточная доза 1600 мг) в течение 5 суток. В качестве симптоматической терапии рекомендуется при температуре тела выше 38°С, а также при мышечных и суставных болях, применение ибупрофена в дозировке 200-400 мг от 3 до 4 раз в день на протяжении 3-10 дней.

Это назначение осуществляется с целью снижения температуры, устранения боли и купирования воспалительных процессов. Суточная доза препарата не должна превышать 1200 мг.

Параллельно осуществляется патогенетическое лечение, направленное на подавление воспалительных процессов, профилактику тромбообразования и обеспечение адекватной вентиляции легких. Для пациентов с нетяжелым течением COVID-19, но имеющих значительное количество сопутствующих заболеваний, целесообразно применять будесонид в виде ингаляций.

Рекомендуемая дозировка составляет 800 мкг дважды в день. Терапию следует проводить до полного выздоровления, однако курс лечения не должен превышать двух недель – профилактика чрезмерной воспалительной реакции в организме. Для пациентов с COVID-19 легкой или умеренной степени тяжести, которые имеют высокий риск развития осложнений (тромбоз глубоких вен или тромбоэмболия легочной артерии), в рамках антитромботической терапии рационально назначение профилактического лечения. Препаратами выбора являются пероральное применение прямых ингибиторов фактора ха или прямых ингибиторов тромбина − апиксабан и ривароксабан, а также N-(5-Хлорпиридин-2-ил)-5-метил-2-(4-(N-метилацетимидамидо) бензамидо) бензамида гидрохлорид.

Одним из важных этапов терапии является комплексный подход к восстановлению в процессе реабилитационных мероприятий, что позволит вернуть многих пациентов к полноценной жизни, в первую очередь страдающих от резидуальных проявлений заболевания [4].

Пациентам, переболевшим COVID-19 с необходимостью ИВЛ, оправданно раннее начало восстановления дыхательной функции. Лечебная физическая культура поможет снизить интенсивность таких проявлений, как затрудненное дыхание, улучшить способность переносить физические нагрузки и, в конечном счете, повысить общее качество жизни. Так как пока не существует научно обоснованного метода возвращения пациентов к физической активности, следует придерживаться разумной стратегии: процесс должен быть поэтапным, адаптированным к каждому конкретному человеку и учитывать его индивидуальную переносимость нагрузок. После разделения пациентов на группы в зависимости от уровня риска и при условии отсутствия симптомов в течение как минимум недели, можно применять ступенчатый метод для постепенного увеличения физической активности до первоначального или рекомендованного уровня [1].

Психотерапевтические подходы также играют ключевую роль в процессе восстановления, при этом особенно результативной зарекомендовала себя когнитивно-поведенческая терапия. Важным компонентом реабилитации являются и образовательные программы, направленные на систематизацию знаний о природе заболевания и его влиянии на жизнь пациента, а также на повышение осознанности и вовлеченности больного в процесс лечения. Кроме того, эффективным инструментом выступает обучение техникам прогрессивной мышечной релаксации [4].

Перспективы заболеваемости COVID-19 по-прежнему окутаны неопределенностью. Статистические данные подтверждают актуальность

стратификации и дифференцированного подхода в лечении заболевания. Внедрение стандартизированных, научно обоснованных принципов лечения является необходимым условием для снижения тяжести течения инфекции, предотвращения осложнений и улучшения прогноза для пациентов из групп риска.

Литература

1. Громова, Е.С. Физическая реабилитация после коронавирусной инфекции: учебно-методическое пособие / Е.С. Громова, О.В. Шакирова, Л.П. Акимова. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022 – 59 с. – ISBN 978-5-7444-5288-9. – URL: https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/. – Дата публикации: 14.09.2022.
2. Карпова Л. С., Пелих М. Ю., Волик К. М. и др. Тенденции динамики заболеваемости и смертности от COVID19 в России (2020-2025 гг.) // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. – 2025. − № 24 (5). − 4-23. Режим доступа: https://doi:10.31631/2073-3046- 2025-24-5-4-23
3. Каталог статистики и мировых данных // Количество случаев заболеваемости COVID-19. Страны − статистика с 2020 по 2025 годы. – 2026. − Режим доступа: https://statbase.ru/datasets/healthcare/estimated-number-of-covid19-new-cases/
4. Национальная ассоциация специалистов по инфекционным болезням имени академика В. И. Покровского (НАСИБ). Рубрикатор клинических рекомендаций – ресурс Минздрава Росси // Клинические рекомендации. Коронавирусная инфекция COVID-19. – 2025. − Режим доступа: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/1024_1

Ордынец М.А. **СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ ПРИ ГЕЛЬМИНТОЗАХ У ДЕТЕЙ.**
Н. рук. Шенцева И.Н.

Гельминтозы остаются одной из актуальнейших проблем педиатрии. По данным ВОЗ, миллиарды людей в мире инфицированы гельминтами, и дети, особенно дошкольного и младшего школьного возраста, составляют основную группу риска. В структуре паразитарных заболеваний у детей лидируют энтеробиоз и аскаридоз.

Целью нашего исследования является изучение деятельности медицинской сестры в профилактике и лечении гельминтозов у детей.

Сегодня роль медицинской сестры не ограничивается выполнением врачебных назначений. Она становится ключевым звеном в организации профилактической работы, санитарно-просветительской деятельности и мониторинге эпидемиологической ситуации.

Современная медицинская сестра должна владеть навыками раннего выявления гельминтозов. Клиническая картина у детей часто стерта и неспецифична: это могут быть нарушения стула, боли в животе, аллергические реакции (кожный зуд, крапивница), неврологические проявления (головные боли, раздражительность, нарушение сна). Патогномоничным симптомом энтеробиоза является перианальный зуд в ночное время.

В компетенцию медицинской сестры входит правильный забор биологического материала для лабораторных исследований:

- соскоб с перианальных складок (на энтеробиоз) – берется утром до дефекации и подмывания с помощью липкой ленты или ватной палочки;
- анализ кала на яйца гельминтов – материал собирается в чистую емкость в количестве не менее 5–10 г.

Важно организовать обследование детей при поступлении в ДОО, а также ежегодно в августе-сентябре. При выявлении положительных результатов медицинская сестра немедленно информирует родителей и направляет ребенка к педиатру для назначения лечения.

При лечении гельминтозов медицинская сестра играет роль координатора и контролера. Основные антигельминтные препараты – пирантел, мебендазол (Вермокс), декарис, которые назначаются врачом с учетом возраста и веса ребенка. В этот момент важно объяснить правила приема препаратов.

Сестринский уход включает:

- контроль регулярного приема препаратов;
- организацию очистительных клизм утром и вечером в период лечения;
- ежедневную смену нательного белья (дважды в день);
- ежедневную смену и проглаживание постельного белья горячим утюгом;
- короткую стрижку ногтей и обработку подногтевого ложа спиртом;
- ежедневный душ или ванну.

Важнейший аспект – предотвращение аутоинвазии (повторного самозаражения), особенно при энтеробиозе, когда расчесывание зудящих мест приводит к повторному попаданию яиц в желудочно – кишечный тракт.

Профилактическая работа – это современный приоритет в деятельности медицинской сестры. Она охватывает несколько направлений, санитарно-

гигиенические мероприятия в организованных коллективах, здесь медицинская сестра контролирует организацию влажной уборки (дважды в день), обработку стульев, унитазов и перегородок в туалетных комнатах дезинфицирующими растворами, ежедневное мытье игрушек, смену полотенец.

Особого внимания требует состояние песочниц – источника геогельминтозов. Медицинская сестра должна следить за своевременной заменой песка (перед началом сезона), его соответствием гигиеническим нормативам, а также за тем, чтобы песочницы имели крышки и сплошное дно, предотвращающее проникновение животных. Исследования показывают, что в песочницах могут обнаруживаться яйца токсокар, аскарид и остриц.

Санитарно-просветительская работа – это одно из важнейших направлений. Медицинская сестра проводит беседы с детьми о необходимости мытья рук, о том, что нельзя брать пальцы и игрушки в рот, грызть ногти.

Работа с родителями включает обучение правилам профилактики в домашних условиях:

- ежедневная смена нательного белья и стирка при температуре не ниже 60°С;
- смена постельного белья не реже 1 раза в неделю;
- тщательное мытье фруктов, овощей и зелени;
- употребление только кипяченой воды;
- подмывание ребенка после дефекации;
- влажная уборка помещений.

В ходе проведения исследовательской работы, мы проанализировали статистические данные заболеваемости в г. Белгороде, данные были взяты из Областного доклада «О состоянии санитарно – эпидемиологического благополучия населения Белгородской области в 2024 году». Изучив документ и проанализировав, данные мы видим, что уровень заболеваемости аскаридозом среди населения увеличился в 1, 4 раза на 100тысяч населения в 2023 году до 0,94 на 100 тысяч населения в 2024 году.

Затем мы рассмотрели количество случаев заболеваемости энтеробиозом и выяснили, что в 2023 году она выросла на 7,1% с 75, 28 на 100 тысяч населения, до 80,61 на 100 тысяч населения в 2024 году.

Аскаридоз 10 случаев в 2022 году, 6 случаев в 2023 году и 14 случаев в 2024 году.

Энтеробиоз 1260 в 2022 году, 1143 в 2023 году и 1203 в 2024 году. Данные мы решили отобразить графически для большей наглядности (Рисунок 1).

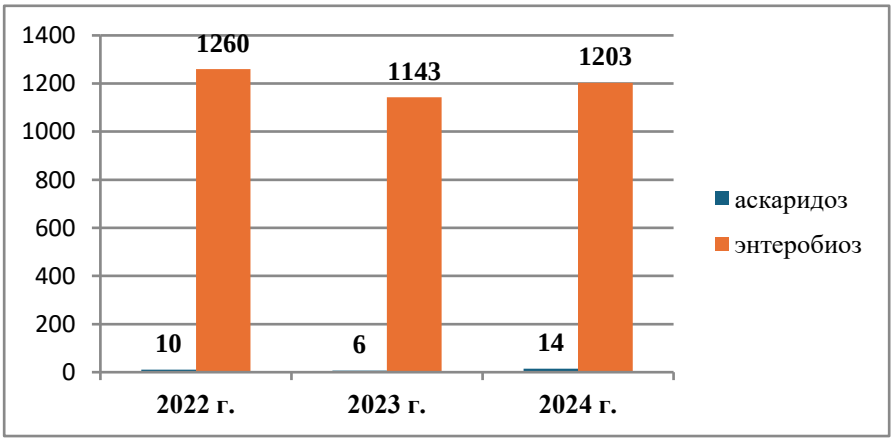

Рисунок 1. – Статистика заболеваемости по Белгородской области в период 2022 -2024 гг.

Мы можем сделать вывод, что энтеробиоз остаётся актуальной проблемой для здравоохранения.

На следующей диаграмме представлены показатели, которые говорят о впервые выявленных случаях и общее количество заболевших гельминтозами (Рисунок 2).

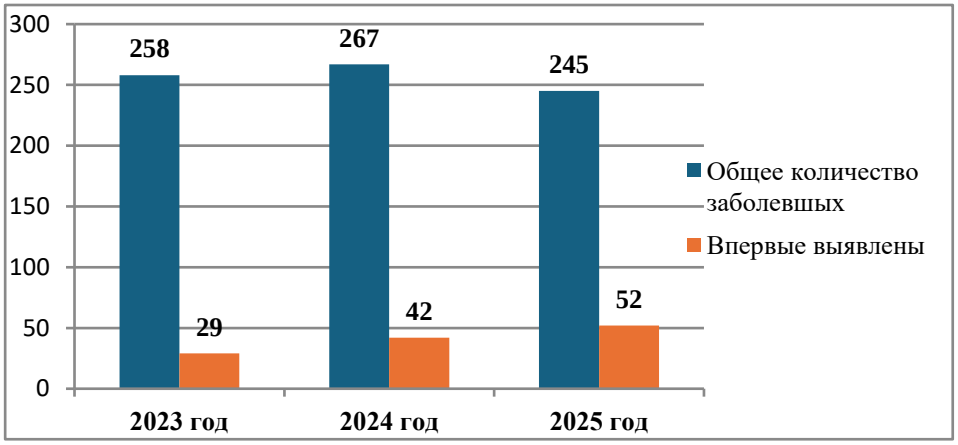

Рисунок 2. – Статистические данные

На представленной диаграмме мы видим, что общее количество заболевших идет на спад, а впервые выявленных случаев растет. Поэтому мы можем отметить важность проведения профилактических мероприятий с родителями, дети которых находятся в группе риска.

В рамках исследования мы провели анкетирование родителей пациентов и проанализировали полученные данные. В опросе приняли участие 30 респондентов им предложили ответить на 17 вопросов, посвящённых работе медицинского персонала в контексте гельминтозов.

Характеристика выборки

Возраст пациентов педиатрического профиля:

17 % – дети 3 лет;

22 % – от 3 до 7 лет;

46 % – от 7 до 12 лет (наиболее многочисленная группа);

15 % – от 12 до 18 лет.

Гендерный состав пациентов стационара:

78 % – девочки;

22 % – мальчики.

Место жительства:

83 % – город;

6 % – село;

9 % – посёлок.

Основные диагнозы при поступлении в стационар

Родители указали следующие заболевания у детей:

заболевания органов дыхательных путей – 59 %;

заболевания ЖКТ – 25 %;

заболевания почек – 6 %;

заболевания мочеполовой системы – 10 %.

Осведомлённость родителей о гельминтозах и профилактических мерах

Анализ ответов на вопросы о гельминтозах показал следующие результаты:

1. Знание термина «гельминтоз»:

21 % респондентов не знакомы с понятием;

79 % имеют представление о гельминтозах.

2. Беседы о санитарно-гигиенических навыках:

95 % родителей подтвердили, что с ними проводили такие беседы;

5 % не получали подобной информации.

3. Информированность об источниках заражения:

96 % родителей осведомлены об источниках заражения;

4 % не имеют таких знаний.

4. Сроки получения информации о профилактике заражения нематодами:

3 % узнали в течение последних нескольких дней;

15 % владеют информацией несколько месяцев;

большая часть респондентов знают об этом около года;

10% знакомы с профилактическими мерами более 5 лет.

5. Удовлетворённость преаналитической работой персонала:

89 % родственников удовлетворены качеством работы;

11% выразили неудовлетворённость.

Общая удовлетворённость работой медицинского персонала:

97%респондентов положительно оценили работу персонала, качество услуг и профилактическую деятельность;

3 % дали менее позитивные оценки.

Готовность применять противогельминтные меры после бесед с персоналом: большинство родителей подтвердили готовность использовать профилактические меры.

Готовность распространять гигиенические знания: все опрошенные заявили, что будут рекомендовать своему окружению соблюдать правила личной гигиены и прививать гигиеническую культуру.

Выводы:

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

Профилактика и лечение гельминтозов у детей остаётся актуальной задачей современной педиатрии.

Медицинская сестра играет одну из ключевых ролей в профилактике и лечении гельминтозов, поскольку персонал несёт ответственность за предотвращение инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи (в т.ч. гельминтозов).

По результатам анкетирования, медицинский персонал демонстрирует высокий уровень профессионализма: обладает необходимыми знаниями и навыками, оказывает качественную медицинскую помощь.

Анализ структуры заболеваний показал, что наиболее уязвимая группа – дети от 3 до 7 лет. Именно этому контингенту следует уделять повышенное внимание:

- активно пропагандировать среди родителей и детей важность соблюдения санитарно-гигиенических норм;

- повышать уровень информированности о профилактике гельминтозов;
- разъяснять риски развития осложнений и вероятность заражения всех членов семьи.

Литература

1. Инфекционные болезни у детей : учебник для вузов / под редакцией В. А. Анохина.– 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 563 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21358-4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/569894 (дата обращения: 18.06.2026).
2. Медицинская паразитология : учебник для среднего профессионального образования / под редакцией В. А. Анохина. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 88 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-19752-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/590386 (дата обращения: 18.06.2026).
3. *Мисюк, М. Н.* Основы медицинских знаний и здорового образа жизни : учебник и практикум для вузов / М. Н. Мисюк. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 379 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17449-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/559832 (дата обращения: 18.06.2026).

Фёдорова С.П. Серебренникова П.С. **РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЫРАЖЕННОСТИ ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОЙ СИМПТОМАТИКИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

Н. рук. Ромащенко О.В. Золотухин Д.И.

Рост распространённости тревожно-депрессивных расстройств среди студентов медицинских вузов является значимой медико-социальной проблемой современной высшей школы [1, 3]. Учебная деятельность будущих врачей сопряжена с высокой информационной нагрузкой, ответственностью за принимаемые клинические решения и эмоциональным напряжением, что делает эту группу особенно уязвимой к развитию тревожных и депрессивных состояний [2]. Особый интерес представляет сравнение выраженности тревожно-депрессивной симптоматики у студентов-медиков регионов, различающихся по степени близости к зоне проведения специальной военной операции. Прифронтовые территории характеризуются постоянным риском ракетных и дроновых атак, тогда как тыловые регионы находятся в относительной безопасности; при этом влияние фактора хронической внешней угрозы на внутреннюю тревогу и депрессию у студентов остаётся малоизученным и требует дальнейшей оценки на расширенных выборках [4].

Проанализировать и сопоставить выраженность тревожно-депрессивной симптоматики у студентов медицинских вузов прифронтового региона (Белгородская область) и тылового региона (Ярославская область) России в условиях специальной военной операции на расширенной выборке.

В исследовании приняли участие 151 студент 3 курса медицинских вузов: 102 студента Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ», Белгород, прифронтовой регион) и 49 студентов Ярославского государственного медицинского университета (ЯГМУ, Ярославль, тыловой регион). Средний возраст студентов БелГУ составил 23,5 года, ЯГМУ – 20,3 года. Среди студентов БелГУ доля юношей составила 44,1%, девушек – 55,9%; среди студентов ЯГМУ – 20,4 и 79,6% соответственно. Уровень тревоги и депрессии оценивали с использованием госпитальной шкалы тревоги и депрессии HADS (Zigmond, Snaith), включающей две подшкалы по 7 пунктов каждая; результат интерпретировали по стандартным градациям: 0–7 баллов – норма, 8–10 баллов – субклинически выраженная тревога/депрессия, 11 баллов и более – клинически выраженная тревога/депрессия. Статистическую обработку проводили в программе Microsoft Excel и Python (библиотека SciPy) с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок (при неравных дисперсиях – с поправкой Уэлча), критерия χ^2 Пирсона для сравнения частот и корреляционного анализа Пирсона. Критическим уровнем статистической значимости принимали $p<0,05$.

Нормальный уровень тревоги установлен у 59,8% студентов БелГУ и у 42,9% студентов ЯГМУ; субклинически выраженная тревога выявлена у 25,5 и 32,6% соответственно; клинически выраженная тревога – у 14,7 и 24,5% студентов соответственно. Средний балл тревоги по шкале HADS составил 6,43±0,40 у студентов БелГУ (уровень нормы) и 9,14±0,67 у студентов ЯГМУ

(субклинический уровень); различие между группами статистически значимо (t=–3,48; p=0,0008).

Нормальный уровень депрессии выявлен у 78,4% студентов БелГУ и у 69,4% студентов ЯГМУ; субклинически выраженная депрессия – у 13,8 и 26,5% соответственно; клинически выраженная депрессия – у 7,8 и 4,1% студентов соответственно. Средние значения депрессии составили 5,05±0,35 балла у студентов БелГУ и 5,71±0,44 балла у студентов ЯГМУ (оба показателя в пределах нормы); различие между группами не достигло статистической значимости (t=–1,18; p=0,24).

При сравнении частот встречаемости категорий тяжести тревоги (норма/субклиническая/клиническая) методом χ^2 статистически значимых различий между группами не получено (p=0,13), однако при укрупнённом сравнении «норма против отклонения от нормы» отмечается тенденция к более высокой частоте отклонений у студентов ЯГМУ (p=0,075), что согласуется с более высоким средним баллом тревоги в этой группе. По частотам категорий депрессии статистически значимых межгрупповых различий не выявлено (p=0,31 и p=0,60 для сравнений «норма/не норма» и «клиника/не клиника» соответственно).

У студентов обеих групп обнаружена статистически значимая прямая корреляция между уровнями тревоги и депрессии: у студентов ЯГМУ – умеренная (r=0,53; p<0,001), у студентов БелГУ – умеренная (r=0,45; p<0,001), что подтверждает тесную взаимосвязь этих психоэмоциональных нарушений независимо от региона проживания.

Полученные на расширенной выборке данные подтверждают ранее выявленную закономерность: у студентов-медиков тылового города Ярославля средний уровень тревоги достоверно выше, чем у студентов-медиков прифронтового Белгорода [4]. Данная тенденция сохраняется и при увеличении объёма выборки почти в 2,5 раза (с 60 до 151 студента), что повышает достоверность и обобщаемость выводов. Можно предположить, что длительное нахождение в условиях хронической внешней угрозы в прифронтовом регионе сопровождается формированием адаптационных психологических механизмов и определённой мобилизацией психики, тогда как относительно спокойная внешняя обстановка тылового региона не исключает развития повышенной тревожности, связанной с иными факторами учебной и повседневной жизни студентов [2, 4]. Отсутствие статистически значимых различий по уровню депрессии между группами при расширении выборки указывает на то, что депрессивный компонент эмоционального состояния, в отличие от тревожного, может быть менее чувствителен к фактору региональной угрозы и определяться преимущественно иными, общими для студентов-медиков причинами – учебной нагрузкой, профессиональным выгоранием и особенностями образа жизни [1, 3]. Выявленная во всех группах статистически значимая связь между тревогой и депрессией подтверждает представление о едином психоэмоциональном континууме этих расстройств [3] и указывает на целесообразность их совместной оценки и профилактики в рамках программ психологической поддержки студентов медицинских вузов.

1. У студентов-медиков 3 курса тылового города Ярославля выявлен статистически значимо более высокий средний уровень тревоги по шкале HADS по сравнению со студентами прифронтового Белгорода (9,14±0,67 против 6,43±0,40 балла; p=0,0008), при отсутствии статистически значимых различий по уровню депрессии.

2. Клинически выраженная тревога встречается у студентов ЯГМУ почти в 1,7 раза чаще, чем у студентов БелГУ (24,5 против 14,7%), тогда как клинически выраженная депрессия несколько чаще выявляется у студентов БелГУ (7,8 против 4,1%).

3. В обеих исследуемых группах установлена статистически значимая прямая корреляция средней силы между уровнями тревоги и депрессии (r=0,45–0,53; p<0,001), что подтверждает взаимосвязь этих психоэмоциональных нарушений независимо от региона проживания и обучения студентов.

4. Полученные на расширенной выборке (151 человек) результаты подтверждают целесообразность разработки региональных программ психологической поддержки студентов-медиков с учётом различий факторов, влияющих на их эмоциональное состояние в прифронтовых и тыловых регионах России в условиях специальной военной операции.

Литература

1. Ромащенко О.В., Соколова О.В., Куприянова В.В. Статистика тревожно-депрессивных расстройств среди студентов медицинского вуза // Терапия. – 2026. – Т. 12, № 2S. – С. 155.

2. Ромащенко О.В., Мужчиль Д.А. Ориентиры для мультидисциплинарной помощи подросткам с ограниченными возможностями здоровья // Терапия. – 2026. – Т. 12, № 2S. – С. 154.

3. Zigmond A.S., Snaith R.P. The Hospital Anxiety and Depression Scale // Acta Psychiatrica Scandinavica. – 1983. – Vol. 67, № 6. – P. 361–370.

4. Ромащенко О.В., Якунченко Т.И., Золотухин Д.И., Соколова О.В., Нухова О.В., Куприянова В.В. Тревожно-депрессивные расстройства среди студентов-медиков прифронтового и тылового городов России // Терапия. – 2026. – Т. 12, № 2S. – С. 156.

Раздел 5. Государство и право

Доронин М.А. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПОЧЕМУ ГУМАНИТАРНЫЕ «ИМПЕРАТИВЫ» ИМЕЮТ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ? Н. рук. Пасенов А.Н.

Насилие, осуществляемое в отношении лиц женского пола, до сих пор остается нередким явлением в современной практике ведения государствами вооруженных конфликтов. Например, по результатам исследования Ю.Е. Жигалевой: «число жертв, пострадавших от сексуального насилия в Боснийском конфликте [1992-1995 гг.] составило около 20 тысяч человек, как минимум 250 тысяч жертв во время геноцида в Руанде [1994 г.]» [1]. Такое огромное число жертв во время политических кризисов вызвало немалую обеспокоенность со стороны международного сообщества. По сути, данный период можно назвать точкой отсчета в части создания и совершенствования международно-правовых мер, которые призваны защищать женщин и девочек от насилия во время конфликтов. Однако об эффективности таких мер свидетельствует высказывание Верховного комиссара ООН по правам человека Ф. Тюрка в 2025 году: «масштабы гендерного насилия растут – особенно в условиях вооруженных конфликтов» [2]. Так, целью настоящей статьи является оценка проблем реализации на практике международно-правовых инструментов защиты женщин от сексуального насилия во время вооруженных конфликтов.

Рассматриваемая нами проблема не раз отмечалась в международно-правовых документах. Одной из знаковых стала Резолюция 1325 (2000) Совета Безопасности ООН, в которой он «призывает все стороны в вооруженных конфликтах принимать специальные меры для защиты женщин и девочек от обусловленного половой принадлежностью насилия, особенно изнасилования и других форм сексуального надругательства» [3]. Положения данного документа получили свое развитие в других Резолюциях. Например, в Резолюции 1820 (2008) Совет Безопасности «требует немедленного и полного прекращения всеми сторонами в вооруженном конфликте всех актов сексуального насилия в отношении гражданского населения» [4], а также «требует, чтобы все стороны в вооруженном конфликте незамедлительно приняли для защиты гражданских лиц, включая женщин и девочек, от всех форм сексуального насилия надлежащие меры» [4]. Такая правовая обеспокоенность показала, что международное сообщество пытается реализовать нормы о защите прав человека исходя из гуманистических принципов, заложенных в ряде «рекомендательных» актов (например, права на личную неприкосновенность в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека). Придание общеобязательной силы в формальном обрамлении Резолюции Совета Безопасности ООН (которые обязательны для исполнения всеми государствами) отражает значимость защиты прав человека (в частности, женщин и девочек) при решении государственных вопросов. Так, норма о недопущении насилия в отношении женщин и девочек в рамках

вооруженных конфликтов, по сути, является императивом (термин был введен в оборот И. Кантом, который определял, что нравственная норма должна быть формально независимой в своих основаниях от каких бы то ни было фактических условий человеческого воления). Так, нравственный императив, описанный правозащитниками в середине XX века в конвенциональных документах (в рамках Всеобщей декларации прав человека, конвенций) обрел новое, помимо нравственного, – правовое значение.

Как мы уже отмечали, правовая обеспокоенность не отражает в полной мере эффективную реализацию таких норм государствами на практике. Так, например, в Докладе Генерального секретаря ООН от 2021 года отмечается, что «женщины-миротворцы и правозащитницы часто подвергались особым нападкам, в том числе сексуальному насилию и преследованиям в качестве формы расправы, с целью исключить их из общественной жизни» [5]. А в докладе за 2024 год отмечалось, что «число случаев сексуального насилия, связанного с вооруженными конфликтами, выросло на 25 процентов по сравнению с предыдущим годом» [6]. Причем такие нарушения фиксировались как негосударственными, так и государственными субъектами. Помимо нарушений на африканском континенте (например, в Демократической Республике Конго, Сомали, Центральноафриканской Республике), нарушения коснулись и государств Восточной Европы (например, в рамках вооруженного конфликта на Украине; в результате украинской оккупации Курской области российской стороной зафиксированы случаи изнасилований, насильственных действий сексуального характера [7]). Так, механизм защиты лиц женского пола от сексуального насилия в вооруженных конфликтах не является эффективным.

Имеется ряд причин, из-за которых рассматриваемые нами меры защиты женщин от сексуального насилия неэффективны (в первую очередь, учитываем неэффективность самоконтроля государств в данной области). С правовой точки зрения отсутствует эффективный инструмент принуждения государств к соблюдению требований Резолюций Совета Безопасности ООН. Как отмечает Международный комитет Красного Креста (далее – МККК): «изнасилование и иные формы сексуального насилия влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность» [8]. Так, на государства налагается обязанность по привлечению к ответственности военных преступников, виновных в указанных деяниях. Однако качество исполнения требований Резолюции государством зависит от того, каковы по характеру санкции в случае неисполнения положений международно-правового документа. Исходя из содержания Резолюции Совета Безопасности ООН, ответственность за некачественное исполнение положений отсутствует (ввиду отсутствия международно-правовой ответственности для государств в данном случае). В целом, решить данную проблему можно с учетом «разовой» практики, заложенной в п. 3 Резолюции 2078 (2012) Совета Безопасности ООН. В отношении представителей повстанческого движения М23, а также физических и юридических лиц его поддерживающих, совершавших насильственные действия в отношении гражданского населения в Демократической Республике Конго, были введены санкции (замораживание финансовых активов, запрет на поездки) [9]. Считаем необходимым разработать документ международно-правового характера с учетом положений, указанных в

приведенной Резолюции, в качестве ориентирующего для разработки практики по схожим делам. Например, если, как минимум, будет доказан характер массовости насилия в отношении гражданского населения (пример: насильственные действия вооруженных формирований Украины в отношении гражданского населения в с. Русское Поречное Курской области), то Совет Безопасности ООН вправе принять резолюцию о санкционировании конкретной военной части конкретного государства (как юридического лица) и ее военнослужащих и лиц, им содействующих (как физических лиц).

Ухудшает «контрольную» функцию ослабление институтов государственной власти в рамках вооруженного конфликта, что порождает безнаказанность действий представителей силовых структур. Решение данной проблемы описывали в своей работе правоведы Ю.В. Самович и Е.Ю. Марухно, которые предложили создать орган наподобие «управления собственной безопасности, в чьи обязанности, в том числе, входило бы оперативное реагирование на сообщения о случаях сексуального насилия, совершенных военнослужащими» [10]. Мы, отчасти, солидарны с такой точкой зрения, но предлагаем создать независимые международные контрольные органы (отряды), которые будут предоставлять информацию в Совет Безопасности ООН по тем военнослужащим, которые применили сексуальное насилие в отношении лиц женского пола. В свою очередь, собранная статистическая информация будет оглашаться на заседании Совета Безопасности ООН, где будут применяться конкретные контрольные меры (например, требование о привлечении к ответственности указанных лиц на национальном уровне).

Несмотря на некоторые правовые и практические пробелы в качественной реализации механизма защиты женщин от сексуального насилия во время вооруженных конфликтов, отметим высокую «вспомогательную» роль МККК и его региональных подразделений как международных гуманитарных организаций в данном вопросе. Так, например, МККК «предоставляет медицинские услуги, осуществляет деятельность в области защиты и помощи, ведет просветительскую и профилактическую работу; предоставляет жертвам сексуального насилия экономическую поддержку, стремясь помочь им вернуться к нормальной жизни» [8]. Так, МККК и его подразделения реализуют многопрофильный подход, направленный на защиту прав пострадавших. Данный подход, безусловно, заслуживает признания, однако его эффективность напрямую зависит от двух факторов: доступа МККК ко всем пострадавшим группам населения (включая изолированные районы) и конфиденциальности диалога со сторонами конфликта. Поскольку такие условия не всегда выполнимы на практике, перспективным направлением видится усиление превентивной составляющей: распространение обучающих программ для военнослужащих и включение положений о защите лиц женского пола в мирные соглашения при техническом содействии МККК.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что международно-правовые инструменты защиты женщин от сексуального насилия в период вооруженных конфликтов, несмотря на их формальную разработанность и гуманитарную направленность, сталкиваются с системными проблемами при реализации на практике. Ключевым препятствием выступает

отсутствие эффективных механизмов принуждения государств к исполнению обязательных резолюций Совета Безопасности ООН, что, наряду с ослаблением национальных институтов в зонах конфликтов, порождает атмосферу безнаказанности. Предложенные в статье меры – санкционный инструментарий по аналогии с Резолюцией 2078 (2012) и создание независимых международных контрольных органов для сбора данных и привлечения виновных к ответственности на национальном уровне – могли бы частично восполнить существующие пробелы. При этом высокая вспомогательная роль МККК, реализующего многопрофильный подход к помощи пострадавшим, остается важным, но недостаточным элементом, поскольку его эффективность ограничена доступом к жертвам и конфиденциальностью диалога с конфликтующими сторонами. Перспективным направлением видится усиление превентивной составляющей, включая распространение обучающих программ для военнослужащих и интеграцию положений о защите женщин в мирные соглашения при техническом содействии МККК. Однако, отметим, что пока отсутствует политическая воля государств и реальные механизмы ответственности, любые, даже самые прогрессивные «императивы» будут оставаться декларацией, а не гарантией безопасности женщин в условиях вооруженного конфликта.

Литература

1. Жигалева, Ю. Е. Сексуальное насилие в условиях конфликтов: проблема виктимизации женщин // Juvenis scientia. – 2017. – №. 4. – С. 32-35.
2. Главный правозащитник ООН: гендерное насилие в условиях конфликтов – «бесстыдное попрание законов войны» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465621 (дата обращения: 12.04.2026).
3. Резолюция 1325 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [принята: Советом Безопасности на его 4213-м заседании 31 октября 2000 года] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/womenwatch/ods/S-RES-1325(2000)-R.pdf (дата обращения: 12.04.2026).
4. Резолюция 1820 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [принята: Советом Безопасности на его 5916-м заседании 19 июня 2008 года] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/shestandsforpeace/sites/www.un.org.shestandsforpeace/files/unscr_1820_2008_on_wps_english.pdf (дата обращения: 12.04.2026).
5. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 29 марта 2022 года «Сексуальное насилие в связи с конфликтом» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2022/04/report/81b5ba8183b0bb8cbdbeb5-bdb081b8bbb8b5-b2-81b28fb7b8-81-babebd84bbb8ba/2022-UN-SG-annual-report-on-CRSV-Russian.pdf (дата обращения: 12.04.2026).
6. В ООН сообщили о резком росте числа случаев сексуального насилия в условиях конфликта // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2025/08/1466205 (дата обращения: 12.04.2026).
7. Украинский военный признался в массовых убийствах в Русском Поречном Курской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7462663 (дата обращения: 13.04.2026).

8. Сексуальное насилие во время вооруженного конфликта: вопросы и ответы // Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/ru/document/seksualnoe-nasilie-vo-vremya-vooruzhennogo-konflikta-voprosy-i-otvety (дата обращения: 14.04.2026).
9. Резолюция 2078 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [принята: Советом Безопасности на его 6873-м заседании 28 ноября 2012 года] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/2078(2012) (дата обращения: 12.04.2026).
10. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Сексуальное насилие над женщинами во время вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №. 1 (21). – С. 133-138.

Раздел 6. Инженерные науки

Мурашко И.С. АВТОМАТИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА В КОНТУРЕ B2B-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПЛАТФОРМЕ 1С. Н. рук. Ключкина В.А.

B2B-документооборот – это обмен юридически значимыми электронными документами (договорами, актами) между юридическими лицами и ИП, который автоматизирует процессы и снижает логистические затраты [1].

Однако при отсутствии бесшовной интеграции этого процесса с учетной системой 1С бизнес сталкивается с рядом критических барьеров. Необходимость ручного переноса данных из внешних каналов в 1С приводит к ошибкам из-за человеческого фактора, затягиванию сроков согласования документов и утере оригиналов. В результате компания теряет контроль над статусами сделок и тратит избыточные ресурсы на рутинные операции.

Для устранения этих барьеров было разработано решение, интегрирующее отправку документов непосредственно из интерфейса 1С. Это позволяет исключить из цепочки действий ручное скачивание файлов, открытие сторонних почтовых клиентов и повторный ввод адресов контрагентов (Рисунок 1).

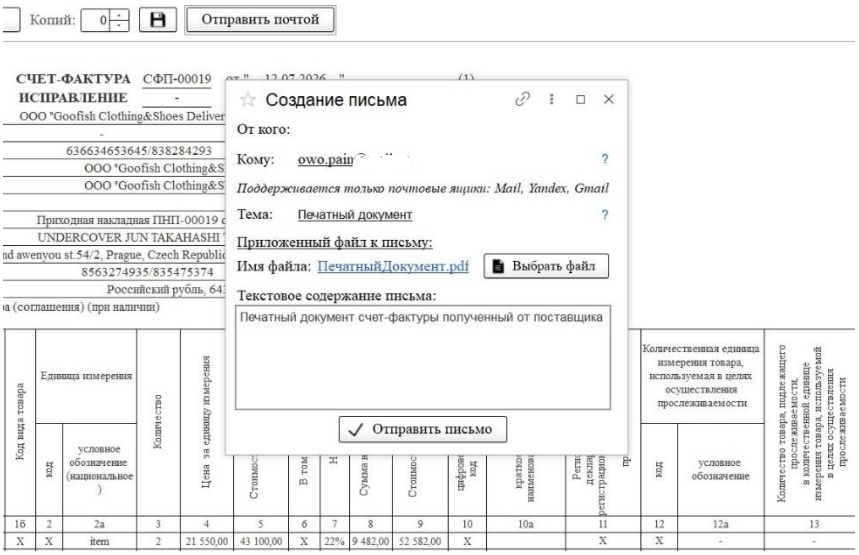

Рисунок 1. – Модуль отправки печатных форм документов из системы 1С

Система автоматически выполняет конвертацию текущей печатной формы документа в формат PDF и автоматически прикрепляет его к письму. Дополнительно формирует тему письма и сопроводительный текст, сводя участие пользователя к одному клику на кнопку отправления.

Это достигается за счет создания и конфигурации защищенного SMTP-профиля с использованием SSL-шифрования для безопасной авторизации на почтовом сервере [2]. Также последует автоматическое формирование объекта интернет-сообщения, в котором динамически заполняются параметры отправителя, получателя, темы и самого текста письма (Рисунок 2).

```
Профиль = Новый ИнтернетПочтовыйПрофиль;
Профиль.АдресСервераSMTP     = "smtp.mail.ru";             //Документооборот посредством почты Mail.ru
Профиль.ПортSMTP             = 465;                        //Порт шифрования
Профиль.ПользовательSMTP     = "***********@mail.ru";      //Адрес зарегистрированного отправителя
Профиль.ПарольSMTP           = "**********************";   //Профиль регистратора почты
Профиль.ИспользоватьSSLSMTP = Истина;
Профиль.АутентификацияSMTP  = СпособSMTPАутентификации.ПоУмолчанию;
Письмо = Новый ИнтернетПочтовоеСообщение;
Письмо.Отправитель     = "*************@mail.ru";
Письмо.ИмяОтправителя = "UNDERCOVER TM";
Письмо.Получатели.Добавить(Кому);
Письмо.Тема = ТемаПисьма;

Письмо.Тексты.Добавить(ТекстПисьма, ТипТекстаПочтовогоСообщения.ПростойТекст);
```

Рисунок 2. – Настройки SMTP-профиля в 1С

Результат выполненной интеграции отражается на стороне получателя (рисунок 3) и отправленное из 1С письмо мгновенно доставляется в почтовый ящик адресата.

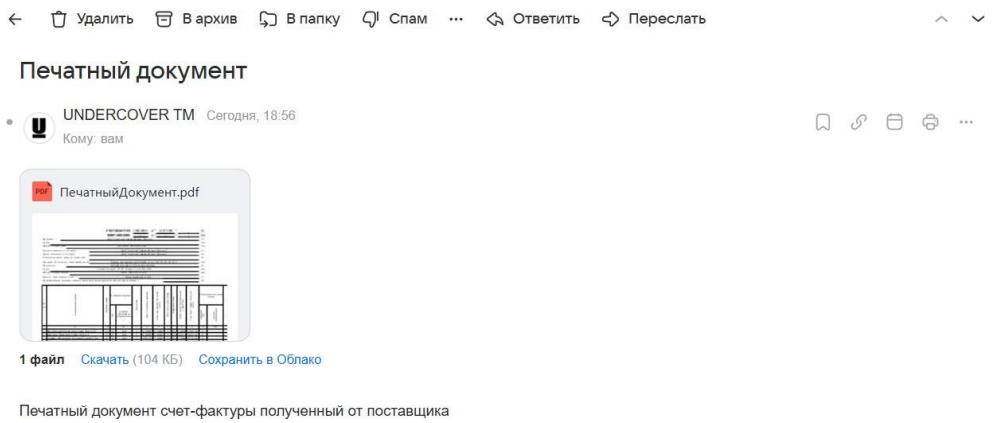

Рисунок 3. – Результат отправления документа через модуль писем.

Исходя из Рисунка 3, все переданные данные полностью соответствуют заданным параметрам: отображается корректное имя отправителя, тема сообщения и сопроводительный текст. К письму прикреплен готовый PDF-файл печатной формы документа, который контрагент может сразу скачать, распечатать или загрузить в свою систему учета.

Для построения полноценного B2B-контура автоматизации недостаточно просто отправлять файлы – необходим двусторонний обмен данными. Система должна уметь оперативно получать документы от контрагентов и регистрировать их в базе.

Эта задача решается за счет настройки входящего канала связи по протоколу IMAP (Рисунок 4).

```
Профиль = Новый ИнтернетПочтовыйПрофиль;
Профиль.АдресСервераIMAP = "imap.mail.ru";             //Сервер получения
Профиль.ПортIMAP = 993;
Профиль.ПользовательIMAP = "*************@mail.ru";    //Почта получатель
Профиль.ПарольIMAP = "***************************";    //Профиль регистратора почты
Профиль.ИспользоватьSSLIMAP = Истина;
Почта = Новый ИнтернетПочта;
Почта.Подключиться(Профиль, ПротоколИнтернетПочты.IMAP);

ПараметрыОтбора = Новый Структура;
ПараметрыОтбора.Вставить("Прочитанные", Ложь);
```

Рисунок 4. – Настройки IMAP-соединения для получения входящих документов

Это достигается за счет программного конфигурирования входящего профиля с защищенным SSL-подключением к почтовому серверу и инициализации сессии через объект ИнтернетПочта [3].

Подход позволяет 1С в автоматическом режиме опрашивать почтовый ящик, находить новые письма от партнеров, распознавать вложения и загружать входящие документы напрямую в учетную систему без участия человека.

Для тестового сообщения достаточно взять тот же документ и повторно отправить его на изначальный ящик. Для этого загрузим файл, запишем текстовое сообщение и отправим письмо (Рисунок 5).

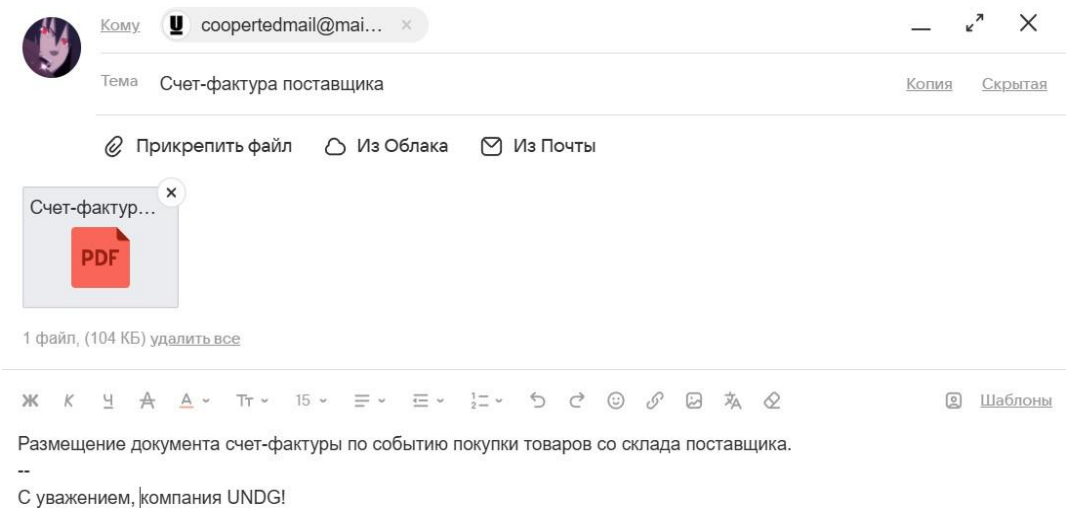

Рисунок 5. – Создание тестового входящего письма

После того как письмо со стороннего ящика было отправлено – оно появилось в системе 1С. На Рисунке 6 наглядно показано успешно полученное входящее сообщение с вложенным файлом. Форма письма содержит тему, дату отправления и другие содержательные поля присущие электронному письму. Входящее письмо зафиксировано в специальном регистре сведений.

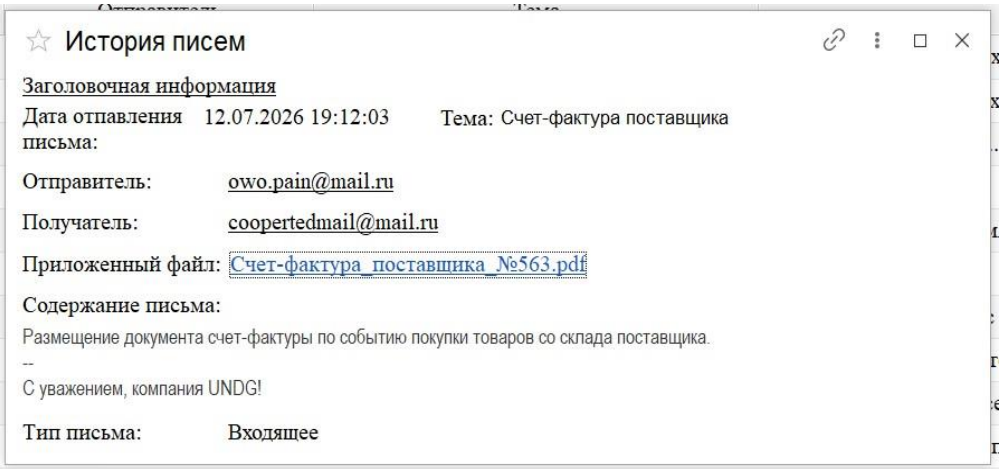

Рисунок 6. – Входящее электронное письмо с вложенным файлом.

Результатом данного исследования стала разработка системы двустороннего B2B-документооборота непосредственно в контуре 1С на базе стандартных почтовых протоколов SMTP и IMAP. Созданное решение полностью автоматизирует процессы генерации и отправки печатных форм в формате PDF, а также распознавания входящей корреспонденции, исключая ручной труд и снижая риск ошибок.

Литература

1. Электронный документооборот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sberbusiness.live/publications/edo.
2. Радченко М.Г., Хрусталева Е.Ю. 1С:Предприятие 8.3. Практическое пособие разработчика. Примеры и типовые приемы. – Москва: ООО «1С-Паблишинг», 2017. – 656 с.
3. Работа с интернет-технологиями на платформе «1С:Предприятие» [Электронный ресурс]. Информационно-технологическое сопровождение (1С:ИТС). – Москва: ООО «1С-Паблишинг», 2026. – Режим доступа: https://its.1c.ru/db/metod8dev.

Научное электронное издание
сетевого распространения

ВЕСТНИК СНО – 2026

Сборник студенческих научных работ

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 18.11.2026.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 5,3 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48